

ФАНТАСТИКА

1967

Сборник

Издательство ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“ 1968

ФАНТАСТИКА 1967

Альтов Генрих
Балабуха Андрей
Булычев Кирилл
Войскунский Евгений,
Лукодьянов Исай
Гансовский Север
Горбовский Александр
Евдокимов Александр
Жемайтис Сергей
Зубков Борис,
Муслин Евгений
Клименко Михаил
Михановский Владимир
Немченко Лариса,
Немченко Михаил
Платонов Андрей
Пухов Михаил
Розанова Лилиана
Савченко Владимир
Сапожников Леонид
Скайлис Андрей
Сошинская Кира
Филановский Григорий
Фирсов Владимир
Щербаков Владимир
Яров Ромэн

Москва, Баку, Киев, Ленинград, Рига, Свердловск, Харьков, Челябинск

Составитель
Р. ПОДОЛЬНЫЙ

Художник
А. ГАНГАЛЮКА

Редактор
Г. ЕРЕМИН

Р2
Ф22
7—3—2

Только что мы отпраздновали пятндесятилетие Велнкой Октябрьской социалистической революции. Целых пятьдесят лет теперь за плечамн н у большой советской лнтературы и у полиоправной части ее — советской научной фантастики. Вполие отдавая себе отчет в том, что фантастнка еще ие сумела достичь высот, завоеваиных другнмн жаирами большой советской литературы, мы, ее поклоиникн, гордимся, что во всем мире сегодия переводятся кннги ие только Горького, Шолохова, Паустовского, Леоиова, ио и Беляева, Ефремова, братьев Стругацкнх, Днепрова и многнх других.

Советская фантастика служнт иашему общему делу — борьбе за построеине коммунизма.

Важиость фаитастикн сейчас вряд ли иужно доказывать.

И ие зря Владнмир Ильич Ленин предлагал тему научиофантастического романа одиому из первых русских фаитастов, учеиому и революцнонеру А. А. Богданову.

Маркснзм-леннннзм вооружил советских фаитастов своим методом позиання действительиости, он помогает им видеть возможиые пути развнтия общества. Советская власть шнроко поддержала иаучную, социальную фантастику в первые же годы своего существоваиня. О конкретных примерах этого легко судить по ошеломляющему

своей значимостью списку вышедших в то время рассказов, повестей, романов, стихов, фильмов (вы найдете этот список в конце сборника).

Последнее десятилетие стало временем нового расцвета советской научно-фантастической литературы. Не чураясь родства и соседства с другими жанрами, она все четче выделяется собственным «лица не общим выраженьем».

Вы, наверное, заметили, что в фантастических произведениях последнего времени стало гораздо меньше шпионов. И одновременно среди героев советской фантастики становится все меньше людей с экзотически-иностранными именами и фамилиями. Все чаще основное действие произведений наших фантастов развивается теперь на родной земле, которую авторы наверняка знают несравненно лучше, чем землю чужую. А уж если писатели и обращаются к тому, что на языке редакторов называется иностранным материалом, то, как правило, для решения серьезных, а не надуманных проблем, не потому только, что за границей, мол, все возможно. В большинстве своем фантасты поняли, что их произведения могут и должны быть интересными и без помощи детектива или пышной экзотики далеких стран.

Зато все шире круг социальных и научных вопросов, занимающих наших фантастов, все серьезнее и новее проблемы, за разрешение которых они берутся.

В какой-то мере, как нам кажется, эти тенденции отражает и содержание сборника, который сейчас лежит перед вами.

* * *

Из двадцати шести писателей, чье творчество представлено здесь, шестнадцать впервые печатаются на страницах нашего альманаха, а шестеро вообще впервые пробуют себя в жанре фантастики. А для четверых — ленинградца А. Балабухи, челябинца М. Клименко, москвича М. Пухова и киевлянина Л. Сапожникова — это первый дебют в литературе вообще.

Пусть случится!

I

В произведениях, объединенных здесь, писатели говорят о великих возможностях человека нынешнего дня и показывают добрый и прекрасный мир будущего. Они воспевают власть человека над собой и планетой, славят прекрасное грядущее человечества. Но предупреждают: никогда не будет на земле ленивого покоя и сонной благодати, люди рождены, чтобы решать проблемы и бороться.

Г. Альтов — один из известных советских фантастов. Рассказ «Создан для бури» интересен не только фантастическими идеями, но и широтой охвата философских проблем.

Е. Войскунский и И. Лукодьянов в печатающемся здесь отрывке из повести «Плеск звездных морей» выступают, пожалуй, как утописты. Перед нами проходят картины будущего — прекрасного не только благодаря высокой технике и научному могуществу человека, но прежде всего потому, что люди будущего близки друг другу. Одна мысль о том, что условия планеты Венеры могут делать ее поселенцев равнодушными, вызывает среди них панику. Равнодушие к другим — вот чего больше всего боятся эти люди XXI века!

Выбор между долголетием и делом жизни может стоять перед человеком и в будущем — утверждают в своем рассказе «Двери»

Л. и М. Немченко. Только решаться он будет совсем по-другому. Но лучшие будут, как и в наше время, выбирать дело жизни. Фантасты Л. и М. Немченко — из Свердловска, там же вышла первая их фантастическая книга. Писатель С. Жемайтис до сих пор выступал в основном в жанре приключенческой литературы. «Рассказ для детей» — отрывок из его первой научно-фантастической повести. Вот она, современная сказка!

Л. Розанова — кандидат биологических наук, автор хорошей книги вовсе не фантастических рассказов. В двух историях о Евгении Баранцеве остроумные фантастические идеи отнюдь не самоцель. Прошлое в человеке не выдерживает испытания при встрече даже с вещью, появившейся из будущего, — вот смысл рассказа «Весна — лето 2975 года». А прочитав рассказ «Предсказатель прошлого», поневоле задумаешься: сколько в твоей жизни было моментов, способных повернуть ее совсем по-другому? И правильно ли ты сделал, что миновал эти повороты? Фантастика Розановой прежде всего заставляет читателя внимательнее присмотреться к самому себе.

Несколько произведений В. Фирсова уже знакомо вам по альманахам и журналам. Наверное, всем окажется близка идея его рассказа «Только один час». Людям свойственно чувство благодарности. А будущее будет чувствовать себя в долгу перед теми, кто его создал, перед людьми настоящего и прошлого. Оно захочет отдать им свой долг. И — может быть! — окажется в состоянии это сделать.

Рассказ киевского педагога и писателя Г. Филановского «Чистильщик» можно было бы, пожалуй, назвать и юмористическим. Но гораздо сильнее все же его лирический настрой. Не только человечество будущего сможет совершить многое — каждый отдельный человек получит от общества колоссальные творческие возможности. Светло и чисто в мире, созданном на страницах этого рассказа. В нем хотелось бы побывать...

И это же можно сказать о нелепом, но добром мире рассказа «Как начинаются наводнения» московского ученого, кандидата исторических наук Кир. Булычева. Пусть меняются местами река и небо, причины и следствия, но добро и зло никогда местами не поменяются — добро победит...

создан для бури

Генрих Альтов

Истинная цель человеческого прогресса — это чтобы люди вырвали у природы (и прежде всего у той части природы, которая управляет их собственным организмом) то, что им странным образом недоступно и от них скрыто. Победить свое незнание — вот, по моему мнению, единственное и истинное назначение людей, как существ одаренных способностью мыслить.

Веркор

— Это и есть наш корабль, — сказал Осоргин-старший. — Мы тут посовещались и дали ему хорошее имя — «Гром и молния». Вот эта, нижняя, часть — «Гром», а планер — «Молния». Значит, в совокупности «Гром и молния». Если конечно, вы не возражаете. Как заказчик.

«Гром и молния», — подумал я, — гром и молния, пятнадцать человек на сундук мертвеца,

а также сто тысяч чертей» Похоже, это сооружение никогда не сдвинется с места. Корабль без двигателя. Овальная платформа, выкрашенная пронзительной желтой краской. На платформе — обыкновенный планер. Малиновый планер на желтом диске. И все».

Я ответил машинально:

— Не возражаю. Отчего же мне возражать...

«Горит мой эксперимент! — вот о чем я думал. — Горит самым натуральным образом».

— Очень удачное название, — подтвердил вежливый Каплинский. — Звучное. В таком... э... морском стиле.

Осоргин-старший одобрительно взглянул на него.

— Вы тоже со студии? — спросил он.

Я быстро ответил за Каплинского:

— Да, конечно. Михаил Семе́нович тоже работает для этого фильма.

Похоже, это полный крах. А ведь они внушали такое доверие: этот Осоргин-старший с его прекрасной адмиралмакаровской бородой и Осоргин-младший с такими интеллектуальными манерами.

— А вы все худеете, — благожелательно сказал Осоргин-старший. — Ну ничего, здесь отдохнете. Здесь у нас хорошо, спокойно. Вам бы с дороги искупаться. А потом соответственно закусить. Видите палатку? Там мы вас обоих и устроим. Поутру, если трасса будет свободна, махнем на тот бережок. — Он вдруг рассмеялся. — Ребята думали, вы прибудете со всем хозяйством, ну, с аппаратами и, это... с кинозвездами. А вы вдвоем... Без кинозвезд, — вот что огорчительно... Так вы купайтесь.

Увязая в белом песке, мы бредем к заливчику, и Каплинский восторженно взмахивает руками.

— А ведь здесь и в самом деле хорошо, — говорит он. — Просто здорово, что вы меня сюда вытащили! Пять лет не был на Черном море.

— Это Каспийское море, Михаил Семенович, — терпеливо поясняю я. — Каспийское. Понт Хазарский, как говорили в старину.

Сняв очки, Каплинский удивленно смотрит на волны.

— Никогда здесь не был, не приходилось, — говорит он. — Э, да все равно! Понт как понт. Давайте окунемся, а? Меня, кажется, опять немного искрит...

«Сумасшедший дом, такой небольшой, но хорошо организованный сумасшедший дом! Каплинского то и дело искрит. Все-таки хорошо, что я не оставил Каплинского в Москве!..»

Купаться мне совсем не хочется. Наскоро окунувшись, я выбираюсь на берег и валюсь в раскаленный песок.

Отсюда хорошо видна суета вокруг «Грома и молнии». Шесть человек легко поднимают желто-малиновое сооружение. Даже на

воду «Гром и молния» спускается как-то несерьезно, на нелепой тележке. А если прямо спросить: почему нет двигателя? Планер в конце концов вместо кабины. Допустим, он еще нужен для управления. А двигаться должен диск. Но с какой стати он будет двигаться? С какой стати этот диск даст шестьсот километров в час?..

Нет, спрашивать нельзя. Это нарушит чистоту эксперимента. Если Осоргин захочет, он объяснит сам. А пока лучше думать о другом...

Воскресенье, полдень. Что сейчас делает Васса? Васса, Васька...

Мы собирались на два дня в Батурин, полазить по развалинам, — это очередное ее увлечение. Июль, вон как припекает солнце... Наши квартиры — в одном подъезде. Когда-то я, степенный десятиклассник, водил Ваську в школу, в третий класс, и слушал ее рассуждения о жизни. Жить, говорила Васька, стоит только до двадцати трех лет, потом наступает старость, а она лично не собирается быть старухой. «Видишь ли, — снисходительно говорила Васька, — такая уж у меня программа». Теперь ей оставался год до старости. и, если бы мы поехали в Батурин, я поговорил бы о программе. «Послушай, Васька, — сказал бы я мужественно и грубовато, как принято у героев ее обожаемого журнала «Юность». — Послушай, Васька, приближается старость, такое вот дело, давай уж коротать век вдвоем...»

Сейчас «Гром и молния» упадет с тележки, ну что за порядки, черт побери!

Осоргин бегает, кричит, машет руками. В Москве Осоргин-старший выглядел чрезвычайно внушительно. Здесь же он похож на старого азартного рыбака: без рубашки, босой, в подвернутых до колен парусиновых штанах.

Шестьсот километров в час — и без двигателя. Мистика! Но ведь Осоргин на что-то рассчитывает!

Сзади слышен шум. Каплинский, пофыркивая, выбирается из воды.

— Как вы думаете, Михаил Семенович, — спрашиваю я, — почему на этом корабле нет двигателя?

— Все хорошо, — невпопад отвечает Каплинский. — Да, да, все так и должно быть.

Я оборачиваюсь и внимательно смотрю на него. Он стоит передо мной — кругленький, розовощекий, в мешковатых, чуть ли не до колен, трусах — и виновато улыбается, щуря близорукие глаза. Бывший маменькин сынок.

— Все правильно, — говорит Каплинский. — Знаете, я могу не дышать под водой. Сколько угодно могу не дышать. Да. Непривычно все-таки. Хотите, я вам покажу?

* * *

Когда-то я тоже был маменькиным сынком — таким тихим,

книжным мальчиком. Отца я видел не часто: он искал нефть в Сибири. Мать работала в библиотеке; я должен был приходить туда сразу же после уроков. Считалось, что там мне спокойнее заниматься. И вообще там со мной ничего не могло случиться.

Библиотека принадлежала учреждению, ведавшему делами нефти и химии. Время от времени учреждение делилось на два учреждения: отдельно — нефти и отдельно — химии. Тогда начиналось, как говорила мать, «движение». Библиотеку закрывали и тоже делили. Столы в читальном зале сдвигали к стенам, на полу раскладывали старые газеты и сооружали из книжных связок две горы. Вершины гор поднимались куда-то в невероятную высь, к самому потолку. По комнатам, жалобно поскрипывая, бродили опустевшие стеллажи. Только кадка со старым неинвентарным фикусом сохраняла величественное спокойствие. В периоды разделения кадка служила пограничным столбом между нефтью и химией. Впрочем, к границе относились несерьезно, поскольку все знали, что через год или два непременно произойдет очередное «движение».

Но вообще библиотека была тишайшим местом. Здесь со мной действительно ничего не могло случиться. И не случилось. Просто я стал читать раз в пять (а может, и в десять) больше, чем следовало бы.

Я ходил в библиотеку девять лет — со второго класса. Библиотека была научно-техническая, и в книгах я смотрел только картинки. Когда это надоедало, я потихоньку удирал к дальним стеллажам и играл в восхождение на Эверест.

Не так легко было забраться на четырнадцатую, самую верхнюю, полку. Я штурмовал угрожающе раскачивающийся стеллаж, поднимался до восьмой и даже до девятой полки, и тут стеллаж начинал вытворять такое, что я едва успевал спрыгнуть.

В те годы мне часто снилась четырнадцатая полка: я лез к ней, падал и снова лез... Надо было добраться до нее, чтобы доказать себе, что я это могу. В конце концов я добрался и поверил в себя, просто несокрушимо поверил.

Восхождения вскоре пришлось прекратить: слишком уж подозрительно стали потрескивать подо мной полки. Но к этому времени я знал все книги в библиотеке — по внешнему виду, конечно. Если что-то упорно не отыскивалось, обращались ко мне.

Сейчас у меня первый разряд по альпинизму. Да и со штангой я неплохо работаю: пригодилась практика, полученная при «движениях», когда надо было перетаскивать книги и переставлять стеллажи.

Первую книгу я читал всю зиму. Это был внушительный том в корректном темно-сером пере-

плете, напоминавшем добротный старинный сюртук. Книга называлась многообещающе — «Чудеса техники». Надпись на титульном листе гласила: «Общедоступное изложение, поясняемое интересными примерами, описанными не техническим языком». И ниже: «Со многими рисунками в тексте и отдельными иллюстрациями, черными и раскрашенными». Вообще титульный лист был испещрен странными и даже таинственными надписями в таком примерно духе: «Одесса, 1909 год Типография А. О. Левинтов-Шломана. Под фирмою «Вестник виноделия». Большая Арнаутская, 38». Подумать только — 1909 год! Этот А. О. Левинтов-Шломан представлялся мне отчасти похожим на Менделеева, отчасти на Льва Толстого (их портреты висели в библиотеке), и я огорчился, узнав впоследствии, что А. О. означает акционерное общество.

В книге было много портретов — великолепных портретов благообразных стариков, сотворивших все чудеса техники. Старики имели прекрасные волнистые бороды и гордо смотрели вдаль. Черные и раскрашенные картинки изображали технические чудеса: воздушные шары, пароходы, керосинки, трамваи, электрические лампы, аэропланы.

Не знаю, возможно, книги по истории вообще должны быть старыми, с пожелтевшими от времени страницами. Пирамиды и гладиаторы в моем новеньком учебнике выглядели как-то неубедительно, в них совсем не ощущалось возраста. Гладиаторы, например, походили на жизнерадостных парней с обложки журнала «Легкая атлетика». Совсем иначе было, когда я открывал «Чудеса техники» и, осторожно приподняв лист шуршащей папиросной бумаги, рассматривал, скажем, «На железоделательном заводе. С картины Ад. Менцеля», или «Особой силы нефтяной фонтан Горного товарищества, имевший место в сентябре 1887 года. По фотографии».

Как-то при очередном «движении» «Чудеса техники» были списаны вместе с другими устаревшими книгами. Я взял «Чудеса» себе, потому что собирал марки, посвященные истории техники. А может быть, наоборот: книга и навела меня на мысль собрать эти марки.

— Умные люди, — сказала однажды мать, — подсчитали, что человек в течение жизни одолевает три тысячи книг. А ты за год прочитал тысячу. Ужас! Посмотри на себя в зеркало. Ты худеешь с каждым днем.

— Умные люди, — возразил я, — подсчитали также, что тощий человек живет в среднем на восемь лет дольше толстого.

(С той поры прошло изрядно времени, но ни разу мне не сказали, что я поправился. Всегда говорят: «А вы что-то похудели». Загадка природы! Если наблюдения верны, у меня должен быть

уже солидный отрицательный вес.)

— Ты доиграешься... — предупредила мать. — Нельзя так много читать.

Она была права. Я доигрался...

* * *

Есть испанское выражение «день судьбы». День, который определяет жизненный путь человека. Для меня этот день наступил, когда я добыл редкую швейцарскую марку с изображением старинного телескопа. Надпись на марке была непонятна, и, естественно, я обратился к «Чудесам техники». День судьбы: я вдруг совсем иначе увидел читаные-перечитаные страницы.

Очки и линзы применялись за триста лет до появления телескопа. А первый телескоп представлял собой, в сущности, простую комбинацию двух линз. Труба и две линзы — только и всего! Даже просто палка, элементарная палка с двумя приделанными к ней линзами.

Почему же за три столетия — за долгих триста лет! — никто не догадался взять двояковыпуклую линзу и посмотреть на нее через другую линзу, двояковогнутую?!

Открытия, сделанные благодаря телескопу, тысячами нитей связаны с развитием математики, физики, химии. От гелия, обнаруженного сначала на Солнце, тянется цепочка открытий к радиоактивности, атомной физике, ядерной энергии...

От этой мысли мне стало жарко.

«Спокойствие, сохраним спокойствие», — сказал я себе и пошел искать мороженое. Но не так-то просто было сохранить спокойствие; кто бы мог подумать, что величественные старцы из «Чудес техники» творили чудеса с опозданием на сотни лет! Вся история науки и техники выглядела бы иначе, появись телескоп на двести или триста лет раньше.

Да что там история науки и техники! Изменилась бы история человечества. Ведь именно телескоп открыл людям необъятную вселенную с ее бесчисленными мирами. В тот момент, когда кто-то впервые взял две линзы и посмотрел сквозь них на небо, был подписан приговор религии, началась новая эпоха человеческой мысли, колесо истории завертелось быстрее, намного быстрее!

И тут я испугался.

Потрясающая идея держалась только на одном факте. Идея была подобна воздушному шару, привязанному к тонкой ниточке. Шар вот-вот улетит, это будет горе, потому что тяжело и даже страшно потерять такую изумительную вещь.

Я забыл о мороженом.

Вернувшись в библиотеку, я отобрал десятка полтора книг по астрономии. Да, день судьбы: в первой же книге я прочитал, что менисковый телескоп, изобретенный в двадцатом веке, тоже мог появиться на двести-триста

лет раньше. Астрономическая оптика, писал изобретатель менисковых телескопов Максутов, могла пойти по совершенно иному пути еще во времена Декарта и Ньютона...

Несколько дней я жил как во сне. Все предметы вокруг меня приобрели особый, загадочный смысл.

Подумать только: триста лет люди держали в руках обыкновенные линзы — и не понимали, не чувствовали, что это ключ к величайшим открытиям!

Сейчас на моем столе лампа, моток проволоки, пластмассовый шарик, транзисторный приемник, резинка. Обыкновенные вещи. Но кто знает: а вдруг из этого можно сделать нечто такое, что должно появиться лет через двести-триста?..

Так возникла идея опыта.

* * *

В моем случае довольно точно сработал «закон Блэккета», по которому реализация любого проекта требует в 3,14 раза больше времени, чем предполагалось вначале. Когда-то я рассчитывал на три года: казалось, этот срок учитывает все непредвиденные трудности. Понадобилось, однако, девять лет, чтобы приступить к опыту; и теперь я знаю, что мне еще крупно повезло.

Было же такое идиллическое время, когда экспериментатор покупал кроликов на рынке. Завидую! Я собирался экспериментировать над наукой — это не кролик. Девять лет, конечно, не пропали: я до мельчайших деталей разработал тактику опыта.

Девять плюс семь на окончание школы и университета. Я думал об опыте еще в то время, когда слова «наука о науке», «научная организация науки» были пустым звуком. Мне даже казалось, что я первым понял необходимость науковедения. Тут я, конечно, ошибался: термин «наука о науке» появился в тридцатые годы. Не было только профессиональных науковедов Всего-навсего. Но спрашивается: куда пойти после школы, если науковедческих институтов нет, а я твердо знаю, что науковедение мое призвание?.. Одно время я подумывал о психологическом факультете ЛГУ. Психология ученых — это уже близко к науковедению. Потом я решил, что основы психологии можно освоить за год, а специальные разделы пока не нужны.

Я окончил механико-математический факультет — и, кажется, не ошибся: математика облегчает понимание других наук. Худо было после университета. Науковедение еще не считалось специальностью, я переходил с места на место, что совсем не способствовало укреплению моей репутации. Временами я соглашался с Васькой: сложно жить после двадцати трех лет. Не мог же я каждому втолковывать, что возникает новая отрасль знания и мне просто необходимо покопаться в большом механизме

науки, самому увидеть — что и как.

Забавны были науковедческие конференции тех лет. Собирались мальчишки и несколько корифеев, оставшихся в душе мальчишками. Солидные ученые среднего возраста отсутствовали. На кафедру поднимались мальчишки и читали ошеломляющие доклады. Корреспонденты неуверенно щелкали «блицами»: как быть, если человек, выступивший с докладом «Методология экспериментов над наукой», работает младшим научным сотрудником в каком-то второстепенном гидротехническом институте?..

Еще не было ни одной науковедческой лаборатории. Мы составляли, применяя термин Прайса, «незримый коллектив». Мы работали в разных городах, но поддерживали постоянные контакты и вели совместные исследования. Что ж, у «незримого коллектива» есть и свои преимущества. В нем не удерживаются дураки и карьеристы.

Так продолжалось почти шесть лет. У себя на службе я был рядовым сотрудником, но, когда кончался рабочий день, я шел в незримую лабораторию своего незримого института — и тут все было иначе...

Ну, а потом организовали первую науковедческую группу. Мы собрались в пяти пустых комнатах, из которых только что выехало какое-то учреждение, оставившее на стенах плакаты по технике безопасности: «Сметай только щеткой» (стружку), «Отключи, затем меняй» (сверло) и «Осмотри, потом включай» (станок). Плакаты привели в умиление нашего шефа. Он распорядился не снимать их, в результате чего мобилизующие призывы прочно вошли в наш жаргон. Когда я впервые изложил шефу идею своего опыта, он фыркнул и коротко сказал: «Сметай щеткой!»

Это было азартное время. Чертовски интересно, когда на твоих глазах возникает новая наука! Кажется, что держишь в руках волшебную палочку. Новые методы на первых порах почти всемогущи. Взмахнул палочкой — и стали ясными связи между отдаленными явлениями. Взмахнул еще раз — и рассеялся словесный туман, прикрывающий незнание.

Мы работали как черти, потому что появилась еще одна науковедческая группа, а шеф прекрасно умел подогревать спортивные страсти. Он называл того шефа — «кардиналом», его сотрудников — «гвардейцами кардинала», нас — «мушкетерами». Клянусь, этот нехитрый прием повышал энтузиазм процентов на двадцать, не меньше!

Однажды я спросил: какие мы мушкетеры — из какого тома. Шеф мгновенно сообразил, в чем дело, и елейным голосом заверил, что мы, разумеется, из «Трех мушкетеров» — молодые и почти бескорыстные.

— Надобно различать два типа

молодых ученых, — наставительно сказал шеф. — Для одних идеалом является эдакий душка от науки: молодой и удачливый профессор, всеми признанный, доктор наук в двадцать шесть или двадцать восемь лет. А для других — тоже молодой, но непризнанный Циолковский. «Гвардейцы кардинала» все хотят быть молодыми профессорами. И будут. Он таких подобрал... благополучных.

Вероятно, это тоже входило в программу подогревания нашего энтузиазма.

— А как мой опыт? — спросил я.

— Со временем, — быстро ответил шеф. — Ибо сказано: «Осмотри, потом включай».

Я напомнил, что мушкетеры иногда обходились без разрешения начальства. Шеф пожал плечами.

— Между прочим, вы совсем не мушкетер. Вот Д. и Н. — мушкетеры. Азартные люди. — А потом спросил: — Вас я, признаться, не понимаю. Чего вы, собственно, добиваетесь? В чем ваша суть? Давайте начистоту.

Это в манере шефа: мгновенно перейти от шуточек к полному серьезу. И вопросы в упор тоже в его манере. Попробуй ответить, в чем твоя суть и чего ты хочешь...

Итак, чего же я хочу?

...В тот вечер, когда появилась мысль о линзах и телескопе, я вышел на улицу. Отправился искать мороженое, забыл о нем и долго стоял перед кассой Аэрофлота. Не знаю, почему я остановился именно там. Где-то наверху вспыхивали, гасли и снова вспыхивали неоновые слова: «Летайте самолетами Аэрофлота!»

Двадцатый век, можно летать самолетами Аэрофлота! А ведь запоздай телескоп не на триста, а на четыреста или пятьсот лет, — и не было бы ни самолетов, ни Аэрофлота. Век бы остался двадцатым, но на уровне девятнадцатого. Или восемнадцатого. Да, не будь нескольких главных изобретений, в том числе телескопа, я бы жил в другой эпохе. Мимо меня проезжали бы сейчас не автомобили, а кареты. И сама улица была бы иной. Без асфальта. Без этих высотных домов. И без света, без люминесцентных ламп, без неоновой рекламы.

«Летайте самолетами Аэрофлота!» Надпись гаснет, потом наверху что-то щелкает, и вновь возникают слова: щелк — «Летайте», щелк — «самолетами», щелк — «Аэрофлота!».

А если бы телескоп появился раньше — совсем без всякого опоздания?

Потрясающая мысль! Только бы она не ускользнула.

«Летайте...»

«Летайте самолетами...»

Телескоп был создан с опозданием на триста лет — и вот я живу в двадцатом веке. Так. Очень хорошо! Ну, а если бы не было никакого опоздания? Если бы вообще все главные изобретения появились вовремя? Тогда

двадцатый век, оставаясь двадцатым по счету, стал бы по уровню двадцать первым или двадцать вторым.

Вот ведь что получается! Всего-навсего «Летайте самолетами Аэрофлота!». А могло быть: «Летайте ракетами Космофлота!» Или «Нуль-транспортировка на спутники Сатурна — дешево, удобно, выгодно».

Я мог бы жить в двадцать втором веке. Мог бы загорать на Меркурии. Учиться в каком-нибудь марсианском интернате, ходить на лыжах по аммиачному снегу Титана...

Обидно...

«Летайте...»

«Летайте самолетами...»

«Летайте самолетами Аэрофлота!»

Не хочу летать самолетами. Я полечу на чем-нибудь другом — из двадцать второго века.

Только бы додумать эту мысль до конца! Только бы додумать!..

— Так вот: сегодня тоже что-то опаздывает. Как опаздывал когда-то телескоп. Значит, можно отыскать это «что-то». Отыскать, открыть, сделать...

— Понятно, — говорит шеф.

— Нет, я не объяснил главного. Да и вряд ли смогу объяснить. Знаете, бывает тяга к дальним странам, когда человек готов идти хоть на край света. И вот в тот вечер, на улице, перед вспыхивающей и гаснущей рекламой Аэрофлота я впервые ощутил нечто подобное... Что я говорю, нет, не подобное, а в сотни раз более сильное. Увидеть будущее... Увидеть эту самую далекую страну... Ладно, тут уже лирика, оставим. Я скажу иначе. Нельзя сделать «машину времени» на одного человека, это вздор. «Машина времени» должна быть рассчитана на все человечество — вот что я понял в тот вечер. Надо найти опаздывающие изобретения, они как горючее для этой «машины».

Шеф усмехается.

— В тогдашнем младенческом возрасте вы имели право не думать о социальных факторах. Но теперь-то вы, надеюсь, понимаете, что дело не в одних изобретениях?

— Считайте, что я остался в том же возрасте.

Не слишком гениальный ответ. Сегодня я уже ничего не добьюсь. Шеф уходит, победоносно улыбаясь. Надо было ответить иначе. Да, у «машины времени» несколько рычагов, а я в лучшем случае дотянусь только до одного из них. Пусть так! Ведь это опыт — самый первый опыт!

* * *

Беда в том, что я не мог пробивать опыт обычными путями. Нельзя было спорить, писать, кричать: чем меньше людей знали об опыте, тем больше было шансов на успех.

Здесь надо сказать, что это такое — мой опыт.

Телескоп появился на триста лет позже совсем не случайно.

Счнталось, что лннза искажает изображеине рассматрнваемого сквозь нее предмета. И было так логично, так естественно предположнть, что две линзы тем более дадут нскаженное нзображенне...

Элементарный психологическнй барьер: человек не решается перешагиуть через общепрнзианное. Даже в голову не прнходнт усомниться в пропнсной истиие — она такая прнвычная, такая надежная. А еслн и возннкает еретнческая нскорка, ее тут же гасят опасення. Вдруг не выйдет? Вдруг будут смеяться коллегн? И вообще: зачем отвлекаться н возиться с какими-то соминтельными ндеями, еслн существует множество дел, в отношеиин которых доподлнннно нзвестно, что они вполне иаучны, вполне солндны.

Как нн странно, в историн техникн иет нн одного случая, когда работа велась бы в нормальных условнях. Всегда что-то мешало — н еще как! Величественные старцы с прекрасными волннстымн бородами и гордо устремлениымн вдаль взглядами существовали только на страницах «Чудес техннкн». На деле же былн людн, издерганные непониманнем окружающнх, вечно спешашне, осаждаемые кредиторами. Пытаясь создать иовое, онн неизбежио вступалн в коифликт с научиыми нстинамн своего временн. И надо было, преодолевая неудачн, ежедневно, ежечасно доказывать себе: нет, все ошнбаются, а ты прав, ты должен быть прав... Тут не до гордых взглядов вдаль. Взгляды появлялнсь позже — уснлнями фотографов н ретушеров.

Итак, опыт.

Возьмем ученого, который ие подозревает об опыте. Даднм неограииченные средства. Потратнт он, кстатн, не так уж много. Важен моральный фактор: пожалуйста, можешь тратнть, сколько угодно. Далее. Обеспечнм условня, прн которых не прндется бояться неудач н насмешек. Словом, последовательно снимем все барьеры — псняхологическне, органнзационные, материальные. Пусть человек выложит все, на что способен!

Я говорю об идее зкспериметa, о прннципе. На практнке зто много сложнее: надо правнльно выбрать человека н проблему Точиее — человека с проблемой. В этом вся суть: надо найти человека, разрабатывающего ндею, которая сегодия счнтается нереальной, неосуществнмой. Кто знает, сколько пройдет времеин, пока он получит возможность что-то сделать. А мы — в порядке зкспернмента — даднм ему зту возможность, опережая время. Дадим н посмотрнм: а вдруг выгодно верить в осуществнмость того, что сегодия счнтается неосуществимым?

В конце концов я добился разрешення провестн опыт, но мне ничего не пришлось выбнрать. «Спокойно, не елозьте, — сказал шеф. — Музыку заказывает тот, кто платит».

И мне выдали три архитрудные проблемы.

* * *

Дебют был разыгран хитро.

Я получил кабинет на «Мосфильме» и с утра до вечера ходил по студии, прислушиваясь к разговорам, осваивая киноманеры и вообще входя в роль. Через неделю я вполне мог сойти за режиссера.

Это была хорошая неделя. Счастливое время перед началом эксперимента, когда кажется, что все впереди и можно выбрать любую из дорог. Я до поздней ночи засиживался над своей картотекой. Шесть тысяч карточек с краевой перфорацией, шесть тысяч «подающих надежды» — тут было над чем подумать. Я завел картотеку давно, еще в школьные годы, и постоянно пополнял ее новыми именами ученых, инженеров, изобретателей *.

Для первой задачи в картотеке были только две подходящие кандидатуры — отец и сын Осоргины, потомственные кораблестроители (в карточках значилось: «Осоргин Девятый» и «Осоргин Десятый»).

Я обратил на них внимание, обнаружив в «Судостроении» заметку о шаровых кораблях. Вслед за заметкой появилась разносная статья. Потом идею шаровых кораблей ругали еще в четырех номерах журнала; и я без колебаний занес Осоргиных в свою картотеку. Если техническую идею ругают слишком долго и обстоятельно, это верный признак, что к ней стоит присмотреться.

За пять лет Осоргины трижды возмущали академическое спокойствие солидных журналов. Начинал обычно Осоргин-старший, выдававший очередную сногсшибательную идею. Скажем, так, мол, и так, рыба — не дура, и если ее тело покрыто муцыновой «смазкой», то в этом есть смысл: «смазка» уменьшает трение о воду. Неплохо бы, говорил Осоргин-старший, построить по этому принципу скользкий корабль. Моментально находились оппоненты: уж очень беззащитно выглядела идея — ни расчетов, ни доказательств. Оппоненты вдребезги разбивали идею. Они растирали ее в порошок, в пыль. И тогда появлялась заметка младшего Осоргина под скромным названием:

«Еще раз к вопросу о...» Безукоризненное математическое доказательство принципиальной осуществимости идеи, четкий анализ ошибок оппонентов, фотоснимки моделей скользких кораблей...

Я пригласил Осоргиных на «Мосфильм», и они застали меня на съемочной площадке, обсуж-

* Надежды далеко не всегда оправдывались, но меня интересовали и такие случаи: история болезни может сказать о многом. Впрочем, мои больные отличались завидным здоровьем, жили, работали, остепенялись, продвигались по служебной лестнице и, конечно, не знали, что кто-то перестал считать их подающими надежды и пробил на карточках несколько лишних отверстий.

давшим что-то с оператором *. Все получилось как нельзя лучше: мы прошли ко мне в кабинет; и у Осоргиных не возникло и тени сомнения, что с ними говорит режиссер, натуральный деятель звукового художественного кино.

В коридорах на Осоргина-старшего оглядывалась даже ко всему привычная студийная публика. Уж очень импозантно он выглядел. В шикарной кожаной куртке, монументальный, с прекрасной, расчесанной надвое, адмиралмакаровской бородой, он казался сошедшим со страниц «Чудес техники». На Осоргине-младшем были так называемые джинсы, продающиеся в ГУМе под тихим псевдонимом рабочих брюк, и модерный краснобелый свитер. Все это хорошо гармонировало с небритой, но высокоинтеллектуальной физиономией десятого представителя династии.

— Мы готовимся, — сказал я, — снимать картину о далеком будущем («Понимаете, такая величественная эпопея в двух сериях...»). И вот один из важнейших эпизодов, так уж это задумано по сценарию, должен разыгрываться на борту корабля, пересекающего Атлантику. Использовать комбинированные съемки не хочется, это совсем не тот эффект. — Тут я вскользь и, похоже, к месту упомянул об Антониони, французской «новой волне» и некоторых моих разногласиях с Михаилом Ромом. — Словом, — продолжал я, — нужен принципиально новый корабль («Двадцать второй век, вы же понимаете, должно быть нечто совершенно неожиданное»). Я слышал о шаровых кораблях, великолепная идея, на экране это выглядело бы впечатляюще. Я прямо-таки вижу эти кадры: в бухту вкатывается сферический корабль, эдакий гигантский полупрозрачный шар. К сожалению, шаровые корабли не так уж быстроходны, не правда ли? А нам нужна большая скорость, поскольку натурные съемки являются...

— Что значит — большая? — перебил Осоргин-младший.

— Зачем же так сразу, Володенька? — успокаивающе произнес Осоргин-старший.

Я объяснил (не слишком подчеркивая), что скорость должна соответствовать двадцать второму веку. Километров шестьсот в час. Семьсот. Можно и больше.

— Вот видишь, Володенька, — быстро сказал Осоргин-старший. — Видишь, не так уж и много. Всего триста восемьдесят узлов, даже чуть меньше. Простите, на какой дистанции?

— Вот именно, — подхватил я. — Эпизод рассчитан на пятнадцать минут. Ну, подготовка и всякие там неувязки... Скажем, час. А еще лучше два-три часа, чтобы сразу отснять дубли. Теперь вы видите, что нам не годятся все эти рекордные машины с ракетными двигателями. Вообще корабль должен быть легкий,

* Он доказывал, что «Торпедо» возьмет кубок. Утопия!..

нзящный. Настоящий корабль будущего. А уж мы это обыграем, будьте спокойны, новая техника панорамной съемки позволяет...

Тут я стал объяснять особенности новейшей киноаппаратуры.

В этот момент можно было говорить о чем угодио. Я иаперед зиал все извилины и повороты разговора: десятки раз за эти годы я представлял себе, как это будет. Сиачала обыкиовеиное любопытство, ие больше. Ну, кино, все-таки интересно. Но вот загорается маленькая искорка: а еслн воспользоваться этой возможностью? Так. Затем должны возникиуть опасеиня. Может быть, только показалось, что есть возможность? Искра вот-вот погасиет... И вдруг ярчайшая вспышка: да, да, да, есть шанс осуществить любые ндеи! Вихрь мыслей — невысказаниых, еще только зарождающихся. Так, все правнльно. Теперь должеи последовать вопрос о сроках и средствах. Ну!

— Как это будет выглядеть практнчески? — спрашивает Осоргин-младший.

— Ты, Володеиька, опять так сразу, — укоризненно говорит Осоргии-старший.

Хитер старик! Выговорил своему Володеиьке н сразу замолчал, выиуждая меня ответить.

Что ж, перейдем к делу. Нам не нужен большой корабль. Для съемок достаточна платформа длнной в двеиадцать метров и шнриной метров в пять или шесть. Времени хватит, съемки иачнутся через год, ие раньше. В средствах мы не стеснены. Миллнон, три миллнона, пять. Картииу в первый же год посмотрят минимум сто мнллиоиов зрителей, все легко окупится, простая арифметнка...

Осоргин-старший машинально теребит бороду. Осоргин-младший внимательно разглядывает лампу иа моем столе.

— Ну, решайтесь же!

— А если ие удастся? — спрашнвает Осоргин-младшнй.

Отлично, это критический вопрос. Теперь иадо умиеиько ответить. Сиять опасеиия, пусть ие будет страха перед неудачей. И в то же время иельзя расхолажнвать, иадо заставить нх всемн силами добиваться цели.

Я объясняю, что кино нмеет свои особенностн: иеудачи учитываются зараиее. Мы снимаем каждый эпизод по меиьшей мере трижды — даже если в первый раз артисты сыграли великолепио («Запас прочностн, ничего не поделаешь»). В сценарин предусмотрены три технические иовннки («Тоже своего рода запас прочиости. Нет, нет, морская только одна, остальные, как бы эго сказать, другого профнля»). Мы рассчитываем так: удастся хотя бы одиа новинка — уже хорошо. Публика увидит нтог, никто не упрекнет нас в том, что мы пробовалн разиые возможности. Рекламнровать и обещать зараиее ничего не будем, иеудачные дубли — иаше внутреинее дело.

Осоргины переглядываются («Уж мы-то не будем неудачным дублем!»). Я рассказываю о съемках «Человека-амфнбни». Тогда потребовались цветиые подводиые факелы, понскн подходящего состава велись целый год. Зато какне прекрасные кадры получнлись в фнльме!

— Пожалуй, мы попробуем, — спокойио, даже иесколько небрежно говорнт Осоргнн-младший.

Слишком спокойно, мнлый Володенька, слншком иебрежно! Теперь тебя лнхорадит: только бы этот кнношннк ие передумал...

— Попробуем, почему бы и не попробовать, — соглашается Осоргнн-старшнй, оставив, иаконец, в покое свою бороду.

— У вас есть какая-нибудь ндея? — спрашнваю я.

— У нас есть головы, — поспешно отвечает Осоргни-младшнй.

* * *

От имеин книостудни я послал трн десятка запросов кораблестронтелям — в ннстнтуты и коиструкторскне бюро: не согласнтесь лн взяться за решенне иижеследующей задачи... Восемь ответов содержалн корректиое «иет». В остальиых, кроме «нет», былн еще и эмоцнн. В наиболее темпераментной бумаге прямо спрашнвалось: а вечиый двнгатель вам по сценарию ие нужен?..

Задача была каверзиая. По общепринятым представленням, даже неразрешнмая. Корабль субзвуковых скоростей — об этом и не мечтали. Конструкторы старались лнбо поднять судно над водой, лнбо опустить под воду н заставнть двнгаться в каверне, газовом «пузыре». Все это годнлось только для небольшнх кораблей. Впрочем, скоростн все равно былн невелнки — скажем, сто кнлометров в час. Рожденый плавать — летать не может.

Я ие кораблестроитель монх знанний тут явно ие хватало. И лншь чутье науковеда подсказывало: если путь «вверх» н путь «вннз» исключаются — зиачнт, иадо оставаться на воде. Рожденный плавать — должеи плавать!

Осоргнны не звоннли н не появлялись. Вопреки монм предположениям возинкли осложнеиия и со второй задачей. Трн попытки иайти человека, который взялся бы за решение, ии к чему не прнвели. Мне говорнли: безиадежно, иет смысла браться. Тогда я прнгласнл Миханла Семеновича Каплннского.

...Впервые я увндел Каплннского еще в уинверснтете, когда учился на втором курсе. Одиажды появнлось объявленне, с эпнческнм спокойствием уведомлявшее, что иа кафедре биохнмии будет обсуждаться антиобщественное поведенне аспнранта Каплниского М. С., поставнвшего опыт на себе. Нвже кто-то припнсал караидашом: «Браво, аспнрант!» И еще ниже: «Сбережем белых мышей родному факультету!»

Обсужденне было миоголюдное и бурное, потому что все сразу

воспарили в теоретические выси и стали наперебой выяснять философские, исторические и психологические корни экспериментирования над собой. Каплинский добродушно поглядывал на выступающих и улыбался. Меня поразила эта улыбка; я понял, что Каплинский все время думает о чем-то своем и ничто происходящее вокруг не останавливает идущие своим чередом мысли.

Впоследствии я еще несколько раз встречал Каплинского в коридорах университета, в столовой, на улице. Он с кем-то говорил, что-то ел, куда-то шел, но за этим внешним, видимым угадывалась непрерывная и напряженнейшая работа мысли.

Года через три Каплинский снова поставил эксперимент над собой. Без долгих дискуссий ему предложили уйти из института биохимии. Он вернулся в университет; и вскоре я услышал, что там состоялось новое обсуждение: Каплинский упорно продолжал свои опыты. Впрочем, в нашем добром старом университете обсуждение, как всегда, носило сугубо теоретический характер.

Я не был знаком с Каплинским, хотя иногда встречал его в филателистическом клубе. Насколько можно было судить со стороны, опыты не вредили Каплинскому. Выглядел он превосходно. Вообще за эти годы Михаил Семенович почти не изменился: такой кругленький, лысеющий, не совсем уже молодой мальчик, благовоспитанно поглядывающий сквозь толстые стекла очков. Он собирал польские марки, но и в клубе, среди суетливых коллекционеров, не переставая думать о своем.

Однажды я увидел на макушке Каплинского металлические полоски вживленных электродов. Между прочим, на коллекционеров электроды не произвели никакого впечатления: в клубе интересовались только филателией. Но я отметил в картотеке, что Каплинский подает особые надежды.

Итак, я пригласил Каплинского на студию и произнес свой — уже хорошо заученный — монолог. Запланирована величественная эпопея в двух сериях. Далекое будущее — двадцать второй век. Один из важнейших эпизодов должен показать полет на индивидуальных крыльях. Так уж задумано по сценарию («Понимаете, небольшие крылья, которыми люди будут пользоваться вместо велосипедов...»).

— Очень интересно, — сказал Каплинский, приветливо улыбаясь. — Вместо велосипедов. Пожалуйста, продолжайте.

Он, как всегда, был занят своими мыслями, и я подумал, что будет худо, если задача не попадет в круг его интересов.

— Так вот, — продолжал я, — комбинированные съемки не годятся: современный зритель сразу заметит подделку. Нужен настоящий махолет, способный продер-

жаться в воздухе хотя бы одну-две минуты.

— В воздухе, — задумчиво повторил Каплинский. — Ага! Ну, конечно, в воздухе. Почему бы и нет? Вот что: вам надо обратиться к специалистам. Есть же люди, которые... Ну, которые знают эти махолеты.

Гениальный совет! Специалисты ничего не могут сделать. Такова уж конструкция человеческого организма: не хватает сил, чтобы поддерживать в полете вес тела и крыльев. Пусть крылья будут как угодно совершенны, пусть они даже будут невесомы: человек слишком тяжел, он не сможет поднять себя. Есть только один выход. Надо увеличить — хотя бы на короткое время — силу человека, развиваемую им мощность. Если бы человек был раз в десять сильнее, он легко полетел бы и на тех крыльях, которые уже построены.

— Забавная мысль, — одобрил Каплинский. — А почему бы и нет?

Тут он перестал улыбаться и внимательно посмотрел на меня.

— А ведь вы бываете в филклубе, — сказал он. — Я не сразу узнал, вы что-то похудели...

Мы немного поговорили о марках. Потом я осторожно вернул разговор в старое русло. Если он, Каплинский, нам не поможет, придется перекраивать сценарий, и это будет очень прискорбно

Каплинский встал, прошелся по комнате, остановился у окна. Я поняв, что дело идет на лад, и начал говорить о Феллини, кризисе неореализма и теории спонтанного самоанализа. Он ходил из угла в угол, слушал эту болтовню, что-то отвечал — и все время напряженно думал.

— Забавная мысль, — сказал он неожиданно (мы говорили о новой картине Бергмана). — В самом деле, почему бы не сделать человека сильнее, а? Странно, что я раньше не подумал об этом. Очень странно... Вам ведь не нужно, чтобы человек поднимался слишком высоко? Метров двести хватит? И вот что еще... Нужно достать эту штуку. Ну, которая с крыльями. Махолет.

Я заверил его, что будут десять махолетов. На выбор. Вообще наша фирма не скупится. Любые затраты, пожалуйста! Миллион, два миллиона, пять...

— Зачем же? — сказал он. — Денег не нужно. Оборудование у меня есть. Так что я уж на общественных началах.

* * *

Конечно, я знал, что Каплинский будет экспериментировать на себе, но не придавал этому особого значения. В конце концов тут тоже важны навыки. С человеком, который всю жизнь благополучно ставит на себе опыты, ничего страшного уже не случится. Да и времени не было опекать Каплинского: существовала еще и третья задача. Как оказалось, самая каверзная.

Осоргнны свою задачу решат, в этом я не сомневался. С Каплинским, конечно, дело обстояло сложнее: во всяком случае, я считал, что шансы — пятьдесят на пятьдесят. Но третья задача была попросту безнадежной. Я не могу сейчас говорить об этой задаче. Не могу даже назвать имя человека, который взялся за ее решение. Скажу лишь, что хлопот и огорчений хватало с избытком.

Хлопот вообще было предостаточно, потому что однажды появился Осоргнн-младшнй и заявил, что идея есть и теперь надо «навалиться».

Я едва успевал выполнять поручення Осоргнных, взявшнх прямо-такн бешеный темп. Сначала им понадобилось произвестн расчеты, которые были под силу только первоклассному вычнслительному центру. Шефу пришлось стучаться в высшие сферы, договарнваться. Потом посыпались заказы на оборудованне. Осоргинмладшнй приходил чуть ли не ежедневно, мельком говорил: «А вы что-то похудели», — и выкладывал на стол спискн. Надо достать, надо заказать, надо купить...

Получнв очередной список, в котором значились планер двухместный, акваланги, девять тонн аммонала, дакроновый парус для яхты класса «Летучий голландец» н еще масса всякой всячины, я спросил Осоргина, куда это доставить.

— Давайте выбнрать место, — сказал он. — Где вы думаете снимать фнльм?

Снимать фильм. Ну-ну... Я ответил неопределенно: где-нибудь на юге, пока это не решено. Осоргин удивленно посмотрел на меня.

— А когда вы собираетесь решать? Три часа прн скоростн в триста восемьдесят узлов... Ведь вы говорнли о трех часах, не так ли? Ну вот, это больше двух тысяч километров. Впрочем, ваше дело. Для испытаннй нам достаточно и трехсот километров. Важно, чтобы трасса была свободной. И еще — подходящий рельеф берега у старта и, желательно, у фнниша. Словом, надо лететь на юг, нскать место. На Черном море толчея, поищем на Каспин. Что вы об этом думаете?

Я думал совсем не об этом. В этот момент я впервые со всей ясностью увндел: а ведь получается, в самом деле получается! Ах, если бы не эта, третья, задача!..

Мы вылетели в Махачкалу, оттуда на автобусе добрались до Дербента и пошлн на юг, отыскнвая место для базы. Пять дней мы шли по берегу, осматривая заливы, бухты и бухточкн, переправлялись вплавь через дельты рек, вечерами сидели у костра, спорили о книгах.

Десятый представитель дннастии Осоргиных был чнстым теоретнком, но знал о море изумнтельно много. Это была та высшая степень знання, когда человек не только хранит в памятн ненсчислимое количество фактов, но и чув-

ствует их глубинное движение, ощущает их очень сложную и тонкую взаимосвязь. Я люблю умных людей, меня раздражает малейшая вялость мысли, но Осоргин-младший был еще и просто хорошим парнем, нисколько не обремененным своей родословной и своими знаниями.

Однажды разговор повернулся так, что я смог задать Осоргину вопросы, которые когда-то задал мне шеф: «Чего вы, собственно, добиваетесь? В чем ваша суть?»

— Ну, это очень просто, — сказал Осоргин. — Идет война с природой. Точнее, война с нашим незнанием природы. И в этой войне участвуют все люди, все человечество — из поколения в поколение. Подчеркиваю: участвуют все. Прямо или косвенно. Сознательно или неосознанно. В этой войне есть свои фронтовики и свои дезертиры. Есть победы и поражения. Война, конечно, особая, с очень глубоким тылом. Можно всю жизнь просидеть в этом тылу и даже не представлять, какие захватывающие сражения идут на переднем крае.

— А почему бы не заключить перемирие? — спросил я.

— Нет, на перемирие я не согласен. Это было бы... Ну, не знаю, как сказать... Это было бы неинтересно. Мне надо воевать. Вот я решаю какую-то задачу — думаете, это так просто? Идет бой, временами мне приходится туго, и появляется даже мысль, что неплохо бы податься в кусты... Вы понимаете, какой это бой? Ведь здесь не словчишь, не победишь по знакомству или из-за слабости противника. Здесь все по-настоящему. И вот я заставляю противника отступить, заставляю отдать мне какую-то часть вселенной, и она становится моей, нашей... А разве в искусстве не так?

Я не раз жалел, что играю роль режиссера. Интереснее всего было говорить с Осоргиным о науке, и тут мне приходилось постоянно быть начеку. Одна неосторожная фраза могла выдать, какой я режиссер.

Мы подыскали удачное место для базы: на пустынной каменистой гряде близ мыса Амия. Осоргин остался поджидать грузы, а я выбрался к железной дороге и через несколько часов был в Махачкале. В Москве, с аэровокзала, я позвонил человеку, решавшему третью задачу. «Хуже, чем было, — раздраженно сказал он. — Да, да, еще хуже...»

Потом я набрал номер телефона Михаила Семеновича. Слышно было плохо. Каплинский говорил о крыльях; я ничего не мог понять. В конце концов мы условились встретиться у входа в метро на Октябрьской площади; Каплинский жил неподалеку, в Бабьегородском переулке. Я успел заскочить домой, переоделся, наскоро побрился и, поймав такси, помчался к месту встречи. Михаил Семенович стоял у входа в метро; и я почувствовал огромное облегчение, увидев, что все благополучно,

и Каплинский по своему обыкновению о чем-то думает и рассеянно улыбается.

— У меня для вас сюрприз, — еще издали сказал он. — Французская марка, первый катер на подводных крыльях. Выменял совершенно случайно на польскую серию «Памятники Варшавы». Ведь вы собираете историю техники?

— Так вы об этих крыльях и говорили?

— Ну да! Я подумал, что марка вам пригодится, а «Памятники» можно купить в любом магазине.

Рассматривая марку, я невольно вспомнил об Осоргиных. Кораблестроение — древняя и устоявшаяся отрасль техники, здесь давно все придумано. Подводные крылья и воздушная подушка изобретены еще в девятнадцатом веке. В сущности, двадцатый век не дал в кораблестроении ничего принципиально нового. Да, Осоргиным досталась нелегкая задача.

— Ну как? — спросил Каплинский.

Марка и в самом деле была любопытная. Французы выпустили ее незадолго до второй мировой войны — в пику Муссолини. Дело в том, что по распоряжению дуче была отпечатана шикарная серия «Это наше»: радиоприемник Маркони, пулемет Крокко и еще десяток изобретений, считавшихся «национальными», в том числе и катер на подводных крыльях, построенный Энрико Форланини в 1905 году. Французы решили выпустить «контрсерию», но помешала война. Удалось отпечатать только одну марку с рисунком катера, построенного Ламбертом на десять лет раньше Форланини.

Пожалуй, самое пикантное в том, что не постеснялись вспомнить Ламберта. Был он русским подданным, и заявку на свое изобретение сделал в России. Ему, конечно, отказали: еще бы, корабль — и с крыльями, придет же в голову такое... Ламберт уехал во Францию, построил катер, испытал его на Сене. Но и во Франции никто не поддерживал изобретателя. Он перебрался в Америку и умер там в безвестности и нищете. А катер на подводных крыльях уже тогда мог бы найти множество применений.

Таких историй я собрал почти полторы тысячи; с их помощью мне и удалось добиться, чтобы опыт включили в план. Я взял шефа на измор, это была правильная стратегия. Я ничего не просил, не доказывал, но на моем рабочем столе всегда лежала красная папка, начиненная записями о запоздавших изобретениях. Шеф долго крепился и делал вид, что ничего не замечает. Он дрогнул, когда появилась вторая папка с надписью: «Цитаты и изречения».

— Вы начинаете играть на моих маленьких слабостях, — сказал шеф. — Бросьте эти психологические штучки. И вообще... Уверен, что там, — он ткнул пальцем

в «Цитаты и изречення», — там нет ничего интересиого. Дайте-ка наугад однн листок.

Я нзвлек лнст с выпиской из Эйнштейна: «История научных и техническнх открытнй учит нас, что человечество не так уж блещет независимостью мыслн и творческим воображеннем. Человек непременно нуждается в каком-то внешнем стнмуле, чтоб идея, давно уже выношенная н нужная, претворнлась в действнтельность. Человек должен столкнуться с явленнем, что называется, в лоб — и тогда рождается ндея».

— Ах, — сказал шеф, — в вашем юном возрасте каждое нзреченне кажется полиым глубокого смысла! Вы думаете, ннерция мыслн — так уж плохо? В сущностн, это память о порядке, о взаимосвязн явленнй. А воображенне, фантазия — это антипамять. Память говорнт: сначала «а», потом «б». А антипамять иашептывает: а если сначала «б», потом «а»?.. Животиому не нужна фантазня, она бы только мешала, путала бы информацию о реальном мнре. Воображенне, фантазня — чнсто человеческне качества. Онн самые молодые, онн еще не окреплн, нм прнходится преодолевать сопротивленне древней прнвычкн к неизменному порядку вещей. Сложно устроен человек, сложно... А вам кажется, дай миллнон рублей, дай оборудоваине, сними ответственность — н человек проявнт всю мощь своего воображения... Внутренняя инерцня, исконная инерция мыслн — вот наш главный враг.

Я сказал, что это очень ннтересная мысль: она, в частности, объясняет, почему я не могу включить в план свой опыт.

Шеф рассвирепел.

— А вы думали на такую тему: нужны лн сегодня нзобретення, которым положено — по естественному порядку вещей — появиться в двадцать втором веке? Вот в чем вопрос!

Для меня тут не было вопроса. Появнсь пеннциллин хотя бы на двадцать лет раиьше (а это вполне возможно!), остались бы жнть мнллноны людей.

Шеф пожал плечами н удалился, насвнстывая «Мы все мушкетеры короля». Но лед тронулся, это чувствовалось...

— Красивая марка, не правда лн? — сказал Каплннский. — Этот человек — дантнст, понимаете, он почему-то считал, что марка относнтся к спорту. А я, прнзнаться, не стал переводнть ему надпнсь. Не люблю дантнстов.

Как все люди, лишенные так называемой житейской практичности, Каплннскнй был ужасно доволеи своей маленькой хитростью. Я спроснл, как подвнгается дело с махолетом.

— Махолет? — удивнлся он. — Ну, махолет вы обещалн достать. Мое дело — увеличнть снлу человека.

У входа в метро, в толчее, было неудобио разговарнвать. Мы пошлн к парку.

— Пусть студия достает махолет, — сказал по дороге Каплинский. — Надо потренироваться. Я же никогда раньше не летал.

Так и есть: он опять экспериментировал на себе.

— И вы... У вас будет такая сила? — спросил я.

Почему-то эта мысль пришла мне в голову только сейчас: Каплинский в роли Геракла. Ну-ну!..

— Уже есть, — ответил Каплинский таким обыденным тоном, словно речь шла о коробке спичек. — Наверное, я теперь самый сильный человек в мире.

* * *

— А почему бы и нет? — заносчиво сказал он. — Идемте, я покажу. Нет уж, пойдемте в парк. Я хочу, чтобы вы убедились.

Мы долго ходили по аллеям, отыскивая силомер. Каплинский думал о чем-то своем и вяло отвечал на мои вопросы. Наконец, силомер нашелся; полагалось бить молотом по наковальне, и тогда на шкале, похожей на огромный градусник, со скрипом подскакивал указатель. Силомером заведовал мрачный здоровяк.

— Именно такой прибор нам и нужен, — объявил Каплинский. — Ну, молодой человек, сколько вы покажете?

Особого доверия прибор не внушал. На самом верху шкалы значилось «400 кг», но это было, разумеется, так, с потолка.

— Замерьте свои показатели, граждане, — сказал мрачный здоровяк, внимательно следивший за нами. — Физическая культура, популярно формулируя, помогает в труде и в личной жизни.

В личной жизни — это нужно. Ваську уже дважды провожала какая-то долговязая личность, удивительно похожая на полуположительный персонаж из обожаемого Васькой журнала «Юность». В последней главе эти полуположительные обязательно ощущают в себе благородные порывы и приобщаются к общественно полезному труду. Но долговязому, пожалуй, еще далеко до последней главы: слишком уж нахальная у него морда. Мы встретились на лестнице, он тускло посмотрел на меня, и я почувствовал, что вычеркнут им из списка объектов, достойных внимания. Черт его знает, что ему не понравилось! Может быть, мои брюки. Хотя почему? Полгода назад они были на уровне моды. Скорее всего у меня просто н е т о т в и д; нюх у этих полуположительных неплохо развит. Дура Васька. Да и я хорош: кто может научно объяснить, почему я сегодня в парке не с Васькой, а с Михаилом Семеновичем?

— Давай, дядя, твою стуколку, — сказал я здоровяку.

Он оживился и вручил мне молот. Ударил я крепко, но проклятая стрелка не пошла дальше трех сотен.

— Подход требуется, — сочувственно пояснил здоровяк. —

Напор должен быть, популярно формулируя.

С третьей попытки я все же загнал стрелку к самому верху. Простуженно зазвенел звонок.

— Позвольте, — вежливо сказал Каплинский, отбирая у меня молот.

Начал подходить народ. Здоровяк популярно объяснял, что «физическая культура нужна рабочему классу, трудовому крестьянству и трудящей интеллигенции». «А также дамам», — галантно добавил он, оглядев публику.

Каплинский взмахнул молотом («Ну, трудящая интеллигенция, покажи класс», — сказал кто-то), мотнул головой, поправляя очки, и ударил.

Не знаю, как это описать. У меня все время вертится слово «сокрушил». Каплинский именно сокрушил этот молотобойный прибор. Впечатление было такое, что все разлетелось в абсолютной тишине. Нет, треск, конечно, был, но он не запомнился.

Двухметровая шкала беззвучно повалилась назад, в траву. А тумбу с наковальней удар сплющил, как пустую картонную коробку. Из-под осевшей наковальни вырвалась массивная спиральная пружина. Где-то в недрах тумбы коротко полыхнуло голубое пламя, звонок неуверенно тренькнул и сразу замолк.

Михаил Семенович сконфуженно улыбался.

— Что же это, а? — спросил чей-то растерянный голос.

Я почувствовал, что еще немного — и нас поведут в милицию выяснять отношения.

— Ненадежная конструкция, только и всего, — сказал я здоровяку. (Он скорбно рассматривал спираль.) — Придется ремонтировать.

— Популярно формулируя, требуется капитальный ремонт, — вздохнул здоровяк.

Я взял у Михаила Семеновича молот и осторожно поставил его на асфальт.

* * *

Тысячи раз, думая об опыте, я пытался хотя бы приблизительно представить, какого порядка открытия будут сделаны. Вдребезги разбитый силомер — это было сверх всяких ожиданий. Тут угадывалось нечто эпохальное, и я сразу же стал выпытывать у Каплинского, что и как.

Мы отыскали глухой уголок парка, и Михаил Семенович начал царапать прутиком на песке формулы. Уже стемнело, я с трудом разбирал его каракули. Двадцатый век приучил нас не удивляться открытиям. Но я утверждаю: ничто — ни ракеты, ни вычислительные машины, ни квантовую оптику — нельзя сопоставить с тем, что сделал Каплинский. Такое значение имела бы, пожалуй, только третья задача, будь она решена.

* * *

— У него не будет неприятностей, как вы думаете? — спросил Каплинский.

— Не будет. Кто же мог предвидеть, что появится такой чудо-богатырь. Отремонтируют — вот и все.

Каплинский вздохнул.

— Очень странное ощущение, когда бьешь. Знаете, как будто ударил по вате.

Я вспомнил стальную спираль, вспомнил, как она раскачивалась и дрожала после удара, и промолчал.

— Так вы следите за расчетом? Значит, человек плотно позавтракал. Тысяча калорий. Четыреста двадцать семь тысяч килограммометров. Выдай организм эту энергию за секунду, получилась бы мощность... да, почти в шесть тысяч лошадиных сил. Здорово, а? Пусть не за секунду — за час. Все равно неплохо: полторы лошадиные силы. Час можно летать, не так ли? Потом снова позавтракать — и снова летать... На деле все, к сожалению, иначе.

Он быстро выводил прутиком цифры. Картина и в самом деле получалась не слишком блестящая, разве что коэффициент полезного действия был хорош — свыше пятидесяти процентов.

Впервые я видел Михаила Семеновича таким оживленным. Начисто исчезла его обычная медлительность, движения стали быстрыми и точными, даже говорил он как-то по-другому — уверенно, азартно.

— Видите, половина энергии уходит на обогрев организма. А вторая половина используется постепенно: такая уж человек машина, не поддается резкому форсированию.

Это было не совсем справедливо, двигатели форсируются еще хуже. Каплинский отмахнулся:

— Э, с двигателей другой спрос: они не едят булок с маслом. Но вернемся к делу и посмотрим, в чем тут загвоздка. Прежде всего — пища слишком долго подготавливается к сгоранию. Медленный, многоступенчатый процесс, в результате которого энергия запасается в виде АТФ — аденозинтрифосфорной кислоты.

— Вы вводите АТФ в организм? — спросил я и тут же подумал, что для кинорежиссера это слишком резвый вопрос. Мне никак нельзя быть догадливым.

— Нет, это ничего не дало бы. Набейте печь до отказа дровами — они просто не будут гореть. Нужен кислород. Теперь мы подходим к самой сути дела. Смотрите, вот атом кислорода. Шесть электронов на внешней орбите. До насыщения недостает двух электронов. И кислород их захватывает; в этом, собственно, и состоит его работа. Окислять — значит отбирать электроны.

Он снова стал выводить прутиком формулы, но было уже совсем темно. Мы пошли куда-то наугад.

— Раньше я занимался только дыханием, — рассказывал Каплинский. — Форсированне мощности организма, в сущности, особая проблема. Да я и не придавал ей значения. Зачем человеку сверхсила? Сокрушать силомеры?.. К тому же тут много дополнительных трудностей. Возрастает выделение тепла, человек быстро перегревается. Пока я ничего не могу придумать. Впрочем, насчет махолета не беспокойтесь. Здесь все складывается удачно: большая скорость движения, поэтому улучшается теплоотдача. Можно летать минут двадцать, я прикидывал.

Мы выбрались на ярко освещенную аллею, к ресторану. На террасе сидели люди. Оркестр, умеренно фальшивя, играл блюз Гершвина.

Я сказал Каплинскому, что недурно бы загрызть что-нибудь калорий на восемьсот.

— «Загрызть»? — переспросил он. — В каком смысле?

Я пояснил: загрызть — в смысле съесть.

— А, съесть, — грустно произнес Каплинский. Он как-то сразу скис. — Знаете, я восьмой день ничего не ем. Очень уж удачно прошел опыт...

* * *

Было бы преувеличением утверждать, что в тот вечер я все понял. И тогда и в следующие дни я то вроде бы все понимал, то все переставал понимать.

Физическая конструкция человека, пожалуй, самое незыблемое, самое постоянное в нашем меняющемся мире. Мы легко принимаем мысль о любых изменениях, но конструкция человека подразумевается при этом неизменной. Человек, живший пятьдесят тысяч лет назад, по конструкции не отличался от нас (я не говорю сейчас о мышлении, о мозге). Таким же — это подразумевается само собой — останется и человек будущего. Ну, будет выше ростом, красивее... Даже управление наследственностью не ставит целью принципиально изменить энергетику человеческого организма.

Эволюция, сказал однажды Каплинский, приспособила человеческий организм к окружающей среде. Если бы на нашей планете росли электрические деревья, эволюция пошла бы по другому пути и непременно привела бы к электропитанию. Сложные процессы переработки и усвоения пищи в человеческом организме — это вынужденный ход природы. Такая уж планета нам досталась, сказал Каплинский, у эволюции не было выбора. Эволюция старалась, старалась и изобрела живот — механизм по-своему удивительно эффективный. Ну, а человек уже сам пришел теперь к электропитанию...

Это было логично, и пока Каплинский говорил, все казалось бесспорным. Зато потом возникали сомнения, всплывали самые неожиданные «но» и «однако». Я звонил Михаилу Семеновичу

(бывало и поздней ночью): «Хорошо, допустим, получение энергии из пищи не единственно возможный способ. Но на протяжении сотен миллионов лет эволюция приспосабливала жизнь к этому способу. Только к этому!» — «Нет, — отвечал Каплинский, — вы забыли о растениях. Они едят солнечную энергию, электромагнитные колебания». — «Позвольте, — возражал я, — так то растения!» — «А знаете ли вы, — спрашивал Каплинский, — что хлорофилл и гемоглобин поразительно похожи; разница лишь в том, что в хлорофилле содержится магний, а в гемоглобине — железо? Поймите же, — втолковывал Каплинский, — сходство далеко не случайное. Хлорофилл и гем — комплексные порфириновые соединения металлов. Вы слышите? Я говорю, соединения металлов...»

От таких разговоров реальный мир начинал колебаться, и по ночам мне снились электрические сны. Я снова звонил Каплинскому: ведь растениям, кроме света, нужны вода, углекислый газ, минеральные вещества...

«Подумаешь! — отвечал Каплинский. — Мне тоже нужны минеральные вещества, и вода нужна, и кое-какие витамины. И немного белков тоже нужно».

«Немного...» Как же! Я знал, что Михаил Семенович иногда не выдерживает («Понимаете, просто пожевать хочется. Как вы говорите — загрызть»), ест нормально — и тогда его **и с к р и т**. Перестроившийся организм выделяет избыток электричества. Если взять лампочку от карманного фонарика, заземлить один провод, а второй приложить к Михаилу Семеновичу, волосок раскаляется и светит. Хотя и не в полный накал.

В детстве, когда я лазил по книжным полкам, мне иногда попадались удивительные находки. Комплект какого-нибудь журнала двадцатых годов: на пожелтевших страницах — пухлые дирижабли и угловатые, костистые автомобили. Или палеонтологический атлас с динозаврами и птеродактилями. Ожидание таких находок (это очень своеобразное чувство) сохранилось на всю жизнь. И вот теперь я нашел нечто совершенно исключительное.

РЭЧ — регулирование энергетики человека, так назвал это Каплинский. «Михаил Семенович, а вы могли бы поднять эту плиту?.. Михаил Семенович, а какую скорость вы можете развить на короткой дистанции?.. Михаил Семенович, а удастся ли вам допрыгнуть вон до того балкона?..» Щенячий восторг. Только через две недели я увидел громадную сложность проблемы. Завтра мне скажут: «Переходи на электропитание», — соглашусь я или нет? Хорошо, я соглашусь (недалеко ушел от Каплинского, люблю эксперименты). А остальные? Подавляющее большинство нормальных людей?

Я рассказал о своих сомнениях шефу; он пожал плечами, ушел к себе и вернулся через четверть часа с бумагой, исписанной каллиграфическим почерком. «Приобщите к своей коллекции цитат и изречений», — сказал шеф. Это была выписка из статьи Биноя Сена, генерального директора Совета ООН по вопросам продовольствия: «Голод — самый давний и безжалостный враг людей. Во многовековой истории человеческих страданий проблема голода с годами не только не ослабевает, но становится все более насущной и острой. Проведенные недавно обследования показали, что в настоящее время в целом большая чем когда-либо часть человечества ведет полуголодное существование... Перед нашим поколением стоит великая, возможно, решающая задача. Все будущее развитие человечества зависит от того, что предпримут сейчас люди...»

— Лично для вас, — сказал шеф, — мы будем выращивать коров. Надеюсь, вас не шокирует, если коров будут выращивать методом электропитания? И не гамлетствуйте, вам неслыханно повезло. Вы закинули удочку на карася, а попался такой кит...

Может быть, в самом деле нет проблемы? Электропитание войдет в жизнь постепенно, не вызвав особых потрясений... Нет, тысячу раз нет! Мы меняем конструкцию человека. Как это отразится на человеке? На обществе? На всей нашей цивилизации, построенной применительно к данной конструкции человека?

Не было времени разобраться во всем, потому что вдруг пришла телеграмма от Осоргина-старшего: корабль собран, можно испытывать.

Я взял билеты на самолет и заехал за Михаилом Семеновичем. Он не очень удивился. «А, к морю?.. Что ж, я свободен». Он снова думал о чем-то своем.

* * *

— Как вы считаете, Михаил Семенович, хорошо или плохо так менять человека?

Он сразу насторожился.

— В каком смысле?

— В прямом. Человек, который не ест, биологически уже не человек. Это другое разумное существо. Так вот, хорошо это или плохо для самого человека? Можно сформулировать иначе: счастливее ли будет такое существо сравнительно с обычным человеком?

— А почему бы и нет? Ничего вредного в электропитании нет. Наоборот. Должна раз и навсегда исчезнуть по крайней мере половина болезней. Продолжительность жизни увеличится лет на пятнадцать-двадцать. Человек станет крепче, выносливее. Уменьшится потребность в сне...

— Еда доставляет и удовольствие. Вот вы поставили столик и ждете, что стюардесса принесет обед...

— Привычка, — смущенно пробормотал Каплинский. — Только привычка. Я могу еще два дня не... ну, не заряжаться. Вообще еда доставляет удовольствие только в том случае, если мы хотим есть.

Он оглянулся по сторонам и тихо спросил:

— Послушайте, а что если все-таки... ну... немного закусить? Чтобы не привлекать излишнего внимания.

Как же, можно подумать, что электроды на лысине не привлекают внимание!

— А вы не будете искрить?

Он обиженно фыркнул.

— Ну! Конечно, нет. В случае чего я замкнусь на массу самолета, провод у меня в кармане... Вот и ваша очередь. Превосходно! Смотрите, какая привлекательная рыбка.

— Вы говорите, Михаил Семенович, что это привычка. Может быть, сказать иначе: человек приспособлен к такому образу жизни? Собственно, это второй вопрос. Не нарушается ли естественный образ жизни человека? Не отрываемся ли мы от природы? Можете взять и мою рыбу, я ел перед отлетом.

— Спасибо. Все-таки аэрофлотовцы хорошо это организуют, молодцы, вы не находите? А что до естественного образа жизни... Ах, мой дорогой, естественно человек жил в лесу. Давным-давно. Как говорили классики, до эпохи исторического материализма. Ну конечно! — Он даже отложил вилку, так понравилась ему эта мысль. — Конструкция человека приспособлена к условиям, которые давно уже исчезли. Более того: конструкция эта рассчитана на неизменные условия. А мы создали меняющуюся цивилизацию. Мир вокруг нас быстро меняется, и мы тоже должны меняться. Это и будет естественно. Куда запропастилась соль, хотел бы я знать...

— А общество? Вот ваша соль.

— Общество выиграет. Необходимость в труде не исчезает, никакой катастрофы не произойдет. Но мы, наконец, перестанем работать на пищеварение. Человек, в сущности, прескверно устроен. Ну куда годится машина, которая поглощает в качестве топлива бифштексы, колбасу, сыр, масло, пирожные?.. Всего и не перечислишь! Скажите, вы никогда не думали, что добрая половина нашего производства — это сложный передаточный механизм между природными ресурсами и, простите, животом человека? Сельское хозяйство... Тридцать четыре процента людей заняты в сельском хозяйстве, вот ведь какая картина. Сельское хозяйство, рыболовство, пищевая промышленность, дающая главным образом полуфабрикаты, затем транспортировка и продажа продуктов и, наконец, непосредственное приготовление пищи. Видите, какой гигантский механизм, сколько шестеренок... Надо учесть еще

и промышленность; значительная часть ее работает на сельское хозяйство. Словом, нет топлива дороже нашей пищи.

Допив компот, он стал аккуратно собирать грязную посуду.

— Похоже, мы заварили славную бучу, — благодушно сказал он. — Оторваться от природы, вы говорите? Вот именно — оторваться... Когда-то люди оторвались от пещер, от леса: думаете, это было легко? А оторваться от берега и уйти в открытый океан на утлых каравеллах — это легко? Оторваться от Земли, выйти в космос — легко? Инерцию всегда трудно преодолевать.

Вот и Каплинский говорит об инерции. Да, сильна инерция! Нет ни одного довода против электропитания — и все-таки не могу освоиться с этой идеей. Слишком уж она неожиданна. Ну, синтез пищи или какие-нибудь пилюли — это не вызвало бы сомнений.

— Вы, мой дорогой, напрасно трусите, — продолжает Каплинский. — Знаете, есть такое отношение к науке: хорошо бы, мол, получить побольше всего такого — и чтоб безопасненько, с гарантией блаженного спокойствия. Мещанство чистейшей воды. Науку вечно будет штормить — только держись! И хорошо. Человек в общем создан для бури.

А если прямо спросить Каплинского: «Чего вы, собственно, добиваетесь? В чем ваша суть?» Нет, на этот раз лучше пойти в обход.

— Ну, а ваши эксперименты? — говорю я. — В чем их конечная цель?

— Цель? — нерешительно переспрашивает Каплинский. — Есть и конечная цель. Боюсь только, она вам покажется наивной... Видите ли, общество построено из отдельных «кирпичиков» — людей. Как в архитектуре: из одного и того же материала можно построить различные здания. Плохие и хорошие. Но даже для гениального архитектора есть какой-то предел, зависящий от свойств материала. Понимаете? И вот мне кажется, что общество далекого будущего должно быть построено из «кирпичиков» более совершенной конструкции.

Что ж, это и в самом деле наивно. Аналогия абсолютно неправильная. Общество, говорю я Каплинскому, — это такое «здание», которое обладает способностью совершенствовать составляющие его «кирпичики». Нужно ли еще перекраивать биологическую конструкцию человека?

Он не отвечает. Кажется, он к чему-то прислушивается. На его лице появляется виноватая улыбка.

Так и есть: Каплинского опять искрит.

* * *

Я сижу в малиновой «Молнии», за широкой спиной Осоргина-старшего. На коленях у меня трехэтажный термос; на том берегу нас ждет Осоргин-младший, и в термосе — праздничный завтрак.

Мы торжественно отметим удачные испытания. Если они будут удачны, разумеется.

«Гром и молния» едва заметно раскачивается. Под корпусом возятся двое парней в аквалангах, проверяют датчнки контрольных приборов. Осоргни-старший щелкает тумблерами и недовольно ворчит. Время, мы теряем драгоценное время! В рации шумят взволнованные голоса:

— Николай Андреич, осталось двадцать минут! Слышнте? Говорю, двадцать минут осталось, потом трасса будет закрыта...

— Что там у вас, папа? Ты слышншь меня? Почему задержка?

— Николай Андреич, рыбаки запрашнвают...

Нам надо проскочить Каспий — от берега к берегу, — пока на трассе нет кораблей. «Гром и молния» не может маневрировать. Ои просто понесется вперед, как выстреленный из пушкн.

Солнце, поднялось уже высоко, припекает, а мы в теплых куртках. И этот термос, черт бы его побрал! Я ннчего не вижу: впереди — Осоргнн, с боков — скалы, а назад не повернуться, мешают ремни.

«Гром и молния» стоит у входа в узкий залив. Мы — как снаряд в жерле заряженной пушкн. Когда все будет готово, у берега, позади нас, подорвут две сотни зарядов, расположенных так, чтобы дать направленный, кумулятивный взрыв. И тогда в заливчике поднимется гигантская волна цунами. Она рванется к нашему кораблику, подхватит его и... И если верить расчетам Осоргниых, понесет через море. Мы пойдем со скоростью около семисот километров в час, вот когда пригодятся теплые куртки.

— Николай Андреич, порядок, мы — к берегу!

— Привет Володе, Николай Андренч!

Это аквалангисты. Я их не вижу, проклятый термос не позволяет приподняться. В рации — сплошной гул голосов: кричат, торопят, о чем-то напоминают, что-то советуют...

Интересио, что сейчас делает Васька? Отсюда и письма не отправишь. Ладно, вот выберемся на тот берег... Выберемся? По идее, у того берега мы должны «соскочить» с волны, а если это не удастся, Осоргин отцепит плаиер, и мы с разгона уйдем в небо. «В молодости я брал призы в Коктебеле, — сказал Осоргин. — Поднимемся, опустимся, подумаешь!» Разумеется, очень даже просто. Летайте волноходами — только и всего...

— Вы готовы, Николай Андреич? Начинаю отсчет времени.

— Начинай, голубчик, начинай.

«Гром и молния» — надо же придумать такое название! Представляю, как это будет выглядеть в отчете. Шеф меня съест. Лад-

но, скажу, что были названия похлестче. В самом деле, был же самолет «Чур, я первый!».

Зато идея должна шефу понравиться. Направленное цунами — в этом действительно чувствуется двадцать второй век. Отсюда, из жерла залива, вырвется волна высотой метров в пять. Фронт волны, если верить расчетам, что-то около пятидесяти метров. В открытом море водяной бугор станет ниже, но скорость его увеличится, а у противоположного берега волна поднимется на высоту пятиэтажного дома.

Наглая все-таки идея — ухватиться за волну. А впрочем, когда-то люди ухватились за ветер — и это, должно быть, сначала тоже казалось наглым. Прав Каплинский: человек создан для бури.

А какая сейчас тишина! Замерли облака в голубом небе. Замерло море. Улетели чайки, утром их было здесь много. Молчит Осоргин-старший. Тихо, очень тихо.

— **Пятьдесят секунд.**

О чем я думал? Да, об этой идее. Теперь она кажется такой простой, такой очевидной. Почему же раньше никому не приходило в голову, что можно ухватиться за гребень цунами? Вероятно, все дело в том, что в открытом море волны не связаны с перемещением воды. Вода поднялась, вода опустилась — тут нет движения вперед, это так очевидно... Гипноз очевидности. Да, каждая частица при прохождении волны описывает замкнутый круг. Частица остается на месте, а наш корабль скользит по этому кругу вперед, как по конвейеру на цилиндрических катках.

— **Тридцать пять секунд.**

Подумать только, как это было давно: библиотека, ночная улица, неоновая реклама Аэрофлота... Прошла половина жизни. Ну, не половина, так треть. Жизнь становится интереснее и, по идее, требует все больше времени. Один выходной в неделю, два выходных... Вот если бы удалось решить третью задачу...

— **Пятнадцать.**

— **Четырнадцать.**

Неудачно я тогда ответил шефу. Спроси он меня сегодня, чего я добиваюсь и в чем моя суть, я сказал бы иначе. Сказал бы за всех нас — и за себя, и за Осоргиных, и за Каплинского, и за того, кто сейчас бьется над третьей задачей. Мы хотим, сказал бы я, ускорить очеловечивание человека. Мы знаем, что это долгий, в сущности бесконечный, процесс, потому что нет пределов возможности человека становиться человечнее. Нам чужда истеричность («Ах, все плохо!» и «Ах, все хорошо!»), оправдывающая или прикрывающая ничегонеделание. Мы работаем. Мы знаем, что никто не сделает за нас эту работу.

— **Семь.**

— **Шесть.**

— **Пять.**

Хочу увидеть волну. Слишком сильно затянуты ремни, но я обернусь, как-нибудь обернусь. Почему так тяжел этот термос?

Вот он, дальний берег залива. На желтых, источенных прибоем скалах никого нет, все в укрытии. Море... Золотое зеркало моря. Как много солнца в заливе!

До взрыва — две секунды...

только один час

Владимир Фирсов

Он стоял на высоком берегу, крутой откос которого сбегал к самой воде. Дальше, за серебряной дугой рекн, подннмались гигантские здания, а выше, на густеющей синеве неба, светнлось ослепительной белнзны облако, край которого был тронут багряным отсветом заката. Самое странное заключалось в том, что за всем этнм прекрасным миром, который лежал сейчас перед ним,

не было ничего. Он возник ниоткуда, как бы выхваченный из неизвестности внезапной вспышкой света.

Человек медленно огляделся. Что-то до боли знакомое почудилось ему в плавном изгибе берега. Он попытался вспомнить, но память, до этого верно служившая ему, отказывалась повиноваться. На мгновение это обеспокоило его. Однако нереальность всего происходящего была настолько сильна, что он тотчас же забыл о своем беспокойстве, поглощенный зрелищем необычного мира.

Взволнованный, он поднес ладони к лицу и с удивлением увидел на своих руках плотные перчатки из неизвестного ему материала. Тогда он осмотрел себя всего. Странная одежда — легкий костюм какого-то удивительного покроя, удобная обувь, отдаленно напоминавшая ботинки...

Над вершинами деревьев рассыпался серебристый смех. Человек поднял голову. Изящными стрекозами над ним мелькнули две легкие фигурки на прозрачных крыльях. Взявшись за руки, они парили в вышине. Потом стремительно скользнули вниз, к воде. Счастливый смех еще звучал несколько секунд, потом стих.

Он снова посмотрел вдаль и понял: точки в синеве, похожие на стаи птиц, были людьми — такими же, как и эти двое.

Большой красновато-желтый лист с зубчатыми краями бесшумно отделился от ветки и мягко лег на траву. Он поднял его и вдруг ощутил, что знакомый колер вызывает в нем безотчетную тревогу. Золотые осины, алеющие клены, пылающие рябины напомнили ему, что наступила осень. От этого в душе шевельнулся страх, и причина его лежала где-то там, за черным провалом памяти. *Сейчас не могло быть осени!*

Он стоял и слушал, а солнце исчезало за горизонтом. В наступающих сумерках глаза различили далекий рубиновый огонек, вознесенный к пылающему облаку заостренной иглой древней башни.

Справа, где излучина реки уже подернулась сиреневым туманом, из-под воды один за другим появлялись разноцветные шары. Поднимаясь высоко над крышами, они лопались с мелодичным звоном. Шаров становилось все больше, их звуки слились в тревожную мелодию.

От небольшой группы людей, стоявших шагах в двадцати, отделился высокий седой мужчина. Услышав шаги за спиной, человек на обрыве обернулся.

— Здравствуйте, Ганс, — сказал подошедший и протянул ему руку.

Ганс неуверенно улыбнулся, прислушиваясь к красивому голосу незнакомца. Беспокойство росло.

— Кто вы? — спросил он и за-

молчал, пытаясь погасить растущую внутри тревогу.

Разноцветные шары слились в одно пылающее солнце, и теперь в небе горели сразу два светила — одно закатное, багряное, другое — все время меняющее свой цвет. От этого по листьям, по траве, по лицам пробегали синие, зеленые, фиолетовые, золотые отблески, и одинокое облако с алым краем тоже становилось синим, зеленым, фиолетовым, золотым. По-прежнему горел вдали рубиновый огонек, но теперь Ганс различил, что он имеет форму звездочки, а рядом горит другая, третья, четвертая... Он понял, где находится, и с удивлением взглянул в лицо стоящего рядом с ним человека, взглянул в глаза, грустные, ласковые и тревожные. Увидел в них себя, разноцветное поющее солнце, стоэтажные невесомые здания, рубиновые звезды Кремля.

П а м я т ь в е р н у л а с ь к н е м у.

Это было до того чудовищно, что он едва не потерял сознание. Мутный поток ненависти, страха и боли захлестнул его с головой, ослепил, сдавил горло. В ужасе отшатнулся он от человека, в лицо которого только что смотрел.

— Что с вами, Ганс? — быстро спросил тот, пытаясь удержать его.

— Нет! — сказал Ганс, отступая. Лицо его исказилось. — Нет! Нет! Не-е-ет!..

* * *

Стена была самой обыкновенной — гладкая стена, выложенная ослепительно белым кафелем. Комната была тоже самой обыкновенной — насколько может казаться обычной комната, на которую смотришь, прижавшись щекой к шершавым плитам пола. Удивительно, как в этом ярко освещенном чистеньком помещении может рождаться столько невыносимой боли.

В нескольких сантиметрах от его лица по белой плитке медленно сползала капля крови. Одним глазом он следил за ее неторопливым движением. Второй глаз, затекший от удара прикладом, почти ничего не видел. Теперь, когда сознание снова вернулось к нему, он знал, что ничего не сказал и не скажет. Он понимал, чего ему это будет стоить, и, пользуясь минутной передышкой, лежал тихо, экономя силы.

Но долго отдыхать ему не дали.

— Встать! — срывающимся голосом закричал обер-лейтенант Кранц, и внезапная боль от удара по почкам сотрясла тело человека.

Мюллер неодобрительно посмотрел на обер-лейтенанта. Допрос — это прежде всего работа. Если каждый раз так взвинчивать себя, через неделю попадешь в сумасшедший дом.

Человек, лежавший сейчас на полу, был схвачен с оружием в руках. За ним гнались долго и все-таки упустили бы его, если бы он сам, уже ускользнув от

преследователей, не решнл дать бой гестаповцам. В отчаянной схватке он убил тронх н одного тяжело ранил, после чего хотел подорвать себя вместе со схватившимн его солдатами гранатой, которая, однако, не взорвалась. Можно было догадаться, что он пожертвовал собой, прнкрывая отход кого-то другого, чью жизнь он считал более ценной, чем свою собственную; но кто был этот второй, куда н с какнм заданием шел, оставалось неизвестным.

Мюллер был уверен: пленный скоро заговорит. Допрос уже вступил в ту стадию, на которой не выдерживают даже самые упорные. Жаль, что обер-лейтенаит вдруг сорвался н в припадке ярости начал бесцельно избнвать пленного.

Мюллер был художииком своего дела, и грубая работа всегда претила ему. Он глубоко изучил самые тонкие нюансы сложного искусства ведения допроса. Он умел провести человека через все круги ада, когда боль достигает, кажется, уже немыслнмых вершии, н тем ие менее в следующее мгновенне становится еще снльнее. Он разыгрывал сложные симфоннн допроса, нникогда не повторяясь, всегда находя новые сочетання болевых гамм, наиболее подходящнх для даниого нндивидуума. Миоголетннй опыт позволял ему точно дозировать воздействне боли, сораз. эряя ее с снлами допрашнваемого. Убить человека не сложно. Гораздо труднее заставить его жнть нмеино тогда, когда ои мечтает о смертн, как о неземном счастье.

...Вмешательство Кранца испортило все дело. Два-трн лишних удара, и допрос можно будет считать закончениым.

Мюллер не знал, что обер-лейтенант проклинает миг, когда он самонадеяннo высказал генералу Гофмаиу свое предположенне о втором разведчике. «Значнт, вы упустилн его, — задумчнво сказал геиерал, глядя куда-то сквозь Кранца. — Заставьте говорить плениого или отправляйтесь на Восточный фронт...»

— Встать! — сиова закрнчал обер-лейтеиаит, пиная ногами распростертого перед ним человека.

Тот со стоном поднялся, держась за стеиу. Руки скользнулн по белому кафелю, оставляя багровые полосы. Ногти с пальцев были сорваны в самом иачале допроса.

Человек не думал о предстоящей пытке. Он пытался подсчнтать, сколько часов прошло с момеита его плеиеиня. О том, что связной все-таки ушел, он знал с самого начала допроса. Возможно, ему уже удалось дойтн до целн н сверхсекретный план иового немецкого иаступлення сейчас лежит перед советскнмн генераламн. Но, может быть, его что-нибудь задержало в путн? Зиачит, остается молчать, стиснуть зубы н молчать; это сейчас будет самым трудным, почтн невозможным.

«Если бы они зиали, кто сейчас перед ними», — подумал он.

Много лет назад он был депутатом рейхстага и, следовательио, неприкосновенным лицом. Мысль эта показалась ему такой нелепой, что он криво улыбнулся разбитыми губами. И обер-лейтенант Фридрих Кранц, тщетно ожидавший увидеть на лице пленного страх и услышать мольбы о пощаде, совершенно осатанел. Он знал, что Гофман не забывает своих обещаний, и эта мысль привела его в дикий ужас. Кранц уже видел себя под гусеницами советского танка — раздавленным, втоптанным в грязь на одной нз бесчисленных зимних дорог, по которым откатывались к границам Германии разбитые части вермахта. А ему бешеио хотелось жить, и ради сохранения своей драгоценной жизни ои готов был вешать, пытать, расстреливать... Если бы это помогло, он, навериое, бросился бы иа колени перед упрямым коммуиистом, который, вдруг качнувшись, стал медлеино оседать иа пол камеры...

Кранц подошел к зарешеченному окну и медлеино достал пачку сигарет. Три спички сломались одна за другой, и только на четвертый раз, с трудом уняв дрожь в пальцах, он прикурил.

Ему было душно. Он просунул руку сквозь прутья решетки и распахнул раму. В комнату ворвалось белое облако пара, перемешанного со снегом. И одновременно Кранц услышал далекий гул. Это била советская артиллерия. За спиной обер-лейтенаита вызванный Мюллером врач возился над телом разведчика. Постукивали какие-то инструменты. Наконец врач поднялся и стал протирать руки ваткой. По комнате разиесся запах спирта.

— Не дотянет и до ночи, — буркнул он.

Краиц ие пошевелился, только внутренне похолодел. У него словно что-то оборвалось виутри, и он вдруг понял, что Гофману не придется выполиять свою угрозу.

— Запри его в подвал, — не оборачиваясь, приказал он Мюллеру, когда врач вышел. — Утром повесить иа площади с плакатом «Дезертир». Вчера из второй роты дезертировал солдат. Он еще не пойман.

Обер-лейтеиант Фридрих Кранц даже в последний час своей жизни оставался дисциплинированиым служакой, пекущимся о выполнении воинского долга.

* * *

— Оттуда, из подвала, мы и взяли вас, — сказал профессор Свет. — Для техники двадцать пятого века это не представляло особой трудиости.

Изумрудное солнце, плывшее над городом, начало стремительно менять свою окраску. Как будто брызги аквамарина упали на его поверхность и расцвели огненными васильками. Легкий перезвон серебряных колокольчиков про-

катился в вечернем воздухе, затем огненные колонны пронизали небосвод и слились в колыхающуюся завесу.

— Что это такое? — машинально спросил Ганс, думая о чем-то другом.

— Сегодня Праздник Неба. В этот день школьники впервые улетают на Марс, — ответил профессор.

Минута прошла в молчании. Профессор незаметно посмотрел на часы, и в глазах его мелькнуло беспокойство.

— И все-таки я не понимаю...— нерешительно произнес Ганс.

— Не задумывайтесь над этим, — быстро сказал Свет. — Дело не в технических деталях, хотя они и очень интересны. Я не инженер, а историк, специалист по древней истории коммунистического общества. Я изучаю двадцатый век, поэтому мне поручено встретить вас — первого человека, совершившего путешествие в будущее.

— Но почему я? — спросил Ганс. — Что вы знаете обо мне?

— Поверьте, выбор был сделан не случайно. Я напомню некоторые эпизоды из вашей биографии, чтобы убедить вас в этом.

Вы родились в 1901 году в семье потомственного немецкого рабочего. Отец ваш был одним из функционеров социал-демократической партии Германии и умер в тюрьме от туберкулеза. Это случилось как раз в те дни, когда в России произошла революция. Узнав о смерти отца, вы поклялись продолжать его дело. С тех пор вся ваша жизнь была посвящена делу пролетариата. Боевое крещение вы приняли шестого декабря 1918 года, когда в группе спартаковцев принимали участие в подавлении контрреволюционного мятежа в Берлине. Тридцатого декабря состоялся Учредительный съезд Компартии Германии. Вы участвовали в его работе и познакомились там с Карлом Либкнехтом. Вскоре в Баварии была создана Советская республика, и вы бились за ее независимость вплоть до последнего дня. Первого мая 1919 года вы были ранены, схвачены и на три года брошены в тюрьму. В 1923 году вы помогали Тельману организовать восстание в Гамбурге — восстание, преданное соглашателями. В 1932 году Коммунистическая партия Германии послала вас депутатом в рейхстаг. Но в феврале следующего года вас арестовали. Последовали долгие допросы, избиения... Палачей интересовало, где скрывался Тельман, но они не узнали от вас ничего. Был приговор — десять лет каторжных работ. Однако через четыре года вам удалось бежать во Францию. Оттуда вы уехали в Испанию и сражались в Интернациональной бригаде. После падения республики вы приехали в СССР, а осенью 1941 защищали Москву. Вас разыскал старый товарищ по партии и предложил работу в немецком тылу. Блестя-

ще выполиив несколько трудных и ответственных заданнй, вы каждый раз благополучио уходили от гестапо, абвера и СД. Но в яиваре 1945 года вы былн схвачены и после долгих пыток повешеиы.

Ганс удивлеино посмотрел иа собеседника, ие решаясь задать основиого вопроса.

— Пойдемте, Гаис, — сказал профессор. —Я покажу вам Москву. По дороге я буду рассказывать.

Он обиял Ганса за плечн, и они пошлн к извилистой лестиице, сбегавшей в иеясный сиреневый полумрак. Люди, стоявшие в отдалеиин, двннулись за ними.

— Кто оии? — спроснл Ганс.

— Это те, кто доставил вас сюда. Интрохронолетчикн и... — Свет иа секуиду замялся, подыскивая слово, — н меднкн.

— Почему они не подходят? — удивнлся Ганс, замедляя шаги.

Но профессор мягко остановил его.

— Так иадо. Поверьте мие, Гаис. Нам не надо останавлнваться. У нас нет временн...

Оин медлеиио спускались вииз, н ближайшие две-три ступеньки впередн загорались ровным мягким светом. Ганс оглянулся. Ступеньки, которые оии уже прошли, медлеиио гаслн.

Там, где коичалась лестница, Ганс увидел слабо светящийся в полутьме диск. Оии ступили иа иего, диск вздрогнул и медлеиио поплыл над берегом, над водой к рубиновым звездам Кремля, откуда доноснлнсь прнглушеиные всплески музыки н смеха. Немиого позади над волиами скользили другне днски, на которых стояли или сидели люди. Профессор угадал мысль Ганса, и тотчас же возле инх появились два удобных кресла.

Гаис с жадиым любопытством смотрел иа проплывающие мимо здаиия города, на людей, которые толпнлнсь на берегах и махали им руками, на суматоху огней в неугасающем иочном иебе. Какая-то девушка кинула с моста букет цветов, осыпав ими Ганса. Ои поднял цветы и обернулся, нща девушку глазами, ио мост уже был позади и уплывал все дальше н дальше, а впередн разгорались рубиновые звезды.

Профессор взгляиул на часы и поднялся с кресла.

— Вы должны извиинть всех нас, Гаис, — сказал он. — Я знаю, в вашу эпоху это делалось ие так. Но у нас иет времеин. Возьмнте. Ои ждал вас пятьсот лет.

Он протянул Гансу руку. На ладоин лежал иебольшой предмет. Отблески оранжевого солнца осветилн эмаль знаменн, вьющегося над зиакомым родным профилем, окруженным венком из колосьев.

Гаис почувствовал, как гулко стучит его сердце.

— Служу Советскому Союзу! — хриплым шепотом произиес он уставную формулу, прозвучавшую для его собеседника гордым и таииствеиным заклниаинем невооб-

разимо далеких героических времен.

В ту минуту два человека, принадлежавшие к столь разным эпохам, внезапно осознали, что пять веков отнюдь не разделили их, что оба они — братья по духу, братья по классу.

В этот миг Ганс еще ие знал, что никакая самая совершенная техника не может разорвать могучую цепь причин и следствий, не может оборвать его связей с веком, из которого он был ненадолго выхвачен. Но профессор Свет знал это. И он, человек двадцать пятого века, выросший в мире, не знающем наснлия и страха, вдруг начал понимать, насколько трудна задача, за которую он так неосторожно взялся. По силам лн она ему?

Послать на смерть человека!

Созиание подсказывало Свету, что он нн в чем не виноват, что жестокое решеиие обусловлеио всем ходом историн плаиеты и непреложными законами природы, перед которыми бессилен самый могучий разум... Но эта мысль ничуть не успокоила его.

В отчаянии он чуть не схватился руками за голову, не зная, что делать дальше. За спиной раздались беспокойные гудки радиофона — товарищи соседних дисков были готовы прийти к нему на помощь. Но он не ответил на их вызовы.

Ганс заметил состояние профессора.

— Что случилось? — встревоженно спросил он.

Профессор тяжело опустился в кресло.

— Что я иаделал! — проговорил он. — Что я наделал!..

Весь строго продуманный план разговора, проанализированный лучшими психологами планеты, вылетел у него из головы.

— Дело в том, — в отчаянии выкрикнул профессор, подиимая к Гаису искаженное болью лицо, — дело в том, что через час вы должны вериуться обратно! К себе, в двадцатый век!

В первый момент Ганс не понял его н улыбнулся.

— Поверьте, это будет самым большим счастьем для меня. Я видел будущее, за которое боролся всю жизнь. Вы даже не представляете себе, какую силу вы мне дали!

— Не то, не то... — простонал Свет. — Ну как вам это объяснить? Поймите, зто правильио... *Мы не можем вмешиваться в прошлое!*

Только теперь страшный смысл сказаииого стал доходить до сознання. Ганс облнзал пересохшие губы.

— Зиачит, через час... — хриплым шепотом произиес он.

— Да! Через час вы должны оказаться в том же подвале...

* * *

Диски бесшумио скользили над крышами и куполами зданий. Высоко в небе, вздыхая, медленно

гасло огромное пульсирующее солнце. С каждым вздохом оно меняло свой цвет. Иногда внизу проплывали небольшие озера, выглядевшие сверху кусками зеркал, брошенных среди разноцветных кристаллов. Скорость дисков возросла, но встречного ветра Ганс совершенно не ощутил.

— Объясните, — произнес он в тот момент, когда молчание стало невыносимым для обоих.

— Как по-вашему, Ганс, сколько мне лет? — спросил профессор.

— Лет сорок пять. Хотя, может быть, и больше. У вас седые волосы.

— Мне сто восемьдесят лет, Ганс. И я проживу еще долго. Двести лет — средняя продолжительность жизни на планете. Это стало возможным после того, как навсегда прекратились войны и одни перестали угнетать других. За такую жизнь боролись и умирали миллионы на протяжении всей истории планеты. Наверное, каждый из них не раз задумывался: а какая она будет, эта жизнь? И будет ли она? И я знаю, что многие не верили в окончательное торжество коммунизма.

Сегодня мы имеем все, что только можно пожелать... Среди сорока миллиардов людей, населяющих солнечную систему, нет ни одного несчастного, обиженного, обездоленного. Мы уничтожили болезни, втрое увеличили продолжительность жизни и научились летать к другим звездам. Сегодняшний школьник знает больше, чем величайшие мыслители вашего времени. И всем этим мы обязаны героической борьбе своих предков. Мы никогда не забывали об этом, хотя время стерло остроту ощущения. Шли века, и величайший подвиг в истории человечества стал чем-то вроде привычной аксиомы, в истинности которой не сомневаешься, но и не задумываешься над ее глубоким смыслом.

Примерно пятьдесят лет назад был открыт способ видеть сквозь время, и полузабытое прошлое вдруг предстало перед глазами людей на экранах интрохроновизоров. Должен признаться, многие содрогнулись, увидев картины варварства, насилия, взаимного истребления, которыми были заполнены века нашей истории. Раздавались даже голоса, призывавшие запретить интрохроновидение и навсегда прекратить дальнейшие изыскания в этой области. Но подавляющее большинство правильно оценило увиденное. И тогда перед человечеством впервые за всю историю встал вопрос об ответственности не только перед своими потомками, но и перед предками. Несколько десятилетий продолжались упорные поиски, закончившиеся блестящей победой — созданием аппарата для путешествия сквозь время. Сегодня, после полувековых усилий, мы, наконец, получили возможность хотя бы частично возвратить своим предкам наш долг. А долг этот огромен, потому что мы должники

каждого, жившего до нас на этой планете.

Может быть, Ганс, вас удивят мон слова. Нам обоим прекрасио нзвестно, что историю делали разные люди. И не все из них были героями. Я знаю, что вы никогда не сомневались в победе своего дела. Но те, кто пал духом, кто умер без веры в сердце, считая себя преданным, обманутым?.. Разве мы можем забыть сожженных в крематориях, отравленных циклоном, умерших от лучевой болезни или КИпсихоза? Я знаю, многие из этих слов вам незнакомы. Не удивляйтесь — мир узнал о них уже после вашей смерти. Скажите, неужели каждый из миллионов безвестных героев не заслуживает того, чтобы хоть ненадолго, пускай даже на час, увидеть будущее, ради которого он отдал свою жизнь, и узнать, что умер не напрасно? Разве не будет это наивысшей мерой благодарности, какой могут воздать потомки тем, кому они обязаны не только своим счастьем, но и самим существованием? Вот поэтому мы, люди двадцать пятого века, решились в конце концов на подобный эксперимент.

Поймите меня, Ганс, нас отделяют друг от друга более чем пятьсот лет. Там, в двадцатом веке, вы уже давно умерли, похоронены, и даже праха вашего теперь не найти. Вы живете только тут, в нашем времени, и время это для вас истекает. Только на один час мы вырвали вас из прошлого. Но сделать что-либо еще мы бессильны. То, что было, не изменится уже никогда. Мы не властны изменить ваше будущее!

— Да, мы тоже знаем это, — задумчиво произнес Ганс. Его лицо, поднятое к небу, застыло — «Никто не даст нам избавленья — ни бог, ни царь и ни герой...»

— «Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой», — медленно продолжил профессор, чувствуя, как растет в нем гордость за своего мужественного предка.

Какие-то мгновения Ганс смотрел на быстро мелькающие под ними огни.

— Но ведь каждый, кто побывает здесь, вернется назад иным человеком, — полувопросительно сказал Ганс.

— Поэтому у нас есть только одна возможность — открыть ему будущее лишь перед самой смертью, когда он не в силах уже ничего изменить.

— Но почему меня нельзя оставить здесь? Кому в прошлом нужен безымянный мертвец?

Профессор покачал головой.

— Через сорок минут там, в двадцатом веке, в подвал войдет гестаповец Мюллер, чтобы напялить на вас немецкий мундир и повесить вместо непойманного дезертира. Не найдя тела, он поднимет тревогу. Будут схвачены работающие в тюрьме русские и среди них агент подпольщиков, готовящих налет на гестапо. Налет сорвется, а всех арестованных

расстреляют перед приходом советских войск. Это будет первым следствием вашего невозвращения. Но цепочка потянется дальше. Один из пленников после войны должен стать физиком-ядерщиком и сделать крупнейшее открытие. Но оно сделано не будет — вернее, его раньше сделают в Америке, которая в результате получит мощное оружие. Обладание этим оружием толкнет ее правителей на развязывание мировой термоядерной войны...

Я привел, как пример, судьбу только одного человека, которого спасет ваше возвращение. Если проследить за любым другим, результат будет не менее поразителен. Но дело не только в этом. Лишив будущее даже горсточки вашего пепла, мы изменим его, и последствия могут оказаться самыми катастрофическими.

— Мне кажется, — сказал вдруг Ганс, и профессор удивился, услышав в его голосе иронические нотки, — вы не столько успокаиваете меня, сколько самого себя... Я понял, профессор: чему быть, того не миновать. Вам не надо оправдываться...

Свет почувствовал, как густая краска стыда заливает его лицо. Как он мог подумать такое об этих железных, несгибаемых людях!..

— Вы... вы молодец, Ганс! — воскликнул он. — Честное слово, я чувствую себя мальчишкой рядом с вами! Теперь я вижу, что мы недооценивали своих предков...

Ганс перебил его:

— Но скажите, почему мне отпущен только один час? Судя по времени, я пролежал в подвале довольно долго.

— Вы забыли Мюллера и Кранца. Четыре часа из пяти понадобилось нашим медикам, чтобы ликвидировать следы допроса.

Ганс поглядел на свои руки в перчатках.

— Да, ногти мы отрастить не успели, — сказал Свет, перехватив его взгляд. — Кстати, могу сообщить, что Кранц застрелился в ту же ночь. Мюллер был повешен через полгода.

Резко скользнув вниз, диск мягко опустился среди зданий.

— У нас есть еще четверть часа, — сказал Свет. — Пройдемте немного по улицам. Я расскажу вам о вашем сыне. Вы расстались с ним, когда ему было три года...

* * *

— Ну, вот и все, — грустно сказал Свет. — Час истекает, настала пора расставаться. Прощайте, мой дорогой друг!

— Прощайте все, — сказал Ганс окружившим его людям. — Вы подарили мне только один час своего прекрасного мира, и я бесконечно благодарен вам за это. Я верю, если бы вы могли, вы подарили б мне годы. Значит, иначе нельзя. Но и этот час сделал меня счастливым. Я знаю теперь, что не напрасно жил. Благодарю вас!

Ганс шагнул к люку интрохро-

нолета и обернулся. Перед ним напряженные, суровые, стояли люди будущего, внезапно понявшие, какой огромной ценой завоевано их существование. За ним, в невообразимо далеких далях прошлого, гремели залпы советской артиллерии, сокрушавшей еще один рубеж на пути к фашистскому логову.

И это прошлое звало его!

Он поднял сжатый кулак в пролетарском приветствии, и все стоявшие у люка повторили его жест. Фигуры людей в черном овале люка затуманились, но он не дрогнул. Он сам уже не мог сказать точно, был ли на самом деле этот удивительный час или это только последняя вспышка гибнущего мозга. Но одно он знал твердо, и эта мысль поддерживала его, пока тлела в нем последняя искра сознания. Будущее будет прекрасно!

*рассказ для детей**

Сергей Жемайтис

...Город из золота и перламутра погибал. Рушились дивные дворцы. Зловеще пылали руины. Высоко в небо взмывал фейерверк искр. В несколько минут от былого величия на горизонте осталась лишь узкая сумеречная полоса. Сверху медленно опускался занавес, вытканный тяжелыми звездами.

---

* Отрывок из повести «Дети океана».

Любителн тропических закатов расходились с площадки у большого лабораторного корпуса. Павел Мефодиевнч щелкнул крышкой старомодного футляра, в котором он хранил съемочную камеру.

— Ничего не скажешь, высший класс изобразительного, декоративиого и, я бы сказал, ювелирного искусства. Пример, как почти из иичего создаются шедевры. Нет, вы ие улыбайтесь, молодые люди. Материалы самые что ни иа есть обыденные: бросовые водяиые пары, газовая смесь самого жалкого, как когда-то говорили... ассортимеита, иесколько пригоршней корпускул света н пыли — вот и все. И этими материалами оиа пользуется каждый день — и иикогда, иикогда не повторяется! Как и подобает настоящему художиику-творцу. Природа, братцы мои, гениальиа в этом отношении. Возьмите снежинку, цветок, радиолярию, актинию! А наряд рыб! — Он вздохнул. — Красотам ее иесть числа. Сегодня я запечатлел четыреста шестьдесят девятый сиимок заката. Что поделать, коллекциоиирую солиечиые закаты... М-да... А вы только посмотрите, как ярко, иеповторимо ярко уходит день! Эго ли ие пример... Прошу завтра или даже сегодня ко мие, я продемонстрирую вам серию закатов.

По берегу лагуны бежала голубоватая светящаяся дорожка, упруго пружиияящая под ногами. Мы ступили иа нее. Лагуна тоже слабо светилась. С противоположного конца ее доносился плеск и голоса дельфинов — шла игра в водиое поло. Видио было, как зелеиым огнем кипела вода лагуны.

Костя сказал:

— Я ие зиал вашего хобби. У меня дома тоже есть пленка. Снимал в Гималаях. Там бывают такие закаты! Хотите, ее вам пришлют.

— Благодарю. Приму с удовольствием, хотя я предпочитаю более влажиые широты. В разреженной атмосфере закаты беднее в смысле изобразительной техники, ио необыкновеино ярки. Там, я бы сказал, работает художиик-абстракционист. — Павел Мефодиевнч улыбнулся, довольный удачным сравнением.

Подошли к одной из иебольших лабораторий, с десяток их было разбросаио у причальной стенки. Здесь работал Павел Мефодиевич со своими ассистентами. Современная аппаратура позволяла им вести наблюдеиия иад приматами моря в их естественной среде обитания.

Академик усадил иас и сел сам в легкое кресло возле телеэкрана, включил его. Видимость была хорошей, хотя освещеиие ие было включеио: ночью жители моря плохо переиосят яркий свет, в его лучах они чувствуют себя беспомощными перед окружающей тьмой, полной опасиостей.

Из гидрофона сперва доносился обычный разговор дельфиинов, они

воспринимался непосвященными как набор примитивиых сигиалов, похожих иа щебет птиц.

Академик сказал:

— Здесь я записал миожество очеиь интересных историй. Почти все подслушал в одной из этих клетушек. Помиите, я вам рассказывал, как мать обучала детей счету? Это была Харита, я тоже прослушал ее урок. К слову сказать, сейчас в школах приматов моря мы вводим программы двух первых циклов. Усвояемость поразительная!

И отиосительно подслушивания... Должеи вам сказать, мы здесь не иарушаем никаких моральных иорм — у этих головастых ребят иет секретов, тайи, зависти, стремлеиия возвыситься, и они охотио делятся своими знаниями. Если же расспрашивать их специальио, запись приобретает сухость, протоколизм. Впрочем, давайте убедимся сами — включаю экраи. Вот и оиа — та самая умиица Харита! Видите — с двумя «ребятишками». Сейчас Харита выступает только для детей. Молодежь получает иифорумацию главиым образом теми же путями, что и мы, грешиые. Харита стала для иих аиахроиизмом.

...Харита лежала, почти целиком погрузившись в воду, на широком карнизе — балкоие, выложеиием синтетической губкой. Здесь проводили иочь матери с малышами, собиралась «молодежь», иногда заплывали «старики».

Сцептроиофон зазвучал приятным жеиским голосом. Виачале ои переводил все, что говорилось вокруг, включая поиятия, смысл которых ие всегда доходил до сознаиия.

Из гидрофоиа слышались слова:

— Кто поступает плохо, того уиосит кальмар.

— Куда?

— Где темио и холодно ..

— Тише! Тише!.:

— Вернулся Хох!

— Хох! Хох! Хох!

Последовала длинная бессмысленная фраза.

— Слышали? — Павел Мефодиевич подиял палец. — Должио быть, машиив пытается перевести иезапрограммированиый диалект. К иам прибыло большое пополиение из Карибского моря, Океании, группа из Средиземного моря. Но каков прибор! Даже ие заикı лся, что не понимает, а дал тарабарщиину — и всс тут... Может быть, она имеет для него смысл? Не зиаю.

Сцептроиофои перевел первые фразы Хариты:

— Я буду говорить. Вы будете слушать. Будете передавать другим, чтобы все зиали о людях земли и моря.

На экране группа дельфииов покачивалась в легкой, прозрачиой волие. Словио бы оии спали с открытыми глазами. Глядя иа Хариту, нельзя было сказать, что оиа ведет рассказ — беседа велась в ультракоротком диапазоие, — только живые прекрасиые глаза ее выдавали работу мысли.

Перевод напоминал подстрочник с очень трудного языка, сохраняющий только основные смысловые вехи подлинника. Поэтому при передаче дельфиньих рассказов приходилось редактировать сцептронофон, сохраняя необычный стиль языка.

— Океан был всегда, и над ним всегда плавала круглая горячая рыба, что посылает нам свет, тепло и дает жизнь всему, что плавает, летает или передвигается по земле и дну. Люди называют эту рыбу солнцем.

Океан круглый, как очень большая капля воды. Он тоже плавает среди светящихся рыб в другом океане, что над нами, где долго могут находиться только птицы. Мы можем плавать там, но очень недолго: океан не отпускает нас от себя, как мать, которая не отпускает своих детей.

Все же мы знаем радость полета и не уступаем в скорости птицам, что два раза в год пролетают высоко над нами туда, где вода становится твердой, как камень.

— Зачем они летят? — спросил кто-то.

— Много есть вопросов, на которые надо знать ответ, без этих ответов трудно жить. Но на все вопросы нельзя ответить сразу. В другое время я расскажу вам об этом. Теперь же слушайте, как с детьми Океана случилось большое несчастье и как это несчастье обратилось в благо.

...Давно, очень давно случилось это. С тех пор солнце бесконечное число раз поднималось из океана и падало в него, чтобы напиться и поохотиться за золотой макрелью. С тех пор прошло столько времени, сколько понадобилось бы киту, чтобы выпить океан.

В то давнее время случилась сильная буря. Когда океан позволяет своим детям-волнам поиграть с ветром, надо спешить от берегов. Волны могут выбросить на острые скалы, что торчат, как страшные зубы косатки. Надо всегда уплывать от берега, когда волны играют с ветром.

— Это известно всем.

— Да, Ко-ки-эх, матери учат вас, когда надо уплывать от берегов, где много рыбы и еще больше опасностей. Возле хорошего всегда вертится плохое. Знали это и дети Океана в день великой бури. Многие успели уйти от берегов, а некоторые остались.

— Не послушались старших?

— Там не было детей. Там были самые сильные и храбрые. Они хотели узнать, что за скалами. Почему туда с такой радостью бегут волны и стремятся перепрыгнуть через самые высокие преграды? «Наверное, за этой твердой землей и камнями — лагуна и там еще больше рыбы, чем в океане», — подумали храбрецы и поплыли вперед, как будто увидали там белых акул.

— И все погибли, как гибнут медузы, ежи, морские звезды и морская трава, когда волны выбрасывают их на берег?

— Нет, любопытный Ко-ки-эх,

остались живы и превратились в людей.

...Так же, как из икринкн получается рыба, а из круглого яйца — птнца. Им даже было легче превратиться в людей. Ласты растрескались, удлинились и стали руками, а хвост вытянулся, и получились ноги.

— Какие онн некрасивые! И совсем не умеют плавать.

— Помолчи, Ко-ки-зх. Да, надо прнзнаться, что они утратили многое, зато их руки создали и остров, и мягкую губку, на которой лежишь ты, и стрелы, поражающие акул и косаток, и еще многое, что мы видели своими глазами, когда смотрели сны наяву, или, как их еще называют, записи, пленки, кинокартины.

— Кто сильнее: люди или Великнй Кальмар? — задал вопрос Ко-ки-зх под одобрительный шепот сверстников.

— Ты скоро решишь сам, кто сильнее, мой маленький Ко-ки-эх. Но прошу, не перебивай меня, не то я не успею рассказать всего, что вам надо узнать, пока не выйдет из океана сытое солнце.

...Вы уже слышалн, как изменились иашн братья, очутившись на сухой земле. Надо еще добавить: прекрасная голова, которой нам так легко хватать рыбу н поражать врагов, стала у них круглой.

Неуемный Ко-кн-эх вставил:

— Как медуза.

— Все-таки я не хотела бы, чтобы с моими детьми случилось такое несчастье, — сказала одна из матерей.

— Нельзя делать выводы, не узнав всего, но в одном ты права, Эй-хи-ий: вначале им было тяжело. Беспомощные и жалкие приползли они к берегу океана, бросились в его воды и поняли, что не могут плавать, как прежде. Акулы перестали бояться людей, нападали и пожирали многих, если нас не было поблизости. Мы всегда защищали своих беспомощных братьев. Еслн, уплыв далеко от скал, они уставали и погружались в ночь, мы поднимали их ластами и помогали достигнуть берега, где им приходилось терпеть столько бедствий, хотя все же было лучше, чем там, в темноте, где жнвет Великий Кальмар.

Долгое время люди помнили, что мы их братья и что у нас один отец — Океан. Чтобы находиться вместе с нами, они устраивали себе раковины и отплывали от берегов.

— Как моллюски?

— Да, Ко-ки-зх. Запомните все, что раковина, в которой плавают люди, называется пирогой, лодкой, катамараном, кораблем и носит еще много других имен.

...Устраивалась большая охота. Люди наполняли свои раковины рыбой и плыли к земле. Мы провожали нх, пока песок или острые кораллы не касались наших животов. На берегу нас ждали жены и дети людей. Они входили в воду и ласкали нас, гладя руками по спине.

Солнце много раз выглывало из океана и, усталое, возвращалось назад. Много было бурь и хороших дней. Несчетное число раз рыбы клали икринки в песок, или прикрепляли к водорослям, где из них выходили мальки, а затем вырастали рыбы.

Однажды, когда дети Океана приплыли к земле, люди не вышли к ним навстречу в своих раковинах. Дети Океана стали звать их. Никто не откликнулся. Случилось страшное: люди забыли язык своих братьев...

Сага о страданиях людей, утративших связь со своими братьями, заняла более двух часов. Рассказывая, Харита разволновалась.

— Океан встречал своих блудных сыновей хмуро, он не мог простить, что его дети променяли свободные волны на мрачные скалы и песчаные берега, поросшие жесткими как камень деревьями.

Харита описала множество катастроф. Уходили в вечную ночь корабли, похожие на острова, гибли джонки, лодки, яхты, барки... У дельфинов разрывались сердца при виде ужасных сцен гибели людей, но им редко удавалось кого-либо спасти. Люди упорно отказывались от их помощи и гибли.

Дети первыми поняли, что дельфины не причинят им зла. Через них намечались первые контакты и снова гасли, как слабые искры, среди глухой вражды ко всему живому, овладевшей человеком. Наконец у людей спала пелена с глаз и с сердца. Они вспомнили язык своих братьев — и все стало так, как в те давние времена, когда еще не разразилась первая страшная буря.

Харита закончила радостным гимном, воспевающим наступившее вечное счастье детей Океана.

— Я ничего подобного никогда не слышал и не представлял! — воскликнул пораженный Костя, когда Павел Мефодиевич выключил электронный толмач.

— Где же ты мог услышать такое? — спросил он с улыбкой. — Только здесь. Да, сегодня старушка была в ударе. Весьма! В такой интерпретации я тоже впервые слышу историю грехопадения и мук человеческих. Вы уловили философский подтекст: всякое познание обходится дорого. Особенно для первооткрывателей. Старая истина. И ты прав, что поразительно слышать ее от наших братьев по разуму.

— Все это так, Павел Мефодиевич, — не унимался Костя, — и философия, и поэзия, и старая истина... Все это, возможно, есть в рассказанном мифе. Я ждал другого.

— Чего?

— Правды. А здесь, извините, ею и не пахнет. Харита говорила неправду. Она лгунья. Трагедию она превратила в романтическую сказку. Я не поверю, чтобы ей не было известно о преступлениях людей в отношении ее сородичей. Наши предки уничтожали дельфинов сотнями тысяч, чтобы полу-

чить жир и кожу. Я читал в старой книге, что их порой убивали просто так, ради забавы, и это не считалось преступлением! Как же можно все это забыть или превратить в сказку? Или, может быть, и здесь «педагогические цели»?

— Отнюдь. Взрослые любят слушать то же самое. И если им попытаться рассказать правду, они просто не поверят и с возмущением покинут «лжеца». По их представлениям, человек не может причинить зла. Он — брат, друг, союзник. Да, когда-нибудь и они постигнут жестокую историческую правду, как ее постигаете вы. И так же, как и вы, будут относиться к ней со снисходительным недоумением...

Мы вышли из лаборатории в темную душную ночь. В лагуну с плеском и фырканьем, рассыпая огненные брызги, ворвался отряд дельфинов-патрульных. Тела их светились.

Я весь находился под впечатлением рассказа Хариты и Костиной горячей тирады. Мне захотелось остаться одному, разобраться во всем и мысленно посоветоваться с Биатой. Конечно, она не поддержала бы Костю, хотя в его словах была доля правды. Я искал глазами и не мог найти в небе спутник Биаты.

Костя сказал:

— Облака...

Павел Мефодиевич с минуту постоял молча, затем взял Костю под руку и сказал:

— То, что ты назвал ложью, — поэзия. А поэты никогда не были лгунами.

двери

Михаил Немченко,
Лариса Немченко

> «Он прожил 147+12 лет».
> *(Из документов того времени)*

Порывистый ледяной ветер бил прямо в лицо, но старик словно не чувствовал холода. Высокий и прямой, он неподвижно стоял на краю берегового обрыва, глядя на уходящие к горизонту бесконечные нагромождения льдов. У него оставалось еще десять минут. И этот леденящий ветер был для него прощальным прикосновением жизни Широкого мира, который навсегда останется позади,

когда за ним в последний раз закроются тяжелые двери Дома Продолжателей.

В последний раз... Как незаметно он промелькнул, этот, казавшийся вначале таким томительным, «месяц сосредоточения»! Месяц одиноких прогулок по пустынному заснеженному берегу, долгих раздумий в ничем не нарушаемой тишине комнаты, где он жил, почти не видя людей. Стена тишины... Даже врач, осматривавший его каждый вечер, за все время произнес лишь несколько слов. А хранители, которых он изредка встречал в гулком безлюдном вестибюле, казалось, вообще не замечали его присутствия.

Нет, старик не обижался на них. Он знал: так нужно. Человек, готовящийся предстать перед Продолжателем, должен огрешиться от всего постороннего. Только тогда оснащенная тончайшими нейронными анализаторами машина сможет «прочесть» и впитать в свой криогенный мозг все содержимое его разума, все самые сокровенные замыслы. Впитать, чтобы стать его посмертным мыслящим двойником, вместилищем его духовного «я», вырванного в последнюю минуту из угасающего тела... Да, ради этого стоило прожить последний месяц в одиночестве. Непонятно было только одно: почему именно здесь?

Старик уже не раз задавал себе этот вопрос, И не находил ответа. Уединенность? Да, конечно, он знал, что сверхчутким приборам, скрытым там, за толстыми стенами, противопоказано даже отдаленное соседство повседневной человеческой техники. Ни один корабль, ни один летательный аппарат не имеет права приблизиться к острову без специального разрешения. Сто километров — таков радиус запретной зоны... Но разве мало уединенных клочков суши в других морях Земли? Почему нельзя было построить Дом Продолжателей где-нибудь в Океании, на одном из затерянных островков, глядящихся своими пальмами в тихие воды лагун? Ему так хотелось бы сейчас посидеть на теплом песке, в последний раз слушая шум набегающих волн... Что же заставило строителей выбрать тогда, полстолетия назад, именно этот кусок скалистой тверди в сердце Арктики, еще остававшемся во власти льдов? И почему все, что связано с этим местом, с самого начала окружено какой-то непонятной атмосферой тайны?

Старик бросил последний взгляд на закованный в белый панцирь океан, и повернул к Дому. И снова, как каждый раз все эти дни, невольно замедлил шаг, захваченный властной величественностью гигантского здания. Суровый и грубоватый в своей простоте усеченный конус, словно вырубленный из одного монолита черного лабрадора, горной вершиной возвышался над островом. Было что-то дерзкое в этой одинокой черной громаде, взметнувшейся к холод-

иому иебу среди ослепительной белизиы льдов, — дерзкое, как сами пульсирующие в ией волиы живых человеческих мыслей, бросивших вызов смерти и времени.

«Но эта сумрачность, эта чериота стеи... — подумал старик. — Зачем? Можио подумать, что оии созиательио стремились, чтобы идущие сюда острее ощутили холод иадвигающегося...» Ои иа секуиду остаиовился, ие в силах побороть щемящей тяжести в сердце. Жизиь... Она вдруг встала перед иим во всем своем сказочиом великолепии — радостиая, счастливая жизнь, шумящая в далеких зелеиых просторах Светлые корпуса ииститута на берегу лесиого озера, ветви берез, заглядывающие в окиа лабораторий, милые, родиые лица друзей и учеииков...

Усилием воли старик отогиал иахлыиувшие видения. Подойдя к Дому, он полиой грудью вдохиул холодиый воздух я, ие оглядываясь, открыл массивиую окоаанную медью дверь. Молчаливый хранитель уже ждал его в вестибюле.

* * *

Движущийся пол иеторопливо иес их по широкому пустыииому коридору, мягкой чуть заметиой спиралью поднимающемуся вверх. Мертвая тишииа стояла вокруг. Словио во всем огромиом здании не было иикого, кроме их двоих.

«О чем ои сейчас думает? — спрашивал себя старик, глядя иа спокойиое, какое-то отрешеииое лицо своего молодого провожатого. — Конечио, ему нельзя со мной говорить... Но старается ли этот юноша понять состояние человека, которого ведет в последиий путь к Продолжателю? Впрочем, как бы он ни старался, ему трудио представить себя иа моем месте. Ведь сам ои, вероятио, чувствует себя практически бессмертиым. Ои знает: там, далеко впереди, за предельиым рубежом лет, которые теперь стали иазывать «первым сроком», его ждет «второе бытие». Еще одиа иепочатая жизнь».

Второе бытие... Старик подумал о том, как удивительно преобразило оио всю психику людей, это великое открытие нейрофизиологов, научившихся «реставрировать» мозг. Давио ли казалось, что, избавив человека от болезией, раздвииув граиицы его жизни почти до полутора столетий, медициаа исчерпала свои возможности, что оиа иавсегда остаиовилась перед последией иепреодолимой стеяой, имя которой «естественная смерть». Самые чудодействеиные методы омоложеиия организма стаиовились бесполезиыми, когда иачиналось иеобратимое старческое перерождение коры больших полушарий мозга... И вот оио перестало быть иеобратимым!

Старик вспомиил, как лет десять иазад он присутствовал иа одной из первых операций по иейроактивированию. Должио быть, профессор Оливарес ие без умысла пригласил его тогда в свой

геронтологический центр: он знал, что жизнь старого ученого приближается к финишу, и, видимо, хотел показать, на что он может рассчитывать... Собственно, старик увидел лишь заключительный этап операции. Перед ним на экране микропроектора были неузнаваемо обновленные многодневным лучевым активированием клетки мозга, впитывающие последние дозы биостимуляторов. Проработавшая больше века тончайшая нервная ткань почти на пороге распада возрождалась к новой жизни.

А потом ему показали седого человека с молодым лицом, очнувшегося от долгого сна в белом безмолвии операционной. Это было похоже на сказку. Мог ли он тогда подумать, что эта операция так скоро станет обычной в тысячах клиник мира!

Вот уже несколько лет, как на Земле никто не умирает. Никто, если не считать жертв редчайших трагических случайностей... и тех немногих, кто получает право явиться сюда, в Дом Продолжателей... Каждый год миллионы достигших предельной старости переходят во «второе бытие». И этот период всеобщего бессмертия будет длиться еще много десятков лет. Пока первые ветераны нового бытия не приблизятся к той конечной черте, откуда уже не может быть возврата...

Старик опустил голову, стараясь не смотреть на уплывающие назад стены. Да, все имеет конец. Не надо быть биологом, чтобы понимать: жизнь, как бы ее ни растягивали, не может продолжаться вечно. Топливо постепенно выгорает... Ведь и «второе бытие» люди обретают дорогой ценой. Там, в этом новом существовании, они уже не могут по-настоящему заниматься ни наукой, ни искусством: омоложенный нейроактивированием мозг не в силах работать с прежним напряжением. Им приходится выбирать себе спокойные, несложные профессии, этим излеченным от старости людям которых все чаще можно встретить на всех широтах планеты...

И все-таки — это жизнь. Синее небо и голоса птиц, тепло человеческой дружбы и светлая радость труда — пусть другого, чем прежде. Еще одна жизнь в распахнутых просторах Земли, в великом братстве пятнадцати миллиардов разноликих братьев и сестер. Столетиями казавшаяся несбыточной мечтой возможность заглянуть в будущее, увидеть своими глазами далеких потомков... Пусть нет бессмертия, но перед безбрежностью этой жизни сам извечный человеческий страх небытия должен казаться новому поколению чем-то призрачно нереальным. Наверно, ему просто незнакомо это чувство. И конечно, молчаливому юноше, стоящему рядом, трудно понять того, кто через несколько минут войдет в комнату, из которой не выходят.

Старик зябко поежился. «Неужели трудно было сделать здесь

хотя бы потеплее? — с досадой подумал он, всем телом ощущая непрнятный сырой холодок, заползающий под одежду. — И эти тускловатые светильннки в потолке... Не может быть, чтобы у них не хватало энергин».

Но тут же он забыл обо всем. Там, впередн, за поворотом коридора, показалась дверь. Первая дверь, выплывшая нз бесконечно разворачнвающейся спнрали глухих серых стен. Старик, не отрываясь, смотрел на горящую над ней надпись. Он прочел ее еще издали: «Строев. 143 + 25». И когда они поравнялнсь с дверью, нога его как-то сама собой нажала тормозную педаль.

— Входить нельзя, — негромко напомнил хранитель.

Старик отрнцательно покачал головой. Нет, ему просто хотелось немного постоять перед этой дверью, за которой в беззвучном дыханин машнн работал один нз великих умов мнра. Светлый ум академика Строева, продолжающий творнть через четверть века после того, как остановнлось его сердце.

Четверть столетия! Он хорошо помннл тот день, когда Большая Коллегня объявнла о своем единогласном решении. Это был первый случай единогласия ее членов за все время существования Дома Продолжателей. Тысячн людей боролись за право продолжить себя в мыслящих двойниках, но лишь немногне из ннх получали на Коллегнн нужное большннство голосов, открывающее путь на маленький арктический остров. И каждый понимал, что нначе нельзя: слншком дорого еще обходятся человечеству этн сложнейшне комплексы уникальной автоматической аппаратуры, которые, пожалуй, точнее было бы назвать не Продолжателями, а реализаторамн унаследованных идей.

Да, именно реализаторы. Ведь в нх холодном криогенном мозгу ннкогда не может возннкнуть самостоятельных новых замыслов. Они лишь деловито н скрупулезно разрабатывают «фонд творческих заготовок», оставленных им человеком, додумывая его мыслн и то, что он не успел додумать при жизни. И когда этот невозобновляемый запас идей нссякает, машина останавлнвается, навсегда выбывая из строя. Так же происходит н в тех случаях, когда разрабатываемые замыслы и проекты оказываются бсзнадежно устаревшимн перед лицом новых открытий, сделанных жнвыми. Увы, это случается не так уж редко... Вот почему Большая Коллегия так долго н тщательно взвешнвает каждую кандидатуру. Только за великого физика Строева она проголосовала сразу н единодушно, без тенн сомнения. Хотя вряд ли кто-нибудь из ее членов мог тогда предположить, что н двадцать пять лет спустя радиоволны будут прнносить в Главный Информарий плаиеты все новые и иовые научные труды, рождающиеся здесь, за этой красной дверью...

Этих трудов с нетерпением ждут не только физики-теоретики. Как и прежде, они помогают двигать вперед многие области техники. Не случайно столько откликов вызвала только что появившаяся работа Строева «О принципах гравитационной фокусировки». И кто знает, сколько их еще, таких смелых строевских идей, дозревает вот сейчас, облекаясь в схемы и формулы, в неустанно работающем мозгу машин, связанных с десятками лабораторий и исследовательских центров... В сущности, только теперь люди начинают по-настоящему понимать, как далеко в будущем жил в своих заветных мечтах и устремлениях этот поистине неисчерпаемый ум, наперекор всему остающийся в рабочем строю человечества.

«А я? — подумал старик. — Надолго ли хватит меня? Если бы только твердо знать, что Теорию удастся создать! Что зерна мыслей и расчетов, не успевшие прорасти при жизни, сумеют дать здесь жизнеспособные всходы...»

Хранитель тронул его за плечо.

— Нам пора...

Серая лента пола, плавно сдвинувшись с места, понесла их дальше. Теперь двери попадались через каждые десять-пятнадцать метров. Высокие красные двери, над которыми старик читал знакомые горящие имена. Впрочем нет, горящими были не все. Некоторые надписи погасли, и по редким приглушенным звукам, доносившимся изнутри, можно было догадаться, что там уже идет демонтаж.

Одна из погасших надписей особенно неприятно поразила старика. С трудом разобрав смутные очертания букв, он прочел фамилию своего предшественника по избранию. То был известный психолог, всего полгода назад получивший на Коллегии право явиться в Дом Продолжателей... Всего полгода...

Старик вздохнул. Что, если и его замыслы окажутся на поверку несбыточной фантазией? Нет, он верит, всем существом верит в реальность своей идеи! Универсальная Теория Перемещений, которая поможет людям посылать звездные корабли далеко за пределы доступных ныне миров! Мысленно он уже почти видит перед собой математическое обоснование... Но кто может поручиться?..

Чем выше они поднимались, тем холоднее и неприветливей становилось вокруг. Какой-то странный зыбкий туман висел в коридоре, рассеивая и без того тусклый свет редких ламп. Голые шершавые стены, казалось, дышали пронизывающей сыростью склепа.

«Обставить так последние минуты жизни...» — с горечью подумал старик, бросив взгляд на по-прежнему непроницаемое лицо своего спутника. В этот момент пол остановился. Перед ними была дверь. Без надписи. И старик понял, что это ЕГО дверь.

— Можно входить? — глухо спросил он.

— Нет, сначала — сюда.

Хранитель кивнул на противоположную стену, и старик увидел низкую серую дверцу, которую сначала не заметил. Не задавая лишних вопросов, он толкнул ее и, пригнувшись, вошел. Дверца мягко захлопнулась за ним.

В первое мгновение он ничего не понял. Какие-то зеленые тени колыхались вокруг, что-то колкое касалось его лица и рук. Оглядевшись, он увидел, что стоит... в кустарнике! Да, густой, высокий кустарник... Не веря своим глазам, старик жадно разглядывал мелкие, влажные от росы листочки с тонкими светлыми прожилками. Потом, раздвинув ветви, он вышел на зеленую лесную поляну.

Теплое летнее утро. Ослепительно яркое, словно умытое синевой, солнце поднималось над кронами деревьев. Где-то далеко в лесу куковала кукушка. Пахло хвоей и каким-то смешанным настоем лесных цветов. Сделав несколько шагов, старик тяжело опустился на ствол поваленной сосны, вспугнув большую блестящую стрекозу, тут же улетевшую на другой конец поляны. Он долго сидел, бездумно глядя в траву, чуть колыхавшуюся у его ног под дуновением легкого ветерка. А когда поднял голову, в воздухе прямо перед ним возникли светящиеся слова: «Еще не поздно выбрать второе бытие».

Старик слабо улыбнулся. Он уже понял все и без них, этих слов. Все, что еще несколько минут назад казалось странным и непонятным, теперь прояснилось. Зов жизни... И ледяное безмолвие полярного острова, и сумрачность вознесшегося к небу колосса, и стылый туман в бесконечных извивах полутемного коридора — все имело одну цель: оттенить, сделать еще неотвязней этот последний страстный зов. Чтобы здесь, на солнечной лесной поляне, с таким потрясающим искусством созданной в сердце гигантского здания, человек, пришедший к Продолжателю, во сто крат острее почувствовал красоту жизни, которую уже нельзя будет вернуть, когда нейронные анализаторы начнут «вычитывание» мозга. Зеленый заслон сияющего летнего утра, который может в последнюю минуту удержать тех, у кого вечная, горящая в крови жажда жить вдруг окажется сильнее желания довести до конца задуманное...

Жить!.. Вот так же бродить по лесам. Смотреть на птиц, просыпающихся в листве. Лежать в траве, каждой клеткой тела ощущая прикосновение солнца. Просто жить... «Родиться заново еще на целый век», — как сказал в тот прощальный вечер один из его учеников... Старик приложил руку к груди, тщетно стараясь унять бешено колотившееся сердце. Да, ученики... Как уговаривали они его тогда выбрать «второе бытие»! И вот сейчас ему еще раз дают возможность передумать... Но неужели эти люди не

понимают, что отречься от мечты, к которой шел всем трудом, всеми помыслами жизни, слишком дорогая плата за «второе бытие»? Разве тысячи из тех, кто сейчас так по-детски непосредственно наслаждается своей новой жизнью, не явились бы сюда, в Дом Продолжателей, если бы им удалось получить тогда это право?

Старик поднялся и медленно прошел по поляне. Сорвал ягоду, красневшую в траве у пня. Ласково погладил трепетную зеленую ветку молодой березки. Потом раздвинул кусты и, открыв низкую дверь, вернулся в коридор, широкий, залитый светом коридор, в котором не осталось и следа от холода и тумана.

Хранитель ждал его на том же месте. Нет, он ничего не спросил, этот высокий смуглый юноша. Он понял все по глазам. И, шагнув к старику, он вдруг крепко по-сыновьи обнял его. Так, обнявшись, они простояли эту последнюю минуту. Без слов. И так же молча старик распахнул красную дверь комнаты, из которой никогда не выходят...

две истории из жизни изобретателя Евгения Баранцева

Лилиана Розанова

Этот стал поэтом. Для математики у него было слишком мало воображения.

Давид Гильберт

«ВЕСНА — ЛЕТО 2975-го». (Рассказ бывшей одноклассницы Баранцева.)

Мы в ту осень как раз переехали: Бескудниково, квартал 798 дробь восемь-бис — знаете? Дома повышенной срочности, блочности и потолочности. В классе народ новый, совершенно все незнакомые, и учителя молодые. У нас был классный руководитель

Вадим Николаич, молодой такой. Само собой, за глаза мы его звали Вадик, тем более что это имя словно для него было придумано. Представьте: пухлые губы, пушок на щеках и какая-то оставшаяся от детства нежность, что ли. Хотя и высоченный был, и спортивный, и очень нам нравился.

А дни стояли яркие, прозрачные, неторопливые такие. Листья кленов и лип были в известке. И казалось, вот-вот начнется что-то самое главное в жизни, стоит только дожить до завтра или до послезавтра, или дойти, например, до рыжей рощицы возле автобусной остановки.

Такое было настроение.

Как раз под такое настроение Вадик задал нам домашнее сочинение: «Цель моей жизни». И когда проверил, прочитал эти сочинения на уроке.

Начал он с сочинения Ксаны Таракановой: «Хочу быть в первых рядах прогрессивного человечества... Бороться за счастье всех людей...» Потом — Володьки Дубровского: «Мечтаю приучить организм дышать растворенным в воде кислородом, чтобы осваивать земли под толщей Мирового океана»; потом — Нёмы Изюмова — насчет сгущения сна: мол, если изобрести, как повысить интенсивность сна, то спать можно будет два часа в сутки и к. п. д. жизни повысится на восемьдесят процентов.

Были рассказы о путешествиях, о подвигах в космосе, о строительстве городов под стеклянными куполами и об олимпийских победах.

Последним Вадик прочитал сочинение Баранцева. Я запомнила его от слова до слова, потому что сочинение состояло из одной фразы: «Я хочу решить Пятнадцатое уравнение Арнольда-Арнольда». Дальше полтетради было исписано формулами, и в конце стоял огромный вопросительный знак. Вадим Николаич прочитал эту одну-единственную фразу, выдержал паузу и спросил:

— Баранцев! Вы что, серьезно полагаете, что раскрыли заданную тему?

Женька встал. На него все уставились с любопытством, тем более что раньше, оказывается, никто его как-то не замечал. Женька сутулился и щурил под очками глаза; рубашка пузырилась на костлявой спине, и плечи торчали острыми углами. В общем он был похож на сердитую черную птицу: на маленького грача, например.

— Да, вы правы, — согласился он, подумав. — Если мне удастся решить Пятнадцатое уравнение Арнольда-Арнольда, то это произойдет в ближайшие пять-шесть лет. Чем я буду заниматься остальную часть жизни, я действительно не написал. Но пока я этого точно не знаю.

Вадик подошел к баранцевской парте и посмотрел Женьке в глаза. И ничего не сказал, а вернулся за учительский стол А Ксана Тараканова потрогала прическу,

сплетенную словно из десяти кос — одна другой толще, закниула иогу иа иогу и посмотрела на Женьку долгим взглядом. Но Женька ее взгляда даже не заметил — и это само по себе было уднвнтельно! Потому что Ксана была красавица. Моя бабушка утверждала, что такие красавицы жнлн разве что во времена художников-передвижников, а теперь исчезлн, как исчезлн, например, великие композиторы, геннальные премьеры во МХАТе или тишнна в Москве.

Другой такой, как Ксанка, не было во всем квартале 798 дробь восемь-бнс. В нее были влюблены 72,5 процента десятиклассников, из инх четверо — очень серьезно. Это подсчнтал Нёма Изюмов, который относнл себя к оставшимся 27,5 процента и потому мог рассуждать трезво. А в конце первой четверти мы заметили, что Вадим Николаич, когда вызывает Ксанку, краснеет, деревеиеет и грустнеет — просто смотреть невозможно.

Впрочем, я забегаю вперед...

Теперь вы, наверное, думаете: эта красавица Тараканова была двоечиица, а похожнй на грача Баранцев — выдающнйся отличннк. Вот и ие так. Отметки у ннх были прнмерно одинаковые. Ксанка, еслн не знала чего по существу, как-то угадывала, чего от нее хотят, и эта способность вывозила ее в трудные мииуты. Баранцев, конечно, мог учнться даже на шестерки, но ие учился. Во-первых, в отношенин некоторых обыкновенных вещей у него были странные заскокн, н переубеднть его было невозможно. Женька, например, не поннмал, для чего нужно доказывать теоремы. Он утверждал, что человек рождается с понятнем, чему равна сумма квадратов катетов, — это безусловный рефлекс. Но у некоторых он просто еще не прорезался. А по литературе он так отвечал: «Образ Лукн. Не производнт снльного впечатлення. Образ Давыдова. Давыдова я уважаю». И все. И ни слова И наводящнх расспросов ие прннимал — просто не понимал, чего от него хотят.

Главное же, иаши шефы — Завод счетно-логнческих машин — подарнли нам древнюю, калечную счетную машнну. Когда-то, наверное, она была чудом техники, но потом устарела, поломалась, только занимала у ннх место, — вот они и отдалн ее нам, чтобы мы в порядке политехнизацнн разобрали ее иа винтнки. Это было скопище шкафов, а на главном шкафе значилось: «БЭСКУДНИК-I» — коиечио, это означало Большое Экспериментальное Счетно-Коднрующее Устройство Для Научных Исследованнй в Кибернетике нлн что-нибудь в этом роде, ио выходило-то — представляете?! Просто нарочно не придумаешь!

Безусловно, не будь Баранцева, «Бескудннк» кончнл бы свон днн на свалке металлолома, потому что наш единственный старый-престарый математик Пал Афанасьич и

молоденькая фнзичка Людочка ие проявили в этом смысле никакого знтузиазма. Зато Женька стал просто как одержимый. К «Бескуднику» иикого ие подпускал, из подвала, куда его пристроили, вылезал только на уроки, н то ие иа все. А ночиая сторожиха, глухая тетя Гутя, не выгоняла его до полиочи: Женька плеиил ее сердце, переделав свисток иа чайиике так, что ои теперь ие только свистел, но и включал в вахтерке сигиальную лампочку.

Мы с Ксанкой однажды спустились в подвал — посмотреть. Там стояла машина, приятно пахло разогретой канифолью. Женьки ие было виднo: он ковырялся в «бескудииковых» внутреииостях. Ксаиа села иа стол, вытянула иоги и пошевелила ступнямн, оттягивая носкн.

— Жеиечка, — сказала оиа, — говорят, зти шкафы могут решить любую задачку — зто правда?

— Какую задачку? — спросил Женькин голос.

— Ну, из учебиика.

Женька фыркиул. Ксанка быстренько выиула «Алгебру» и открыла иаугад.

— Например. Может ли сумма квадратов двух последовательиых натуральиых чисел быть равиа сумме четвертых степеней двух других последовательных иатуральных чисел?

— Нет, разумеется, — сказал Женька. — Никогда эти суммы ие могут быть равиы. Из-за такой ерунды лампы жечь!

— С ума сойти! — сказала Ксаиа. — Ну, хорошо, задачки ему иипочем. А еще чего он может? Погоду предсказывать?

— Сейчас он и дважды два ие может. — Хмурый Женька протиснулся между шкафамн и стал рыться в ящике, выбирая детальки, похожие иа иогастых жуков, и блнзко поднося их к глазам. — Это же нужио суметь — до такого состояиия довести машину! Это ие люди, а...

— Ну, все-такн, все-таки, — тянула Ксана, — когда иаладишь, — сможет погоду?

Женька пожал плечами:

— Какая разннца — погоду илн породу? Или моду?

Ксаиа вся подобралась и уставилась иа Женьку так, словно зто был ие Жеиька, а ие зиаю кто.

— Моду?!

— Какую моду?

— Ты же сам сказал: моду!

— А, возможно... Это ж ие люди, а питекантропы!

Ксаика спрыгнула со стола, положила ему иа плечн руки н близко заглянула в лнцо.

— Евгений! Сделай зто для меия...

Бараицев покрасиел и отступил к стене.

— Что сделать?

— Чтоб моду предсказывала.

Женька нскреиие удивился.

— Не вижу процесса. Штаны и платья, от холода — пальто, а летом — плавки. Что предсказывать?

— Господи! — закричала Кса-

на. — Да ты хуже питекантропа! Хуже! Я прошлым летом сшила отрезное с бантовыми складками, так теперь в нем только на воскресники ходить!

— Абсолютно не понял, — сказал Женька.

Тогда я говорю (меня это, конечно, тоже захватило):

— Жень! Ты вдумайся. Древние римляне в чем ходили? В тогах и туниках. Мушкетеры щеголяли в плащах и шляпах с перьями. Цари носили мантии, Наполеон — треуголку, а Ломоносов — парик с косой. Купцы облачались в кафтаны, дворяне — в камзолы, а бояре — в шубы до полу, не знаю, как называются. Всякие там Людовики обожали панталоны с кружевами, Петр Первый предпочитал ботфорты, Чичиков разъезжал во фраке брусничного цвета с искрой, Анна Каренина танцевала в черном бархатном платье, Маяковский изобрел желтую кофту, а у Володьки Дубровского сзади на «техасах» Ким Новак.

— Любопытно, — сказал Баранцев, помолчав.

Тогда Ксанка решила перейти на язык математики:

— Раньше был моден рукав три четверти, а теперь семь восьмых.

— Чувствительность маловата, — деловито сказал Баранцев. — Это нужно еще полсотни триггеров в пятый блок, а где их достанешь?

Но Ксанка уже не слушала.

— Ря-ря-ря! — пела она. — Все будут, как сегодня, — а я как через год! Все как через год — а я как через десять!

В упоении она вытанцовывала посреди подвала: крутила коленками, отбрасывая пятки — хоп-хоп! — коричневый подол влево, черный фартук вправо, коса вывалилась из шпилек и моталась по спине золотым маятником. Потрясающее было зрелище!

Жаль — Баранцев не видел. Но он уже ничего не видел: он вглядывался и вслушивался в нечто неведомое нам. Не знаю уж, что представляется людям, у которых половина учебников математики ушла в безусловные рефлексы и освободившаяся голова может выдумывать, что хочет. Виделись ли ему туманные потомки в крылатых одеждах, или беззвучные перемигивания электронных ламп, или поблескивающие, сливающиеся вдали, словно рельсы, ряды небывалых формул, — не знаю. Во всяком случае, я дернула Ксанку за руку, и мы тихо-тихо вышли из подвала, твердо уверенные, что история с модами только начинается.

Действительно, назавтра, на переменке, Баранцев говорит:

— Я обдумал эту штуку. Эта задача не имеет алгоритма. Тут можно попробовать принцип Дриппендроппена и работать в вероятностном режиме с беспорядочным статистическим подбором, а дальше экстраполировать по Мюмелю.

— Понятно, — нахально сказала Ксанка.

— В общем это интересно, — продолжал Баранцев. — Попробую. От вас требуется информация: от древнего Египта, ацтеков и шумеро-вавилонян до наших дней. Понимаете? Параметры платьев, диаметры шляп и каблуков, всякие там оттенки и другие ваши тонкости. Эвересты информации. Сделаете?

Мы поспешно закивали.

Женька пошел, но обернулся.

— Да! На десять лет вперед не предскажется.

— А на сколько предскажется? — спросила Ксана. — На будущее лето — предскажется?

— При прогнозе на ближние сроки, — сказал Баранцев, — ошибка по отдельным деталям составит пятьдесят-шестьдесят процентов. На пятьсот лет вперед — еще туда-сюда. А вообще лучше на тысячу.

— Господи! — воскликнула Ксана. — Неужели на тысячу лет вперед легче предсказать, чем на десять?

Женька поморщился.

— Долго объяснять. Решайте: тысяча лет — устраивает?

По Ксаниному лицу пробежали, сменяя друг друга, разочарование, растерянность, краткое раздумье и, наконец, гордость.

— Тысяча лет! — прошептала она. — С ума сойти... Тысяча!

И началось... И пошло!..

Теперь вместо кино и катка, вместо сна, еды, уроков и мытья посуды, вместо чтения «Антологии современной фантастики», наконец, я рыскала по музеям и библиотекам.

Моя бабушка переводила Ксанке первый в истории модный журнал — «La dernier mode» 1873 года издания:

— Pendant cette saison les decolletés les plus piquants seront les plus francs. O! Ах, Ксюша, представь, мадам Маргерит де Понти предлагает декольте с кружевным бантом!

У Ксанки появился новый поклонник — студент с истфака, некто Рома, изысканный и томный молодой человек. Когда бы Ксанка ни выходила из школы, он ждал ее на углу.

— Видите ли, Ксаночка, — говорил он, прижимая к своему боку ее локоть, — буржуазные ученые выдвинули несколько, с позволения сказать, «теорий» происхождения одежды. Они, например, пытаются объяснить ее возникновение чувством полового стыда. Это же — ха-ха-ха!..

Володька Дубровский, у которого обнаружилась тетка-уборщица в Доме моделей, приводил Ксанку на закрытые просмотры и срисовывал для нее уникальные образцы.

Брат Нёмы Изюмова делал фотокопии ценных рефератов по истории вопроса.

А Вадим Николаич — вы представляете! — в воскресенье, накануне Ксанкиного дня рождения, слетал в Ленинград и купил в Эрмитаже репродукции всех картин,

на которых женщины были хоть во что-нибудь одеты.

Последним эпизодом Ксанка любила прихвастнуть при случае. Правда, обязательно добавляла, доверительно понизив голос:

— Только ты никому, ладно?

Никто из них не вникал, зачем Ксане все это понадобилось. Каждый, как мог, зарабатывал ее улыбку. Собственно, полностью в курсе дела были мы трое. Баранцев ушел в вычисления и только покрикивал на меня: мол, недостаточно быстро поставляю информацию. От Ксаны толку было мало; впрочем, ее слово было впереди, на последнем этапе: она должна была явиться на наш школьный выпускной бал во всем блеске моды Тридцатого века! Я в этом смысле в расчет не шла. Понимаете, какую-нибудь завтрашнюю пуговицу или послезавтрашний воротник я бы, пожалуй, рискнула на себя нацепить. Но Трехтысячный год! Нет, такое было по плечу только Ксане Таракановой. А мне просто ужасно интересно было узнать, что из этого получится. И нравилось сидеть по вечерам в подвале, смотреть на взъерошенного Женьку и следить за колдовским бегом зеленых огней по панелям «Бескудника-Первого».

— Рукава! — бросал мне Женька.

Я запускала в хитроумную, конструкции Баранцева картотеку длинную спицу нашей ночной сторожихи тети Гути, и все, что изобрело человечество в смысле рукавов, зафиксированное на перфокартах, само собою вытряхивалось из картотеки и веером раскладывалось на стол перед Баранцевым!

Тетя Гутя, отдавши свои спицы под науку, бог знает как гордилась. Кроме того, она заваривала крепкий чай, несла вырезки из журнала «Работница», припасала малокровные буфетные сосиски, а Женьку особо подкармливала рыбой-аргентинкой домашней жарки. А то просто подолгу сидела, грея спину о горячий бок «Бескудника», и изредка, с большим уважением, произносила загадочную фразу:

— Премудрость во щах, вся сила — в капусте.

Она-то и сказала мне однажды:

— Ох, и девка твоя Ксенька! Сама верченая и такому парню голову заверчивает!

Впрочем, я забегаю вперед...

Ответ мы получили только в декабре. Этот день я помню в подробностях. Был жуткий холод. Сам воздух над кварталом 793 дробь восемь-бис излучал глухое мерцающее сияние, и школьные стены были обметены плоскими жесткими сугробами.

Мы собрались в подвале, когда в школе не осталось ни одной живой души, и Баранцев запер дверь — не для таинственности, а для спокойствия. Видите ли, хотя никто толком не знал, чем

мы занимаемся, в любопытных не было недостатка. Например, за Баранцевым ходил хвост ординарцев-пятиклашек: два строгих тощеньких мальчика в очках, один высокий, ушастый, другой поменьше, и такая же девочка, по имени Лёка. Удивительно, но Баранцев их не гнал, а, наоборот, быстренько обучил обращаться с логарифмической линейкой и паяльником и поручал кое-какую работу. Иногда эти деятели застревали у «Бескудника» часов до девяти; и тогда в подвал врывались их разъяренные родительницы и силой уводили рыдающих ординарцев по домам.

Словом, Женька Баранцев запер дверь, включил рубильник и защелкал тумблерами. Раздалось знакомое низкое гудение, метнулись по матовым экранам зайчики.

Сосредоточенный Женька достал итоговую перфокарту с заданием и вложил в приемник. Вспыхнули сигнальные лампы, «Бескудник» взял тоном выше и замигал огнями учащенно, словно побежал.

Так прошло, наверное, минут пятнадцать.

Потом возникло тихое, быстрое металлическое постукивание — это печатался Ответ.

Еще через минуту раздался щелчок, лампы погасли, и откуда-то, из внутренностей «Бескудника», выполз плотный четырехугольник бумаги.

Вот что мы прочитали:

«ВЕСНА — ЛЕТО 2975-го

Грядущий сезон не несет с собою никаких сенсаций. Мамическое решение силуэта по-прежнему довлеет над папическим. Вместе с тем тригонометрические мотивы постепенно уступают место орнитофлорическим, сдержанно вакхическим, а для молодых стройных женщин — даже квазиэкзистенциалистским. Брунсы вытесняются академками, комбрузы — комбианами, шлюмы — пилоэтами, дюральки — фериткамн, а кальций — магнием. В повседневной носке никогда не надоедают кенгуру естественных цветов, а в выходные и в предпраздничные дни наборы люмексов сделают элегантной каждую женщину. Отправляясь путешествовать, к юбке из секстона или септона наденем жемайчики из октона длиною 0,65 ± 0,125, верхнюю часть из нонона, нижнюю — из декадона и кьякки без пяток; пальто из макарона и шляпка формы «Вирус-В» завершат ансамбль.

На вечерних комбианах оригинально выглядит отделка из натурального ситца, однако молодым девушкам следует выбрать что-нибудь менее претенциозное.

Модны чистые, насыщенные цвета: ранний селеновый, тускарора, кутящей гамбы, ноктилюка, протуберанцевый, гематоксилин-эозин».

Каждый из нас прочитал это про себя несколько раз. Баранцев отошел, сел в сторонке и протер очки; у него был вид человека,

только что сорвавшего грудью финишную ленточку.

— Премудрость во щах... — нарушив молчание, с большим чувством произнесла тетя Гутя.

— Прелестные советы для умалишенных, — ледяным голосом сказала Ксана.

— Неправда! — обиделась я за Женьку, хотя сама испытывала некоторое смятение. — Тут есть понятное, вот... тригонометрические... тускарора... кальций...

— А что такое? — спросил Баранцев.

— Что такое! — закричала Ксана. — Пальто из макарона! Кланяйся своему Мюмелю-Дрюмелю, идиоту несчастному!

Женька побледнел. Отпер дверь на спине «Бескудника» и исчез в нем на полчаса.

Потом он снова вложил задание; снова, замерев, мы слушали металлическое постукивание, наконец новый Ответ был у нас в руках.

Он мало чем отличался от старого. Вместо «кутящей гамбы» теперь стояла «кипящая бампа», а вместо «макарона» — «махерона». Пальто из махерона.

— Действительно, — сказал Женька, — не контачило на выходе.

За это время Ксана успокоилась и обдумала план действий.

— Да, — сказала она проникновенно и перекинула косу из-за спины так, что коса кольцом легла ей на колено, — это, конечно, выдающееся открытие! Такие возможности... Поздравляю тебя, Баранцев. Но, Женечка, тут неясны некоторые детали. Не математические, а практические. Интересно, можно ли их уточнить?

Баранцев медленно перевел взгляд с Ксаниной косы на ее глаза и сказал, запнувшись:

— Конечно...

И вот когда через несколько дней тетя Гутя сказала мне: «Верченая твоя Ксенька и такому парню голову заверчивает», — уже после того, как я сначала посмеялась ей в ответ, этот Женькин взгляд вдруг вспомнился мне.

Дальше что же?

Другая на Ксанином месте, конечно, махнула бы рукой на эту идею. Но Ксана Тараканова, когда ей что-нибудь приспичивало, умела организовать дело!

Теперь ее окружали химики. Толя из Ломоносовского, Воля из Менделеевского и Игорь Олегович из Института Экспериментальных Красителей и Тканезаменителей. Этот последний казался мне тогда совершенно пожилым: он уже защитил кандидатскую, и ему было, наверное, двадцать восемь лет. Рому с истфака Ксанка перевела в запас. А эти химики, полимерщики и анилинщики рылись в «Индексах» и «Анналах» и синтезировали неземные лоскуты немыслимых цветов. И рады были без памяти, когда удавалось Ксанке угодить.

Принципиальная сторона проблемы была, собственно, уже решена. Конечно, Женька по Ксанки-

иым задаиням предсказывал ей кое-какие мелочишки, уточнял детали, но это была так, ерунда, решаемая чистой техникой н не требующая вдохиовеиия.

Жеиька стал задумчив. То целыми вечерами иапролет играл со своими пятиклашками в «крестики-нолики», то оии прибегали к нему иа перемеике, н старший, ушастый ордииарец докладывал:

— Жеия, к слову «слон» Бескудник придумал 2193 рифмы!

— Но из них 1125 иепоиятиых, — уточияла девочка Лёка.

У иих появились свои дела.

Но все-таки часто получалось так, что из школы мы уходили вместе: Бараицев, Ксана и я. Баранцев шел рядом с Ксаной, а я — что делать? — отставала иа несколько шагов. Понимаете, земля оттаяла, между домами квартала 798 дробь восемь-бис грязь была по макушку, и от дома к дому н к рощице возле автобусиой остановки, где уже проклевывались вербинки, скользкие, как иоворожденные цыплята, ходили только по мосточкам-досточкам шириною ровно в два идущих рядом человека. Так что я шла следом за Бараицевым и Ксаиой, а ординарцы — гуськом — за мной. На ходу ордииарцы обсуждали проблемы лежащей иа боку восьмерки и другое подобное, — видимо, в них вовсю иачали прорезываться безусловные математические рефлексы.

Между тем время уже ие шло, а летело, весна входила в силу, мимозой у нас ие торговали, зато прямо за школой лезли под солиышком подснежники, лучезарные, как глаза Ксаны Таракановой.

Наступила пора экзаменов. Пора аттестатов.

Папа н мама Таракановы, увидев Ксанкин аттестат, пришли в отчаяние. Моя бабушка грустио утверждала, что, будь я посерьезнее, так могла бы стать почти отличницей. Что до Баранцева, то Вадиму Николаичу понадобилось полтора часа, чтобы уговорить комиссию поставить ему по устной литературе хотя бы тройку, условно.

Но все-таки, все-таки он иаступил — вечер двадцатого июня, иаш выпускиой бал! Летели в потолок пробки от шампанского, дымились торты из мороженого, благоухала клубника, и каждая черешина отражала люстру лакированным бочком. И уже джаз иашего квартальиого ресторана «Лазер» настраивал свои тромбоны-саксофоны.

Но у меия все колотилось внутри, и через стол я видела, что и Жеиька Баранцев сам ие свой — смотрит все время то иа дверь, то иа часы.

Ксаны ие было.

— Ребята, — сказал Вадим Николаич (это был пятый или шестой тост, когда говорят уже ие торжественно и слышат только те, кто сидит неподалеку). — Сейчас вы еще ие понимаете, что это был за год, вы поймете это позже, а я понимаю уже сегодня. Для меня то ои был таким же удивительным,

как для вас, и мне ужасно жаль уходить отсюда вместе с вами.

— Вы уходите из школы? Вадим Николаич! Правда? Неправда! Почему же?! — зашумели мы.

— Так получилось, — ответил наш Вадик и улыбнулся странной, затаенно-счастливой и грустной улыбкой.

Все бросились к нему с расспросами, но в это время открылась дверь и вошла Ксана.

Ее отовсюду было отлично видно.

И я прекрасно увидела — сначала не лицо, потому что она смотрела в другую сторону, — но россыпь сверкающих волос и платье. И — платье...

Оно было белое. Вернее, не совсем белое. Точнее, почти белое. Понимаете, как если бы цвета спектра, составляющие белый, смешались не окончательно, а каждый немножко оставался бы сам собой: то синий, то оранжевый звучали под сурдинку в этом белом оркестре. И оно тихонько звенело, платье. Но совсем не так, как, например, позванивает лист серебряной фольги, если по нему побарабанить пальцами. И уж совсем не походил этот удивительный звук на нахальный посвист плащей «болонья». Нет, нет, тут было иное. Я думаю, его и слышали-то не все. Наверное, так звенели бы луговые колокольчики, если бы они звенели.

О фасоне я не знаю что и сказать. Позже я пробовала нарисовать его по памяти, но ничего из этого не вышло, нарисовалась совершенная ерунда. Я подозреваю, что постоянного фасона у него вообще не было. Трепетали, переливаясь друг в друга, текучие детали, полукрылья бились вокруг рук и за спиной, еле видимые полотна — или это только казалось? — струясь, сходились у щиколоток ног наподобие узбекских шаровар.

И туфли на Ксане были именно такие, какие требовались для такого платья, и прическа — такая; будьте уверены, она понимала в этом толк!

Даю вам честное слово, самые искушенные модельеры всесоюзного значения никогда не видели и не увидят ничего подобного.

И я стала проталкиваться к Ксане сквозь обступившую ее толпу, чтобы сказать ей это.

И тут Ксана обернулась.

И я увидела ее лицо.

В первый момент я не поверила себе, я подумала, что издали что-то путаю. Я шла к ней все медленнее и медленнее и не могла отвести взгляда.

Я увидела словно не Ксану, а ее сестру, точь-в-точь на нее похожую, но уродливую в той же степени, в какой Ксана была красавицей.

Она хохотала громким, отрывистым, довольным смехом. Ее глаза были по-прежнему синие, но в с е г о - н а в с е г о синие, похожие на маленькие осколки фарфорового блюдца, и вообще главным в лице оказался большой полуоткрытый рот.

Это тихий, переливчатый отсвет платья так изменил ее! Потом-то я поняла, что в этом не было никакой фантастики: всем известно, как, например, меняются лица под мертвенным светом люминесцентных ламп или, наоборот, под прямо падающими солнечными лучами. Но тогда...

В Ксанином лице было нечто издревле жестокое; от тяжелого, оценивающего прищура ушедших глубоко под надбровные дуги глаз сами собой возникали такие ассоциации, додумывать которые до конца у меня не хватало духу.

Мне стало страшно.

Нужно было немедленно сказать ей, чтобы она сломя голову мчалась домой переодеваться. Но тут грянул джаз из ресторана «Лазер», и Володька Дубровский, пробившись к Ксане, повел ее на свободное от столов пространство. Больше никто не танцевал: все смотрели на Ксану.

— Красота-а какая!.. — тоненько и восхищенно сказал кто-то за моей спиной.

Я обернулась и увидела ординарцев. Наверное, Женька позвал их посмотреть результаты опыта.

— Красота? Где? — пожал плечами ушастый.

— Платье красивое, — поправилась девочка Лёка, и они повернулись и пошли, разочарованные, из зала.

Щелкали фотоаппараты, стрекотали кинокамеры. Девчонки с ума сходили: «Прелесть! Ах, прелесть! Очарование! Две тыщи! Девятьсот! Семьдесят! Пятый!!! Ах, чудо, прелестно!» — захлебывались они. Наш старый-престарый математик Пал Афанасьич вытирал слезы умиления, молоденькая физичка Людочка, потрясенная, прижимала руки к груди. «Женька Баранцев машину изобрел, а машина — платье!» — каждому на ухо кричала тетя Гутя, но никто ее не слушал.

Вы понимаете?! Никто ничего не замечал!

Я разыскала Баранцева. Он стоял в стороне, подняв плечи, крепко сцепив за спиною руки и сильно щуря под очками глаза. И я снова подумала, что он похож на грача. Меня он не видел — он вообще никого не видел вокруг, кроме Ксаны.

Так мы стояли рядом довольно долго, наконец он вздохнул, провел рукой по лицу, и мы встретились с ним глазами. В этот момент я окончательно поняла, что новая Ксанка не приснилась, не померещилась мне в результате экзаменационного переутомления, а существует на самом деле. Вот она, резко и недобро хохоча, вытанцовывает от нас в двух шагах. И Женьке Баранцеву от этого так горько, как только может быть горько человеку...

Между тем толпа вокруг Ксаны потихоньку редела; то один, то другой молча, с растерянным лицом отходил от танцующих. Только Вадим Николаич не отводил от Ксаны взгляда и светился той же затаенно-счастливой улыбкой.

6 Фантастика, 1967

* * *

Баранцева с тех пор я не видела. Он ушел с вечера незаметно, один, задолго до того, как все разошлись. Потом я уехала из Москвы... Потом он уехал... Видите как. Если бы я только знала тогда, что мы не встретимся долго-долго, я бы, конечно... Впрочем, не знаю, что я бы сделала.

Ксану я тоже долго не видела. По письмам знала, что она никуда не поступила, а вышла замуж за Вадима Николаича. И что по этому случаю у директора нашей школы, завуча и даже почему-то у председательницы родительского комитета были крупные неприятности.

А недавно мы встретились с ней на улице, случайно. Обрадовались, конечно: сколько лет, сколько зим! Ксана была ослепительно красива, с нею даже разговаривать было неудобно: люди останавливались и глазели.

— А как... Вадим Николаич? — спросила я с некоторой неловкостью.

Она удивилась.

— Вадик? Да мы разошлись давным-давно. Мы и прожили-то без году неделя. Ты подумай: то больница, то санаторий. Ты разве не слышала? Туберкулез...

Мы еще поговорили немного, потом она в знак прощания приподняла руку и слабо пошевелила пальцами, и пошла — длинная, тонкая, вся вязаная, кожаная, эластиковая, вся на уровне лучших мировых стандартов.

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ ПРОШЛОГО (Рассказ бывшего старосты студенческого общежития Института Завтрашней Электроники.)

С Баранцевым мы так жили: тут он, а тут я. У окна Изюмов Нёмка, а возле двери Константин. Пять лет, значит, так прожили, можно друг друга узнать. Так что точно: скромный, отзывчивый, в общественной жизни принимал участие и пользовался заслуженным уважением коллектива.

Должен сказать, коллектив в нашей комнате вообще подобрался исключительный: жили душа в душу, а ведь знаете, всякое бывает. Тем более люди такие разные, что нарочно не подберешь. Например, Константин мог неделю не обедать, чтобы купить парижский галстук, а Баранцев, конечно, не обедать не мог, зато что именно он ел — ему было абсолютно все равно. Однажды Нёмка Изюмов в свое дежурство купил концентратов «искусственное саго с копченостями» и наладил это дело день за днем. Так мы втроем — Константин, я и сам Нёмка — уже на второй день не выдержали и потихоньку начали бегать в столовку, а Баранцев ничего, каждое утро заглатывал это самое саго и выскребал тарелку. Так что Нёмка назавтра опять варил — исключительно, как он говорил, чтобы проверить экспериментально, есть ли у Баранцева вкусовые рецепторы. Чем кончилось? На десятый примерно

день зашла к нам Константинова девушка, тогда была такая Светочка, разахалась на наше холостяцкое житье и сготовила потрясающий ужин — благоухание, поверьте, текло по всем этажам. «Вкусно?» — спросила она Баранцева, когда тот доканчивал отбивную с тушеной картошкой. И что вы думаете, он ответил? «А? — говорит. — У нас Нёма тоже хорошо готовит».

Гм... да. Не знаю, правда, почему мне этот случай вспомнился. Конечно, он слабо характеризует Баранцева и как ученого и как человека. Скорее он характеризует Нёмку Изюмова, который выдумал этот эксперимент со вкусовыми рецепторами. Он и многое другое выдумывал, Нёмка. Бывало, придет с лекций, завалится на кровать, поставит в радиолу квартет Цезаря Франка и выдумывает. Между прочим, музыка эта довольно обыкновенная, серьезная, конечно, но ничего выдающегося. Первый концерт Чайковского или увертюра к опере «Кармен» гораздо красивее, но Нёмку почему-то именно под этот квартет одолевали разные мысли. То он писал «Физику для пятого класса» хореем и ямбом, то придумал организовать ансамбль мужчин-арфистов. Даже раздобыл где-то арфу и немного научился играть; так она и стояла у нас, полкомнаты загораживала. И если Нёмка после всего этого еще получал хотя бы тройки, то только благодаря врожденным способностям и Баранцеву, который тянул его изо всех сил.

Сам Баранцев был человек совершенно противоположный. У него время вообще не делилось на занятую и свободную части, как у всех людей, а было сплошное и спрессованное: до ночи просиживал в Приборной лаборатории или у Реферат-Автоматов, а когда его отовсюду выгоняли, возился дома со своими схемами — к кровати у него был притиснут специальный стол. Вот представьте: Женька согнулся с паяльником, Изюмов играет на арфе, к Костьке пришли знакомые девушки, а я бегаю с чайником туда-сюда. Такова картина нашей вечерней жизни.

На лекциях Женька иногда проваливался. То есть физически, конечно, он никуда не девался, но духом уносился далеко: глаза у него аккомодировались на бесконечность или он бешено начинал записывать обрывки формул, ничего общего не имеющих с предметом лекции. Один раз, помню, с ним случилось такое на «Введении в бионику инфузорий». А с другой стороны от меня сидел Нёмка и тоже бормотал что-то от инфузорий крайне далекое — может, рифмовал интеграл с забралом, не знаю. Посмотрел я на них — и сам, чувствую, проваливаюсь, уношусь куда-то, и лекторские слова уже доносятся до меня, словно через перину. А читал нам «инфузорий» сам профессор Стаканников, читал таким клоко-

чущим, напористым басом, словно не об инфузориях, а о пещерных львах. Так вот, несмотря на этот бас, я как зевну, со звуком даже. Хорошо — лекция кончилась. И Баранцев с Нёмкой спустились со своих высот в аудиторию, и Нёмка задал один из своих дурацких вопросов:

— Вот шел, шел человек в плохую погоду, поскользнулся и шлепнулся в лужу, — как сказать одним словом?.. Упал — намоченный.

Да... О профессоре Стаканникове вам, наверное, тоже приходилось слышать. Вот-вот, тот самый, известный ученый. И внешность у него такая маститая. Встретите на улице, непременно подумаете: «Это идет член-корреспондент».

И вот профессор Стаканников тоже оказался участником одной истории, о которой я вам расскажу и к которой Женька Баранцев имеет самое прямое отношение.

Нужно сказать, что мы давно, со второго курса, поняли, что Женька возится со своими схемами не просто так, а бьет в одну точку. Не такой он был человек, чтобы растекаться мыслью по древу. В ответ на наши расспросы он бормотал нечто невразумительное, так что мы постепенно от него отстали и странную, шишкастую конструкцию, которая гнулась у него в ногах кровати, перестали замечать. Зато Константиновы девушки, впервые попадавшие в нашу комнату, цепенели перед ней в восхищении, как перед Нёмкиной арфой, и начинали тянуть из нас душу, пока не получали ответ, что это есть.

Один раз — тогда была такая Кира — Нёмка объяснил:

— Это полудействующая модель перуанского термитника с обратной связью.

Потом Киру сменила красавица, известная у нас в комнате, как «Симбиоз шляпы с волосами». «Симбиозу» Нёмка просто сказал:

— Перед вами кактусоидная форма существования протоплазмы.

Баранцев в эти разговоры не вступал, но во время объяснений смотрел на Нёмку с благодарностью.

Дело шло к госэкзаменам и к защите дипломов, когда однажды Баранцев сам начал разговор. Наступал вечер, и в комнате не было посторонних, только мы вчетвером.

— Ребята, — говорит Женька, — я недавно кончил одну штуку. Вчерне. Идея не моя, она давно описана, моих тут, собственно, несколько узлов... Ну, использовал интегрирующие схемы... Квазияпонскую оптику...

— Не тяни, — сказал Константин.

— Да нет, ничего особенного. Обыкновенный Коллектор Рассеянной Информации, только малогабаритный и локального действия.

Мы переглянулись. Идея Кол-

лектора, конечно, не нова *. Общеизвестно, что ничто в природе бесследно не исчезает; значит, в принципе каждый след можно уловить, усилить, очистить от последующих напластований и связать с другими следами. Так вот, КРИ — это устройство, которое с помощью соответствующих уловителей, отслоителей, усилителей, накопителей, синтезаторов и сопоставителей преобразует эти следы в картины прошлого.

— Если вот этот тумблер положить вправо, — рассказывал Баранцев, — мы получим картину того, *как действительно было*. Но то, как действительно было, это, собственно, один из вариантов того, *как могло бы быть*, к тому же не самый вероятный. Стрелку, направленную на сущность события, случайности сталкивают влево и вправо. Кто знает, каких вершин достигла бы поэзия, если бы на дуэли был убит Мартынов, а не Лермонтов, и кто бы открыл Северный полюс, если бы медведь, убитый Андрэ, не был заражен **. Перекинув тумблер влево, мы включаем Фильтры Случайностей, Минимизаторы Уклонений и, главное, специальное Устройство, вносящее коэффициент поправки на человеческие качества, — для этого Коллектор должен подключаться к исследуемому человеку. В результате мы получим первую производную — картину того, *как могло бы быть*. Понимаете?

— Понимаем, — сказали мы, хотя то, что рассказывал Баранцев, было в одинаковой степени понятно и непонятно.

В общем из Женькиных объяснений выходило, что, будучи подсоединенным к любому человеку, Коллектор мог проецировать куски из его прошлого в действительном и возможном вариантах.

А Женька уже заворачивал одеяла на кроватях, вытягивал простыни и крепил их к обоям английскими булавками. Он был бледен и сильно волновался.

— Тут еще работы... — говорил он. — Пока так, первая проба. С фокусировкой фокусы... Самонастройка не отлажена... Так что я абсолютно не знаю, какие события он выберет. Видимо, пока только самые существенные, так сказать, ключевые: для будничных эпизодиков чувствительность мала... Давайте, а?

Он воткнул вилку в штепсель, выключил верхний свет и извлек из тумбочки тускло-металлические, ладошками, электроды, укрепленные на обруче для наушников.

В это время раздался стук и вошел профессор Стаканников. Я забыл вам сказать, что по об-

* Для ознакомления с принципиально технической стороной вопроса автор отсылает читателей к первоисточнику: А. и Б. Стругацкие, «Возвращение», стр. 191—198. М., Детгиз, 1963.

** Баранцев, видимо, имеет в виду версию, согласно которой экспедиция Андрэ (1897 г.), пытаясь достичь Северного полюса на воздушном шаре и совершив вынужденную посадку, погибла, заразившись от подстреленного медведя трихинозом. (Прим. автора.)

щественной линии он был прикреплен к общежитию, так что, встречая меня, обязательно спрашивал, все ли у нас в порядке с моральным обликом. А тут вдруг сам пожаловал, вы понимаете — как некстати. И кровати у нас были разворочены, и простыни развешаны на стенах.

Так что деваться нам было некуда, и Женька Баранцев, поколебавшись, еще раз кратко объяснил, что к чему. После этого нам не оставалось ничего другого, как предложить профессору Стаканникову самое удобное место — прямо против экрана, у Константиновой кровати.

Баранцев снова выключил свет, и в полутьме мы посмотрели друг на друга.

— Давайте, что ли, я первый, — сказал Нёмка и надвинул наушники-электроды.

Наступила абсолютная темнота.

Потом она дрогнула, заколебались тени, и мы увидели блестящую, черную, косо вставшую крышку рояля. Напоминало ли это кино? М-м-м... немного. Цветное? Не знаю... Не помню. Вот сны снятся: они цветные? Да, я сказал, что рояль был **черный**, — каким, однако, он еще мог быть? В отличие от кино ощущение экрана полностью отсутствовало, хотя, очень сильно сосредоточившись, я мог увидеть черточки английских булавок, на которых держались простыни.

Итак, перед нами была косая крышка рояля; на ней параллелограммами лежал солнечный свет. За роялем сидела большая, шумно дышащая женщина, обильно заполнившая своим вздрагивающим телом блестящее платье. Не глядя, она сильно ударила одной рукой по клавишам и запела зычно, призывно:

— До... ми-бемо-оль... соль... до!.. Повтори за мной, мальчик: до... ми-бемоль!..

Мы услышали тоненькое, мышиное:

— Мибесо-о-оль...

Мальчик лет шести стоял у рояльной ножки и ковырял паркет повернутым внутрь носком ботинка.

Господи! Это был Нёмка.

— Хорошо, — сказала Женщина у рояля, и мы заметили, что во рту у нее только пять или шесть зубов, и те серебряные. — Теперь, Моня...

— Я — Нёма...

— Теперь, Сёма, спой нам песню, какую хочешь.

Нёмка повеселел, набрал воздуху в легкие и грянул:

Помню, я еще молодушкой была,
Наша армия в поход далеко шла...

Нёмка пел изо всех сил, вкладывая душу.

Но самого его уже не видно было, только слышался голос, а перед нами текли размытые, незапоминающиеся лица. Иногда то одно, то другое словно застревало на мгновение, и я видел молодень-

кую смешливую женщину в очках и буйно-волосатого, бровастого мужчину, тоже тихо посмеивающегося; они вертели в руках карандаши и смотрели в бумаги, разложенные на столе. Мелькнул коридорчик или прихожая, битком набитая мамами и детьми; толстая девочка плакала и топала ногами; мальчик откусывал шоколад от плитки, хрустя фольгой; матери что-то поправляли на детях, и их руки дрожали, а взгляды были ревнивы. Потом и это растаяло; и все поле зрения заняло усталое, полное лицо Женщины за роялем; глаза ее были закрыты, но что-то беспокоило ее: вздрагивали брови, сходились морщины на переносье — видно, какое-то воспоминание не давалось ей, и это было мучительно.

А Нёмка пел:

К нам приехал на побывку генерал.
Весь израненный, он жалобно стонал.

Вдруг мы увидели реку, летнюю рябоватую воду. Мы смотрели на нее с белого теплохода, перегнувшись через нагретый солнцем борт. На корме хлопал флаг с выгоревшей до белизны голубой полосой, зеленые берега с дрожащими где-то на горизонте колокольнями и мачтами электропередачи плыли мимо тихо и бесконечно, и запах июльских трав висел над палубой.

— Хорошо тебе? — чуть слышно спросил молодой человек свою спутницу, высокую, склонную к полноте девушку, и положил ладонь на ее большую, сильную руку.

— Очень... — тоже еле слышно сказала она.

— А кто это поет? — спросил он. — Ты слышишь?

— Это радио в каюте, — сказала она. — Пусть.

...Всю-то ноченьку мне спать было невмочь,
Раскрасавец-барин снился мне всю ночь.

Нёмка кончил. Женщина у рояля медленно открыла глаза.

— Ну, хорошо, — сказала она, все еще улыбаясь, — иди, мальчик. И позови следующего.

...Появились Нёмкина мама и Нёмкин папа. Женщина, которая раньше сидела за роялем, теперь засовывала бумаги в портфель из крокодиловой кожи с монограммой и говорила им:

— Поздравляю вас! У нас было девятнадцать человек на место, но ваш мальчик выдержал такой конкурс. У него удивительная способность проникаться самим духом произведения. Посмотрим, посмотрим... Может быть, он станет Музыкантом с большой буквы.

— А я-то думал, что он станет инженером, — рассеянно улыбался Нёмкин папа, — в наш век, знаете... Но, конечно, если проникается духом...

— ...Изюмова-а! — вдруг заорал кто-то над моим ухом так, что я вздрогнул.

— Изюмова! Изюмова!.. — кричали со всех сторон, и крики тонули в овациях.

Нёмка, совершенно взрослый, сегодняшний Нёмка, вышел из-за кулис и поднялся к дирижерскому пульту. У него был растерзанный вид: манишка потемнела, и воротничок съехал набок. Отскочивший черный бантик он держал в руке и прижимал эту руку к сердцу. Он был совершенно счастлив; я ни разу не видел Нёмку таким измученно-счастливым.

А по обе стороны от него стояли взволнованные скрипачи и неслышно били смычками по струнам своих скрипок.

Все исчезло и смолкло разом, как появилось. В полной темноте мы услышали щелчок — потом я понял, что это Баранцев перекинул тумблер **вправо**.

— Спой, Сёма, нам песню, какую хочешь, — сказала Женщина у рояля.

Нёмка повеселел, набрал воздуху и грянул:

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, имел я силенку...

Лицо Женщины заполнило поле зрения, глаза ее были закрыты, но что-то мучило ее, какое-то неуловимое воспоминание: вздрагивали брови, и морщины сходились на переносье.

Сначала я в деле не чуял беду,
Потом полюбил не на шутку...

Мы увидели человека, сидевшего на корточках перед чемоданом. Это был тучный, немолодой мужчина, и сидеть на корточках было ему непривычно.

— Оставаться с тобой хоть на день, хоть на час, — говорил он с придыханием, судорожно уминая в чемодане рубашки, — это самоубийство... Самоубийство!

Женщина слушала его, прижавшись к стене; нечетко мелькнул силуэт ее большой, полной фигуры.

— Самоубийство для всего! — говорил он, захлопывая крышку и клацая замками. — Для меня как личности, для моего творчества, для всего, что я еще могу сделать в отпущенные мне годы!

— И это говоришь ты! Мне!..— простонала Женщина.

— Я! Тебе! Лучше поздно! — с силой сказал он, распрямляясь и потирая затекшие ноги.

— Ты снова станешь ничтожеством, — отчеканила она. — Что ты сможешь без меня? Ты станешь пустым местом. Кто вообще тебя сделал?

— Замолчи! Я глохну! — крикнул он. — И еще радио это орет, черт бы его брал!

— Пусть! — тоже заорала она. — Уходи! Пусть поет радио!

Под снегом же, братцы, лежала она.
Закрылися карие очи!
Ах, дайте же, дайте скорее вина,
Рассказывать больше нет мочи.

Нёмка кончил. Женщина за роялем открыла глаза.

— Иди, иди, мальчик,— сквозь стиснутые зубы сказала она. — Иди и позови следующего.

...Появились Нёмкина мама и Нёмкин папа. Засовывая бумаги в портфель из крокодиловой кожи с монограммой, Женщина говорила им:

— К сожалению, не могу вас

поздравить. Ваш ребенок не без способностей, но у нас был конкурс девятнадцать человек на место, сами понимаете.

— Да-да... — рассеянно улыбнулся Нёмкин папа и спросил, слегка наклонившись: — Ты хочешь стать музыкантом, сынок?

Нёмка перевел глаза с крокодилового портфеля на блестящее платье и вздохнул освобожденно:

— Не-а...

— Ну, будет инженером, — сказал Нёмкин папа. — В наш век, знаете...

И все кончилось. Погасло, затихло. Баранцев включил свет, и некоторое время мы сидели молча.

— Чепуха какая-то, — не очень уверенно заговорил, наконец, Константин. — Выходит, если бы ты...

— Вот какой однажды был случай, — быстро перебил Нёмка. — Мальчик плакал, плакал, а ему дали сладенького на ложечке, он и успокоился, — как это сказать одним словом?.. С т и х — от — в а р е н ь я...

— Неужели ты детских песен не знал?! — закричал я. — Что это за песни идиотские для шестилетнего ребенка!

— У нас такая пластинка была, — тихо сказал Нёмка. — Она и сейчас жива, и я ее очень люблю: с одной стороны «Ранным-раненько», а с другой «Когда я на почте...».

— Крайне любопытно, — вступил профессор Стаканников. — И что вы чувствовали, Изюмов, в процессе сеанса? Болевые ощущения? Подергивание конечностей?

— Ничего. Никаких, — ответил Нёмка.

— Гм... О-очень интересно, — продолжал Стаканников. — Но между прочим, я еще в сорок шестом году высказывал... М-м-м... да. Разрешите-ка, я сам попробую, молодые люди.

И, сев поудобнее, он надвинул электроды на уши.

Мы увидели длинный коридор, из тех, что одним концом выходят на лестничную клетку, а другим упираются в пахнущий винегретом и дустом буфет. По обеим стенам его шли двери с надписями: «Аудитория №...», возле урн стояли курильщики, и группа девушек, обняв друг друга за плечи и образовав кружок, обсуждала нечто не слышное нам.

— Привет, — сказал молодой, но не слишком, человек, подходя к другому молодому человеку, подпиравшему стену и рассеянно листавшему толстый журнал.

— Здорово, — отозвался листавший и, подняв голову, оказался Стаканниковым, лет на тридцать моложе нынешнего.

— Веселенькие новости, — продолжал Другой Молодой человек, встряхивая руку Молодому Стаканникову. — Ты знаешь, кого назначили? Этого скотину Турлямова.

— Ну да! — сказал Молодой Стаканников.

— Я только из академии: приказ подписан. Ты понимаешь, что это означает?

Оба закурили, глубоко затягиваясь.

— Новая эпоха, — горько улыбнулся Молодой Стаканников.

— Кого жалко, так это Старика, — сказал Другой Молодой человек. — Дожил до такого позора. Его Турлямов сожрет в первую очередь.

— Инфаркт он ему сделает, — невесело согласился Молодой Стаканников.

Так они курили некоторое время.

— Кстати, — сказал Другой Молодой человек. — У тебя на отзыве диссертация Копейкина?

— У меня. — Молодой Стаканников сплюнул в урну. — Утвердили оппонентом.

— Ну и как она тебе?

— Бред собачий, — сказал Молодой Стаканников. — Ни одного чистого контроля. А демагогии! Скулы сводит.

— Не завидую тебе, — серьезно сказал Другой Молодой человек и посмотрел прямо в глаза Молодому Стаканникову. — Ты же знаешь, кто такой Копейкин. Учти ситуацию.

— А иди ты к дьяволу! — отрезал Молодой Стаканников.

Они побледнели и тихо растаяли. Но тут же прорезались вновь. Теперь они сидели рядом на длинной вогнутой скамье, положив локти на обшарпанный барьер. За их спинами высилась аудитория, лица обращены были вниз, где за столом, устланным зеленым и уставленным примулами, стоял, охватив указку, как ствол, щупленький, словно присыпанный пеплом, человек без возраста.

Председательствующий был плотен и блестяще лыс. Его руки с выпуклыми желтыми ногтями были широко раскинуты на сукне, и время от времени он сгребал его в ладони и наваливался грудью, будто желая утвердиться на этом своем месте.

— Слово официальному оппоненту, — сказал Председатель и обвел глазами сидящих на первых скамьях. Взгляд у него был словно не сплошной, а квантованный: по прицельному, цепкому взглядику на человека.

Первые скамьи мелькнули перед нами: насупленные брови, опущенные ресницы, дымки папирос, прикрываемые ладонями, черные ермолки, пальцы, барабанящие по исчерканным листам, разбухшие портфели. Совсем близко от нас оказался долговязый старик; запустив пальцы в голубоватую бородку, он сидел словно в отдалении от всех и беззвучно смеялся.

Вдоль этого первого ряда пробирался, прижав к себе папку и наталкиваясь на чьи-то колени, Молодой Стаканников. Выйдя к трибуне он разложил бумаги и начал тихо:

— Диссертация Вэ Вэ Копейкин-

на состоит из девяноста пяти страниц машинописного текста... — Но вдруг поднял голову и закричал тонким вибрирующим голосом: — Товарищи! До какого же состояния должен был дойти наш институт, чтобы это — это! — эта демагогия!.. Это эпигонство!.. Эта самодовольная, воинствующая безграмотность!.. Могло! Существовать! В качестве диссертации!

Плеская воду, он налил себе в стакан, судорожно глотнул и продолжал, несколько успокоившись:

— На тридцати страницах вступления Вэ Вэ Копейкин уничтожает Менделя за незнание марксизма, а на тридцати страницах заключения восхваляет невиданный подъем нашего сельского хозяйства. На оставшихся страницах автор описывает то, что он хотел бы получить. Понимаете? Хотел бы! Но собственные его данные не доказывают ни-че-го...

Молодой Стаканников перевел дух и снова обратился к бумагам. Но тут Председатель, который до этого момента подгребал к себе сукно со стола, с неприятным звуком царапая его ногтями, встал, грохнув стулом, и сказал веско:

— А я лишаю вас слова, Стаканников. Как патриот русской биологии, я не могу допустить, чтобы в моем присутствии на нее лили грязь вейсманизма, космополитизма и агрессивного империализма!

И соискатель, который, пока говорил Стаканников, словно повис нул на своей указке, теперь расправил плечи, вздохнул и переложил указку в руку, как ружье.

В полной тишине вдруг раздалось глуховатое:

— Хо-хо-хо!..

Это увесисто, не прерываемый никем, хохотал долговязый старик с голубоватой бородкой. Отсмеявшись, он поднялся и пошел к выходу, сопя и стуча палкой.

...Молодой Стаканников тоже улыбался. Он был бледен, только глаза горели. Он шел прямо на нас и протягивал перед собою не папку, что-то поменьше, коленкоровое, с тисненым гербом — да, собственный кандидатский диплом.

— Я согласен на должность младшего научного сотрудника, — говорил он кому-то, кто находился за нашими спинами.

— У вас, кажется, было свободное место лаборанта? — спрашивал он. — Что? Даже временно нет?

За нашими спинами, видимо, менялись люди, и Молодой Стаканников в своем торжественном, заметно помявшемся костюме, все спрашивал:

— Может быть, вы возьмете меня на полставки? Препаратором?

— Хватит! — крикнул, задыхаясь, профессор Стаканников и, протянув руку к установке, на ощупь перекинул тумблер вправо.

Вдоль первого ряда аудитории пробирался, спотыкаясь о чьи-то ноги и шепча извинения, Моло-

дой Стаканнников, одетый в торжественное. Он держал двумя пальцамн за угол тоненькую папочку н, распахнув ее на трнбуне, стал чнтать, не подннмая глаз:

— Днссертацня Валентина Валентнныча Копейкнна, состоящая нз девяноста пятн страннц машннопнсного текста н выполненная под руководством нашего уважаемого председателя профессора Турлямова, представляет собою прннцнпнальный труд н большой вклад. Ведь в чем, товарищн, главное преимущество нашей бнологнн? Она стонт на самых прочных в мнре методологнческнх рельсах и ннкогда ни во что не выроднтся. Вот н сегодняшняя днссертация...

...днссертацня полностью удовлетворяет требованиям, а сам днссертант вполне заслуживает нскомой степенн.

Молодой Стаканнников захлопнул папочку и отер лоб. У него был ужасно усталый внд, гораздо более усталый, чем у щуплого сонскателя, который задумчнво оглажнвал указку рукою.

Молодой Стаканнников не пошел на свое место, а опустнлся вблнзн — рядом с долговязым стариком. Но старнк шумно поднялся н, сдвннув его, направнлся к двери, сопя и стуча палкой.

...Теперь Председатель сндел за обычным кабннетным столом; он удобно располагался в кресле, плотно, словно утверждаясь, обхватнв ладонями подлокотникн.

— Так вот, — говорнл Председатель стоявшему перед нним Молодому Стаканннкову. — Старикн умнрают, н в этом своя дналектика. В связи с этнм прнскорбным событнем на кафедре освободилась вакансня. Подавайте документы, Стаканнников, мы вас поддержнм.

— Осторожнее! — крнкнул Баранцев. — Что же вы сннмаете электроды без предупреждения? Вот предохраннтель сгорел.

Профессор Стаканнников ходнл по комнате, натыкаясь на кровати; он был взволнован.

— Ну что же, — говорнл он больше для себя, чем для нас, — это было правнльно. Собственно, я ннкогда не сомневался: это было правнльно.

Осуждаете меня, молодые людн? — продолжал он с горькой полуулыбкой. — Не понять вам, нет, не понять... Другое время — другне песнн. А ведь задача была сохраннть кадры. Да... Возьмем монх однокашников, тех, кто, вндnте лн, был выше. И что же? Куранов два года промыкался без работы — н переквалнфицировался в геологн. Буранов — в хнмнкн. Муранов... тот вообще не вынес... да. Нет, ннтересно, — н кто от этого выиграл? Наука? Человечество? М-м-м? А я бы — как Муранов?! Кто бы учнл вас же? Развивал бы кто? История — она рассуднла...

— Костька н Николай, вы осталнсь, — невежлнво перебнл Баранцев. — Давайте, еслн хотнте.

Константин первый протянул руку к электродам, а я еще смотрел на профессора и тихонько кивал — им-то что, им-то хорошо, а я как староста обязан соблюдать приличия.

С Константином не происходило ничего особенного. Он просто ехал в метро в изрядно набитом вагоне, стоял у двери, свободно закинув руку за верхнюю металлическую палку, а другую, с книгой, подняв над головами пассажиров. Видно, было это не так уж давно: на Константине алел и синел знакомый нам свитер — правда, теперь линялый и одеваемый Костькой лишь в случае холодов.

Вдруг кто-то ойкнул:

— Что же это у вас льется? У вас же сметана льется! Смотрите! Льется и пачкается.

Рядом с Константином мигом организовалось пустое пространство, в нем осталась отягощенная авоськами бабка. Из одной авоськи действительно что-то сочилось и капало.

— Безобразие! — отшатнулся импозантный мужчина и, плюнув на платок, принялся тереть брючину.

Его с энтузиазмом поддержали:

— Ездят и пачкают!

— С такими узлами на такси надо!

— Милый, нонешняя сметана без жира, водой отмоется...

— Она еще и советует! Вот себя бы и мазала, а не чужие брюки!

— А брюки бостоновые.

— В бензине надо.

— В ацетоне.

— В химчистку.

— Спекулянты.

К растерявшейся бабке протиснулась девушка, маленькая, стриженая, присела на корточки, просунула тоненькие пальцы в ячейки авоськи и стала подымать скользкую банку и прижимать крышечку.

— Ну что вы кричите? — негромко сказала она. — Человек же не виноват: это крышка отскочила.

— Действительно, — миролюбиво поддержал Константин, — подумаешь! Обыкновенная сметана, не радиоактивная.

— Умник какой! — обрадованно взвизгнул кто-то.

— Пижон! — определил пострадавший мужчина. — Как он про радиацию-то? С усмешечкой!

— Молодежь!

— Ихний брат стоит на сметанном конвейере — вот крышечки и отскакивают...

Маленькая девушка, покончив с банкой, поднялась на цыпочки и спросила у Костиной спины:

— Вы сойдете у Аэропорта?

— А знают они ей цену, сметане-то?!

Поезд тормозил.

— Сойду, — в сердцах сказал Константин.

На перроне она чуть отстала, натягивая на голую пятку сползший ремешок босоножки. Костька из солидарности замедлил шаг.

— Попало нам, — сказала она, прыгая на одной ноге.

— Бывает, — пожал плечами Костька.

Девчонка была так, обыкновенная десятиклашечка, немножко кудрявая, — самая длинная, блестящая прядь заложена за маленькое ухо.

— Один раз, — сообщила она, — со мной тоже случился ж-жуткий случай — и как раз в метро! Я ехала на Новый год, а один дядька зацепился за меня портфелем, там на углах такие железинки, — и весь чулок ой-ей-ей!..

Вообще она была смешная: глаза круглые, руки тонкие, а на блузке без рукавов матросский воротник, как у дошкольницы.

— Ужас, — согласился Константин.

Тут я просто замер, и на некоторое время вообще перестал что-нибудь замечать, потому что она улыбнулась. Такая славная была у нее улыбка: вспыхнули светлые глаза, взмахнули ресницы, лицо чуть запрокинулось, и вся она словно осветилась до самого донышка. Я перевел взгляд на Константина и понял все, что с ним происходит, — ведь это она ему улыбнулась, а не мне.

...От черного, вымытого поливальными машинами асфальта Ленинградского проспекта поднимался тихий парок. Они шли навстречу далеким огням Шереметьева, и наверное, она замерзла в своих босоножках, в которых не было ничего, кроме плоских подметок, и в пустяковом детсадовском платье, потому что теперь на ней был Константинов ало-синий свитер, пришедшийся ей как раз до колен. Люди вокруг них исчезли — оказывается, уже наступила ночь, и окна не горели, зато на расстоянии двух-трех вытянутых рук, на оконечностях подъемных кранов мерцали фонари, и, доверительно рокоча, бороздили небо бортовые огни самолетов. Негасимые автоматы с газированной водой жили тайной ночной жизнью; Костька и она по очереди подставляли пригоршни под их колючие струи, потому что стаканы до утра были припрятаны расторопными работниками службы быта.

— Если бы люди знали! — сказала она. — Если бы они только представляли!.. И у них было бы побольше свободного времени, — они обязательно приходили бы сюда по ночам. Да?

Костькин ответ я не запомнил — очевидно, в силу его бессмысленности. Впрочем, для Нее и для Него самого он был значителен и важен.

Темнота медленно редела, первые машины, неся на свежих лакированных корпусах малиновые блики, помчались по проспекту. И гулко, певуче, каждый звук, как граненый хрустальный шарик, раздались первые позывные из невидимого репродуктора.

Она вдруг ахнула и с испуганным и несчастным лицом бросилась к телефону-автомату, а Кон-

стантии замер у будки. Он стоял, как в карауле, с таким видом, словио ие было большего счастья, чем наблюдать сквозь тресиутое стекло, как оиа объясняется со своими родителями, сходящими с ума от волнения и ожидаиия.

...Позже мы оказались в страниом помещеиии, слишком тесиом, чтобы оио могло быть назваио комиатой, и освещеиием так скудио, что, только вглядевшись и различив тяжелые болты, крепящие задраеииые люки, я понял, что оио представляет собою иечто вроде барокамеры, а может быть, отсек более крупной устаиовки. На трех стеиах слабо поблескивали шкалы приборов; было в иих что-то тревожащее, чего, одиако, я ие успел осознать, ио только почувствовал; четвертая стеиа представляла собою экраи, и перед ним, касаясь друг друга плечами, стояли Коистаитин и оиа. На иих были лабораторно-испытательные комбинезоны, зиаете, эти, с индикаторными лампочками, лариигофонами, вшитыми аккумуляторами, фотокармаиами и всем остальным.

— Попробуй еще раз, — сказал Констаитии.

Это был сегодияшиий Костька.

Оиа защелкала ручками иастройки — экраи полыхнул фиолетовым и погас.

— Сколько времеии прошло? — спросила она. (Оиа тоже повзрослела, похудела, светлые ее глаза стали громадными.)

— Почти сутки, — сказал ои. — Оии уже десять часов как ищут.

— Нужен месяц, чтобы до иас добраться.

— Чепуха! — бодро воскликиул Коистаитин. — Оии что-иибудь придумают. Нам с тобой трудио представить, что имеино, ио придумают. А мы продержимся иа аварийном. Ты что, не веришь, что они придумают?

— Верю, Костенька, — сказала оиа.

Где-то вдалеке возиик и теперь иарастал, иадвигаясь, высокий пульсирующий свист. Страшиый толчок швырнул их иа пол, стены иакренились.

Коистантин подиялся, пошатываясь, подиял ее и прижал к себе. Она заговорила, торопясь, сжав ладонями его щеки и глядя ему в глаза:

— Костеиька, все равно, что бы ни случилось... Подумать только — мы могли бы ие встретить друг друга! Но мы встретились, я с тобой — это такое счастье!

— Да... да... да... — повторял Костька, целуя ее и пряча лицо в ее стриженых волосах.

Раздался грохот. Оии упали, ие разжимая рук. В иаступившей темноте мы услышали отчаяиный крик.

— Пустите меня! — кричал Коистантии. — Оиа погибла! Пустите!

Мы с Нёмкой держали его за плечи. «Сейчас, сейчас», — шептал Баранцев и шарил пальцами по паиели КРИ.

Щелчок!

— ...Обыкновенная сметана, — миролюбиво заметил Константин. — Ведь не радиоактивная.

— Умник какой! — в восторге завопил кто-то.

— Пижон, — подхватил пострадавший мужчина.

— Ихний брат стоит на сметанном конвейере...

— Молодежь.

Маленькая девушка, привстав на цыпочки, спросила у Костькиной спины:

— Вы сойдете у Аэропорта?

Поезд тормозил.

— Пожалуй, мне от Сокола ближе, проходите, — подвинулся Костька и подмигнул. — Я еще тут побеседую с товарищами о теперешней молодежи...

Константин сидел, обхватив голову руками. Больше он никуда не рвался, но лучше бы кричал, чем так молчать.

— Послушайте, — рассудительно говорил профессор Стаканников. — Будем логичны, друзья мои. Абстрагируемся от конкретных личностей и рассмотрим систему А—Б в общем виде. Если А и Б взаимозависимы, то, поскольку существует А, должна существовать и Б. Если же Б перестала существовать в результате некоей катастрофы, то следует только радоваться, что система А—Б не была слишком жесткой.

— Она погибла, — глухо сказал Константин, отняв руки от лица и глядя мимо нас.

— Перестань ты! — не очень уверенно воскликнул Нёмка.

— А ты помнишь ее? — спросил я. — Как вы на самом деле встретились в метро — помнишь?

— Не помню, — убито сказал Константин. — В том-то и дело. Вот бабку со сметаной, представь, запомнил; она еще была похожа на нашу соседку тетю Валю.

Тут я должен сказать о себе. То, что произошло, вернее, могло бы произойти с Костькой, произвело на меня потрясающее впечатление. Бог мой, — думал я, — наверное, я тоже встречал эту, вернее другую единственную девушку и не узнал ее, таких на улице и в читалке встретишь человек по пятьдесят в день, — как отгадать, что это она? Я лихорадочно перебирал мою жизнь: детский сад — школа — институт, выискивая мой решительный момент; я просто изведся в предположениях и догадках. В жизни не представлял себе, что могу так волноваться.

— Может, перерыв? — растерянно предложил Нёмка. — Поговорим, выпьем чаю...

— Ни за что! — воскликнул я.

Все поняли меня. Баранцев протянул мне электроды, и я надвинул их, еще теплые от Костькиных ушей.

Я подумал, что у Баранцева что-то разладилось: перед нами не возникало никаких картин, ровным счетом ничего. Только от

пронзительных «уии-уии!» н треска разрядов заложило уши, да время от времени выстреливали на экране зелёные молнии. Женька с вдохновенным и терпеливым лнцом коротковолновика крутил ручки настройки, я видел, что он вывел чувствнтельность на максимум н взялся за ручку с надписью «Возраст». Повинуясь движению его пальцев, узкнй луч ползал туда и обратно по шкале, градуированной от года до тридцатн.

— Что же это, Женька? — не выдержав, спросил я.

— Для тебя, Коль, паверное, чувствительиость маловата, — с сожалением сказал Баранцев. — А постой-ка... Погодн-ка...

И действительно, я увидел себя: Я платил в кассу отдела фотопрннадлежностей универмага «Военторг».

— Нет у меня мелочи, молодой человек, — сказала кассирша. — Возьмите лотерейные билеты, всего два осталось, номера: ноль три н ноль четыре.

— Куда мне два, — ответил Я, — я лучше сока выпью. Один давайте. — Я протянул руку, взял билет ноль четыре и пошел к киоску, где продавался томатный сок.

...— Проверь-ка, Коленька, таблицу, — сказала мать. — Я както купила на девяносто копеек, возьми на полке под «Дон Кихотом».

— У меня тоже был бнлетик,— вспомнил Я, вынул его нз бумажника, расстелил газету и стал сличать иомера.

— Ха! Вот так штука! — воскликнул Я. — Серия три семерки трн девятки номер ноль четыре...

— Что?.. — бледнея, спроснла мать.

— Номер ноль четыре — вот этот самый! — выиграл пылесос «Вихрь»! — объявил Я, торжествуя.

— Батюшки!.. — ахнула мать и перекрестилась.

— Выключи, — сказал я Баранцеву, страдая от разочарования и стыда. — И не надо показывать, как было на самом деле; я и так помню: купил билет ноль три и выиграл рубль... А нет ли чего-нибудь позначительнее? А, Женька?

— Попробуем! — сказал Баранцев. Чудак! У него был такой вид, словно он в чем-то виноват передо мной.

На этот раз Женька, рассчитывая увеличить чувствительность, даже снял заднюю панель и впаял два новых сопротивления. Мы ему помогали; н у меня было такое чувство, словно я ассистирую хирургу и в то же время сам лежу распластанный на операционном столе.

Потом Женька вновь крутил ручки настройки, а я сидел, придавливая электроды к ушам и мучаясь от ожидания, перебирал в памяти: детский сад... школа... нниститут...

— Внимание! — еле успел предупредить Баранцев.

...Прямо на Меня мчался автомобиль. Черт знает, как он вывер-

нулся из-за угла, — кажется, это была «Волга» и, кажется, зеленая.

— А-а-а!.. — заорал Я и увидел летящий Мне навстречу угол тротуара.

— Человека задавили! — кричали люди, сбегаясь к зеленой «Волге» на перекресток против кинотеатра «Повторный» и заслоняя лежащего Меня от меня.

Я видел только спины и ноги, тянущиеся на цыпочках, и слышал разговоры:

— Живой, слава богу!

— Смотри-ка, сел.

— Рука поврежденная.

— Вон «Скорая» едет.

— Живой, целый. Слава те, господи!

Меня посадили в «Скорую», шофера «Волги» повели в милицию, толпа разошлась.

И Баранцев перекинул тумблер **вправо.**

...Я вышел из кинотеатра «Повторный», приблизился к краю тротуара и некоторое время переминался с ноги на ногу. Машины шли сплошным потоком. Тогда Я присвистнул и пошел вниз, к Консерватории, до другого перехода...

— Все? — спросил я Баранцева на всякий случай.

— Все. — виновато ответил Женька.

— Вот видите! — вскричал профессор Стаканников. — Я всегда верил в вас, Завязкин, и я был прав. Ваша жизнь развертывается точно по прямой, практически без отклонений. А это возможно лишь в том случае, если ваша психика имеет минимальное число степеней свободы. Идите и дальше по этому кратчайшему пути от точки к точке — такие люди нам нужны!

— А вот был однажды такой случай, — сказал Нёмка. — Горилла подумала, что она человек, заказала брюки, но потом не знала, куда их надевать, потому что у нее четыре руки, а ноги ни одной — как это сказать одним словом?..

Я стиснул зубы, распахнул окно и по пояс высунулся в ночной переулок, пахнущий озоном.

Конечно, Баранцева нужно было качать. Ведь грандиозный успех, триумф! Но, честно вам признаюсь, в тот вечер — точнее, в ту ночь — мы не сделали этого. Каждый из нас думал о своей жизни, и эти размышления настолько поглотили нас, что мы Женьку даже не поздравили.

Но он все понял. Пока мы так сидели и курили, он снял простыни со стен, вскипятил чайник, занял у соседей ванильных сухарей и расставил стаканы...

Вот, собственно, и весь случай. По-моему, он достаточно характеризует Баранцева как ученого. И как человека тоже. Так что для меня лично он всегда будет не только выдающимся изобретателем современности, но и верным членом нашего студенческого коллектива.

Между прочим, мы до сих пор

собираемся, у Нёмки. Правда, чаще всего на эти встречи прихожу один я: Баранцев всегда работает до глубокой ночи, а Константин, если и приезжает, то с последним поездом метро, так что по домам мы возвращаемся пешком. Но мы с Нёмкой не обижаемся. Баранцев — это Баранцев. Что до Константина, то и я и Нёмка отлично знаем, где он проводит все свободное время, хотя мы никогда не говорим об этом.

Однажды я не выдержал и после работы отправился в метро до Аэропорта. Я сразу увидел Константина: в привычном ожидании он шагал по платформе, а когда поезд подошел, бросился навстречу сошедшим, напряженно вглядываясь в каждую девушку. Поезда все подходили и подходили... В один из них тихо вошел я и уехал домой.

Конечно, нет никакой надежды, что когда-нибудь он снова встретит ту девушку. Почти никакой. На его месте я не стал бы ездить на Аэропорт. Но когда я думаю об этом, нестерпимое чувство ожидания охватывает меня. Ожидания чего? И сам не знаю...

как начинаются наводнения

Кирилл Булычев

За окном плыли облака. Таких облаков я раньше не видел. Снизу, с изнанки, они были блестящими, гладкими и отражали весь город — крыши, зеленые и фиолетовые, с причудливыми резными коньками, кривые улочки, мощенные кварцевыми шестигранниками, людей в кирасах и цилиндрах, идущих по улочкам, старомодные автомобили и полицейских на перекрестках. В углу ок-

на, у рамы, располагалось самое любнмое из отраженнй — кусочек набережной, рыболовы с двойнымн удочкамн, влюбленные парочкн, сндящне на парапете, женщнны с малышамн. И дома н людн на облаках были маленькнмн, н мне часто приходнлось додумывать то, чего я ннкак не мог разглядеть.

Доктор приходнл после завтрака н саднлся на круглую табуретку у моей постелн. Он глубоко вздыхал н жаловался мне на свон многочнсленные болезнн. Наверно, он думал, что человеку, попавшему в мое положенне, прнятно узнать, что не он один страдает. Я сочувствовал доктору. Названня болезней часто былн совсем непонятны н от этого моглн показаться очень опасными. Даже уднвнтельно, как это доктор еще живет н даже бегает по корндорам больннцы, прнстукнвая высокнмн каблучкамн по лестннцам. Всем своим вндом доктор давал мне понять: разве у вас ожог? Вот у меня зуб болнт, это да! Разве это доза — тысяча рентген? Вот у меня в коленке ломота... Разве это уднвнтельно — трндцать два перелома? Вот у меня...

Сначала я лежал без сознання. И это он выходил меня после первой клнннческой смертн. И после второй клнннческой смертн. Потом я прншел в себя н пожалел об этом. Правда, у ннх нзумнтельные обезболивающне средства, но я ведь знал, что онн все равно не справятся с тысячью рентген, — все это чнстой воды фнлантропия. Не больше.

— Сегодня на рассвете однн старнк поймал в реке большую рыбнну, — говорю я, чтобы отвлечь доктора от его болезней.

— Большую?

— В руку.

— Это вы в облаках рассмотрелн?

— В облаках. Почему онн такне?

— Долго объяснять. Да я н не смогу. Вот выздоровеете, поговорите со специалнстамн. Облака не круглый год. Месяца за два до вашего прилета было солнце. Тогда все меняется.

— Что?

— Наша жнзнь меняется. Прнлетают кораблн. Но это ненадолго.

— К вам редко кто прнлетает.

— Пассажнрскнх рейсов нет. Да н откуда нм быть? Распнсання не составншь...

— Почему? — хотел спроснть я, но пришла сестра. Вместо этого я сказал: — Доброе утро, мой мнлый палач.

И сразу забыл о докторе. Сестра — значнт, процедуры.

Днем я заснул. Мне снова снилась катастрофа. Мне снилось, что я поседел. Но, наверно, мне ннкогда так н не узнать, поседел лн я на самом деле. Голова моя наглухо замотана — только глаза наружу.

— С Землей связалнсь, — сказал доктор, заглянув ко мне вечером.

Ои казался очень веселым, хотя мы оба зиали, что с Земли лететь сюда почти полгода.

— Ну-ну, — вежливо сказал я и стал смотреть в потолок.

— Да вы послушайте. Нам сообщилн, что «Колнбри» заправляется на базе «12-45». Завтра стартует к иам. Это далеко?

Я хотел бы успоконть доктора, ио ои все равио узнает правду. Я сказал:

— Будут дней через сорок.

— Замечательио, — ответнл доктор, ие переставая широко улыбаться. Но ему уже было невесело. Он тоже поимал, что сорока дней мие ие протяиуть. Но он был доктором, н поэтому ои должен был что-то сказать.

— У иих на борту врач и препараты. Вас поставят на ногн в три часа.

— Тогда некого будет ставить на ноги...

По реке на облаках плыл винз трубой длиниющнй пароход, н белый дым из его трубы свисал с облака к самому окиу.

— Надо быть молодцом, — сказал доктор.

Я не стал спорить.

Ночь была длниной. Я ждал рассвета, а его все не было. Сколько длятся нх сутки? Если ие ошнбаюсь, двадцать два часа с мнпутами. И поделеиы оии на периоды и долн. Об этом я читал в справочиике. Еще на базе.

Накоиец стало светать. Я удивнлся, увидев на облаках, что улицы полны народу. Обычно прохожие появлялнсь часа через полтора после рассвета.

Открылась дверь, н вошел доктор.

— Вас еще не кормнли? — спроснл он.

— Нет, рано еще.

— Пора, пора, — сказал ои.

— Сколько сейчас времени? — спросил я.

— Трннадцать долей третьего пернода, — сказал доктор.

Я ие стал просить разъясненнй. Третьего так третьего.

— Мне придется вас покннуть, — сказал доктор. — Много работы.

Доктор вернулся через час н долго рассматривал ленты с запнсями моей температуры, давлення, пульса н прочнх штук, свндетельствующнх о том, что я еще жив. Леиты ему явно ие иравнлись, поэтому доктор начал иасвнстивать что-то веселое.

— Ну и как?

— Совсем иеплохо. Совсем неплохо. Жалко, что вам сбнлн режим. Головы за это отрывать надо!

— За что?

— За полную безответственность. Ему, видите лн, не хотелось с ней прощаться. Ну ладно, потом объясию. Кстати, вы ие будете возражать, еслн к вечеру мы сделаем вам переливанне крови?

— А мое возражеине будет принято во вииманне?

Доктор вежлнво улыбнулся н ушел.

На следующнй день мне стало

хуже. Доктор сидел на круглом табурете и о своих болезнях ни гугу. За окном метет. Вчера еще было тепло, и рыболовы покачивали над водой удилищами, как жуки усиками. А сегодня метет.

— Через полчаса кончится, — сказал доктор. — Недосмотрели.

— Вы управляете климатом? — спросил я.

— Да ничем мы не управляем, — вздохнул доктор. — Это не жизнь, а сплошное безобразие. Скорей бы облака уходили.

— Вы вчера что-то говорили о безответственности.

— Ах, вы об этом инциденте? Это неизбежно. Один молодой человек... Что с вами?

Мне было плохо. Я еще слышал доктора, но уже не мог удержаться на поверхности мира. Мне казалось, что я держусь за слова доктора, как за скользкие тонкие бревнышки, но вот слова выскальзывают и остаются на воде, а я ухожу вглубь, не смея открыть рта и вздохнуть...

Я очнулся. Они не знали, что я очнулся. Не заметили. И я слышал их разговор. Доктора и другого врача, специалиста по лучевой болезни.

— Два-три дня, не больше, — сказал специалист. — Очень плох.

Я знал, что говорят обо мне, но очень хотелось, чтобы слова эти не имели ко мне никакого отношения.

Вторично я очнулся ночью. Доктор сидел на своем табурете и раскладывал на коленях нечто вроде пасьянса из карт, похожих на почтовые марки. Мне показалось, что доктор осунулся и постарел. Я был благодарен доктору за то, что он не ушел ночью домой, за то, что сидит у моей постели, и даже за то, что он осунулся всего-навсего оттого, что в его отделении умирает человек с Земли, с совсем чужой и очень далекой планеты.

— Спите, — сказал доктор, заметив, что я открыл глаза.

— Не хочу, — сказал я. — Еще успею.

— Не дурите, — сказал доктор. — Безвыходных положений не бывает.

— Не бывает?

— Еще одно слово, и я даю вам снотворное.

— Не надо, доктор. Знаете, что удивительно: я читал, что перед смертью люди вспоминают детство, родной дом, лужайки, залитые солнцем... А мне все чудится, что я чиню какого-то ненужного мне кибера.

— Значит, будете жить, — сказал доктор.

Я задремал. Я знал, что доктор все так же сидит рядом и раскладывает пасьянс. И мне, как назло, приснилась лужайка, залитая солнцем, та самая лужайка, по которой я бегал в детстве. Лужайка была теплой и душистой. На ней было много цветов, пахло медом и жужжали пчелы... Доктору я не стал говорить о своем сне. Зачем расстраивать?

Вошла сестра.

— Все в порядке, доктор, — сказала она. — Проголосовали.

— Ну, ну?

— Сто семнадцать «за», трое воздержались.

— Чудесненько, — сказал доктор. — Я так и думал.

Он вскочил, и карты, похожие на марки, рассыпались по полу.

— Что, доктор?

— Жизнь чудесна, молодой человек. Люди чудесны. Разве вы этого не чувствуете? Ох, как у меня болит зуб! Вы не можете себе представить... У вас когда-нибудь болели зубы? Вы еще вернетесь на свою поляну. Она вам снилась?

— Да.

— Вернетесь, но со мной. Вам придется пригласить меня в гости. Всю жизнь собирался побывать на Земле, но недосуг как-то. Если мы с вами продержимся еще два дня, считайте, что мы победили.

И он не лгал. Он не успокаивал меня. Он был уверен в том, что я выживу.

— Сестра, приготовьте стимуляторы. Теперь не страшно. — Доктор взглянул на часы. — Когда начинаем?

— Через пять минут. Даже раньше.

Сквозь толстые стекла окон доносся многоголосый рев сирен.

— Через пять минут. Вы уже знаете? — сказал незнакомый врач, заглядывая в палату.

— Закройте шторы, — сказал доктор сестре.

Сестра подошла к окну, и я в последний раз увидел серебряную подкладку облаков. Я хотел попросить, чтобы они не закрывали шторы, объяснить им, что облака нужны мне, но неумолимая тошнота подкатила к горлу, и я, не успев уцепиться за воркование докторского голоса, понесся по волнам, задыхаясь в пене прибоя.

— ...Так, — сказал кто-то по-русски. — Ну и состояньице!

Я не знал, к какому из отрывочных видений относится этот голос. Он не давал уйти обратно в забытье и продолжал гудеть, глубокий и зычный. С голосом была связана растущая во мне боль.

— Добавь еще два кубика, — приказывал голос. — Трогать его пока не будем. Глеб, перегони-ка сюда третий комплект. Сейчас он очнется.

Я решил послушаться и очнулся. Надо мной висела черная широкая борода, длинные пушистые усы и брови, такие же пышные, как и усы. Из массы волос выглядывали маленькие голубые глаза.

— Вот и очнулся, — сказал бородатый человек. — Больше уснуть мы тебе не дадим. А то привыкнешь...

— Вы...

— Доктор Бродский с «Колибри».

Бродский отвернулся от меня и выпрямился. Он казался высоким, выше всех в комнате.

— Коллега, — перешел он на

космический. — Разрешите мие еще разок заглянуть в историю болезии.

Мой доктор достал катушки с леитами записей.

— Так, — бормотал Бродский. — День одиниадцатый... деиь четырнадцатый... А где продолжеиие?

— Это все.

— Нет, вы меия ие поияли. Я хотел спросить, где вторая половииа месяца? Ведь ие четырнадцать же дией он болеет.

— Четырнадцать, — сказал доктор, и в голосе его прозвучали звенящие иотки смеха.

— Сорок три дия иазад мы стартовали с базы, — между тем гудел Бродский. — Мы сэкономили в пути трое суток, потому что больше сэкономить ие могли...

— Я вам все сейчас объясию, — сказал доктор. — Но, кажется, приехал ваш помощиик...

Через шесть часов я лежал на самой обычной кровати, без лат, без шии, без растяжек. Новая кожа чуть зудела, и я был еще так слаб, что с трудом подинимал руку. Но мие хотелось курить; и я даже поспорил, хоть и довольио вяло, с Бродским, который запретил мие курить до следующего дия.

— Давайте-ка все-таки распутаемся с этой историей, — сказал Бродский, склоиившись иад моей историей болезни. — Сколько же мы летели и сколько же иаш больиой пролежал у вас?

Бродский достал из кармаиа большую трубку и принялся ее раскуривать.

— Тогда вы сами ие курите, — сказал я. — А то отниму трубку. Ради одиой затяжки я готов сейчас иа преступлеиие.

— Больиой, — строго сказал Бродский. — Что дозволено Юпитеру, то ие дозволеио кому?

— Волу, больиым, космоиавтам в скафаидрах, — ответил я. — У меия высшее образование.

Мой доктор слушал иаш разговор, умилеиио склоиив голову к плечу. У иего был взгляд дедушки, внук которого проглотил вилку, ио в последиий момент умудрился с помощью приезжего медика вериуть ее в столовую.

— Даже ие зиаю, с чего иачать, — иаконец сказал доктор. — Все дело в том, что иаша плаиета весьма нелепое галактическое образоваиие. Большую часть года оиа целиком закрыта серебристыми облаками, которые полностью отрезают иас от виешиего мира.

— Но ведь мы же прилетели сюда...

— Корабль может пробить слой облаков, ио этим обычио иикто ие хочет заииматься. И вот почему: облака каким-то образом иарушают причииио-следствеииую связь иа поверхиости плаиеты. Вы помиите, как иесколько дией иазад в городе рассвело несколько позже, чем обычио?

— Да помню, — сказал я. — Я решил сиачала, что слишком раио просиулся.

— Нет, это запоздал рассвет. Одни влюбленный молодой человек не хотел расставаться со своей возлюбленной. И что же он сделал? Ои забрался иа башию, иа которой стоят главиые городские часы н привязал гирю к большой стрелке часов. Часы замедлнлн ход. В любом другом месте Галактнки от такого поступка ровным счетом ничего бы не случилось. Ну, может быть, кто-ннбудь и опоздал бы на работу. И все. А иа нашей плаиете в период «серебряных облаков» замедлился ход времени. Рассвет наступил позже, чем обычно.

Доктор вдоволь иасладился иашим нзумленнем н продолжал:

— Беда еще н в том, что в одиом городе часы могут идтн вперед, а в другом отстают. И рассвет наступает в разиых местах по-разиому. Чего только мы ие предпрнинмали! Запрещали пользоваться личнымн часамн — ведь время завнснт даже от инх, ввелн обязательиую почасовую сверку всех часов планеты... Но потом от всех мер такого рода отказались. Просто-напросто каждый житель плаиеты имеет часы. И раз на планете жнвет сто двадцать миллионов человек, то средиее время, которое показывают сто двадцать мнллиоиов часов, правильио. Один спешат, друrне отстают, третьн идут как иадо. Понятио?

— Значит, — спроснл я, — еслн вы сейчас подведете свон часы вперед, то н время ускорнт свой ход?

— Ну, на такую малую долю, что иикто не заметит. А если ошибка становится крупной, достаточно чуть-чуть сдвинуть стрелки главных курантов — и все прндет на свои места.

— А ваш влюбленный об этом зиал? — спроснл Бродский.

— К сожалению, да. Об этом зиают все.

— И часто случаются казусы?

— Очень редко. Мы волей-иеволей дисциплииированиы. Но, с другой стороны, мы знаем, что в случае крайней необходнмости можем управлять временем. Так было и с нашим больиым. Совет плаиеты прииял решеиие спасти гостя. Мы зналн — жнть ему два, от силы три дня. Вашему кораблю лететь до нас сорок дией. Помните, я попросил сестру закрыть шторы?

— Да.

— Для того чтобы вас ие смущало мелькаиие дня н иочи.

— Так эта мера очень болезнеина для плаиеты!

— Мы созиательио пошли на некоторые трудности. Например, студеитам придется сдавать весеннюю сессию в две иедели вместо месяца. Больше того, как сейчас выясинлось, «Колибрн» пришел на пять часов раиьше, чем мы предполагалн. Значит, миогие жнтели города сами подводили вперед ручиые часы и будильникн.

...Через трн дня мы приехалн на космодром. Доктор улетал с намн на Землю. Я еще был слаб н опирался на трость. Легкий сне-

жок сыпался с серебряиых облаков и мутил нх гладкую поверхиость. Впервые я увидел собственное отражение. Если задрать голову, то маленький человечек с палочкой тоже закинет голову н встретится с тобой взглядом.

Проводы затяиулись, н я, устав, взялся рукой за круглую палку, прнвнннченную к стеие космовокзала. Так стоять было удобиее. Бродскнй говорнл довольно длинную речь, в которой благодарил жителей планеты.

— Пора, — сказал стоявший рядом со миой капнтан «Колибри». — Через пятнадцать минут старт.

Я обиимаюсь и раскланнваюсь с друзьями...

Вдалеке слышнтся гул.

— Что такое? — взволиовался доктор. — Что случилось?

Провожающие, видио, разобравшнсь, в чем дело, бросились в укрытие космовокзала. Доктор поптичьи покрутнл головой н впился взглядом в меня.

— Сейчас же уберите руку! — крикиул ои. — Что вы наделалн!..

Я отдернул руку и, обернувшнсь, посмотрел на круглый предмет, за который я держался. Оказалось, самый обыкновеиный ртутиый термометр.

— Что случилось, доктор? Что я иатворил?

— Неужелн вы не поимаете? Посмотрите иа термометр. Вы же согрелн его и поднялн температуру на иесколько градусов. Во всем городе! И снег растаял... Не теряйте же ин секунды. Скорее в корабль! Начнняется иаводненне!

чистильщик

Григорий Филановский

Виктор Караев прервал мою работу на самом интересном месте. Так всегда кажется, когда приглашают на менее интересное. Мы оба это отлично знали, ибо в юности совместно увлекались психологией; но пути наши разошлись.

— Прилетай, тут у меня один юный Герострат...

Придется слетать. Пустой, как обычно, зал всемирного судилища. Диалога скорей всего не будет

никакого: подсудимый вял, а судья, будучи в высшей степени объективен, совмещает в одном лице обвинителя, защитника и, разумеется, судью. Заранее скучновато...

— Сколько вам лет, Жуянов?

— Шестнадцать. Семнадцать неполных.

— Понимаешь хоть, что натворил?

— Ничего не понимаю. Никому ничего я плохого не сделал. Никто даже и не заметил, только Буля с Нонкой, потому что я с ними пошел на пари...

— Плохо ты знаешь людей, Жуянов. Мир откликнулся на твой неслыханный поступок, и это привело тебя на позорную скамью.

— Ну уж, «мир откликнулся»... Делать им, что ли, нечего?

— Сомневаетесь? Вот вам, — судья вновь перешел на вы, — свидетельства: отклики и подписи. Пожалуйста:

«Поражен случившимся. Не спал всю ночь», — сообщает лесник из Сибири.

«Остановилась картина». Подпись — Машина (ударение на первом слоге), художник.

«Прошу назвать автора сюрприза», — просит астроном Парсек. «Сюрприз», должно быть, в ироническом плане... Это все из разных концов Земли, незнакомые люди. А вот и межпланетчики забеспокоились — соответственно марсограмма! Всех интересует, в чем дело? А дело, оказывается, в том, что юный бездельник — вероятно, это так — Жуянов задумал позабавиться, подобно Аттиле или пресловутому римскому легионеру, убившему Архимеда.

— Чего вы?.. Я никого не убивал, не трогал и больше не буду, а вы меня пустите домой...

Караев еле сдерживался, и мне было по-дружески жаль его — сейчас и вообще. Он был, да и остался, очень неплохим психологом и социологом. Но мы все частенько подтрунивали над его необычайной душевной деликатностью, когда он причинял кому-либо неумышленную, вынужденную обиду. И возможно, в силу особенности характера, Караева мучительно заинтересовала природа человеческой преступности. Он нашел ключ к этому в прошлом в несовершенстве социальных систем минувших времен, когда неравные возможности, уродливое развитие той или иной личности приводили к попыткам любой ценой компенсировать неудовлетворенность своим положением в мире. Забыться опьянением, вырвать долю положенного каждому счастья, отомстить за обиды судьбы любой ценой: насилием, подлостью, убийством. Оценив достоинства исследований ученого, автора назначили главным судьей планеты. Главным и единственным. И то, каждый подсудимый был как находка, да и преступления — все больше мелкие хулиганства, даже скорее озорство. Жизнь ежечасно убеждала Караева в том, что с юности был прав, но это обернулось

его личной трагедней. Он уже потратнл чуть лн не полжнзни на дело далеко не первой важности и в глубнне души, возможно, завидовал многим стоящнм на переднем крае эпохн. И едннственно, что остается в таких случаях людям, — хоть для себя выпятнть, превознести свою неотъемлемую захолустную работу...

— До чего эти юнцы пораспускалнсь! — ворчал Караев. — Недавно группа подобных молодчиков вставила водородный фнтиль в Южный полюс. Резко потеплело в той зоне, нзменилось направление ветров, и что же? На Чили пошли ураганы — еле успели их перехватнть и завернуть... Жуянова интересует, вероятно, какое наказание понеслн внновные? Тоже ведь думали, что так себе, шуточкн, посмотрим, мол, что из зтого выйдет. Как виднте, ничего хорошего не вышло. Я запросил бюро: от каких работ все отказываются? — н бросил некоторых на заготовку грибов, а зачнннщика — на борьбу с графоманамн, личиую... Недоучкн-стажеры из Инстнтута экспериментальной гибрндизацнн в часы досуга получнлн новый вид — помесь горного козла и домашнего осла. Животные оказалнсь чрезвычайно жнзнеспособными, потомство разбежалось по стадам коров, овец, свиней, начиная верховоднть и морочнть электронных пастухов. Я заставил этнх сорванцов, не козлов-ослов, а стажеров, чтобы последнне выловнли и тщательно изолировалн первых от всех остальных. Натворили — исправляйте сами. Но вышеупомянутое, по-моему, — невинные шалостн по сравнению с тем, что натворил этот шалопай...

— Что же? — не выдержал я. — Ну?

— Луну, — скривнлся молодой Жуянов.

— Что Луну?..

— Луну спрятал. — Неожиданно он хихикнул, но, глянув на Караева, состронл обнженное лицо.

— Скрылась царица ночи! — патетнческн воскликнул судья. — Та, которой нздревле поклонялись... В древнейшем государстве Вавилоне однны из самых почитаемых богов был покровитель города Ура — Син, Лунный. Династия нидийских царей гордилась тем, что ее родословная восходит к Луне. Античная поэтесса Сафо изображает Селену прекрасной женщиной с факелом в руке, ведущей за собой звезды. Селена... Селас — по-древнегречески свет, блеск!.. — При зтом Караев уничтожающе глянул на съежившегося паренька. — Один век сменял другой, и Луна осталась последнны божеством, которому поклонялнсь влюбленные н поэты: недаром она пронизывала сны, рождала легенды, тревожно манила, исторгала из душн музыку н слезы...

Караев вновь поглядел на Жуянова, уныло кивающего головой, и продолжал:

— ...Но прншел час, когда Лу-

ны впервые коснулся вымпел, сделанный руками человека, а вскоре Луну обнял первый космоиавт. На обратиой ее стороне соорудилн обсерваторию, и иа этом дело кончнлось: вблизи наш естественный спутник оказался не такнм уж интересным. Да и иа Земле в суматохе дел, нагроможденьях городов, переплетенье космическнх станцнй и тысяч воздушных трасс разве что отдельные чудаки и неизменные влюбленные порой обращалн внимание на серебряное пятнышко в небе...

— Вот имеино, — счел уместным вставить подсудимый, — кому до этого дело...

— Молчи! — прикрикнул судья. — Нет, лучше расскажн сам, как ты дошел до такого геростратства!

— Значнт, так, — обратился почему-то ко мне злосчастный подсудимый, — был у нас разговорчик с Булей и Нонкой. Гулялн мы как-то ночью по-над речкой, эта самая Луна светила как надо. Я говорю: между прочим, она отражает всего семь процентов падающих иа нее лучей. А могла б инчего не отражать... Если бы была абсолютио чериой. Как сажа. А сажа — это уднвительная штука! Один грамм может покрыть тончайшнм слоем тысячу квадратиых метров. На два мнллнона квадратных кнлометров — площадь вндимой половины Луны — достаточно было бы двух-трех тысяч тони сажи. Чепуха. Крупный сажевый завод делает столько за иеделю. Фокус в том, чтобы распылнть эту сажу на Луне. Идея! Выбросить огромиое облако вблизи поверхности, и оно равномерио осядет повсюду, благо, ни ураганов, нн просто ветра иа Луне как будто нет...

Я прнсмотрелся к Жуянову: в его глазах была мысль, чувствовалось, что математику он знает, технику любит н вообще парень с головой, хотя пока н дурноватой...

— Но почему же вы решнли, что именно вам, Жуянову, дано право осуществить этот днкнй эксперимент?

Жуянов отвел глаза от Караева.

— А чего они, Буля и Нонка, сказали «слабо»?.. Я им и доказал! Запустить контейнер такого веса и взорвать его вблизи Луны в наш век перестройки жизнн н освоеиия солнечной системы не такое уж сложное дело. А вы бы посмотрели, какой вид был у Булн и Нонки, когда они убеднлись, что Луна сделалась-таки черной!..

— Хватнт! — Караев поднялся, в этот торжествеиный миг он воплощал земное правосудне. — Я обращаю вниманне на то, что последнее время молодые людн стали вести себя весьма безответственно. Став безусловно гуманнее и уважительио в целом относясь к себе подобным, оин зачастую злоупотребляют теми огромными силами, которые вложила иам в руки и сделала доступиым каждому наука и технка. Делаются разные штукн, фокусы,

забавы, эксперименты, чаще всего по недомыслию, но влекут за собой иногда весьма тяжкие последствия. Безобидная, казалось бы, установочка для добычи золота из океана в известной степени нарушила солевой баланс в одной из зон, что привело к захирению ценных водорослей, служащих сырьем для вкусонина. Бурение глубинной скважины в неположенном месте азартными разведчиками земного ядра вызвало землетрясение на Филиппинах. А одному молодчику захотелось устроить солнечный денек, когда он выбрался на прогулку со своей симпатией. Разогнал облака над озером, на котором они веселились, а неподалеку барабанил такой град, какого отродясь никто не видал...

Подкрепившись, таким образом, общими предпосылками, судья нацелился на конкретного обвиняемого. Не утруждая себя аргументами, подтверждающими злокозненность действий Жуянова, Караев вынес ему безапелляционный приговор: исправить содеянное, вычистить Луну...

Жаль, я не видел лиц достопочтенных Були и Нонки, когда они прослышали, что их дружок в результате сделался чистильщиком...

Как-то через полгода, а может, и год после этой истории я случайно увидал в небесах полную Луну и подумал, что Жуянов, очевидно, выполнил свою миссию. Но на этом история отнюдь не кончилась. Несколько лет спустя на Золотом пляже ко мне подсел молодой человек.

— Жуянов? Чистильщик?

— Бывший. Ныне биофизик. Изменился, а?

Я нарочно хотел задержать его подольше, до прихода Луны, впрочем, мне было довольно интересно говорить с ним. И лишь когда мы прощались, я вспомнил вновь грех его молодости и злорадно показал на Луну:

— Сияет?

— Пока — да, — улыбнулся Жуянов. — А вообще признано целесообразным зачернить ее. Свет ее мешает каким-то важнейшим, очень тонким астрономическим сопоставлениям. Нет, я к этому не имею никакого отношения. Случайно слыхал...

Он поклонился и улетел. На следующее утро я позвонил Караеву. Тот рассеянно выслушал эту историю.

— Может быть... В порядке вещей. Я, кстати, встречал где-то имя биофизика Жуянова — так и подумал, что мой... Да, очень хорошо, что ты позвонил: сейчас я буду судить одну личность. Шестнадцать лет. Метал громы и молнии, находясь на Венере, с целью заронить там начало жизни. Аналогичные условия были, дескать, на Земле миллиарды лет назад... Нет, такими вещами не шутят. И ему не удастся отвертеться от суда — пойман на горячем...

плеск звездных морей

Евгений Войскунский,
Исай Лукодьянов

I

Я и Робин с детства треннровались по менто-системе, и я сразу почувствовал, что он вызывает меня направленной мыслью.

«Что случнлось?»

Нам было далеко до совершенства в менто-обмене, но я почувствовал в его вопросе страх. Самому Робину бояться было нечего. Значит, страх относнлся к другнм. Я понял.

«Не знаю, — ответил я. И добавил: — Видимой опасности нет».

По глазам Робина я увидел, что последние слова до него не дошли.

— Видимой опасности, — повторил я вслух, — на Венере не было.

— В жизни не видел такой паники, — сказал командир, не оборачиваясь к нам. — Полгруза не принято, отсеки забиты людьми, толком ничего не поймешь... Столько времени потеряли... — Он покачал головой и умолк.

— Хватит ли воды? — сказал Робин. — Девятьсот семьдесят два человека... — Он потрогал клавиши вычислителя. — Сто три грамма в сутки на человека. Маловато.

— Придется что-то придумать, — сказал командир. — Там есть дети.

В этом рейсе я был просто пассажиром. Отпускником, возвращающимся с Венеры. Мне было не обязательно находиться в ходовой рубке. Я сказал командиру, что пройдусь по отсекам.

— Хорошо, — кивнул командир. — Постарайся что-нибудь толком узнать. Покажи им, где у нас запасные изоляционные маты, пусть используют как матрацы.

Кольцевой коридор был забит людьми. В грузовом корабле только один пассажирский отсек — двенадцать двухместных кают. Там разместились женщины с грудными детьми. Остальным предстояло провести полет в небывалой тесноте коридоров и грузовых отсеков. Я увидел, что многие плохо переносили ускорение, хотя командир растянул разгон как только мог. Оно и не удивительно: без амортизационных кресел...

В гуле взволнованных голосов я улавливал лишь обрывки фраз. Большинство, конечно, говорило на интерлинге, но некоторые — главным образом люди пожилые — переговаривались на старых национальных языках.

— ...Медленное накопление, они сами не замечают перестройки психики, — доносилось до меня.

— ...Играли в шахматы — и вдруг он делает совершенно несусветный ход. Я ему говорю: «Нельзя так», — а он...

— ...Подложу под голову надувную подушку, и тебе станет легче.

— ...Да, да! Смотрит холодными глазами и даже пальцем не шевельнул, чтобы помочь...

— ...Разгон кончился, знаю, но торможения я не перенесу...

— ...Никуда! Никуда больше не улечу с Земли! Никуда!..

Я посмотрел на женщину, которая это сказала. Она была красива. Резко очерченное меднокожее лицо. Волосы — черным острым крылом. Рядом с женщиной сидел, привалясь к переборке, светловолосый мужчина средних лет, глаза его были полуприкрыты. С другой стороны к нему прижималась тоненькая девочка лет пятнадцати. Большая отцовская рука надежно прикрывала ее плечо. Я знал эту семью — на Вене-

ре оии жили по соседству с моими родителями. Их фамилия была Холндэй. Девочку звали Аидра. Оии поселились на Веиере незадолго до моего отлета на Землю — я тогда поступил в Иииститут космоиавигации. Помию — эта самая Аидра редко играла с детьми, все больше с отцом. Том Холидэй учил ее фигурным прыжкам в воду, часто иосил ее иа плече, а оиа смеялась. Наверио, это было неплохо — сидеть иа прочном отцовском плече.

— Никуда с Землн! — исступлению повторяла мать Аидры.

Я подошел к ним и поздоровался. Жеищина — теперь я вспомиил, что ее зовут Роига,— скользнула по мие взглядом и ие ответила.

— Здравствуй, — сказал Холидэй, приоткрыв глаза. — Ты что, из экипажа корабля? — добавил ои, заметив мой зиачок.

— Нет, старший, — ответил я. — Возвращаюсь из отпуска. Просто очень трудиый рейс, и я помогаю экипажу.

Я почувствовал, что Аидра спрашивает меия по меито, ио вопрос был расплывчат.

— Не поиял, — сказал я ей.

— Ты уже пилот? — спросила она вслух.

— Нет, еще полгода учиться, а потом практика. — Я перевел взгляд на ее отца. — Старший, почему вы все кииулись иа этот грузовик? Ведь по вызову колоиистов иа Веиеру уже идут пассажирские корабли.

— Так получилось, — сухо ответил он и снова закрыл глаза.

Я хотел было двииуться дальше, ио тут Роига остаиовила меня повелительиым менто:

— Твои родителн остались?

Вопрос был задаи так четко, будто она произнесла его вслух.

— Да, — ответнл я. — Помоему, они и не собираются иа Землю.

Я подождал, не скажет ли оиа что-нибудь еще. В ее взгляде я прочел страииое недоброжелательство. Она молчала.

Я двииулся дальше. Вокруг было такое — будто страиица из учебиика нстории, будто беженцы времен какой-нибудь большой войиы. Люди иа голом полу, тут же пакеты с едой, одеяла всех цветов и оттеиков. Дети. Один иапуганы, жмутся к старшим, другие уже освоились, бегают по тесным проходам. Я поймал одиого, иаиболее любозиательиого, который игрушечиым триигером пытался сиять крышку с коитрольного люка детрибутора. Я шлепкул его и снова подумал, что рейс будет трудиым.

Почему Роига спросила о моих родителях? И почему отец с матерью за весь мой отпуск ни словом ие обмолвились, что на плаиете неладио? Онн были совершенно спокойиы. Как обычио. На Земле у меия почти ие оставалось времени для вольиого чтения — мешали занятия в ииституте и треиировки. Я мечтал об отпуске, чтобы иачитаться всласть. На Венере я проглотил уйму книг.

Отец вечно пропадал на плантациях, мать — на станции наблюдения за атмосферой — и мы, собственно, встречались только за едой. Жизнь текла размеренно. Ни разу я не слышал от них, что на Венере неладно...

Меня окликнул какой-то чудак, забывший снять скафандр. Он так и сидел, скрестив ноги, в громоздком венерианском скафандре, только шлем снял. Рядом стоял большой старомодный чемодан, давно таких не видывал.

— Ты из экипажа? — спросил он на плохом интерлинге. — Вы там думаете насчет воды?

— Да, старший, не беспокойся, вода будет, — ответил я. — Помочь тебе снять скафандр?

— Нет. Меня интересует только вода. — И он добавил по-немецки: — Торопимся, торопимся, вечно торопимся.

Подросток лет тринадцати оторвался от шахмат, посмотрел на человека в скафандре, потом на меня и снисходительно сказал:

— Как будто у них нет установки для оборотной воды.

Я мысленно усмехнулся: «Видно, паренек, тебе еще не доводилось отведать оборотной воды».

У него были желто-зеленые глаза, неспокойный ехидный рот и манера во все вмешиваться. Я сразу это понял — насчет манеры, — видывал уже таких юнцов.

— Хочешь мне помочь? — спросил я.

— Мне надо решить этюд, — ответил подросток. — А что будем делать?

— Пойдем со мной, покажу. Этюд потом решим вместе.

— Бен-бо! — выпалил он словцо, которым мальчишки обозначают нечто вроде «как же» или «только тебя тут не хватало». — Как-нибудь и сам решу.

Он пошел за мной.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Всеволод. Это родительское. Тебе нравится?

— Нравится.

— А я все думаю — оставить или выбрать другое. Мне, знаешь, какое нравится? Модест. Как ты думаешь?

— Лучше оставь родительское.

— Бен-бо! — воскликнул он на всякий случай. — А тебя как зовут?

— Улисс.

— Родительское?

— Нет, собственное.

— Улисс — это Одиссей, да? Подумаешь! С каким ускорением мы идем?

— Ускорение кончилось.

Я подошел к двери шкиперского отсека и отпер ее. Всеволод тотчас юркнул вслед за мной и принялся по-хозяйски озираться.

— Видишь эти маты? — сказал я. — Не очень-то мягкие, но все-таки лучше, чем на голом полу. Ты поможешь мне раздать их пассажирам.

— На всех не хватит. Ладно, ладно, знаю без тебя, что вначале женщинам...

Он взвалил несколько матов на спину и исчез. Вскоре снова появился в отсеке. С ним пришли еще несколько парней примерно его же возраста.

— Они тоже будут таскать, — сказал Всеволод. — А еще какая работа будет?

Я отвел его в сторонку.

— Ты, наверно, все знаешь. Ну-ка скажи, что произошло на Венере?

— А ты спроси у Баумгартена. Это который в скафандре сидит.

— Спрошу. Но сперва расскажи ты.

— Я бы ни за что не улетел, если б не родители. Я-то за свою психику спокоен.

«Опять психика, — подумал я. — Прямо какое-то массовое помешательство. У кого-то меняется психика — только и слышишь вокруг».

— Может, он его просто не услышал, — продолжал Всеволод, в упор разглядывая мой значок, — а они из этого такое раздули...

— Кто кого не услышал? Говори по порядку.

— Так я и говорю. Он ехал с дальних плантаций, из Долины Сгоревшего спутника. Вдруг у него испортился вездеход. Там, знаешь, привод компрессора...

— Не надо про компрессор. Что было дальше?

— Дальше начался черный теплон. — Парень оживился. — Ух и теплон был! На нашем куполе все антенны расплавились. А потом — аммиачный ливень...

— Стоп! Ты сказал — у него испортился вездеход. Дальше?

— Вот я и говорю, испортился. А тут теплон начинается. Чернота пошла. Прямо беда. И тут он проезжает мимо.

— Кто мимо кого? Говори же толком?

— Тудор мимо Холидэя. Холидэй ему по УКВ: «Возьми меня, терплю бедствие». А тот будто и не слышит. Проехал — и все.

— Ну, а Холидэй что?

— А там один вертолет удирал от теплона. Так он услышал вызов Холидэя. Повезло ему, а то сгорел бы.

Я немного знал Тудора. Он, как и мой отец, был примаром — из первого поколения родившихся на Венере. Они с моим отцом занимались селекцией венерианских мхов. Тудор... Поразительно... И еще странно, что отец мне об этом не рассказал. Не мог же он не знать. Теплон прошел третьего дня, как раз накануне прилета этого грузовика.

— Из-за этого случая и началась паника? — спросил я.

— Пойди к Баумгартену, он тебе расскажет.

Баумгартен спал. Но когда я подошел, он открыл глаза.

— Так хватит воды или нет? — спросил он.

— При жесткой норме хватит. — Я сел рядом с ним. — Старший, мне рассказали о случае с Холидэем. Может, Тудор

просто ие услышал его? Неужели из-за одиого этого случая...

— Одиого случая? — перебил ои, грозно выкатывая иа меня светло-голубые глаза. — Если хочешь зиать, я заметил это у примаров еще год назад. Я вел иаблюдеиия, дружок. Этот чемодаи иабит записями.

— Что имеиио ты заметил у них, старший? — спросил я, чувствуя, как похолодели коичики пальцев.

— Мелких признаков миого. Но самый крупный и самый тревожиый... м-м... как зто на иитерлиигe... Равнодушие! — выкрикнул Баумгартен. — Страиное равнодушие к окружающим, полиое безразличие ко всему, что выходит за рамки повседиевных локальных интересов. Я утверждаю это со всей ответственностью врача! Мы — все — не — хотим — стать — равнодушиыми!

Я потихоиьку растирал кончики пальцев. Набитый чемодан. Наблюдеиия за примарами...

— Случай с Холидэем подтвердил самые страшные мои опасеиия, — продолжал Баумгартеи хлестать меия словами и интоиацией. — Онн становятся другими! Сдвиги в психике все более очевидиы!

— Нет, нет, с моими родителями все в порядке. Ничего такого я не замечал. Нет!

— А все потому, что торопимся, вечио торопимся, — говорил Баумгартен.

— Не понимаю, старший. Ты сам торопился с отлетом. Ты взбудоражил всех людей, а теперь говоришь...

— Я говорю о другой торопливости. — Худое лицо Баумгартеиа вдруг замкнулось. — Об этом будет разговор иа Совете плаиироваиия.

Он умолк, и я поиял, что больше он иичего мне ие скажет.

— Насчет воды не беспокойся, — сказал я и пошел по кольцевому коридору к лифту.

Опять прошел мимо Холидэев. Том по-прежиему сидел с закрытыми глазами. Аидра читала киигу. Она мельком взгляиула на меня, тоикой рукой отбросила со лба волосы. Волосы у иее были черные, как у матери, а глаза — отцовские, серые, в черных ободках ресиц.

Она и раиьше вечио жалась к отцу.

Ронга сидела ссутулясь, скрестив руки и стисиув длинными пальцами собственные локти. Резкие черты ее лица как бы заострились еще больше. Я услышал, как она прошептала иепримиримо:

— Никуда, иикуда с Земли...

II

Мы возвращались с последиего зачета. Целый деиь, бескоиечио длинный деиь мы только тем и заиимались, что убеждали зкзамеиаторов: иаши мышцы и нервы, наши иителлекты и кровеносные сосуды — словом, наши психо-физические комплексы вполне пригод-

ки для космической навигации. Нас раскручивали на тренажерах, мы падали в такие бездны и с таким ускорением, что желудок оказывался у горла, а сердце — во рту. А только тебя подхватывала силовая подушка — ты не успевал отдышаться, — как прямо в глаза лез метеорит, вернее — то, что его имитирует. И горе тебе, если ты замешкаешься, не отскочишь с помощью ракетного пистолета.

У меня словно все кости были переломаны, в голове гудело, и почему-то казалось, будто нижняя челюсть скособочена. Я трогал ее рукой — нет, челюсть на месте.

Автобус мягко мчал нас по воздушной подушке к жилым корпусам Учебного центра. Мы молчали, не было сил даже говорить. Робин полулежал рядом со мной на сиденье, выражение лица у него было, как у Ринг-Риссо в том кадре, где его вытаскивают из камнедробилки. Сзади сопел и отдувался Антонио — даже этот неистощимый говорун сегодня помалкивал.

Только я подумал, что наша группа еще хорошо отделалась и особых неожиданностей все-таки не было, как вдруг — фырк! кррак! — и я очутился в воздухе. Не успел даже вскрикнуть, сердце оборвалось, на миг я увидел свои ноги, задранные выше головы... В следующий момент, однако, я понял, что теперь камнем лечу вниз, и резко перевернулся. Приземлиться по всем правилам!..

Я лежал на животе, пытался приподняться на руках и не мог. Какая-то сладко пахнущая трава вкрадчиво лезла мне в рот. Я бурно дышал. Неподалеку кто-то из ребят не то стонал, не то плакал. Из автобуса, который преспокойно стоял в нескольких метрах на шоссе, вышел инструктор. Его-то, конечно, не катапультировало. Я поднялся, когда он проходил мимо. Он кивнул мне:

— Как настроение, Дружинин?

Видали? Тебе устроили такой дьявольский подвох, и у тебя же еще должно быть настроение!

— Превосходное, — прохрипел я.

Повреждений никто не получил: место для катапультирования было выбрано со знанием дела. И выбросили нас на небольшую высоту. Собственно, это был скорее психический тест.

Костя Сенаторов не выдержал его. Этот великолепно сложенный атлет бил кулаком по земле, лицо его было страшно перекошено, и он все повторял с какими-то странными завываниями:

— Уйду-у-э... Уйду-у-э...

Я схватил его под мышки, попытался поднять. Но Костя оттолкнул меня локтем и завыл еще громче. Инструктор покачал головой, нагнулся к Косте и ловко сунул ему в раскрытый рот таблетку — сухой витакол, должно быть.

Никогда бы не подумал, что у Кости могут сдать нервы. Жаль, у нас в группе все его любили...

Мы снова забрались в автобус и теперь уже были начеку.

— Дерии за руку, — шепотом сказал мие Робии и протяиул распухшую, покрасиевшую кисть.

— Да ты ее вывихиул! — сказал я.

— До чего проиицательиый... Ты можешь потише? — Ои вытяиул шею и посмотрел иа инструктора, который сидел иа передием сидеиье.

Я осторожно сжал его пальцы и резко дериул, пригибая кисть вниз. Робин откииулся иа спинку сидеиья, сквозь загар иа лице проступила бледиость, и оио покрылось капельками пота.

Темиело, когда мы приехали к жилым корпусам. В медпуикте руку Робииа осмотрели, сказали, что все в порядке, и смазали болеутоляющим составом. Мы кииулись в душевую.

В столовой было людио и шумио. У густиватора толпились ребята — это было еще иовиикой, и всем хотелось испытать, какой вкус может придать густиватор общебелковому брикету. Мы были слишком голодиы, чтобы торчать в очереди. Мы с Аитоиио и Робииом взяли по грибиому супу, телячьей отбивиой, а иа третье я выбрал свой излюблеииый компот из маиго. Но прежде всего мы выпили по стакаиу витакола, и ои подкрепил иаши силы, положеииые, так сказать, иа алтарь космоиавигации.

Вот и сейчас: я сел к экраиу визора спииой, привычио отыскал иа чериом и ясном иебе Арктур и подмигиул ему, как старому знакомому. «Паси, паси своего вола», — подумал я. Эту штуку я придумал еще в детстве, когда узиал, что Арктур — альфа Волопаса. Вообще я считал эту красивую звезду чем-то вроде покровителя.

— Коичилась собачья жизнь,— сказал Аитоиио.

— Только иачииается, — отозвался Робии. Опухшая рука иисколько ие мешала ему управляться с едой иа первой космической скорости. — Когда еще тебя допустят иа дальиие лииии.

«Дальиие лииии, — подумал я. — Как там у Травииского?»

Дальние линии, дальнне лнинн.
Мегаметры простраиства —
Громом в ушах, гулом в крови.
Но что же дальше?
Слушайте, пилоты,
Слушайте, пилоты дальнних линий,
Как плещутся о берег, очерченный
Плутоном,
Звездные моря.

Гнусавить за спииой кончили. Заговорил сильиый, эиергичиый голос. Я иевольио прислушался.

— С чего ты взял? — продолжал Робии разговаривать с Аитоиио. — Вовсе ие оттого погиб Депре иа Плутоие, что скафаидр потек. Не мороз его докоиал, а излучеиие. — Тут Робии иедоумеиио взгляиул иа меия. — В чем дело?

Дело было в том, что я послал ему меито: «Замолчи».

— Не мешай слушать, — сказал я вслух. — Там иитересиый разговор.

Мы стали смотреть из экраи визора и слушать. Коиечио, мы

сразу узнали зал Совета перспективного планирования. За прозрачными стенами колыхались на ветру голубые ели. Члены Совета сидели кто в креслах, кто за столиками инфор-глобуса.

Сейчас говорил высокий человек средних лет, в костюме из серого биклона, с небрежно повязанным на шее синим платком. Говорил он, слегка картавя, иногда рубя перед собой воздух ладонью, — такой располагающий к себе человечище с веселыми и умными глазами. К нагрудному карману была прицеплена белая коробочка видеофона. Стоял он у стены, слева, и справа от него раскачивались ели.

— ...И никто не вправе им это запретить, — говорил он на отличном интерлинге, — ибо человек свободен в своем выборе. Массовое бегство колонистов с Венеры в ближайшие десятилетия не создаст на Земле особых затруднений. Но мы обязаны думать о более отдаленной перспективе, и вот тут-то начинаются трудности...

— Кто это? — спросил я у Робина.

— Ирвинг Стэффорд, директор Института антропологии и демографии.

«А, так это и есть знаменитый Стэффорд, — подумал я. — Стэф-Меланезийский...»

Лет двадцать назад, когда я только учился пищать, этот самый Стэффорд с целым отрядом таких же, как он, студентов-этнографов отправился на острова Меланезии. Они там расположились на долгие годы; состав отряда менялся, но Стэффорд сидел безвылазно. Поработал он тогда с островитянами... Члены Совета текущего планирования только головами качали, рассматривая его заявки на обучающие машины, на нестандартную психотехнику. Стэф-Меланезийский — так его прозвали с той поры.

— ...А тем временем, — продолжал Стэффорд, — напряженно вести изучение предполагаемого поля, действующего на психику. И наконец, последнее. За пределами Земли сейчас, после великого бегства с Венеры, все еще находится восемьсот семьдесят тысяч человек. На Марсе и астероидах, на спутниках больших планет и орбитальных станциях. На Луне, наконец. Представьте себе, что и они кинутся обратно на Землю...

— Прости, старший, что перебиваю, — сказал румяный блондин. — Мы только что получили радио с Марса. Замчевский требует подробной информации о событиях на Венере. Кажется, и на Марсе начинается переполох.

— Вот, — сказал Стэффорд. — Марс — это добрых полмиллиона человек. Представьте: все мы покинем пространство и сгрудимся на Земле. Вернемся к давним временам изоляции. Переселение из старых городов, зеленая мантия — с этим планом придется распрощаться. И через столетие — страшная скученность. Серая, без-

лесная планета. Затруднения с водой да и просто с чистым воздухом... Выход один, товарищи. Мы должны побороть страх. Мы не сможем поместиться на старушке Земле. Человек должен приспосабливать к себе другие планеты, не боясь того, что планеты будут в какой-то мере приспосабливать человека к себе.

— Ты хочешь, чтобы мы... чтобы часть человечества перестала быть людьми? — вскричал тощий человек, выпучив светлые глаза. Его скверный интерлинг показался мне знакомым.

— Нет, — сказал Стэффорд.— Они приспособятся к новым условиям; что-то, несомненно, в них изменится, но они не перестанут быть homo sapiens.

— «Что-то»! — Тощий человек саркастически усмехнулся. — За этим «что-то»... м-м... душевный мир человека! — выкрикнул он по-немецки. (Теперь я узнал в нем Баумгартена, он казался моложе, чем тогда, в скафандре.) — Я уже докладывал Совету о своих наблюдениях. Я представил материалы. Случай с Холидэем — неужели он не потряс ваши сердца?!

— Послушай, Клаус...

— Равнодушие ко всему, что прямо и непосредственно не касается тебя самого, — что может быть опасней! Подумайте только, что может за этим последовать! Или вы забыли трудную историю человечества? Прогрессируя и усиливаясь из поколения в поколение, это свойство станет источником величайшего зла.

Меня коробило от пафоса Баумгартена, и в то же время я слушал его с жадным, тревожным вниманием. Теперь он патетически потрясал длинными жилистыми руками.

— И кто же, кто — сам Ирвинг Стэффорд, знаток рода человеческого, готов преспокойно санкционировать... да, да, я не подберу другого слова — санкционировать превращение людей в нелюдей!

— Клаус, прошу тебя, успокойся.

— Никогда! Заявляю со всей ответственностью врача — никогда я не примирюсь и не успокоюсь. Для того ли самозабвенно трудились поколения врачей, физиологов, химиков, совершенствуя и... м-м... пестуя, да, пестуя, — выкрикнул он немецкое слово, — прекрасный организм человека, чтобы теперь хладнокровно, да, да, хладнокровно и обдуманно обречь его на чудовищный регресс! Одумайтесь, члены Совета!

Баумгартен последний раз потряс рукой и неуклюже уселся в кресло. Некоторое время все молчали.

— Клаус, — сказал коренастый человек, который сидел за столом, подперев кулаком массивный подбородок. — Ты можешь быть уверен, что члены Совета отнесутся к твоему предостережению внимательно.

Его-то я знал — это был отец

Робнна, специалист по межзвездной связи Анатолий Греков.

— Да, да, — отозвался Баумгартен. — Главное — без спешки. Люди вечно торопятся. В свое время поторопились сделать атомную бомбу, прежде чем научились использовать атом для мирных целей. Потом началась спешка с освоением планет — прежде чем вдумчиво и всесторонне изучить их условия. Мы не думаем о последствиях! Мы забываем элементарную осторожность!

— Правильно! — гаркнул у меня над ухом Антонио. — Этого старикана надо выбрать в Совет. Смотри-ка, здорово он им всыпал.

Робин немедленно возразил:

— Я бы его не выбрал. Сплошной крик. А насчет освоения планет — какая там спешка! Десятки лет обнюхивали и примеривались, прежде чем послать колонистов. Неожиданности всегда могут быть.

— Да тихо вы, — сказал я.

Теперь говорил Стэффорд.

— Разреши, Клаус, задать тебе несколько вопросов. Отказ в помощи человеку, терпящему бедствие, — случай чрезвычайный, вполне с тобой согласен. Но не могло ли случиться так, что Тудор просто не услышал Холидзя?

Я поднялся. Было невмоготу сидеть. Я напряженно ждал ответа Баумгартена.

— Исключено, — твердо сказал он и повторил по-немецки: — Аусгешлоссен.

— Допустим, — сказал Стэффорд, — хотя я в этом пока не уверен. Итак, примар не откликнулся на зов колониста, родившегося на Земле. Не было ли случая, когда примар отказывал в помощи примару?

— Не знаю. По-моему, принципиального значения это...

— Огромное имеет значение, Клаус. Если примар становится глух к пришлым, чужим, но немедленно отзывается на призыв своего, примара, то это нечто другое, чем просто равнодушие ко всему, кроме собственной персоны. И оценивать такое явление надо по-другому. И надо хорошенько разобраться, что здесь — нежелание примара помогать чужому, непримару, или же по какой-то объективной причине до него стали плохо доходить обращения не-примара. В первом случае мы столкнемся с чисто моральным аспектом, во втором — с физиологическим.

— Но в обоих случаях, Стэф, общий знаменатель: у примаров развиваются некие черты, не свойственные человеку.

— Лучше определить их просто как специфические черты. По-видимому, это закономерно. И нам придется побороть в себе страх.— Стэффорд энергично рубанул ладонью воздух. — Освоение других миров не может быть прекращено.

Он сел. Заговорил Греков, потом кто-то из планетологов; речь шла о составе комиссии, которую следует послать на Венеру.

Я взглянул на ребят. Робин сидел, подперев кулаком подбородок,

по его лицу, обращенному к экрану визора, пробегали отсветы изображения. Впервые я подумал о том, как он похож на своего отца.

Похож ли я на своего?..

Там, на Совете, теперь говорил молодой человек, который, видно, ни разу в жизни не подстригал волос. Глаза у него были печальные и какие-то беззащитные. Я прислушался. Он говорил о сложном варианте взаимодействия полей, оперируя такими формулами некорректной математики, которые были мне не по зубам.

Я спросил, кто это, и всеведущий Робин сказал, что это Феликс Эрдман, который занимается хронквантовой физикой.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил я.

Робин пожал плечами.

— Может, и наберется человек десять на планете, которые его понимают.

Он послал мне мемто: «Шахматы?» Я покачал головой, играть не хотелось.

— И все-таки старикан прав,— сказал Антонио. — Нельзя допускать, чтобы люди переставали быть людьми.

Не знаю, что со мной произошло. Я так и вскинулся и закричал прямо в испуганные глаза Антонио:

— Ты за людей не беспокойся! Как-нибудь они без твоих советов!

III

На второй или третий? Кажется, на третий день моего отпуска на Венере было это...

Я лежал у себя в комнате и читал. Я слышал — в соседнюю комнату вошел отец. Слышал его покашливание, скрип качалки, потом булькающий звук — он наливал себе любимого пива. Дверь была приоткрыта, и я спросил: «Почему ты сегодня так рано?» Я спросил достаточно громко, но отец почему-то не ответил. Я поднялся и заглянул в соседнюю комнату. Отец сидел в качалке с кружкой в руке, голова его была запрокинута. Я повторил вопрос. Тогда он взглянул на меня и сказал: «Мария оставила тебе поесть, там, на кухне».

Ну и что? Человек задумался и не услышал вопроса. С каждым бывает.

Хватит об этом!

Почему он сказал не «мать», а «Мария»? «Мария оставила тебе поесть...» Ну, мало ли почему. Просто ему привычнее так ее называть. «Мария, я поехал на плато Пионеров», «Мария, какая там у вас на завтра величина радиации?» Однажды за ужином мать рассказывала о каком-то новом зонде, который был запущен и не вернулся, — ничего смешного, на мой взгляд. Но отец покатился с хохоту, когда услышал это...

Хватит!

Я поднялся с дивана, и диван послушно убрался в стену. Хорошо все-таки на Земле: нормальная комната с окнами. Не то что жалкая каморка на Луне. Ну и теснотища там, в Селеногорске.

Я подошел к окну и погладил

стекло. Потом как бы увидел себя со стороны и поспешно убрал с лица улыбку, потому что чувствовал, что она тупая-претупая. Во всяком случае, не к лицу межпланетному волку.

«Бен-бо!» — вспомнилось мне почему-то. Я знал, где тут начальное звено ассоциации, но углубляться в это не хотелось. Просто я сказал себе: «Бен-бо! Почти два года ты мотаешься на линии Земля — Луна. Вот так межпланетный волк! Туда-сюда, туда-сюда — как маятник гравиметра. Бен-бо! Ты добьешься перевода на линию Луна — Юпитер или уйдешь из космофлота. Вот же взяли Антонио вторым пилотом на линию к Марсу...»

Но я знал, что все это ох не просто! Пилотов с каждым годом становится больше, а линий больше не становится. Даже наоборот: закрыт один из рейсов к Венере, а ежегодный облет Плутона заменен полетом раз в два года. Остальное там делают автоматы.

Дальние линии, дальние линии...
...Плещутся о берег, очерченный Плутоном,
Звездные моря...

Я опять погладил стекло и только тут вспомнил, что могу ведь открыть окно. Вот что значит отвыкнуть от земного уюта.

Вместе с лесной свежестью в распахнутое окно влетела далекая-далекая песня. Пять дней праздников на Земле! Отосплюсь. Всласть почитаю.

Я подошел было к коробке инфора, чтобы узнать код ближайшей библиотеки и заказать себе книг, но тут запищал видеофонный вызов.

Робин подмигнул мне с круглого экранчика.

— С земным утром, Улисс. С праздником.

— С праздником, Робин. Когда ты успел наесть такие щеки?

— Просто опух со сна. Поехали на Олимпийские?

— Нет, — сказал я.

— Зря. А что будешь делать?

— Читать.

— Зря, — повторил он. — Твой могучий интеллект не пострадает, если два-три дня не почитаешь.

— Что ты понимаешь в интеллектах? — сказал я. — Поезжай и прими участие. Может, лавровый венок заработаешь.

Хорош был лес, мягко освещенный утренним солнцем. Я смотрел из окна на зеленую стену и радовался, что удачно выбрал домик в поселке космонавтов. На самой окраине, окнами в лес. Никогда еще у меня не было такого превосходного жилья — залитого солнцем и лесной тишиной. Где-то в лесу, вспомнил я, должно быть озеро. Пойти, что ли, поискать его — и весь день в воде, в пахучих травах, в колыхании света и тени. А ночью — костер, прохлада, далекие звезды, звезды, звезды...

Набрать книг, взять еды — и пять дней блаженной тишины и одиночества...

В следующий миг я схватил видеофон и набрал код Робина.

— Ты еще не ушел? — Я перевел дух. — Я еду с тобой.

— Вот и прекрасно. — Робин пристально смотрел на меня. — Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось. Встретимся через полчаса у станции, ладно?

Ничего не случилось. Решительно ничего. Пилот линии Земля — Луна желал провести Праздник мира, как все люди. Желал принять участие в Олимпийских играх и веселиться вовсю, как все люди.

Мы встретились с Робином у станции трансленты. Сразу перескочили с промежуточной полосы на среднюю, быструю и понеслись мимо лесного привольня, мимо мачт инфор-глобус-системы, мимо домиков из гридолита, так умело подделывающего фактуру древесного ствола и шершавого гранита.

Робин принялся расхваливать своего мажордома — это старинное словцо, обозначающее домашний автомат, недавно вошло в интерлинг.

— Настроился на сверхзаботу, — говорил Робин, посмеиваясь. — Непременно хотел мне всучить дождевик.

— А мне ленивый попался, — сказал я. — По-моему, он беспробудно спит.

— Ты просто его не включил.

— Может быть...

Транслента широким полукругом огибала старый город. Скучные ряды одинаковых домов-коробок. Серые, многоэтажные. «Странно, — подумал я, — предки были энергичны и умны, а вот в строительстве жилья фантазии, что ли, им не хватало. Впрочем, не в фантазии дело. Дворцы и монументы очень даже умели они строить. Помню, какой восторг охватил меня в старом Ленинграде. А старую Венецию не так давно — всю как есть — поставили на новые сваи, теперь уж навечно. Я не любитель музеев, но в Венеции хотел бы побывать. Нет, не в отсутствии фантазии дело. Уж очень много других забот было у предков. А строительные материалы были просто ужасны».

Впрочем, забот и нашему поколению хватает...

В старом городе ритмично бухало, что-то рушилось, взметывались столбы пыли, и вибраторы быстренько свертывали их. У автоматов не бывает праздников.

Никогда, наверно, не кончится работа по благоустройству Земли. Сейчас вот поветрие — прочь из городов, покончим с уплотненностью, скученностью, «да здравствует зеленая мантия планеты!». Своего рода культ зеленого дерева. Но настанут другие времена — и кто знает, какие новые идеи будут обуревать беспокойный род человеческий...

На миг сверкнула далеко внизу яркой синью река, — и мы въехали в новую часть города.

Мы высадились на центральной площади и попали в людской водоворот.

Куда они вечно торопятся, эти девчонки? И почему им всегда ве-

село? Вот бежит навстречу стайка — в глазах рябит от ярких полосатых юбок. Увидели пузатый кофейный автомат, плеснувший кофе мимо подставленной чашки, — смех. Попалась на глаза реклама нового синтетика — смех. Увидали нас, одна шепнула что-то другим — смех.

Я невольно оглядел себя. Ничего смешного как будто. Костюм, правда, не новый. Старый в общем костюм, года два таскаю его, пластик пообтерся, потерял блеск.

«Ты прав, пора выбросить, — услышал я отчетливое менто Робина. — Пошли в рипарт».

В зале рипарта полно парней. Разглядывают образцы, спорят о расцветках. Дивное времяпрепровождение. Хотя — праздник. По праздникам рипарты всегда забиты. Ну, где тут мои размеры?

Я вспомнил Стэффорда — серый биклоновый костюм, синий платок. Недурно он выглядел. Вот нечто похожее. Цвет хороший, серый, как у домов в старом городе.

У автомата узколицый парень моего роста старательно набирал код этого самого костюма. Потом вдруг отменил заказ, стал набирать другой. Я терпеливо ждал.

— Как думаешь, — обернулся он ко мне, — не взять ли и этот, полосатый?

— Возьми обязательно, — сказал я. — И тот, в розовую клетку, возьми. Ты будешь в нем неотразим. Хватай все, какие есть.

Парень нахмурился.

— Ты со всеми так разговариваешь?

— Только с е д о к а м и, — отрезал я.

На нас стали оборачиваться. Парень хмуро меня разглядывал, задержал взгляд на моем значке.

— Ты болен, — сказал он, с сожалением покачав головой.

— Чем это я болен?

— Космической спесью.

Робин потащил меня к другому автомату, ворча, что я одичал на Луне и разучился разговаривать с людьми. Мне стало немного не по себе, но я был уверен, что дело тут не в «одичании», нет, а в том, что просто я не люблю, когда набирают больше, чем нужно.

— Откуда ты знаешь, сколько ему нужно? — урезонивал меня рассудительный Робин. — Тебе достаточно одного костюма, а этому человеку понадобилось два — что ж тут такого?

— Вот-вот, — не сдавался я.— Типичная психология едока.

Мы переоделись в кабинах, а старые костюмы сунули в пасть утилизатора. Я взглянул в зеркало — вылитый Стэффорд, только потоньше, и ростом пониже, и, уж если говорить всю правду, совсем некрасивый. Носатый, с обтянутыми скулами.

Мы вышли на улицу как раз в тот момент, когда из женской половины рипарта выпорхнула пестрая стайка девушек. Конечно, сплошное «хэ-ха-ха!», и волосы по последней моде — в два цвета. Нам было по дороге, и Робин стал

перекндываться с ннми шуточками. Я тоже ннogда вставлял дватри слова. И посматривал иа одиу нз девушек: что-то в ее тоиком смуглом лнце вызывало неясиые тревожиые ассоциации. Это лицо связывалось почему-то с беспокойной толпой.

Вдруг она прямо взгляиула мие в глаза, я услышал меито: «Не узиаешь?»

И тут меня осеннло. Но как она переменилась за два года! Ведь была совсем девчоикой — с иадежиой отцовской рукой на хрупком плече. А теперь шла, постукивая каблучками, высокая девушка, и иа ней сиял-переливался этот золотнстый лнрбелои, на котором теперь помешаны жеищииы, и зелеиые полосы на широкой юбке ходилн волнами.

— Здравствуй, Аидра, — сказал я.

— Здравствуй, Улисс. Будешь участвовать в нграх?

— Еще не зиаю. Ты теперь жнвешь здесь?

— У нас дом с садом в спутннке-12. Это к северо-востоку отсюда.

— Как поживают родители? — спроснл я.

— Они... — Андра запиулась. — Отец сиова на Веиере.

Я читал, что Холидэй улетел на Веиеру в составе комисснн Стэффорда. Зиачнт, он еще не вернулся. Что-то затянулась работа комиссии, н ннкаких сообщенні оттуда...

— Как он там? — спроснл я как бы вскользь. И тут же поиял, что ей не хочется отвечать. — Ну, а что ты поделываешь?

— О, я после праздников улетаю в Веду Гумана.

Веда Гумана — гнгантский уннверситет, в котором было сосредоточеио изученне наук о человеке, — находнлась неподалеку от нашего Учебиого центра космонавигацнн.

— Я поступила на факультет этиолингвистикн. Ты одобряешь?

Я кнвнул. Шла огромиая работа по переводу книг со старых националььиых языков на интерлииг, н еслн Андра намерена посвятнть себя этому делу, — ну что ж...

Мы селн в аэропоезд и спустя десять миирут очутилнсь на олимпийском стадионе. Это был не самый крупный стадион в Европейской Коммуне, но и ие самый малеиький. Его чаша славио вписывалась в долнну, окаймлеииую зелеными холмами.

Гомон, смех, песни... Пестрый хоровод трнбун...

В толпе, подхватнвшей нас, затерялись Аидра и ее подругн.

Нас с Робином поиесло к западным трибунам.

— Кто эта девушка? — спросил Робии.

— Аидра, — сказал я и повторил еще раз: — Аидра. Знаешь что? Мы будем состязаться.

— Ладно. Но когда ты начиешь петь, жюрн попадает в обморок.

— Ну и пусть, — сказал я легкомыслеиио. — Пусть они падают, а я буду петь.

Мы пошлн к заявочным автоматам, и вдруг откуда ий возьмись на нас бурей налетел Костя Сенаторов.

— Ребята! — закрнчал он во всю глотку н прниялся нас тнскать в объятиях. — Тысячу лет! Ну, как вы — летаете? А у меия, ребята, тоже все хорошо! Инструктор по атлетнческой подготовке — здорово, а? Хорошо, ребята, замечательно! Зиаете где? В Веде Гумана!

— Молодец, Костя, — сказал Робин.

Костя по-прежиему продолжал радоваться.

— Вы — заявлять? Правнльио, ребята, замечательио! Ну, увндимся еще! — Костя иырнул в толпу.

А я вспомннл, как Костя бил кулаком по рыхлой земле, и лнцо у иего было страшио перекошеио, и ои завывал: «Уйду-у-э...»

Робни уже опять перешучивался с девушкамн. Я потащил его к заявочному автомату, и мы получнлн номер своей команды и лнчные иомера.

В иашей десятке девушки были рослые, атлетического вида, а вот парии подобралнсь, иа мой взгляд, тщедушные — командиых лавров с такнмн не стяжать. В десятке, которая нам протнвостояла, я узнал узколицего пария из рнпарта. И коиечно, этот едок оказался монм соперинком. Такое уж у меия счастье — жребнй всегда выкндывает со миой страиные штукн.

Дошла очередь и до нас. Я легко обогнал моего едока на беговой дорожке. Затем иам прпстегиулн крылья. Я сделал хорошнй разбег, сильно оттолкиулся шестом, ои гибко спружниил и выбросил меня в воздух, и я расправнл крылья. Люблю полет! Крылья упруго внбрировали и позванивали на встречиом ветру, я вытягивал, вытягивал высоту, а потом перешел иа планированиe. Прнземленне после такого полета — целая иаука, ну, я-то владел ею. Я вовремя сбросил крылья, и погасил скорость, и мягко косиулся землн. Мой сопернnк приземлился метров иа тридцать позадн, несколько раз перекувырнулся через голову, и это обошлось ему в десять потеряииых очков.

Стрельба нз лука с оптическнм прицелом. Что-то мои стрелы ложились плохо. Лишь две нз десяти вонзнлись в цветиую мишеиь. Зато узколицый раз за разом аккуратио посылал стрелы в центр своей мишени. Ловко он прицелнвался — ничуть не хуже, чем в рнпарте в костюмы.

Потом — фехтование. Впоследствии мие было смешио вспомииать, как я сражался; но тогда было не до смеха; я размахивал шпагой, как палкой, пытаясь ошеломить противиика бурным иаступательным порывом, — но, конечио, дело коичилось плохо, и я потерял шесть важных очков.

Разрыв в очках, который мне принесла победа в свободиом полете, сокращался, и мною овладел азарт. Кроме того, было и еще иечто, побуждавшее меия изо всех

сил стремиться к победе. Это нечто, как я подумал потом, восходило к стариииым рыцарскнм турнирам, которые н гроша бы ломаного не стоилн, еслн б на балконах не сндели прекрасные средневековые дамы.

Над стадионом плясалн буквы, складываясь в слова. Вдруг возиикло: «Вперед, Леои!» Что еще за Леои? Я метнул диск, чуть не достав до этого Леона, н сиова увеличнл разрыв в очках. Теперь осталась ннтеллектуальная часть состязанний. Сейчас я положу этого фехтовальщика на лопаткн.

Я попроснл его прнпомнить третнй от коица стнх нз поэмы «Робот н Доротея». К моему удивлению, узколнцый прочел всю строфу без запиикн. Ну, подождн же! Надо что-инбудь нз более давннх времен... И я решнл убить его вопросом: «Был лн в нсторнн лнтературы случай, когда крнвой перевел слепого?» Он поглядел на меня с улыбкой н сказал: «Хороший вопрос». И продекламировал эпиграмму Пушкнна:

Крнв был Гнеднч поэт, преложитель
слепого Гомера.
Боком однним с образцом схож
и его перевод.

Затем он задал мие вопрос: кто нз поэтов прошлого вывел формулу Рнмской нмпернн? По-моему, здесь был подвох. Ннкогда не слышал, чтобы поэты заннмалнсь такимн вещами...

Нам предложилн сочинить стихотвореине на тему «Ледяной человек Плутона», положнть его на музыку н спеть, аккомпаинруя себе на фоно-гнтаре.

Много лет подряд телезонды передавали изображення мрачной ледяной пустыни Плутоиа, пока в прошлом году не разразилась сенсация: око телеобъектива поймало медлеиио движущийся белесый предмет. Снимкн мнгом облетели все газеты н экраны визоров н породили легенду о «ледяном человеке Плутона». Все это, разумеется, чепуха. Плаиетолог Сотинков утверждает, что это было облако метана, нспарнвшееся в результате какого-то теплового процесса в недрах Плутоиа.

Вот в таком духе я и иаписал стихотворенне. Прн этом я остро сознавал свою бездарность н утешал себя только тем, что за отпущенные нам десять минут, пожалуй, сплоховал бы н сам Пушкин. Я схватнл фоно-гнтару н начал петь свое убогое творение на мотив, продиктованный отчаяннем. Впоследствии, когда Робин прннимался нзображать этот эпизод моей бнографин, я хохотал почти истернчески. Но тогда, повторяю, мне было не до смеха.

Сознаюсь, мне очеиь хотелось, чтобы мой протнвник спел что-нибудь совсем уж несуразное. Но когда он тронул струиы н прнятным ннзким голосом произиес первую фразу, я весь напрягся...

Вот что он спел, задумчиво прижав щекой к грифу гнтары:

Кто ты, ледяной человек?
Вопль сумеречного мнра,
Доведенного до отчаяння
Одиночеством?

Призрак
Безмерно далеких окраин,
Зовущий на помощь,
На помощь?
Или ты появился из бездны
Грядущих времен,
Чтобы напомнить людям,
живущим в тепле,
Что их Солнце
Не вечно?
Кто ты, ледяной человек?

Мне следовало попросту признать себя побежденным и прекратить дальнейшее состязание. Но это значило лишить команду половины очков в общем зачете. А команда моя сражалась героически, особенно девушки.

Пришлось продолжать. Правда, я опередил противника в решении уравнений. Но в рисовании он опять меня посрамил.

В заключение нам предложили тему для десятиминутного спора: достижимость и недостижимость. Мой противник выдвинул тезис: любая цель, поставленная человеком, в принципе достижима при условии целесообразности. Надо было возражать, и я сказал:

— Достижим ли полет человека за пределы солнечной системы? Точнее — межзвездный перелет?

Он пожал плечами.

— По-моему, всесторонне доказана нецелесообразность полета к звездам.

— Значит, он недостижим?

— Недостижим, поскольку нецелесообразен.

— А я считаю, что если бы возникла возможность такого полета — техническая возможность, понимаешь? — то появилась бы и целесообразность. Возможно — достижимо. Невозможно — недостижимо. Вот и все.

— Ты слишком категоричен, — сказал узколицый. — Была ведь возможность достичь расцвета цивилизации роботов, но человечество сочло это нецелесообразным, и началась знаменитая кинороботомахия. Главное условие — целесообразность.

В общем его логику сочли сильнейшей. Он набрал пятьдесят шесть очков, а я сорок восемь. Не дотянул по части интеллекта. Дух всегда побеждает грубую материю.

Сверившись с нашими номерами, жюри возвестило:

— Леон Травинский победил Улисса Дружинина.

Мы вместе сошли с помоста.

— Так ты — Леон Травинский, поэт? — сказал я. — А я-то думал, он — дядя в летах.

— Нет, я молодой едок. — Он засмеялся.

— Беру свои слова обратно, — сказал я. — Не обижайся.

— Не обижаюсь. Запиши, если хочешь, мой номер видеофона.

Тут его окружили девушки, и он махнул мне рукой на прощанье.

Робин еще состязался. Я выпил под навесом кафе-автомата стакан рейнского вина. Вдруг я понял, чтó меня томило и что нужно сделать. Я прямиком направился к кабине объявлений и набрал на клавиатуре:

«Андра, жду тебя у Западных ворот».

Она пришла запыхавшаяся и сердитая.

— Ты слишком самонадеян. Подруги меня уговорили, а то бы я ни за что не пришла.

— У меня не было другого способа разыскать тебя. — Я взял ее под руку и отвел в сторонку, чтобы нас не сбила с ног толпа, повалившая с очередного аэропоезда. — Когда ты успела так вырасти? Мы почти одного роста.

— Ты всенародно вызвал меня для того, чтобы спросить это?

— Я потерпел поражение и нуждаюсь в утешении.

Она с улыбкой посмотрела на меня.

— Ты слышала, как я пел?

— Нельзя было не слышать.— Теперь она смеялась. — Ты пел очень громко.

— Я старался. Мне хотелось, чтобы жюри оценило тембр моего голоса.

— Улисс, — сказала она, смеясь, — по-моему, ты совершенно не нуждаешься в утешении.

— Нет, нуждаюсь. Ты была на выставке?

— Конечно.

— А я не был. Пойдем, просвети меня, человека с Луны.

Она нерешительно переступила с ноги на ногу. Но я уже знал, что она пойдет со мной. Очень выразительно было ее резко очерченное, как у матери, лицо под черным крылом волос. А вот глаза у нее отцовские, серые, в черных ободках ресниц. Хорошие глаза. Немного насмешливые, пожалуй.

В первом павильоне шли рельефные репродукции старых кинохроник. Пожилые лысеющие люди в старинных черных пиджаках подписывают Договор о всеобщем разоружении. (Тот далекий день с тех пор и отмечается как Праздник мира.) Солдаты в защитных костюмах демонтируют водородную бомбу. Переоборудование стратегического бомбардировщика в пассажирский самолет — заваривают бомбовые люки, тащат кресла... «Восстание бешеных» — горящий поселок под огнем базук, автоматчики, спрыгивающие с «джипов». Счастье, что удалось тогда их отбросить от ядерного арсенала... «Поход за спасение христианской цивилизации», повешенные за ноги на площади европейского города, танк у портала кафедрального собора... «Лесная война» в Азии... Черные каски, голубые каски... И демонстрации. Ох, какие могучие, какие нескончаемые демонстрации! Они-то и преградили дорогу фашистам, бешеным. Вот оно — массы вышли на улицы. Пикеты у парламентов, всеобщие забастовки, лавина плакатов, народный контроль... Воистину — державная поступь истории...

Я засмотрелся. Все это читано, пройдено в школьном курсе истории, но когда видишь ожившие образы прошлого... вот эти напряженные лица, разодранные в крике рты, неистовые глаза... то, право же, сегодняшние наши проблемы тускнеют...

— Улисс. — Андра тронула меня за руку. — Ты прекрасно обойдешься без меня. Я пойду.

— Нет! Сейчас мы пойдем дальше. Туда, где тебе интересно.

—. Мие н здесь интересио, но я уже была... — Оиа умолкла, глядя иа меня. — У тебя странный вид, Улнсс.

— Пойдем. — Я счел нужиым кое-что ей объяснить. — Поннмаешь, Андра, я подумал сейчас, что мы... мы должиы сделать что-то огромное... равноценное по важности их борьбе...

— Ты разговариваешь со мной, как с малеиькой. Разве это огромное не сделаио? Разве не построено справедлнвое общество равных?

— Я ие об этом. Понимаешь, нам уж очеиь спокойно жнвется. Очень уютно в нашнх домах н садах.

— Чего же ты хочешь? Нового неравенства и новой борьбы?

— Конечно, иет. Но с тех пор, как создано изобнлне продовольствня, мы оброслн жнрком. Мы очень благополучны. Очень сыты.

— Теперь поиимаю: ты хочешь устроить небольшой голод.

— Да иет же! — Мне было досадно, что я иикак ие мог ей объясиить. Впрочем, я н сам толком не поиимал, чего мие иадо. — Послушай. Только ие торопись, все равно я тебя ие отпущу. Вот на Веиере что-то пронзошло, н поселеицы сталн возвращаться иа Землю — ну, сама знаешь. И сразу страхи: через полвека, через сто лет на планете станет тесно. Ах, ах, придется потесниться, придется вырубать сады!

— Но это же действительно очень серьезная проблема — переиаселение. Что хорошего в тесноте? По-моему, она инчем ие лучше голода.

— Я и не говорю, что лучше. Когда-то умели решать проблемы широко, с размахом. Вспомнн ту же кинороботомахню. Вот и теперь надо так. Угроза перенаселения? Пожалуйста — добровольцы покидают Землю и уходят в космос. За пределы Системы.

— Так бы сразу и сказал! Я слышала, как ты спорнл с Травннскнм. Страиный ты, Улисс! Уйти иа десятки лет в космос и вернуться с информацней, которая никому ие будет нужиа, потому что земное время намного тебя опередит, — иу, что тут говорнть! Давно доказана бессмысленность таких полетов.

— Бессмыслениость?

— Да. Нецелесообразность, если хочешь.

— Вот, вот, — сказал я с неясиым ощущеннем душевиой горечи. — Только это я и слышу сегодня. Рабы целесообразиости — вот кем мы стали...

В следующем павильоие были выставлены полотна, писаиные в иовомодиой полисимфоннческой манере. Мие поиравнлось одио из ннх — «Шторм иа Адриатике». От полотна отчетливо исходил запах морской свежести, я слышал посвист штормового ветра, обвалы воды — это было здорово!

Забормотал динамик. Я поморщился — он мешал слушать кар-

тину. Андра схватила меня за руку.

— Улисс, сейчас будет выступать Селестен. Ну, оторвись же от картины!

— Кто это — Селестен?

— Нет, ты действительно человек с Луны! У вас что — нет там визора?

— У нас есть все, что нужно для счастья. Но визор я не смотрю. Ладно, давай своего Селестена.

Он оказался дородным и — мне пришло на память старое русское слово — холеным человеком с черной бородкой клинышком и подвижными белыми руками. Зрители так и валили со всех сторон в открытый амфитеатр, а Селестен стоял на помосте и благосклонно улыбался с видом человека, хорошо понимающего интерес к собственной персоне.

Он заговорил. Вначале я слушал невнимательно — мне хотелось додумать ту мысль, о целесообразности. Но потом Селестен меня увлек.

— ...Прекрасны и гармоничны, не так ли? Но давайте вспомним, какими мы были...

Селестен подошел к стеклянному кубу и что-то включил под ним. В кубе замерцало, задрожало, сгустилось, и вот возникло изображение сутулого, обросшего шерстью существа в полный рост. Низкий лоб, мощные надбровные дуги, длинные руки — словом, типичный неандерталец.

— Что дала нам эволюция? — продолжал Селестен. — Таз для прямого хождения, ступню, приспособленную к бегу, ключично-акромиальное устройство, позволяющее отводить руку вбок от туловища. — Взмах белой руки, и вокруг неандертальца возник светящийся контур тела современного человека. — На это пошел миллион лет. Миллион лет от неандертальца до кроманьонского человека! Что дали последующие двадцать тысяч лет? Изменения ничтожны. Наш скелет почти неотличим от скелета кроманьонца. Примерно тот же объем мозга, та же способность к хранению информации.

Неандерталец в кубе исчез, выросло изображение человека совершенных пропорций. Фигура стала прозрачной, были видны мерное биение сердца, красные токи крови, взлеты и опадания легких.

— Мы прекрасны, мы гармоничны! — воскликнул Селестен.— Но верно ли то, что человеческое тело — предел совершенства? Так ли безупречен неторопливый ход эволюции? Любой зверь нашего веса сильнее нас, лошадь быстрее, собака телепатичнее, летучая мышь в тысячи раз лучше разбирается в окружающих полях. Мы можем существовать в весьма узком диапазоне температур и давлений, наши желудки не переносят малейших изменений химизма привычной пищи. И вот я спрашиваю: есть ли у нас основания быть самодовольными? Обратимся к истории. Как только древний че-

ловек сумел сделать твердое острое лезвне, он прежде всего соскоблнл с лнца ненужные волосы...

Тут по амфнтеатру прокатнлся смех. Селестен потрогал свою бородку и тоже усмехнулся.

— Вндnте, как мы непоследовательны, — сказал он. — Так вот, уже древннй человек, пусть еще бессознательно, пытался нсправнть, улучшнть данное природой. А теперь вспомннм, о чем мечтала антнчная Грецня...

Фнгура в стеклянном кубе расплылась, раздвонлась, под человеческнм торсом возннклн очертання лошадиного туловища.

— Грекн создалн мнф о мудром кентавре Хроне, воспнтателе Ахилла. Смотрнте, как удобно размещены в его торсе мощные легкне н снльное, многокамерное сердце, на которое не давнт снизу переполненный пнщеварнтельный аппарат — он занял более естественное положенне в горнзонтальной частн туловнща. В образе кентавра антнчные мечтателн объедннлн прекраснейшне создання прнроды — человека н коня. Гармонню нх тел прославнлн лучшне ваятелн древностн...

— Ты предлагаешь нам обзавестнсь копытамн? — раздался чей-то насмешлнвый вскрик.

— Нам неплохо н на двух ногах!

— Не мешайте Селестену!

Селестен оглядел амфнтеатр со снисходнтельной улыбкой.

— Я не прнзываю превращаться в кентавров н бездумно скакать по зеленым лугам. Моя задача — пробуднть свободное воображенне, обратнть вашу мысль на необходнмость совершенствования самнх себя, на поискн новых бнологических форм, нбо наше тело несовершенно н огранпчено в своих возможностях. Эту огранпченность поннмалн нашн предкн. Вот еще одно созданне народной фантазни, плепнтельный образ старой сказкн...

Куб наполннлся аквамарнновым зыбкнм свеченнем, сквозь снне-зеленый свет обозначнлась женская фнгура. Проясннлась. Ногн ее слнлнсь, превратнлнсь в рыбнй хвост...

— Русалка, — сказал Селестен. — Какая прекрасная мечта — жнть в воде, в среде, в которой тело невесомо н двнжения не огранпчены в высоте!.. Человечество долго шло по неверному путн, создавая нскусственных людей. Все помнят, чем закончнлось увлеченне роботамн. Но было бы совсем неплохо нам, людям, перенять у роботов их снльные черты. Наша власть над нежнвой матерней колоссальна. Так почему же мы так робкн, так консерватнвны, когда заходнт речь о разумной моднфнкацнн человека?

— Понравнлся тебе Селестен? — спроснла Андра, когда мы вышлн нз павнльона.

— Красноречнвый дядя, — сказал я. — Их называют антромоднфнстамн, да? Что-то я про нних чнтал.

— Он прав — надо совершенствоваться. Надо искать новые, целесообразные формы.

— Ну конечно, — сказал я. — Тебе так была бы к лицу еще пара ножек. Или русалочий хвостик.

— Я вижу, ты полностью утешился. До свидания, Улисс. Я пошла.

— Постой! Дай мне номер видеофона. Ведь завтра тоже праздник.

Именем будущего обвиняем!

II

В рассказах этого раздела острое оружие социальной критики направлено против капитализма и унаследованных от него уродств.

Север Гансовский, автор ряда книг, в том числе и нефантастических, в «Демоне истории» заново разбивает средствами фантастики миф о злых гениях, решающих судьбы мира и ответственных за его беды. Не «дьявольская воля» какого-нибудь Гитлера, а законы развития хищнического империализма порождают фашизм. И от мнимых «носителей абстрактного зла», «гениев ада» зависят только детали облика этого законного сына капиталистического общества.

Б. Зубков и Е. Муслин, инженеры по образованию и журналисты по профессии, в последнее время много работают в области научной фантастики. Совсем скоро к их совместно написанным научно-популярным книгам прибавится первый томик фантастических произведений. Рассказ «Плоды» не совсем обычен для них и по теме и по стилю. До сих пор они чаще всего выступали с рассказами, сила которых была в интересной научно-технической идее или же в остром — до парадокса — подходе к социальной проблеме. А «Плоды» показывают, насколько человек, враждебный нашему строю, враждебный советскому образу жизни, оказывается враждебен всему светлому в мире. Авторы предупреждают: нельзя недооценивать мер-

завцев, носнтелей частнособственнической морали; онн могут оказаться куда опаснее, чем это представляется на первый взгляд.

Р. Ярова многое сближает с Зубковым н Муслнным. Он тоже инженер, ставший журналнстом н пнсателем. Рассказ его «Вторая стадия» принадлежит к сатирнческой фантастнке, как н «Плоды». Но это, еслн так можно выразиться, лирнческая сатира. Ярова больше занимает не главный отрицательный герой (на котором сосредоточено все вниманне Зубкова и Муслнна), а окружающие его добрые н милые люди, прнрода, ее влнянне на человека. Шнрокие «права фантаста» позволили Ярову выдвинуть смелую гнпотезу.

К слову, слишком часто в последнее время фантасты просто переносят в свон рассказы идеи из научных и научно-популярных статей. Это в общем не упрек — ведь так нередко поступал и велнкнй Жюль Верн. Но не соблазнительнее ли здесь блнстательное умение Уэллса опережать науку?

вторая стадия

Ромэн Яров

Строители уехали, завершили труды дорожиики, и жильцы иового десятиэтажиого дома остались одии иа одии со своими заботами. Коиечио, выбор люстры или вколачиваиие гвоздика под дедушкии портрет были делами глубоко личиыми, к тому же сладостиыми. Но существовала задача, решить которую можио было только сплоченными усилиями. Последний дом на последией ули-

це города; громадный, белый, похожий на океанский корабль — он принимал на себя все суховеи и песчаные бури, несшиеся с отвратительного пустыря, простиравшегося так далеко, что даже с верхних этажей края его не было видно. У некоторых малосведущих людей возникала мысль, что пустырь этот кончается там, где и вся география вообще — на берегу Ледовитого океана. Кроме того, вблизи от дома пустырь был весь испещрен холмиками, оставшимися от строителей. Даже самые лучшие археологи мира не нашли бы при раскопках ничего, кроме битых кирпичей, ржавой проволоки, в лучшем случае — подошвы. Но все это могло вызвать восторг не раньше чем через пять тысяч лет. А пока эстетическое чувство жильцов подвергалось беспрерывному оскорблению. Только лес, закрывший путь ветрам, радующий глаз своей первозданной, непреходящей, несмотря на все веяния абстрактного искусства, красотой, мог довести чувство душевной гармонии новоселов до ста и более процентов. Мысль о его посадке носилась в воздухе, ее обсуждали во всех шести подъездах и на тротуаре перед домом зимой, весной, в начале лета. Даже собрание одно прошло, но протокол не вели, и решения никто не помнил. Меж тем лето наступило. И тогда немолодая учительница истории Лидия Петровна — общественница и хлопотунья — вспомнила, что на четвертом этаже живет научный работник Хромосомов. Как будто бы он даже профессор и работает в каком-то ботаническом питомнике. Раз уж поздно сажать тополь, клен, акацию — любое известное дерево, — то вполне вероятно, он знает, что же можно все-таки посадить. Немедля она поднялась со своего первого этажа на четвертый. Разговор длился недолго, а на другой день к дверям всех подъездов были приклеены объявления: «Завтра посадка леса. Просьба к 10 часам утра выйти с лопатами».

Люди читали и удивлялись: кто же в июне сажает деревья? Но раз пишут — значит, на что-то надеются. Выйдем, конечно.

Легковая машина проехала по тротуару несколько метров. «Прибыли», — сказал Хромосомов шоферу. Оба вылезли. Шофер открыл багажник, достал мешок, поднял. На тротуар посыпались тоненькие нежные прутики. «Спасибо, — сказал Хромосомов, — вы свободны». Шофер уехал, а Хромосомов присел и стал перебирать прутики. Он испытывал неудобства от этой позы — толщина мешала, — но только покряхтывал. По обеим сторонам его лысого черепа курчавились остатки волос, будто бакенбарды вдруг переселись к вискам. Очки его спадали, он придерживал их одной рукой, а другой сортировал по длине прутья.

Собравшиеся глядели с недоумением на рассыпавшиеся по ас-

фальту кучки. Они ожидали появления по крайней мере двух грузовиков с большими деревьями, растопыренные корни которых покрыты землей и обернуты тряпками. Их надо было бы снимать бережно с машины, копать ямы — в общем дело привычное. А это... И даже маленькие дети, вышедшие со своими лопаточками помогать взрослым, искренне удивлялись.

Хромосомов распрямился и линейкой, обычной, ученической, которой мерил прутья, похлопал громко себя по ладони. Это был сигнал: все примолкли.

— Растение, — Хромосомов линейкой показал на рассортированные кучки, — появилось несколько лет назад в джунглях Южной Америки. Помните гигантскую вспышку на Солнце?

— Было такое дело, — подтвердил громко человек лет сорока пяти, стоящий возле профессора.

Сероглазый, прямоволосый, с крепкой — орехи разгрызать — нижней челюстью, он единственный из всех не держал лопаты в руках.

— Поток частиц колоссальной энергии пробился через атмосферу, и либо он в одном из мест оказался почему-то интенсивнее, чем в других, либо несколько экземпляров каких-то растений — первоначальную природу их теперь уж установить трудно — оказались максимально подготовленными к скачкообразной мутации, — но только вдруг появились деревья с совершенно поразительными свойствами. Об этом было всего лишь несколько статей в очень специальных журналах, поэтому мало кто знает. Вы вступаете под дерево — высота его зависит от длины сажаемого черенка, поэтому я их сортировал — в полном душевном смятении. День был трудный, вы взволнованы, озабочены, раздражены. Проходит несколько минут — и в ваших расстроенных мыслях наступает порядок, вы чувствуете спокойствие, умиротворенность, всеобщее благорасположение. Свою собственную личность вы начинаете осознавать как элемент природы и человеческого общества — без утраты, разумеется, индивидуальных черт. Зачем такая особенность, в чем ее механизм — пока не ясно. Природа не создает своих творений специально для людей, она не добра и не зла — она целесообразна. Какой-то смысл здесь есть... Впрочем, это касается меня, а не вас. «Внушающими радость» назвали эти деревья. Нам прислали несколько образцов, с которыми мы работаем. А это — остатки. Они растут быстро, время посадки пока еще подходящее, умеренный климат для них годится — через месяц роща будет шуметь.

— Ура! — закричала седая учительница, одетая по случаю воскресника в синий лыжный костюм. — Тут даже больших лопат не потребуется. Возьмем у детей маленькие. Или нет. Пусть они сами выкопают. Это символично, возвышенно...

— Постойте, постойте. — Хромосомов отдал ребенку лопаточку, которую тот доверчиво протянул, погладил по голове. — Для внушающих радость требуются очень глубокие ямы. Три метра — хорошо; пять — еще лучше; десять — великолепно. Чем глубже яма, тем выше и мощней дерево. Больше начальное сопротивление — активнее вводятся в действие скрытые силы, которые остаются и потом, когда сопротивление исчезает. А потому — давайте копать.

И под нажимом его каблука лопата вонзилась в землю.

Работа началась в десять часов утра, а к двенадцати люди, для которых копание ям было занятием такого же рода, как добывание огня трением, выдохлись. По желобкам на спинах бежали ручейки, капли со лбов падали в ямы. Хромосомов между тем теребил волосы на висках.

— Не роща будет, а трава болотная, — бормотал он. — Ямокопатель не догадался пригнать.

Лидия Петровна пошла по квартирам за подкреплением. Когда обход был закончен, она обвела взглядом пустырь и возле маленькой деревянной, обшитой железом будки гаража увидела автомобиль и торчащие из-под него ноги. Это был вызов — она немедленно подошла к машине, нагнувшись, посмотрела на человека, противопоставляющего личное общественному. Под машиной лежал тот, кто столь солидно подтвердил высказывание Хромосомова о солнечной вспышке. Кажется, из восемьдесят шестой квартиры, кажется, инженер; фамилия, кажется, Махоркин.

— Вы здесь? — сказала она приветливо. — Почему же ушли?

Он ничего не ответил: слышно было только, как постукивает, срываясь, гаечный ключ.

— Ну что же вы? Все так устали.

— Большой научный эксперимент провожу, — сдерживая от натуги дыхание, сказал инженер Махоркин.

— Но воскресенье же...

— Познание истины перерывов не терпит.

Она молчала, сраженная. Мысль о коллективном труде, об общественном долге к такому случаю как будто бы не подходила, ибо возвышенность мотивов инженера Махоркина значительно превосходила возвышенность ее мотивов. Все же ей жаль было, что такой крепкий физически человек пропадет бесполезно для общего дела. И потому она сказала:

— Но ведь Хромосомов копает. А он будто бы даже профессор...

— Он может быть даже академиком, — голос из-под машины как приговор произносил, — это ничего не меняет и не доказывает. Он проводит свой эксперимент — и вот нашел себе сотню добровольных помощников. А то б ему дали саженцы! Небось на валюту покупаем. У меня же своя научная тропа, и в лаборантах я ни у кого ходить не буду. — Он вылез из-под машины, скинул бре-

зентовые брюки, куртку н оказался в хорошем светлом костюме. Она молча глядела на него, не зная, что сказать. Столь глубокне мысли ие приходилн и — она это знала точно — ннкогда бы ей в голову не пршшлн. Но что поделаешь, в иаучиых кругах лучше знают истниные причины поведення н академиков н лаборантов. Инженер Махоркин сел в машнну, развериулся, покатил, исчез с глаз долой. Ну, разумеется, автомобнль ие простой. Где-то там в глубиие, среди совершенно загадочных запутаниых железок тантся эксперимент. Приобщеине к касте иаучных работииков делает людей малопонятными. Быть может, нnженер Махоркнн человек ие меньшего масштаба, чем сам профессор Хромосомов.

Она подошла к кучке на асфальте, взяла лопату, прутнк, вериулась к гаражу. Вот здесь, в трех метрах от стенкн, оиа посаднт «внушающие радость». Пусть мыслн будут только хорошие, тогда научиые открытия иачнут течь сами собой. Земля полетела из-под ее лопаты, как будто малеиькнй экскаватор заработал.

Все, что говорил Хромосомов, подтвердилось очеиь быстро. Брошеиные иа пятнметровую глубину — дальше копать снл не хватило — засыпаниые саженцы в две недели прошли весь слой земли и показалнсь на поверхиостн, иапомииая стрелы зеленого лука. С каждым днем все больше н больше стаиовнлись нх размеры.

Вскоре «виушающие радость» догнали в росте иесколько молодых топольков, чудом сохранившнхся после беспощадиого вспарывания земли строительными машииами. Люди, которые иеделю после посадки не могли спину разогнуть, полны былн к деревьям самых нежиых чувств.

К середнне лета перед домом появнлась роща. Самые высокие н раскидистые экземпляры достнгалн в высоту пятн метров. Сбывалось все, о чем писали Хромосомову зарубежные коллеги, что подтвердил опытами он сам. Сбылось и главиое.

Никогда и ингде не чувствовал себя человек таким безмятежносчастливым н умудреино-проииицательным, как под сеиью «виушающнх радость». Никогда ие бывало у каждого более беспристрастного судьн, чем он сам в тот момент, когда саднлся под дерево иа траву. Будущее не представлялось в этот момеит цепочкой из триумфов; ннкакнх новых иллюзнй ие возннкало н даже нсчезалн старые, но в ннх н нужды не было. Обычные, блажеиио расползающиеся мысли вечерней прогулкн смеиялись вдруг анализом собствеииой жизнн с осозианием нстииной ее цели.

У Хромосомова спрашивали часто, чем объяснить такие действня «виушающих радость», превосходящие все эффекты кавказских мииеральных вод, морских купаний, лазаиий по горам? Быть может, виноват ультразвук? Илн не-

известные лучи? Космические частицы?

— Скажите, — размышлял шестнадцатилетний вундеркинд из пятой квартиры, явно будущий студент мехмата, — а это не может быть нейтринно-кварковый эффект? Я готов воспользоваться, пожалуй, своими связями в университете и принести сцинтилляционный кваркометр. — И очки на его круглом лице замирали.

— Спасибо, не надо, — отвечал деликатно Хромосомов, — тем более что там один только заторможенный блокинг-генератор весит пятнадцать тонн.

— Успокаивайте усталые души, — говорил он любознательным пенсионерам, читателям молодежных научно-популярных журналов, — и не думайте о механизме эффекта, как не думаете вы, гуляя в обычном лесу, о фотосинтезе. Наслаждайтесь не анализируя.

И люди наслаждались. Не только из одного — из всех домов улицы стали ходить по вечерам в молодую рощу. У Хромосомова просили саженцы. Но новая партия их не поступала, а старая нужна было для экспериментов. И потому в маленькой рощице становилось по вечерам иногда даже тесно. А многие живущие совсем в других концах города, побывав здесь один только раз — с друзьями или знакомыми — приезжали еще и еще. Возражений, конечно, быть не могло, ибо люди под деревьями становились учтивыми и взаимно вежливыми, и чувство это не покидало их потом долго.

Однажды вечером инженер Махоркин загнал машину в гараж. Солнце просвечивало сквозь щели в досках, но некоторые щели были темны. Их загораживало дерево, стоящее несколько в стороне от остальных, — след нежной заботы Лидии Петровны. Из рощи доносились голоса ближних и дальних паломников. Инженер Махоркин пробурчал что-то себе под нос. Чувства его были ожесточены и не могли смягчиться; на расстоянии полутора метров от самого крайнего листика — по горизонтали — действие «внушающих радость» прекращалось. Инженер Махоркин долго возился, запирая сначала все дверцы автомобиля, потом багажник, потом дверь гаража. Упругой походкой, несколько разбрасывая по сторонам ноги и глядя прямо перед собой, он шел к дому. Лидия Петровна шла навстречу.

— Здравствуйте, — почтительно сказала она. — Отчего вы не погуляете в рощице? Быть может, стесняетесь, что вам не удалось покопать? Но ведь все понимают вашу занятость...

— Инженер Махоркин никогда и ничего не стесняется, — твердо и громко произнес инженер Махоркин. — Все, что он требует, он требует справедливо, а в справедливом деле стесняться нечего. А если он чего-то не требует, то не потому, что стесняется, а потому, что осознает: пока не заслужил...

— Простите, пожалуйста, — сказала несколько ошеломленная этими аргументами Лидия Петровна, — я просто хотела, чтобы вы погуляли по нашей рощице. Это внушает такие добрые чувства! Такие...

— А я не хочу их, — отчеканил инженер Махоркин, — я научный работник; мне озлобление нужно, чтоб идею преследовать, трясти ее беспощадно, не жалеть никого. А вы со своей рощицей так называемой что наделали! Типы всякие шатаются и под окнами и возле гаража, где машина стоит экспериментальная с такими деталями, о которых я даже говорить не имею права. Хоть бы гуляли те, кто сажал, — я их в лицо знаю. А получается, что вся улица стала ходить, и изо всех концов города ходят, и скоро из других городов начнут валить. На крышах будут ездить. Для того я в отдельной квартире поселился, чтоб перед моими окнами мелькали типы и с мыслей меня сбивали? Мысль — дело коварное, только я начал новую гипотезу всесторонне обдумывать — бац, чье-то лицо в окне увидел. Ничего в нем нет такого, а вот не понравилось мне — и пропала гипотеза. Кто виноват в том, что государство осталось без нее? Я проиграл — не выдал того, на что способен. Государству хуже. Кто выиграл? Враги. Вот к чему приводят безответственные лесонасаждения.

— Но ведь Хромосомов работает, — пролепетала Лидия Петровна.

— Вы меня ни с кем не сравнивайте, я уж говорил. Это все для него эксперимент, на котором он докторскую получит...

— Он и так доктор...

— Тем более тогда...

И он, утомившись долгим — после работы — разговором, продолжил свой путь к дому. Она же не могла понять почему, «тем более тогда», и ей казалось, что зря обидела хорошего человека. Она мучилась до тех пор, пока не вошла в рощу, а тогда ей стало вдруг легко, и не было нужды разбираться в словах со столь глубоким смыслом. Она увидела инженера Махоркина в окне третьего этажа, мрачно, со скрещенными на груди руками, глядящего вниз, и послала ему воздушный поцелуй. Ничего легкомысленного в том не было, просто она уважала его и сочувствовала его прошлой, как можно было понять, нелегкой жизни. Но влияние «внушающих радость» не распространялось до стен дома, он нахмурился еще больше и задернул занавеску.

Очень скоро в рощицу начали водить на прогулку детей из ближайшего детского сада. Если размягчаются огрубелые души взрослых, то детскую душу до огрубения и допускать нельзя. «Ах, насколько больше станет на свете хороших людей!» — мечтала заведующая садом в своем кабинете. Искусственное средство помогает взрослому избавиться от зла,

а детям поможет стать ко злу невосприимчивыми. Так оио и вышло. Малеиькие люди менялись молниеносно, благо ничего не успело затвердеть в их душах. Обращения вроде «Андрюшка-хрюшка, где моя игрушка?» и даже более энергичные сменились иа «Аидрюшечка, дай мие, пожалуйста, совок: я тоже хочу копать землю». Если на закрытой территории детского сада ребята дрались, то здесь оии становились образцом благоиравия, сохраняя, впрочем, всю свою живость. Вновь приобретаемые свойства не исчезали с их уходом из рощи. Так закладывались основы будущей душевиой гармонии. «Этих детей уже ничто ие испортит», — говорила с гордостью заведующая. И проекты один грандиознее другого рождались в ее голове. Постройка нового помещения для детского сада в районе рощи «виушающих радость», чтоб, когда дети спят, иевидимыми, сладостиыми ощущеииями проиизывались их крохотные сердца; вывод в рощицу всего сада, иачиная от самых малеиьких, приглашение детских садов всего райоиа, а то и города... Были и еще планы. Но реализация их натолкиулась иа трудности.

Иижеиер Махоркин частеиько встречался у подъезда с Хромосомовым. Им было о чем поговорить — этим двум людям, единствеиным во всем доме занимающимся научной работой.

— Вы, коиечио, размышляете, — говорил утвердительио инженер Махоркии. — Я тоже, иа ходу. Нам, иаучным работникам, иекогда терять дорогие секуиды. Гипотезы не знают нормированного рабочего дня.

— Какой областью науки заиимаетесь? — иитересовался уважительно Хромосомов.

— Проблемами малой эиергетики, — бодро рапортовал Махоркии. — Но вот, представьте себе, это бесконечное мелькаиие перед окнами — самый лютый враг гипотез. Людей бескрылых это, возможно, не трогало бы, ио я не могу. А вы...

— Я что ж, я ничего... — как бы оправдываясь, произносил Хромосомов.

Иижеиер Махоркин не боялся никаких разговоров на равных с Хромосомовым.

— Для науки все одииаковы, — говорил ои, — и лаборант не хуже академика. Истина настолько громадна и всеобъемлюща, что перед лицом ее ничего не стоят различиые наши чины и звания. Волею обстоятельств я выиуждеи был сделать своей экспериментальной базой райоиный автомобильиый клуб. Но, сами понимаете, частиые и мелкие страстишки автолюбителей ничего общего не имеют с теми задачами всемирного масштаба, которые я хотел решить. Увы, нужны деньги, а презренные автолюбители...

— Но ведь вы тоже, кажется, владеете машиной? — робко прерывал Хромосомов.

— Экспериментальная, — ру-

бнл ннжеиер Махоркии. — Больше разглашать ие имею права. Деиег меия лншилн, работу прншлось прервать. Но сейчас я обдумываю новую гипотезу и некоторую экспернментальную проверку уже осуществляю. Как только я закончу ее, директору клуба некуда будет деваться; ему придется выхлопотать для меия ставку старшего научного сотрудинка и представить на ученый совет Инстнтута ионных двигателей, расположенного недалеко от автомотоклуба, мою кандидатуру для утверждення в званни доктора наук. Скорей всего «гонорис кауза». Если же потребуют диссертацню — что ж, у меия есть что защнщать...

— ...Во всяком случае, — говорил нижеиер Махоркни крупиому учеиому профессору Хромосомову, — для участия в банкете вы приглашаетесь первым. Можете также прийти иа заседаиие учеиого совета. Охарактеризовать меня как творца.

— Благодарю вас, — отвечал культурно Хромосомов и торопнлся поскорее уйти.

— Мысль летнт иаподобие птицы, — подиимая глаза, декламировал ниженер Махоркин, — наткнулась иа потеицнальиого тунеядца, что шатается там, — упала, разбнлась.

— Почему же тунеядец,— удивлялся Хромосомов, — скорей всего тружеинк.

— Каждый, кто работает от снх до снх, — объяснял нижеиер Махоркин, — потеициальиый тунеядец. Ему дай волю — он трудиться не будет, лучше в кнно пойдет. А мы с вамн, — тут его голос вздрагивал, — труднмся оттого, что хотнм познать истину. Но страшиая помеха — роща эта... Глядеть не могу иа людей, которые ни о чем ие думают. Мысль моя устремляется в заоблачный полет — и вдруг фнгура обывателя. Вся душевиая устремлеиность, коиечио, вдребезгн... Давайте рощу под корень, а?.. Чтоб не шлялнсь...

— Но ведь оиа людям нужна... — содрогался Хромосомов.

А инженер Махоркнн долго не отпускал его, рассуждая о научиых открытнях.

Особенно остро восприиял инженер Махоркни появленне в роще детей. «Виушающие радость» избавляли нх от злости, которая, зарождаясь в мелкнх стычках, развиваясь постепенио во взрослом человеке, стаиовнтся матерью всех пороков, ио озорство детей осталось нензмеиным. Они бегали, прыгалн, гонялнсь друг за другом. И коиечио, сарай, где стоял экспернментальиый автомобиль, подвергался нх бешеиому иатнску. Онн лезли на крышу, они отдиралн железо, онн расшатывали доски, чтоб заглянуть в щель, онн дергали замок. Все это полиостью разрушало достнгаемое нниженером Махоркнным с колоссальиым трудом душевное равиовесие, прн котором рождаются научиые открытия. И одиажды он ие выдержал. Четкнм строевым шагом ои пе-

ресек пространство между домом и рощей. Заведующая детским садом как раз пришла посмотреть на своих ребят.

— Вот что, — сказал ей инженер Махоркин, — я крупный научный работник. Но это к делу отношения не имеет. Дети — наше будущее, а о будущем надо заботиться всем. Вы приводите их сюда для того, чтобы они якобы получали добрые чувства. Это воспитание стимулируется извне, и потому оно не может считаться полноценным. Но самое главное — где самовоспитание? Где оно, я вас спрашиваю?

Заведующая робко глядела на него. Она училась всего лишь на четвертом курсе педагогического института и сознавала, что ее знаний очень мало для того, чтобы возражать этому решительному человеку.

— Я, как друг детей, — продолжал между тем инженер Махоркин, — настаиваю категорически, чтоб они покинули эту рощу и не приходили больше сюда до тех пор, пока вопрос о возможности искусственной обработки их нервных центров, а также ретикулодиэнцефалической и ринэнцефалической систем и эмоций не будет решен положительно академией педагогических наук и по соответствующим каналам не будет спущен документ, официально разрешающий посещение этого питомника — кстати сказать, экспериментального — детьми в возрасте до семи лет...

— А как же...

— Никаких «как же». Иначе вашему непосредственному начальству будет доложено о фактах вопиющего нарушения основных принципов педагогической науки.

Детей не надо было собирать: испуганные, они обступили свою воспитательницу. Их увели.

Эта акция инженера Махоркина произвела нехорошее впечатление на жителей дома. Свидетели утверждали, что инженер Махоркин позволил себе горячиться, махать руками и даже резко повышать голос, что в разговоре с женщиной недопустимо. Но инженер Махоркин решительно отвергал эти слухи как клеветнические.

Не давать возможности бесцельно шатающимся обывателям, под видом которых могли появиться и враги, приближаться к сараю с экспериментальной машиной, быть может, изгнать их всех из рощи, а если понадобится, и рощу срубить — эту задачу было неизмеримо сложнее решить, чем изгнать детей. Но энергичный человек, для которого к тому же познание истины — самая главная вещь на свете, перед препятствиями не останавливается. Инженер Махоркин разработал несколько вариантов плана изгнания.

Сидя за столом, инженер Махоркин набрасывал схему приемника лучей, отраженных Землей от Солнца, преобразователя этих лучей в кинетическую энергию и трансмиссии от преобразователя к ведущим колесам автомобиля, или

шпннделю станна, нли вообще рабочнм органам любой другой машины. Был вечер, солнечные лучи днагонально разрезали комнату, н мыслн ннженера Махоркнна, скользя по зтой диагоналн, достнгалн самого Солнца. Неожиданно он услышал с улицы снрип отдираемых досон. Было в этом звуке что-то надрывное, щемящее душу, угнетающее ее. Инженер Махоркин встал н подошел к окну. Мальчишка лет семн, вцепившнсь в плохо держащуюся досну обшнвки гаража, старался отломать ее. Быть может, она была нужна ему как меч, а может, он просто хотел кан следует рассмотреть машину. Ее ланированные бона уже былн вндны сквозь щели. У инженера Махоркина хватило благоразумия не выскочнть в онно, но он оназался внизу не менее быстро, чем еслн бы спрыгнул с третьего этажа. Мальчншка, увндев летящего на него велнкана, отсночил от стены и вцепнлся в ствол. Инженер Махорнин оторвал его руни от дерева н нрепно дал по затылну, а потом толкнул. Мальчншка помчался в нензвестном направленнн изо всех снл. Инженер Махоркин отряхнул руки н пошел домой. Навстречу ему от подъезда выступил Хромосомов. Он сорвал с глаз очкн н храбро размахивал нмн.

— Что вы сделали с ребенном? — спросил он решнтельно.

— Я зтнх сорванцов, ноторые лезут нуда не надо, учил н буду учить, — с еще большим напором ответил инженер Махоркнн. — А родителей прнвлекать н административной ответственностн...

— Посмотрите, — грозно сказал Хромосомов.

Инженер Махорнин обернулся. С дерева, под ноторым он только что лупнл мальчишку, слеталн лнстья, а остающиеся желтели на глазах, темнел ствол и вздрагнвали ветви...

— Оно вянет! — вснричал горестно Хромосомов. — Сгорает, нан перегруженный мотор. Оно преодолевает своим необъясненным пона излученнем злые чувства в человеке. А в вас их столько, что оно не смогло преодолеть...

— Запишнте это в свой журнал экспериментов, — сказал холодно инженер Махоркин. — Вы ведь нх для того здесь и посаднлн, чтоб опыты над людьми устранвать. В пнтомнине запретилн, навериое, кан протнворечащне современным научным взглядам, тан вы нх сюда решили перенести? Подпольно, стало быть, продолжать. Под видом зеленых насаждений. И хотнте увлечь за собой наиболее отсталые элементы, — он нивнул в сторону людей у подъезда, с негодованием глядящнх на него. — Тан я вас выведу на чистую воду! — закрнчал во весь голос ннженер Махоркнн. — В рядах научных работнннов нет места...

— Каной вы нехороший человен, — тихо сказал Хромосомов, надел очкн, повернулся н пошел прочь.

Инженер Махорнин двннулся вперед, нан всегда, твердым ша-

гом. Лидия Петровна, общественница и энтузиастка, остановилась перед ним.

— Нет, вы нехороший человек, — сказала она, покраснев.

Инженер Махоркин не обратил на этот выпад ни малейшего внимания. Он взошел на крыльцо, повернулся ко всем.

— Завянет это дерево или не завянет — его дело. Но предупреждаю, что расти возле лаборатории, где находится объект ценнейшего научного значения, к тому же секретный, оно не будет.

И вошел в подъезд. Сквозь открытые окна лестничных клеток слышны были его размеренные, упорно пробивающегося человека шаги. Да, инженер Махоркин мог пойти и наперекор неверным настроениям, временно овладевшим людьми. Решимости у него хватало на все.

Прошло несколько дней. Запас жизненных сил был в дереве, очевидно, огромен. Желтые листья не облетели, а позеленели вновь. Ствол из серого опять превратился в белый. Гуляющие появлялись под ним, как и раньше; и многие даже, проходя, трогали рукой стенку лаборатории-гаража. Инженер Махоркин не реагировал. Общественность подъезда пришла к выводу, что угрозу свою он выполнять не станет. Погорячился человек, с кем не бывает. Мальчишку, конечно, бить не следовало, но ведь дай им волю — все разнесут. А мы тоже хороши — набросились! Поговорить надо было, объяснить. Эх, где чуткость душевная!

Прогноз погоды обещал грозу. К вечеру тяжелые, как дорожные катки, постукивая, вздрагивая, стали наползать тучи. Они ползли, закрывая просвет, и вот уже столкнулись тяжелыми боками. Высеченная от столкновения искра разнесла вдребезги полнеба и полземли. Подул сильный ветер, листья заспорили друг с другом. В доме захлопнулись окна. Сперва слышно было, как стучат отдельные капли по отдельным листьям, а потом небо опрокинулось, шум водопада заглушил все. Дождь шел, шел... Начинало темнеть, а суше не становилось. Так, захлестнутая водой, и ночь наступила.

Крики о помощи раздались часа в три. Учительница проснулась раньше всех. Она боялась грозы, спала с закрытыми окнами, но чуткое ее сердце, несмотря на преграды, уловило сигналы чужой беды. Она распахнула окно, и сразу ясно стало, что ветер тревоги подул не зря. Кто-то стонал внизу.

Лидия Петровна накинула поверх халата плащ и побежала на улицу, готовая решимостью своей отпугнуть злодеев. Воздух был влажен, капли воды поджидали азартно неосторожного пешехода. Она бежала вдоль фасада дома, ища преступников. Погасшие фонари дремали на вершинах столбов, светились пустые подъезды. Если бы у Лидии Петровны не было в жизни нескольких случаев,

подтвердивших полную основательность тайиых сердечных побужденнй, она решила бы: галлюцинацня. Но вере ее суждеио было укрепиться. Очень отчетлнво, с достоннством пронзнесенное, даже с иекоторым оттенком повелительиости слово «помогнте» прозвучало оттуда, где располагалась лаборатория инженера Махоркнна. Она подбежала. Под деревом, что она посаднла возле стенкн гаража, виден был снлуэт человека. Она твердо знала, что все нарушителн порядка трусы: заметив такого, надо иемедленно показывать свое превосходство над инм. С этой целью она захватила фоиарнк. Луч света упал на фнгуру под деревом. Инженер Махоркин стоял во весь рост, плотно обхватив ствол правой рукой.

— Что с вами? — спросила в изумленин учительнница. — Это вы крнчалн? Вам плохо? Отпустите дерево. Обопритесь иа меня. Я помогу вам дойти до дому.

— Кому иужна ваша дурацкая помощь? — Инженер Махоркнн дернул руку. — Если б я мог отпустить дерево, я бы и сам ушел. О, как больно, — закрнчал он вдруг, содрогаясь, — будто ток прошел через меня!..

Учительннца направила свет на его руку. Ннкакой линии разграничения между нею и деревом ие было. Ствол переходил в руку так же плавно, как в ветку.

— Вы... ие можете оторваться? — спроснла она, остолбеиев.

— Вндите, чего же спрашиваете, — уныло отозвался инженер Махоркнн.

В растерянностн учительница побежала буднть Хромосомова. Оиа дрожала, стоя на площадке, а из-за дверн все спрашнвали кто да что, да почему так поздно. Хромосомов вышел наконец. Едва он увндел состояние ннженера Махоркина, сонлнвость его как рукой сняло. Он осмотрел виимательио ствол, ища на нем следы необычайной по клейкостн смолы, вдруг прихватившей инженера Махоркина. Ствол был где гладок, где шершав, ио совсем не липок. Новый прнродный феномен открылся — и Хромосомов, радуясь в глубнне души, что такой интересный факт получеи, сочувствовал ннженеру Махоркиу, попавшему в столь страиную ситуацию. Коиечно, лучше бы все оставить как есть, завести журнал иаблюденнй, и пусть бы Махоркии записывал в иего свободной рукой все тончайшие детали, отиосящиеся к его необычному положению. Симбиоз человека с деревом — ведь это же открытие века. Но нет, не согласится. Вон как орал иасчет экспериментов иад людьми. Однако же попробовать... Очень робко, отчасти намеками, напнрая иа то, что для настоящего научиого работника не имеет значения обстаиовка, в которой он оказывается, а важна лишь возможность неустанного поиска истины, Хромосомов предложнл свой варнант.

— Еслн бы со мной произошел этот случай, — добавил он, — я

бы не упустил возможности сделать все, чтобы вырвать у природы еще одну ее загадку.

— Вот н прилипайте самн. А меня отпускайте. Не то я такой шухер устрою, — сказал, употребляя не встречавшиеся ранее в его речи жаргонные выражения, ннженер Махоркин. — Все за решеткой очутнтесь. Злостное хулнганство. Травля творца передового.

Очевидно, он забыл об особенностях своего нового положення, или еще не привык к ним, потому что какие-то волны пошли по его телу, и он иачал корчиться от боли. Пристыженный профессор побежал за топором. Учительннца посветнла фонариком, Хромосомов размахнулся и ударил топором под самый корень дерева. И сейчас же раздался такой крик, будто удар пришелся ннженеру Махоркнну по иоге. Несколько голов высунулось из окон, но в темноте никто не увндел трех замерших людей. Хромосомов между тем понял, что для инженера Махоркнна дела обстоят хуже, чем могло показаться вначале.

— Рассказывайте, — произнес он, — зачем сюда пришли ночью, зачем схватилнсь за дерево?

— Показалось в темноте, кто-то к машнне лезет. Выскочнл — пусто. Ну я со злостн, что под дождем бежать пришлось, схватнл дерево и давай трястн. Вырвать хотел, откровенно скажу. Как оно появнлось, так все мне мерещнться стало, что машнне опасность

угрожает. А она экспернмен... О боже, за что такое наказанне!..

Его опять затрясло. Успокоившись, он сказал:

— Поезжайте, привезнте врача...

— На чем? — уднвился Хромосомов. — Четыре часа ночн.

— На моей машнне. Я вам дам ключ...

— Она же экспериментальная...

— Это только я один знаю, где там экспернментальные детали. А вы обращайтесь, как с самым обычным автомобнлем.

Этой ночью Хромосомову спать уже не прншлось. Он привез дежурного врача. Тот походил кругом, сказал: «Случай беспрецедентный. Возможно, потребуется хнрургическое вмешательство» — и отбыл. Его повез на той же машнне Хромосомов. Обратно он не вериулся — уехал организовывать по просьбе инженера Махоркина охрану объекта от посторонннх взглядов. Рано утром к дому подкатила полуторка, груженная свеженькнмн — будто коиднтерскне нзделня прнвезла — доскамн. Два плотнnка прнннялнсь сооружать забор вокруг инженера Махоркнна. Их направил отдел капнтального строительства пнтомннка, поднятый на ногн Хромосомовым. Профессор, очевидио, нажнмал на все рычаги. К середнне дня прнбыл мнлнционер и занял свое место у вновь воздвигнутого забора. А вечером весь дом знал, что там, под строжайшей охраной, засекреченный ннженер Махоркин

проводит очень важный, смертельно опасный эксперимент. Так он, превозмогая болевые импульсы, шедшие в тот момент через его тело, просил объяснять Лидию Петровну. Она, добрая душа, уступила, хотя не любила лгать. Но истинная причина случившегося была ей не ясна, а злорадствовать или сплетничать она не любила еще больше.

Прошел месяц. Жильцы дома привыкли к забору, но близко не подходят — боятся излучений. Посторонние тоже.. Хромосомов же открывает калитку каждый вечер. Милиционер вежливо отстраняется, и профессор входит. Под деревом, облокотив присоединенную руку на построенный теми же плотниками стол, сидит инженер Махоркин. Перед ним лежит журнал — толстая книга с синими линованными страницами. Левой рукой инженер Махоркин записывает в него свои наблюдения. Хромосомов берет журнал, приближает его к глазам и начинает читать.

«...18 июля. Высоко в небе летит стая птиц. Листья начинают вздрагивать и дрожат до тех пор, пока стая не улетает».

— Хорошо, — вздыхает Хромосомов и кладет журнал на стол, — но недостаточно. Это наблюдение мог бы провести любой человек, не связанный непосредственно с объектом. Я, например. А вы — вы должны использовать все особенности своего положения. Прислушивайтесь к своему внутреннему миру, фиксируйте свои ощущения. Вы научный работник — мне ли вас учить. Может быть, анализ крови сделать, желудочного сока? Да разве можем мы дать публикацию в научном журнале, — горячился Хромосомов, — ограничившись только тем фактом, который сама судьба послала нам в руки? Выжать из него все, что можно, — вот наша задача. Да, да, и ваша, ибо под статьей в «Биологическом вестнике» будет стоять и ваша подпись...

И, сыграв таким образом на слабой струнке инженера Махоркина, Хромосомов нагибается и глядит в лицо собеседнику. Инженер Махоркин молчит, улыбается, и улыбка у него какая-то странная, нездешняя, как у слепого, погруженного в колышущиеся свои мысли. И Хромосомов тут же корит себя за нечуткость.

— Вы не волнуйтесь, — бормочет он, — пятидесяти ботаническим институтам мира разослано сообщение о событии. Не может быть, чтобы хоть в одном из них не сталкивались с аналогичной ситуацией и не подсказали нам выхода. Не беспокойтесь, мы скоро освободим вас. Человек не объект эксперимента, он для нас важнее всего. Если вы не в состоянии сосредоточиться — не надо. Найдем другие способы. Лидия Петровна за вами следит? Кормит, носит чистое белье?

— Следит, кормит, — рассказывал подробно инженер Махоркин. — Рубашку специальную

сшила, чтоб надевать ее, не просовывая руку в рукав...

— Мы, коиечио, позаботимся, ис волиуйтесь. До завтра... — И Хромосомов отходил, пятясь, поворачивался у калитки.

Но иижеиер Махоркин с каждым днем все больше и больше осозиавал, почему ои попал в этот симбиоз. Знал он также, что, разошли Хромосомов письма не в пятьдесят, а в пятьсот ииститутов мира, ему, Махоркину, это не поможет. До осеии, до листопада, до холодных дождей он будет сидеть здесь, а потом вдруг встаиет, потянется сладко и глубоко, воздев к небу обе руки, и выйдет за калитку, испугав стоящего там милициоиера. Это случится, потому что вся жизненная сила дерева уйдет глубоко в сердцевииу ствола, быть может, в корни. Ои знает то, что не известно никому во всех пятидесяти иииститутах мира, если там нет второго такого, как он. Дерево боится. Каждое живое существо иа Земле должио бороться с врагами — иначе не выжить всему виду. Деревья с их защитными и наступательными средствами возиикли задолго до человека. Они жили, ие боясь иикого — что им самые острые клыки или самый могучий хобот! — и умнрали естествеииой смертью. Но как спастись от дисковой пилы! Где-то в глубииах клеток зарождались новые свойства, лучевой поток закрепил их, вызвал давно уже подготовленный мутационный скачок. Каждому, кто входит в лес, должны быть виушены добрые чувства. Пусть человек ощутит в себе сострадаиие ко всему сущему, осознает себя частью всего живого, проникится душевной гармоиией. Это создано не для людей — природа не добра и не зла; но как миого могут люди получить от иового свойства!

— Ну и пусть себе лесорубы сострадают! — едва ли не крик вырывался у инжеиера Махоркииа в то первое время, когда он только-только начинал смутно еще осознавать, что произошло. — Но я, дипломированный инженер, — какие у деревьев могут быть претензии ко мне?..

Проходили дни. Медленно, как бы с течеиием древесиых соков, бесспорно проходящих через инженера Махоркина, являлись новые ощущеиия, которые он переводил в мысли.

— Не затаишься, теперь весь твой виутреииий мир открыт. Ты ходил озлобленный — и еще более озлоблялся оттого, что чувство это надо было скрывать. Поток излучений — а пропорционален ои должеи быть суммарной площади листьев — ие смог преобразовать твою злость в доброту. Дерево едва ие погибло. Кто ты — инжеиер или клоун — неважно. Ты вошел в рощу с недобрыми чувствами и с нимн же вышел. На том кончилась первая стадня...

А когда ие помогает первая стадия, начиииается вторая. Сделать так, чтобы дерево и враг его слились в живущий одной жизнью ор-

ганизм. Пусть мокнут под одним дождем, дышат одним ветром, укрываются одним небом. Бьют по дереву — больно обоим: лживая или злая мысль врага вызывает, как сигнал крайней опасности, боль у дерева и соответственно у врага.

«Но за что я так отмечен? — думает иногда инженер Махоркин в тот момент, когда летит большая стая птиц, дерево настораживается, и связь между ним и человеком слабеет, — я обычный гражданин, ничего особенного не сделал. Рвался, правда, расталкивал других, кричал о несуществующих изобретениях. Табличку на двери повесил медную: «Инженер Махоркин, изобретатель. Консультации по вопросам создания принципиально новых машин по субботам с 9.00 до 12.00». А когда к тебе зашел вундеркинд и, глядя трепетно, предложил использовать вращательное преобразование магнитного поля в башенных кранах, ты написал ему: «PV = GRT». И долго он ломал себе голову, не подозревая, что это элементарная формула теплотехники, и взирал на тебя при встречах с еще большим почтением. Но ведь за мелочность не сажают, за желание казаться тем, кем ты хотел стать и не стал, — тоже. А он сидит. Безвинно. Суд не осудит, моралист не придерется особо — много таких. А он сидит».

Пролетают птицы, уходят спать дети, добродушные взрослые возвращаются домой после прогулки. Дерево спокойно. Спит инженер Махоркин. Но снов он не видит. Дерево бодрствует, и вместо снов приходят к человеку его ощущения.

Это вторая стадия — и осенью, когда опадут листья, жизнедеятельность дерева ослабиет, энергетических ресурсов будет хватать только на основной организм, человек окажется лишней нагрузкой и, преображенный, сможет уйти.

Всю жизнь инженер Махоркин мечтал сделать научное открытие, а если не получится, то все, что угодно, выдать за него. Но вот оно сделано — большое, настоящее, — а сообщить о нем инженер Махоркин не торопится и не мечтает о месте в президиуме. Он думает, что рано, может быть, сообщать о незащищенных местах природы. А то найдутся такие, которые придумают что-нибудь вроде противогаза от излучения, внушающего доброту. Пусть эти деревья сажают везде, где живут люди, пусть ученые исследуют их обычными методами. Ни черта они не откроют! А инженер Махоркин скажет все, что знает, когда, выйдя на волю, окончательно убедится в полном своем преображении.

Инженер Махоркин сидит за деревянным высоким забором из темнеющих постепенно досок и левой рукой записывает в журнал сообщения о всяких малозначительных событиях. Дерево как будто бы доверяет ему — во всяком случае, он не чувствует уже постоянных — то слабых, то силь-

ных — уколов. Изредка только старый иижеиер Махоркии шевелится в иовом, подиимает голову, хохочет. Ои злорадствует, довольиый, что инжеиер Махоркии опять оказался умнее всех. За это спокойное сидеиие, за возможиость поставить свою подпись под сообщеиием о крупиейшем иаучиом экспернмеите ои ведь еще и по бюллетеию получит. Дольше трех минут эта радость ие длится. Дерево иастороже — синусоида боли проходит через тело инженера Махоркиа. Ои вздрагивает и иемедлеиио переключается иа мысли о гастролях Бостоиского филармоиического оркестра.

демон истории

Север Гансовский

Есть миеиие, будто существует муза нстории — Клио, кажется, ее звать. Величествеииая жеищииа с прямым греческим носом и твердой мрамориой грудью, одетая в белосиежиую туиику. Говорят также, что ей свойствеиио влечеиие к особо одареииым, выдающимся личиостям и что, полюбив одиого такого, оиа уже не измеияет ему, проводя своего избраииика через все ею же самой

воздвигаемые в ходе времен препоны. Что всевозможные исторические события, несчастья и трагедии именно таким упорством ее симпатий и объясняются.

Но сомнительно все это. Сомнительно даже, что муза истории — вообще муза. Согласно последним научным данным Клио и не прекрасная женщина совсем, а господин в пыльного цвета сюртучке, который, помните, являлся однажды к гениальному немецкому композитору Адриану Леверкюну. (При этой встрече, кстати, выяснилось, что он в известном смысле самим Леверкюном и был.) *

I

«...20 июля Астер подписал указание № 8 под названием «Методы ведения войны». В тот же день, чтобы ободрить своих генералов, он собрал их в глубочайшем бомбоубежище виллы «Уца». Сохранившийся отчет об этой беседе является одним из наиболее ярких документов, раскрывающих личность руководителя Объединенных Земель.

— Я созвал вас, — сказал Отец, открывая совещание, — чтобы сообщить о своих мыслях по поводу надвигающихся событий. Мой разум полон настоящего, прошедшего и будущего. Я отдаю себе полный отчет в том, что нам предстоит пережить, и моя воля достаточно сильна для принятия самых жестоких решений. — При этих словах он прошелся по залу и остановился, закусив губу, оглядывая генералов своим завораживающим взглядом. Его тщательно убранная борода, известная всему миру по миллионам портретов, вызывающе выдавалась вперед. — Напомню вам, что одним из главных факторов сегодняшнего исторического развития является моя собственная личность — при всей скромности своей утверждаю: незаменимая. Людей такого масштаба не было и нет. Но как долго будет действовать этот фактор? Сейчас мне пятьдесят. Через десять-пятнадцать лет будет уже шестьдесят или шестьдесят пять, и преимущество, которым родина обладает, имея меня, перестанет играть такую огромную роль. Поэтому, если мы хотим чего-нибудь достигнуть, нужно действовать немедленно. Судьба всех вас, здесь присутствующих, будущее Объединенных Земель и человечества зависят от меня, и я намерен поступать соответственно. Но сначала несколько слов о вашем поведении при встрече с будущим противником — заметьте, что я еще не сказал, кто он. Определяющим тут должна быть решимость. Не бойтесь поступков, которые могут оказаться неправильными; я всегда предпочту того, кто вынес ошибочное решение, тому, кто не принял никакого. Во всем имейте перед собой конечную цель — то есть благо Объединенных Земель.

* Смотри роман Томаса Манна «Доктор Фаустус» (Прим. автора).

С противником — я опять-таки еще не называю его — не разговаривайте. Этого противника вам, кстати, никогда и не переговорить. Меньше слов и дебатов. Полагайтесь во всем на свою волю, которая — я верю в это — сама собой и, возможно, даже вопреки логике (оно, между прочим, и лучше, если вопреки) произведет на свет единственно правильное решение. Плюньте также на нравственность. Если ваша цель будет достаточно велика, она оправдает любую жестокость и сделает ее гуманной. Помните, что нет подлости вообще. Есть подлость лишь по отношению ко мне, вашему Отцу, и по отношению к Объединенным Землям...

Так разглагольствовал Отец, подавляя слушателей жуткой силой волн, сверля их свойственным одному ему в целом мире пугающим, гипнотизирующим взглядом, который редкий человек мог выдержать больше двух-трех секунд. Бредом могла показаться эта речь, но за ней уже стояли последние достижения науки, миллионы рабочих уже собирали на заводских конвейерах оружие, были приготовлены огороженные колючей проволокой «резервации воодушевления», и огромные эвроспиртовые котлы ждали поступления первых тысяч жертв. В течение целых пяти часов не закрывал рта Юрген Астер, а из генералов, сидевших тут, в зале, никто не задавался вопросом о том, что мания величия, овладевшая Отцом, уже сделала их обожествляемого руководителя безумцем...»

Чисон откинулся на спинку стула.

Толстая историческая книга лежала перед ним. На две тысячи страниц, из которых добрые тысяча девятьсот были заполнены описаниями предательств, массовых казней, дипломатической лжи, разрушений и убийств. И не такая уж давняя то была история. Отец самого Чисона потерял всех своих родных и сам едва спасся, когда на их город обрушился снаряд «Мэф». А про эвроспиртовые котлы до конца своих дней так и не могла забыть тетка, которая в свое время единственная уцелела в одном из тех колоссальных, в сто тысяч человек, транспортов, которые по приказам Юргена Астера гнали и гнали в каменоломни Лежера.

Ужасом веяло от книги в желтой обложке. Плотным кирпичом она лежала на гладкой поверхности стола, освещаемой зеленоватым светом настольной лампы, и страдания миллионов были заключены в ней.

Чисон оглядел свою уютную комнату, пустоватую, правда, с голыми стенами, но с удобной атмосферической постелью и со вторым стулом из дерева, что по нынешним временам тоже было роскошью.

В углах комнаты дремала темнота.

Опять он подвинул книгу к себе. Даже страшно было читать

дальше. Теперь он подошел к тем главам, где тысячи мелких подлостей должны были слиться в одно, а небольшие захваты и войны уже перерастали в великую войну — самую ужасную в истории цивилизации.

«На рассвете 15 августа воодушевленные бешеными речами Отца колесные полчища Объединенных Земель ринулись вперед. Катающиеся мины прокладывали путь пехоте в противогазиых шлемах, длинные — в сорок метров, — низко летящие снаряды быстро разрушили пограничные укрепления противника, и словацкие крестьяне удивленно смотрели, как с грохотом развертывается перед ними несокрушимая военная машина Астера.

15-го же в британское посольство в столице Объединенных Земель пришла радиограмма из Лондона на имя посла сэра Эдгара Андерсона. Послу предписывалось не позднее трех часов дня встретиться с министром иностранных дел Объединенных Земель. Две недели назад Объединенным Землям был вручен меморандум с предложением немедленно удалить войска из Болгарии. Ответа не было, и теперь английский премьер пришел к заключению, что Астер хочет захватить как можно больше и словацкой территории, прежде чем начнутся переговоры. Чтобы избегнуть этого, британский руководитель предупредил, что, если ответ от Астера не поступит до

6 утра 16 августа, Англия и Франция объявят о состоянии войны с Объединенными Землями.

Однако французский Совет национальной обороны был далеко не единодушен. Генералы сомневались относительно возможности защищаться, не говоря уж о наступлении. По словам Кулоидра, Франция могла рассчитывать на победу лишь в долгой войне, а к активным операциям подготовилась бы только через три-четыре года. Разгорелись споры. Тогда в момент кризиса Ренувен поставил перед Советом два вопроса:

1. Может ли Франция оставаться пассивной, если Чехословакия и Польша (либо одна из этих стран) будут стерты с карты Европы?

2. Какие меры против этого могут быть предприняты немедленно?

В конце концов все согласились, что ответы тут могут быть только военного характера. После дискуссии Совет вынес решение, тут же зафиксированное в протоколе:

«В настоящий момент Франция не так сильна, как Объединенные Земли. Однако в ближайшие месяцы потенциальный враг может только усилиться, поскольку получит в свое распоряжение экономические ресурсы Чехословакии и, возможно, Польши.

Таким образом, у Франции нет выбора».

Придя к этим выводам, фран-

цузское правительство начало действовать. На следующнй день пограничные частн былн прнведены в состояние боевой готовностн, девятьсот тысяч резервистов стали под ружье, и офнцнальное коммюннке уведомило англнйского премьера, что союзннк «выполнит свой долг».

И тем не менее мнр еще можно было спастн. Несмотря на то, что срок брнтанского ультиматума нстек целых семьдесят два часа назад, правнтельство Ее Величества медлило. У Эдгара Андерсона возннкла ндея потребовать у агрессора лишь «снмволнческого отвода войск» нз Чехословакнн — бог знает, что он прн этом нмел в вbackup ду. Он же красочно опнсывал благоденствне, царящее в «усыновленной Болгарнн», н обе телеграммы горячо обсуждалнсь в парламенте.

Между тем в Чехословакнн группы армнй Объеднненных Земель — «Север» н «Юг» — уже с двух сторон шли на соедннение. Снаряд «Мэф» упал на маленькнй чешский городок, розовое зарево пожаров освещало путь мотоотрядам, катящим к металлургнческим заводам. А Юрген Астер со своей клнкой продолжал безмолвствовать выжндая.

Но тут уже начало проявлять нетерпенне французское правнтельство. По телефону в частной беседе Кулондр, вытнрая со лба градом катящнйся пот, сказал брнтанскому премьеру, что, еслн Англня н впредь будет оттягнвать свое выступленне, он не сможет далее контролировать колеблющийся Совет обороны.

Тогда, накоиец, Велнкобрнтання решнлась. 20 августа Андерсон, крайне тяготясь выпавшей на его долю мнссней, отправнлся в мннистерство иностранных дел Объединенных Земель с документом, где значнлось:

«...поскольку правнтельство Объединенных Земель за нстекшие четверо суток не ответнло на ноту Велнкобрнтанин н поскольку агрессня протнв Чехословакнн продолжается, а атаки на ее войска усиливаются, я нмею честь уведомить Вас, что состоянне войны между нашнмн двумя странамн существует с 20 августа с 9 часов утра».

В этот нсторнческнй день официальный переводчнк мнннндела Объедннenных Земель доктор Райскн встал слншком поздно н едва успел в кабннет миннстра, чтоб от его имени прннять англнйского посла. «Андерсон выглядел очень серьезным, — вспомннал впоследствнн Райскн. — Мы пожали друг другу руки, однако он отклонил мое предложенне сесть н, стоя посредн комнаты, торжественно прочел ноту». Попрощавшнсь с послом — онн снова обменялнсь рукопожатнем, переводчнк бегом отправнлся в Ассамблею. В комнатах, окружающнх контору, было полно народу. «Когда я вошел в зал, — значнтся в мемуарах доктора Райскн, — там были только Отец, руководнтель полнцнн н ми-

иистр промышленности. (Поздиее ои стал министром уничтожеиия и одиим из главиых убийц в окружении Отца.) Трое посмотрели на меия. Я остановился в двух шагах от стола и медлеиио, слово за словом, перевел аиглийский текст. Отец закусил губу, задумавшись. Плечистый миииістр промышлеииости, глядя перед собой тяжелым взглядом, тихо сказал: «Не приведи бог проиграть эту войиу...» Носатый, преждевремеиио поседевший руководитель полиции добавил: «Тогда нам конец».

Вечериие газеты в столице Объединенных Земель вышли с огромиыми заголовками:

БРИТАИСКИЙ УЛЬТИМАТУМ ОТВЕРГИУТ

АИГЛИЯ ОБЪЯВИЛА ВОЙНУ ОБЪЕДИНЕИИЫМ ЗЕМЛЯМ!

МЕМОРАНДУМ МИНИНДЕЛА СРЫВАЕТ С АНГЛИЧАИ МАСКУ

ОТЕЦ ОТБЫВАЕТ ИА ФРОИТ СЕГОДИЯ ИОЧЬЮ!

Под утро 21 августа по приказу Юргена Астера сто пятьдесят субмарин всплыли на всем протяжении водного пути, связывающего Старый и Новый Свет, и первые торпеды ударили в мирные пассажирские суда. Среди потоплеиных на рассвете кораблей был и лайиер «Уэллс», иа борту которого находилось двести америкаиских граждан — в том числе восемнадцать детей.

Величайшая всемириая войиа иачалась».

Снова Чисон отодвинул книгу. Безиадежным все представлялось в ней. Повсюду, буквально иа каждой странице, был там этот Отец, зловещий баловень истории. С иечеловеческой энергией он произносил свои ежедиевиые трех- и пятичасовые речи иа митингах и совещаииях, сыпал приказами и издавал законы. Он лично руководил военными операциями, и лишь благодаря его жуткому упорству Объединенные Земли, поставлеииые перед катастрофой на второе лето войны, сумели преодолеть этот кризис и еще пять лет длить свою агонию, унося в могилу новые десятки миллионов. По распоряжеиию Астера газовые облака повисли иад Софией и Веной, и по его указанию флот Объединенных Земель стер с лица земли все до одного города Атлантического побережья Европы. Уже позднее, когда повсюду дымились руины и кучка приспешников Отца трусливой толпой стала перед Высоким судом, с полным основанием обвиияемые ссылались во всем на своего руководителя, загадочно погибшего в авиационной катастрофе. В самом деле, казалось, что ие будь этого неисчерпаемого, почти немыслимо изобильного источника оргаиизующей злой силы, история последних десятилетий выглядела бы по-другому.

А называлась киига «Расцвет и падеиие Объединеииых Земель».

Чисои подвинул стул ближе к столу и перемахнул сразу сотню страниц.

Так и есть: лежерские каменоломни!

«...транспортами, а когда они не работают, просто по лестницам человеческий материал подается наверх, на высокую эстакаду, которая пересекает всю большую впадину, соединяя ее край с первым замаскированным под большую скалу котлом. С эстакады людям предлагают пройти вперед по снижающейся скользкой поверхности. Уклон здесь постепенно увеличивается, жертвы начинают падать и скользить, а некоторые даже сами садятся, чтобы не идти, а ехать вниз, сберегая силы, истраченные во время трудного подъема. Этот путь устроен таким образом, что лишь с первого поворота люди начинают видеть, что их ждет впереди, и именно на этом участке, по свидетельству немногих оставшихся в живых, возникает паника. Однако никто уже не может замедлить свое движение, и страшная новость никогда не поднимается по дороге смерти выше, чем...»

Не хотелось продолжать читать. Он, кстати, знал дальнейшее по рассказам тетки.

Чисон встал, выпрямился, расправил плечи, прошелся по комнате взад-вперед и опять сел к столу.

Ну неужели всего этого нельзя было предотвратить? И почему он стал таким — этот Юрген Астер? Откуда это все взялось у него?

Чисон раскрыл книгу на первых главах, где описывались ранние годы великого изверга.

Ничего особенного. Детство как детство. Он родился в семье почтальона в Крайне, на берегу Савы, в городке Лайбахе, столь ничтожном, что жители там не только все друг друга, но и каждый прыщ на лице друг у друга знали. Народная школа, и после нее три класса музыкального училища при монастыре бенедиктинцев... Юность в столице семивековой Габсбургской династии, где молодой Юрген сначала рассыльный в нотариальной конторе, затем ученик шлифовальщика, служащий на карусели и, позже, музыкант в маленьком ресторанном оркестре... Попытка поступить в Музыкальную академию и снова тот же оркестр... Случайная встреча в ресторане с доктором Люгером, посещение митинга христианских социалистов в Пратере и первое выступление в качестве политического оратора на собрании герйальских лавочников. (Пока что за исключением непобедимой лени, которая вынуждает Юргена каждый год менять профессию, в личности будущего вождя нации нет ничего из ряда вон выходящего.) Он еще не очень-то красноречив, ни в коем случае не обладает сильной волей и весьма трусоват.

«...20 июня того же года случилось происшествие, едва не оборвавшее в самом начале карьеру будущего государственного деятеля. Во время большого митинга на лугу возле Ротонды молодой Юрген заспорил с неким приезжим коммивояжером. Коммивояжер (история не сохранила имени этого лица), вспыльчивый и физически очень сильный человек, отвел Юр-

гена в глубь леса и там едва не задушил его. Поздиее место этой драки было сделаио исторической святыиеи, и в течение целых пятнадцати лет иа ежегодиых встречах «У раздвоеииого дуба» молодежь славила мужество вождя, выстоявшего в неравной борьбе.

Теперь уже иевозможио установить, как в действительиости вел себя Астер во время той схватки. Известио, одиако, что в дальиейшем ои, не колеблясь посылавший на смерть и отдельиых людей и целые народы, сам до коица диеи ни разу ие подвергал себя физической опасиости и даже по аллеям тщательно охраиявшегося парка «Уца» прогуливался лишь в сопровождении нескольких специальио треиированных вооружеиных телохраиителей».

— Черт возьми! — Чисон вскочил из-за стола. — Ну черт же возьми! Неужели тот коммивояжер не мог?.. — Он задумался. — Ну что ему стоило? Тогда б, возможио, ие было камеиоломеи Лежера, всех других мерзостей и даже самой всемириой войиы.

В этот момент позади него в углу комнаты раздался шорох и чей-то надтреснутый голос спросил:

— Да?

Чисои вздрогнул н обернулся.

Господии в пыльиого цвета сюртучке стоял в темном углу возле стены. В первые иесколько секуид Чисои был больше всего озадачеи необъясиимостью его появлеиия тут: дверь-то заперта, а ключ лежал в кармаие. Но затем его виимаиие привлекла удивительная физиономия иезиакомца. Все ее части иаходились в состояиии страиного движеиия и измеиеиия. Нос то удлииялся, то сам собой укорачивался, подбородок делался то острым, то тупым и раздвоенным, глаза ежесекуидио меияли цвет, и все как бы искало иужиый размер и нужную форму.

На миг Чисоиу показалось, что это один из его зиакомых. Тотчас физиономия удивительиого субъекта стала совершеино напоминать того зиакомого по фамилии Пмоис. Но тут Чисои сообразил, что Пмоис никак ие мог бы к иему зайти, поскольку иаходится в отъезде, и подумал о другом. Как бы отвечая на это и господии в сюртучке услужливо перекроил свою физиоиомию соответствующим образом. А когда Чисои иа секунду вспомнил о своем друге Лихе и о его приятельиице Ви Лурд, иезиакомец сразу же укоротил нос, удлииил глаза н стал иу просто родным братом этой дамы.

Что-то тут было нечисто...

Осторожио Чисои скосил глаза киизу. В груди у него похолодело, горло само собой заперлось и щелкнуло, перехватив дыхание. Из-под обшлага недлиииой брючииы у господина иагло высовывалось ие что иное, как раздвоеииое козлиное копыто.

Ах, вот в чем дело!.. Все сразу сделалось Чисоиу ясио. Стараясь сохраиить спокойствие, он сделал шаг иазад, сел на стул и откашлялся.

— Гм... Так, собственно, чему обязан честью?

— А, бросьте! — развязно сказал господин, как бы отметая формальности. Быстрым дробным шажком он подошел к Чисону. (Вблизи от него пахло серой. Но не сильно — как от новой автомобильной покрышки.) — Вы хотели бы, чтобы еще в то время, да?.. И в таком духе, не так ли?

— В известной степени, пожалуй, — согласился Чисон. — Но это не повод, чтобы вот так врываться.

Глаза у господина нехорошо сверкнули. В руке у него вдруг появился свиток наподобие тех папирусных, на которых делали свои записи древнеегипетские жрецы. Господин поднял этот свиток; и не успел Чисон прикрыть голову руками, как неожиданно сильный удар оглушил его.

Он начал терять сознание. Все, что было в комнате, потускнело и заволоклось туманом. Красные, сыплющие раскаленными искрами колеса завертелись у него перед глазами. Резкий, наглый смех раздался рядом; он делался все громче, стал звучать, как удары колокола, и Чисон почувствовал, что летит куда-то вкось, вниз, в черноту...

II

Был яркий солнечный день. Он спрыгнул со ступеньки вагона и огляделся. Тело чувствовал сь большим, сильным, тренированным; он ощущал, как при каждом движении перекатываются плечевые и грудные мышцы.

Спеша к седеющему генералу, пробежал носильщик. Двое прошли рядом, разговаривая:

— И знаешь, кому он оказался племянником, этот «племянник»? Графу Лариш-Мениху!

Молодой человек с пышными усами, одетый в рваное грязное пальто, слишком длинное для него, стоял неподалеку на перроне. На его худом лице было обидчиво-презрительное выражение. Он скорчил злобную гримасу вслед генералу, затем, оглянувшись на застывшего монументом жандарма неподалеку, сделал приезжему какой-то знак рукой.

Тот нетерпеливо пожал плечами в ответ.

Усатый еще раз бросил взгляд на жандарма и скользнул к приехавшему.

— Разрешите?..

— Что?

— Вещи.

— Ах, вещи! Ну конечно.

Молодой человек взял чемодан с саквояжем. В его фигуре была некая странность: руки казались слишком короткими для сравнительно длинного туловища. Вдвоем обладатель грязного пальто и приезжий прошли через вокзал на площадь. Над городом только что отплясал короткий летний дождь. Камень мостовой светлел подсыхая. Торговки-лоточницы наперебой предлагали груши, сливы, цветы. Треща крыльями, голуби опу-

скалнсь иа кучку дымящнхся конских яблок.

Поравиявшись с извозчиком, пышиоусый спросил:

— В гостнинцу?

— Да.

— В какую? Если в «Тироль», тут близко. Не иадо брать нзвозчика. Я доиесу и так.

Пнезжий задумался на миг. Он как бы рылся в самом себе. Потом твердо кивиул:

— В «Тироль».

Но тут же выясинлось, что усатый молодой человек переоценил свои силы. Оии свернули иалево с площади н не прошли еще пятидесяти шагов, как ои иачал задыхаться. Угреватое лицо покрылось капелькамн пота, шея налилась кровью, иа тощих, бледиых запястьях набухли синие жилы. Он шагал все медленнее, потом остановился.

— Ф-ф-фу!..

Приезжий усмехнулся.

— Дайте я возьму.

Он легко подхватил чемодан.

Но и один саквояж скоро оказался слишком тяжел для усатого. Ои дышал тяжело и со свистом, сильно креиясь в староиу иоши, перехватывая ее в другую руку через каждые иесколько шагов. Возле кофейии с выставлеииыми иаружу столиками он с сердцем грохнул саквояж иа тротуар.

— Железо у вас тут, что ли? — Лицо его исказилось злостью. — Вот всегда так получается: кто слабее, вынужден иосить для сильного. — Короткой, похожей на тюлений ласт ручкой он вытер пот со лба. — Подождем минуту.

Приезжий опять усмехиулся.

— И при этом вы себя считаете носильщнком? Тогда хоть дорогу показывайте.

Он взял саквояж и пошагал широким шагом. Молодой человек, путаясь в длинном пальто, семеиил за ним. «Тироль» был вовсе ие рядом. Онн прошли одиу длиииую людную улицу, вторую и лишь в конце ее увидели подъезд отеля.

Портье с просвечнвающей сквозь иачесанные волосы лысииой почтительно склоиился.

— У меня тут должеи быть заказан иомер.

Портье взялся за регистрациоиную киигу.

— Фамилия господина?

Приезжнй задумался.

— Разве вы меня не знаете?

Портье пожевал губами, глядя в сторону. Потом лицо его просветлело.

— Господин Адам Мораурэр?

— Коиечио.

— Тогда вот ваш ключ. Пожалуйста. Второй эта́ж.

Приезжнй направился было к лифту. В этот момент рядом прозвучало обижеииое:

— А я?

— Ах, верио, — сказал приезжий. Ои повернулся к короткорукому. — Хотя помощь была не такой уж большой. — Ои выиул кредитку нз бумажннка. — Вот.

— Спасибо.

Короткорукий иаправился к двери. Портье ошеломлеино посмотрел ему вслед, потом перевел взгляд на приезжего.

— Что вы делаете? Вы же ему дали десять крон!

Выскочив из-за стойки, он ринулся иа улицу. Приезжий последовал за ним.

— Эй!..

Молодой человек был уже шагах в двадцати. Он не оглянулся, решив, видимо, сделать вид, будто не услышал.

— Эй, любезный!..

Спииа молодого человека вздрогнула. Он втянул голову в плечи, ускорил шаг, потом побежал и скрылся в толпе.

— Мы заявим в полицию, господин Мораурэр, — сказал портье взволнованно. — Так этого нельзя оставить. — Его разыщут.

— Ничего. — Приезжий положил иа плечо портье большую мягкую ладонь. — В конце концов это пустяки. Скажите-ка мне лучше, какое сегодня число?

— Сегодня? Пятнадцатое. — Глаза портье чуть расширились.

— Ну-иу, — сказал приезжий. — Не надо так удивляться. Бывают же разные чудачества. Мне, иапример, вздумалось забыть число и даже месяц... Но то, что сегодня только пятнадцатое, ие так хорошо. Ждать еще целых пять дней. Так где, вы сказали, мой номер?

На самом-то деле он понимал, что вышло не худо с этими пятью днями. Получилась возможность освоиться, осмотреться, отдохнуть, иичего не делая.

А город вокруг был удивительно приспособлен именно для такого препровождения времени. Одна из красивейших столиц в Европе, город чииовников, аристократов и просвещенных королей. Здесь Иосиф Второй, сын Марии Терезии, мягко указал Моцарту на то, что в его пьесах слишком много нот, отнюдь не настаивая, правда, на немедленном их числа сокращении. Здесь же воспиталась и музыка новых времен — от Брамса, Брукнера, Малера до чарующих Штраусовых вальсов. Тут писали свои картины Ганс Макарт и иесравненный Мориц фон Швинд. Здесь умели наслаждаться жизнью, в этой столице рококо и барокко, столице зеленых парков, тончайше отполированного камня и камня иарочито грубого, в городе просториых, протянувшихся на целые кварталы низких зданий и устремленных вверх изящных, нервных новых. Повсюду звучала музыка, шуршали фонтаны, на каждом шагу можно было найти свободную скамью, чтобы присесть, вытянув иоги, да подумать о том, чем же, собствеино, сейчас заняться. По улицам разиосился запах мокко из бесчисленных кофеен, где не только все европейские ежедневные газеты, но и целую энциклопедию обязательно держал в зале хозяин для любителей побездельничать три-четыре часа под-

ряд, и где каждый официант умудрялся совмещать глубочайшее, почти неправдоподобное уважение к самому себе с еще большим уважением к посетителю.

Впрочем, недалеко нужно было ходить за объяснением всему этому. В течение веков город был конторой по управлению обширным поместьем Габсбургов. «Мы, милостью божьей... король Венгрии, Богемии, Далмации, Крайны, Славонии, Галиции и Иллирии; король Иерусалима, герцог Австрийский, великий герцог Тосканы и Кракова, герцог Зальцбурга, Штирии, Каринтии и Буковины; великий герцог Верхней и Нижней Силезии, Модены, Пармы...» и еще пятьдесят титулов. Сюда стекались подати и дани. Здесь не производили, а администрировали.

Правда, уже кончалось время империи, и мор пошел на династию. В 1867 году мексиканцы расстреляли императорова брата Максимилиана, в 1889 единственный сын-наследник покончил с собой, в 1897 году сестра сгорела во время пожара в Париже, а жену в 1898 заколол в Женеве анархист-итальянец. Облысевшим, с выпавшими перьями сидел на фамильном гнезде геральдический орел. Да и вообще, если присмотреться, не так уж благополучно жил город. Ночами в Пратере опасно было свернуть с главной аллеи, в семьях бедноты дети начинали клеить коробки или сортировать бисер с пяти-шести лет. Окраина вставала на Центр, всеобщая стачка уже однажды сотрясла страну. Политические партии боролись за власть, ораторы на митингах требовали крайних мер.

Но это если присмотреться. А приезжий не хотел присматриваться. Зачем? Куда приятнее было бездумно бродить по улицам, любоваться поднимающейся к небу готикой собора святого Стефана, странной, как бы смиренно сжавшейся Миноритен-кирхе или затейливостью орнамента тонущих в зелени дворцов. Уходить в узкие тупички, где еще живо дышали XIV и XV века. Тишина, тень, непонятно как сюда проникший ломкий солнечный луч, сырость, запах затхлости. А во мраке нищей еврейской лавчонки неподвижно сидящая девушка, «белая, как шелковая лента», с глазами такой исступленной ветхозаветной красоты, что, казалось, все проблемы мира могли бесповоротно потонуть в них.

В такие минуты он забывался, цель делалась смутной, терялась совсем, и он становился просто Адамом Мороуэром, коммивояжером. Но и в этом состоянии он не мог избавиться от ощущения, что все, с ним происходящее, — повторение. Куда б он ни шел, он шагал по своим следам, двойную ниточку которых видел всякий раз, оглядываясь.

Во время таких скитаний он дважды встречал озлобленного коротконогого молодого человека.

Один раз в очереди в ночлежку на Мельдеманштрассе. Второй — утром на Иозефштрассе недалеко от парламента. Проходили войска. Под музыку полкового оркестра шагал пеший строй драгун в синих венгерках. Молодой человек, сидя на скамейке со своим грязным пальто через руку, завороженно смотрел на слитно ударяющие по земле ноги.

Приезжий присел рядом. Усатый повернулся, вяло приподнял брови, показывая, что узнал его, затем опять стал смотреть на солдат.

— Как это удивительно, — сказал он глухо. — Такая масса людей, масса мускулов и мяса, и все это зависит от одной воли. — Он сладострастно вздохнул. Даже нездоровая, серая кожа его щек порозовела. — Неужели такого можно достигнуть? Все подчинить!

— А с какой целью? — спросил приезжий. — Чтобы делать что?

— Неважно. — Усатый пожал плечами. — Но подчинить! Неужели вы не чувствуете, какое в этом наслаждение?

Приезжий вдруг взял его за руку. У молодого человека в уголках непромытых с утра глаз белели светлые капельки грязи.

— Слушайте, вы бы хоть мылись. От вас даже пахнет.

— Я не ел со вчерашнего дня, — сказал усатый гордо. — А вы мне говорите о мытье.

Приезжий секунду смотрел на него, затем усмехнулся.

— Ладно. Пойдемте закусим где-нибудь. Но только держитесь от меня чуть подальше. Хотя бы на шаг.

Они пообедали у Городского парка на открытой веранде. Молодой человек ел жадно и неряшливо, кусочки рыбы и желе от яблочного пирога падали у него изо рта. Насытившись, он отвалился на спинку стула и, презрительно сощурив глаза, скрестил на груди коротенькие ручки.

На Ринге уже начался обычный променад. Женщины, роскошно одетые, в ажурных юбках, сквозь которые можно было видеть чулки до колена, в синих, зеленых платьях с большим вырезом, покрытым газом, с выставленными напоказ драгоценностями. Мужчины с тростями, в шляпах, цилиндрах, молодые с усиками «кайзер», постарше в бакенбардах. Слышалась то темпераментная венгерская речь, то гнусавый немецкий говор аристократов из Богемии, и чешская фраза перебивала порой польскую или итальянскую.

— Хоть бы война какая-нибудь началась, что ли! — сказал вдруг пышноусый. Им овладел приступ злобы.

— Зачем?

— Чтобы все полетело к черту! — Взмахом руки он обвел и полную народом улицу, и здание Оперы с канделябрами дальше влево, и зелень каштанов, и голубое яркое небо. — Чтобы все по-

шло на мыло! — Затем он осекся и, переменив тон, искательно заглянул приезжему в глаза. — И кроме того, на войне можно выдвинуться, верно ведь?

Тому сразу сделалось скучно. Он вздохнул.

— Так вы куда сейчас?

— В Пратер. Там сегодня митинги. Буду открывать дверцы у карет.

— Какие митинги?

— Ну, христианских социалистов, например.

Приезжий вдруг забеспокоился.

— А какое сегодня число?

— Двадцатое июня.

Приезжий встал.

— Отлично. Поедемте вместе.

Асфальт Рингштрассе медленно тек под копыта коней, потом он сменился торцовой мостовой Главной Аллеи. Кончилась весна, полно и властно вошло в свои права лето. Могучие каштаны аллеи отцветали, легкий ветер нес в воздухе трепетные белые лепестки. Фиакр повернул к Ротонде; смягчая июньскую жару, донеслось дыхание водной глади Дуная. За береговой дорогой река изредка просверкивала золотом между домами и деревьями, и там, на другой стороне, над заливными лугами виднелись уже сельские домики с черепичными крышами, с аистиным гнездом возле трубы.

Тишина, уют, ласковое довольство...

Приезжий вдруг совсем забыл, зачем он здесь. Голубая бабочка села ему на колено — маленький комочек жизни, аккуратная, с белыми ножками под сереньким мохнатым туловищем. Он смотрел на нее, и крошечное животное отвечало ему покойным взглядом неподвижного, обведенного желтой каемочкой темного глаза.

Он схватился за голову. Кто он сам такой? Что он тут делает?.. Он дико оглянулся на пышноусого оборванца.

Возле здания Ротонды кучер обернулся.

— Господа прикажут здесь?

На поляне было пусто, но у входа теснился народ. Митинг начался.

Трое молодых людей стояли неподалеку от дверей, держась особняком от толпы. Один, в офицерском гусарском мундире, длинноносый, совсем юный, но уже потасканный, раскуривал сигаретку. Второй, плечистый, крутогрудый и, видимо, необычайно сильный, осматривался вокруг равнодушным тяжелым взглядом. Он был в штатском, как и третий, вертлявый, вислозадый, с белесыми ресницами на розовом поросячьем лице.

Пока приезжий расплачивался с кучером и шел к Ротонде, вертлявый успел дважды вынуть из кармана зеркальце и дважды самодовольно посмотреться в него.

Возле дверей в зал приезжий остановился. Налегая друг другу на спины, тесно стояли ремесленники, торговцы, служанки. Толпа молчала. Внутри очередной ора-

тор рассуждал о городском самоуправлениин.

Приезжий закусил губу. Ои должен был что-то сделать здесь. Нечто большое н страшное начннналось на мнрном лугу. Ему следовало что-то предприиять, чтобы остаиовить зто. Но он не мог собраться с мыслямн.

— Позвольте!

Его сильно толкиулн. Он моментально пришел в себя.

Трое молодых людей стоялн рядом. От всех несло пивом.

— Осторожнее!

Потасканный офицернк презрительно спроснл:

— А что будет?

— Пощечиия, — ответил приезжий. Его сильное тело напряглось, красные пятна гнева поплыли перед глазамн.

— Ну-у?.. — недоверчнво протянул плечнстый какнм-то жутко пустым, равнодушным тоном. Он подиял палец, поводнл им перед самым носом приезжего. В другой руке у него была толстая трость. — Ты что, кусаешься?

Третнй, внслозадый, опять озабоченно глянул в зеркальце. (Как еслн б в его фнзнономин моглн пронзойти нзменеиия за нстекшие иесколько мниут.) Вообще он был похож на актера, готовящегося к выходу. Он сказал:

— Оставьте, господа. Не время.

Чей-то голос пронзнес над самым ухом приезжего:

— Не связывайтесь. Это же Юрген Астер.

Толпа уже расступнлась, готовя проход для тронх.

Юрген Астер!.. Приезжнй сжал зубы и лихорадочно огляделся. Юргеи Астер, будущий «Отец» н «Руководитель»! Вдруг все ему сделалось ясно. Здесь, в этом мирном парке, в летний светлый деиь иачииается дорога к камеиоломням Лежера. Сегодня 20 июия 1914 года. Подходит исторический рубеж. Уже блнзок коиец австрнйской нмперии н всей прежней «мнрной» Европы. Считаниые дии осталнсь до начала первой мировой войны, которая перекронт лнцо землн. Ои сам сейчас в Веие, в парке Пратер. На мнтинге, где своего первого большого успеха добьется будущий руководнтель Объединенных Земель. И от него, от приезжего коммивояжера Адама Мораузра, который одновременио является н кем-то другнм, завнснт, возможно, дальиейший ход времеи.

Трое уже входнли в зал.

Ои бросился за ннми н взял внслозадого за плечо.

— Господни Астер. На два слова.

Тот недоумевающе обериулся.

— Всего два слова. Вопрос иеобычайиой важиости. О вашем будущем. О будущем вашего движения.

Вислозадый приосанился. Затем ои гляиул на часы.

— Что такое? У меия только пять мннут.

Офицер и плечистый иедоверчи-

во н подозрнтельно смотрели на прнезжего.

Он заторопнлся.

— Этого достаточно. Но я могу сказать только вам лнчно. Выйдемте отсюда.

Взяв вислозадого под руку, он повлек его за собой. Поляна распахнулась перед ннми. Почтн бегом, таща своего спутника, он броснлся тропннкой между кустамн сиренн. Лужок, заросший зеленой муравой, мелькнул слева. Тропиика коичнлась. Куда?.. Ои пробежал еще десяток шагов вперед и остаиовнлся.

Рядом был огромный раздвоенный дуб.

— Ну так что? — спроснл внслозадый. Ои поправнл сбнвшнйся иа сторону черный галстук. — Тут нас ннкто не услышит. Не иадо дальше.

Приезжий тяжело дышал. Потом, как в омут бросаясь, спросил:

— Вас зовут Юрген Астер?

Вислозадый кнвнул.

— Мне кажется, у вас большие плаиы. Вы считаете, что нсторня предиазначнла вас для великнх дел.

Некое подобне мыслн мелькнуло на пустой фнзноноиии вислозадого. Он нахмурнл брови, стараясь придать своему лицу выражеине значительности.

— М-может быть. Виднте ли, я думаю объеднннть всех людей с чнстой кровью. По всей Европе и, конечно, прежде всего в иашей стране.

— А что будет с теми, у кого оиа иечистая? У кого она, по-вашему, иечнстая?

Тот оглянулся.

— Вы чнтали Гобнно нлн Хаустоиа Чемберлена? Онн говорят о расе снльиых. Я счнтаю, что это правильио. Чнстые н сильиые должны управлять, а иечнстые подчнняться. Ну, прн этом часть слабых н иенужных прндется, наверное, уиичтожнть. Тут уж ничего не поделаешь. Вам-то, по-моему, нечего беспоконться. — Он с уважением оглядел рослого, крепкого прнезжего.

— Но ведь им будет больно,— сказал приезжнй. (Он чувствовал, что пора начннать. Но как?)

— Больно... Кому?

— Тем, кого прндется уннчтожнть.

— Естественно, — согласнлся внслозадый. — Но такова исторнческая необходимость. — Он лнцемерно вздохнул. — С другой стороиы, ие советую вам слншком увлекаться жалостью. Быть иа стороне слабых можно, только чувствуя, что сам слаб. Зачем вам? Ведь в конечиом-то счете все разговоры о том, что иужио помогать угнетенным, — это самозащнта. — Он взглянул на часы. — Но у меня нет времеин. Что вы хотелн сказать?

Неподалеку прошелестели листья, раздался голос офнцернка (того длннноносого, которому надлежало стать руководнтелем полицнн):

— Юрген!

— А как вы их будете уничтожать? — спросил приезжий. — Вот так?

Он протянул руки, схватил вислозадого за горло и сильно сдавил. Полсекунды на лице Астера сохранялось выражение самодовольства, потом его сменили удивление и ужас. Щеки и лоб побагровели, глаза выпучились. Он слабо пискнул, стараясь оттолкнуть приезжего.

Того прошиб пот. Он чувствовал омерзение. В голове у него мелькнуло: «О господи! Ведь я же убиваю человека...» Но затем ему представились тысячи газет с портретами чванного бородатого «Отца», митинги, где тот, величественно протягивая руку, станет указывать своим бандитам путь то на запад, то на восток, торпедированные, переворачивающиеся корабли, бесчисленные повестки о смерти, разносимые почтой, города, объятые пламенем, с повисшим в высоте снарядом «Мэф», извергающим длинные искры, «резервации воодушевленья», где под однообразный барабанный бой тысячные шеренги людей с потухшим взглядом будут вышагивать взад и вперед, эвроспиртовые растворительные котлы, и матери, которые, идя дорогой смерти, станут закрывать ладонью лица детей, чтоб те не видели, что их ждет. Весь мрак и ужас наступающей эпохи...

Нет, этого нельзя допустить!

Он судорожно набрал воздуха в легкие, стиснул челюсти, один раз ударил вислозадого головой о ствол дуба, затем с удесятеренной силой еще и еще... Что-то дважды противно хрустнуло, и будущий вождь Объединненных Земель перестал существовать.

Приезжий, дрожа, шагнул в сторону. Его тошнило, он отряхнул руки. В тот же миг кусты зашелестели рядом. На поляну, глядя на лежащее навзничь тело, вышел плечистый. Он поднял пустые глаза на приезжего, что-то крикнул и взмахнул тростью.

Последнее, что тот увидел в этом мире, был удивленный, жадный взгляд неожиданно появившегося из-за деревьев молодого человека с пышными усами.

Теменью заволокло глаза, он стал задыхаться, погружаясь в черную болотную воду. Ударил колокол громко и торжественно. Раз, второй... Черные воды смыкались над головой теснее. Он агонизировал, тело страшно напряглось, выгнулось. Колокол сыпал все чаще, звук делался нагловатым, похожим на смех. Последним усилием он разорвал воротничок рубашки, развел руки, взмахнул ими, вдруг куда-то вынырнул и хватил воздуха.

Туман окружал его. В нем смутно сияло зеленое пятно.

Чисон вздохнул и помотал головой. Что такое?..

Туман окружал его, потом он стал рассеиваться. Обозначились

зеленая лампа и полированная поверхность стола.

Сознание он потерял, что ли?

Он оглядел комнату. Кто-то здесь был недавно. Или это галлюцинация?.. Но пахло серой, и отзвуком уходил, растворялся в тишине чей-то ехидный смешок.

Толстая в коричневой обложке книга лежала на столе. Он открыл ее.

«...тической борьбы в десятых годах был весьма высок. Доходило даже до убийств. Так, например, 20 июня 1914 года незадолго перед выстрелом в Сараеве, приехавший из Линца с образцами шлифованного стекла коммивояжер Антон (или Адам?) Мораузр задушил в Пратере во время митинга Юргена Астера, одного из молодых демагогов, быстро завоевавших влияние в кругах мелкой буржуазии. Партия христианских социалистов ответила...»

Чисон вздрогнул.

Выходит, то был не сон, и он действительно задушил этого изверга еще в зародыше. Если так, тогда жуткая воля Астера уже не повлияет на ход событий, и в книге многое должно перемениться.

Он лихорадочно перекинул сотни полторы страниц.

«23 ноября главнокомандующий пригласил весь состав Генерального штаба в свою резиденцию в столице. Благодаря сохранившимся дневникам участников совещания теперь можно довольно точно восстановить ход этой встречи.

— Мой разум, — заявил вождь, — полон настоящего, прошедшего и будущего. У меня есть отчетливое представление об ожидающемся движении событий, и, вооруженный им, я ощущаю в себе силы для принятия самых жестоких решений. Имейте в виду, что важнейшим фактором сегодняшней обстановки в мире является моя собственная личность — при всей скромности своей утверждаю — незаменимая. Того, чего я достиг, не добивался еще никто на протяжении веков. Восполнить потерю меня не смог бы сегодня никакой другой гражданский или военный руководитель. Я есть воплощение воли и энергии нашего великого народа. А может быть, и наоборот: он является воплощением великого меня — тут еще надо будет подумать. Во всяком случае, родина должна использовать это единственное обстоятельство, пока я еще есть я и не перестал быть мной.

Тут главнокомандующий умолк на миг и оглядел генералов, которые все сидели, не шелохнувшись. Он тряхнул челкой, известной всему миру, размноженной в миллионах газетных оттисков, лезущей всем в глаза с плакатов, марок и денежных знаков.

— Нам следует нанести неожиданный удар, подкрепив трезвый расчет теми гениальными озарениями, которые посещают меня, а потом уже специально назначен-

ных мною по старшинству лиц. Но сначала несколько слов о предполагаемом противнике...»

Что такое?

Он открыл книгу наугад в другом месте.

«На рассвете 1 сентября воодушевленные бешеными речами своего главнокомандующего бронированные полчища Третьей империи ринулись вперед. Огнеметное пламя прокладывало путь пехоте в рогатых шлемах. Самолеты с черными крыльями пересекли польскую границу, неся с собой тот ужас ожидания падающей с небес смерти, которому на долгих шесть лет предстояло стать привычным для мужчин, женщин и детей повсюду в Европе и в половине Азии.

В тот же день в британское посольство в столице Третьей империи пришла радиограмма из Лондона на имя посла сэра Невиля Гендерсона. Послу предписывалось...»

Неужели ничего не переменилось? Неужто и каменоломни Лежера появятся снова? Но ведь Юрген-то Астер не существует! Чисон перевернул несколько десятков страниц.

«Прежде всего по прибытии людей заставляют пройти мимо трех врачей, которые на месте выносят мгновенное решение о судьбе каждого. Те, кто еще могут быть использованы в качестве рабочей силы, направляются в лагерь, остальных гонят прямо в блоки уничтожения. Массовое убийство организовано таким образом, что лишь на последнем этапе люди узнают об ожидающей их участи. Согласно показаниям палачей, захваченных в плен советскими солдатами, жертвы до последнего момента...»

Чисон вздохнул и отодвинул книгу в коричневой обложке. Теперь она называлась уже иначе — «Величие и падение Третьей империи».

Какой-то процесс происходил в его сознании: уходило все то, что было связано с личностью бородатого «Отца». Одно представление о прошедшей эпохе сменялось другим, и то, прежнее, растворялось безвозвратно в небытии.

Нет, не о снарядах «Мэф» рассказывал в детстве отец — они назывались «ФАУ». И не было эвроспиртовых растворительных котлов. Это о газовых камерах и трубе крематория в Треблинке до конца своих дней не могла забыть тетка...

Такие вот дела, уважаемые товарищи. В этой связи становится ясно, что не стоит повторять старые сказки о симпатиях и влечениях богини Клио. Никакой такой музы, как выясняется нет, и истории безразлично одни, второй или третий. Если исчезает «Отец», возникает кто-нибудь другой. Не будем поэтому валить все на личность Юргена Астера или этого, как его... следующего. Суть не в личности, а в чем-то большем:

в иерции обстоятельств, экономике, расстаиовке классовых сил и самой системе капитализма, рождающей диктаторов. Ведь в коицето коицов иикто ие силеи иастолько, чтоб одиим собой образовать атмосферу времеии.

И оставим также разговоры о иеобыкиовеииых якобы иидивидуальиых качествах так иазываемых «избраииииков истории». Их «иепобедимая железиая воля» — лишь следствие угодиичества окружающих, а «красноречие» и «смелость» развиваются только за счет тех, кому иадлежало бы быть мужествеиными. Сила Юргеиа Астера и того, второго, кто его сменил, выросла не сама из себя, а сложилась из тупости, эгоизма, злобы, свойственных прусской военщиие, юикерству, воротилам промышленного капитала и вообще иемецкому мещанству той эпохи...

Да, кстати! Шикльгрубер была фамилия пышиоусого, с болезиеииой физиоиомией и страиио короткими ручками молодого оборванца в Веие... Гитлер!

плоды

Борис Зубков,
Евгений Муслин

Когда на даче Жмачкина дрогнула земля и раздался пронзительный свист, будто где-то под землей прорвало клапан парового отопления, сам Жмачкин находился далеко от места подземных происшествий. Он сидел в крохотной конторке магазина с не совсем грамотной вывеской «Скупка вещей от населения» и ненавидящими глазами смотрел в упор на очкарика-ревизора. По-

том Жмачкин жалобно сморщился, тихо, но так, чтобы ревизор обязательно услыхал, ойкнул и стал медленно сползать со стула на выщербленный пол конторы. По дороге на пол он успел подметить, как испугался ревизор, как остановились его пальцы, листавшие до того момента испачканные копиркой квитанционные корешки. Лежа на полу, Жмачкин плотно закрыл глаза и застонал, потом принялся с надсадным хрипом выдувать из себя воздух. Хрипел он очень натурально, потому что был сильно простужен после того, как в пьяном виде заснул на кухне, привалившись спиной к распахнутому холодильнику.

Вскоре около колхозного рынка, где у самого входа тулился магазинчик Жмачкина, коротко гуднула «Скорая помощь». Фельдшерица в меховой шапке и белом халате наклонилась над Жмачкиным, пощупала пульс, щелкнула застежками чемодана-коробки. Коробка распалась на две части, показав склянки и металлические коробочки со шприцами. Сразу запахло аптекой и спиртом. Жмачкин сквозь прищуренные веки увидел фельдшерицыны ноги в черных чулках и сладко поежился.

В это время на его даче ворох влажных осеиних листьев зашипел и разлетелся во все стороны. Из-под земли вырвался струйкой серо-белый пар. Влажная земля также зашипела, черные лужицы воды вокруг испарились, и вместо черной талой воды проступила серая, почти сухая земля. Эту сухую землю разодрала глубокая трещина, из которой, булькая и позванивая особым водяным звоном, прорвался фонтан из нескольких бледно-голубовато-зеленых струй. В голубых струях плясал желтый чистый лист клена.

...Хрустнула ампула, фельдшерица засучила рукав байковой рубахи, которую Жмачкин обожал за теплую уютность и даже стирал сам, но редко. В руку ужалил шприц, и сонная одурь начала растекаться по телу. «Скорая» его, разумеется, не забрала, да на такую удачу он и не рассчитывал, подстраивая ревизору психическую атаку. Фельдшерица сухо заметила: «Много пьете, гражданин Жмачкин», — посоветовала полежать и ехать домой. Удрать домой, отсрочить хоть на день неприятное и щекотливое разбирательство с квитанционными книжками — только этого Жмачкин и желал, хотя в душе клял себя черными словами за трусость и бездельные увертки. Всю жизнь он кормился собственной наглостью, за наглость прятался, ею оборонялся и наступал, нахальством и наглостью наживался. Очень удивился, если бы кто-нибудь сказал ему, что нахальство его — просто безмерная и отчаянная трусость.

В привокзальном буфете, чмокая по пивной пене отвислыми губами, Жмачкин втянул в себя полкружки теплой и мутной жидкости, а на освободившееся место

вылнл принесеиную с рыика четвертиику водки. После привычиопротнвного и хмельиого «ерша» ему захотелось сделать что-то грозное и разудалое. Вспомиилась давняя н тяжелая обида: как жена Катя ушла от него к деповскому слесарю по прнчине жмачкиной скупости и неласковости. Но относительно слесаря сделать чтонибудь грозное и разудалое Жмачкин воздержался, опять-таки из-за своей трусости и припоминая каменную жесткость слесаревых кулаков...

Путано ругая неверную жену и очкарнка-ревнзора, Жмачкин долго колупался ключом в большом висячем замке, вытаскивая замочиую дужку, откидывая толстую железную полосу, прихватившую поперек тяжелую дачную калитку.

За то время, пока хозяин дачн вознлся с железнымн запорами, на его дачном земельном участке стало одним деревом больше. Случилось зто так. На самом краю трещины, откуда бнл фоитаи голубой воды, лежала сморщенная, почерневшая ягода рябины, втоптанная в землю еще прошлой осенью. Когда подземная вода коснулась ягоды, она расправила крохотные жесткие морщнны, округлилась, посочнела и треснула, выпуская из трехгранного зернышка тоикий зелеиый росток, который тут же закурчавился двумя микроскопическими листочками. Одновременно в землю забуравнлся корешок, кожица ягоды соскочила с молодого побега. Все это заняло меньше минуты. Еще через минуту обозначилнсь краснобурые ветки с острымн зубчатымн листьями: молодая рябина поспешио тяиулась вверх. И в то же время дрогиула вкопанная в землю скамейка — замшелая доска, прибитая на два осиновых кругляша. Кругляши треснули в нескольких местах, набухли тупыми почками, которые сразу же выпустили на волю зеленые листы, покрытые с изнаики иежиым серым пухом. Замшелая доска крякнула и раскололась надвое: из торцов осиновых ножек выпиралн вверх букеты крепких молодых побегов.

Пьяный Жмачкии наткнулся на скамейку и тупоносым ботинком втоптал в землю молодую рябину. Когда он грузно опустился на скамейку, расколотые доскн свалнлись вместе с ннм. Обламывая молодые побегн, Жмачкнн двумя рукамн обхватил осииовый кругляш, попытался встать на четвереньки, но не смог и упал лицом вниз в лужицу голубоватой воды, растекающейся вокруг подземного источиика.

Утром, еще не проснувшись как следует, он крепко провел ладоиью по лицу, сгоняя вчерашний хмель, и нащупал у себя на лице окладнстую шелковую бороду. Жмачкнн истернчно хихикнул и почему-то подумал, что умер, а борода у него выросла уже после смерти.

Трясущимися рукамн он открывал замки дачи. Наружная

дверь — два замка, старииные, фирмы «Хайдулии и сыиовья», очеиь хитрые замки, спрятаииые одии в другой, дверь в передиюю комиату — замок, скрытый в половице, никто ие иайдет, дверь в спальию... Накоиец! Там в огромиом трюмо красного дерева стиля «жакоб» он увидел себя с чужой, словио приклееииой бородой. Ои попытался ее оторвать. Оиа вовсе ие его: чериая, густая, шелковистая, кудрявая борода. Его собственные волосы иа лысеющей голове и толстых бровях были тусклыми, редкими, припорошеииыми желтой сединой. Зачем ему такая борода? Кто зто сделал? Не могла же оиа вырасти за одии деиь? Или ои провел в саду месяц? Буфетчица опоила его каким-то соииым зельем вместе с пивом. Это такая баба, оиа все может! Колдуиья! Только зачем ей опаивать Жмачкииа? Ои и без того пытался подъехать к буфетчице с разиыми предложеиия-ми, да оиа его так от себя шуганула...

Лицо... Что сделалось с его лицом? Здесь у иего были морщииы, они иабегали сверху и обрезали углы рта, ои всегда кривил рот, когда брился, чтобы расправить кожу в зтом месте. Теперь морщиии иет. А вот здесь? Были здесь морщииы или иет? Ои ие помиит. Сам себя ие помиит. Страиио... Сколько времеии иужио, чтобы выросла такая борода? Сколько ои проспал? Кого спросишь? На даче ии души, ои одии. Так всегда: ои один, ои один и его дача.

Какой сегодия день? Ои иажал клавишу радиокомбайиа... Музыка, с утра музыка. Может, сейчас вовсе не утро?.. Включил другой приемник, стоящий у изголовья кровати с высокими спиками из полироваииого дерева. Приемник ие работал... Давио ои ие работает? Там, иа кухне, стоит еще одии... Опять музыка... Где он? Какой сегодия день? Накоиец старый дииамик радиотраисляции сообщил Жмачкину, что сегодия двадцать второе октября. Ревизор иагряиул двадцать первого. Вчера. Зиачит, все в порядке. Ои спал только одиу иочь. Надо опохмелиться и пожевать чего-иибудь горячеиького, все пройдет. А борода? Вот она. Еще больше выросла. Все-таки в пиво что-то подмешали...

Кромсая иожиицамн вкривь и вкось, он кое-как срезал бороду. Ему показалось, что из-под иожниц сыпались искры. Действительио, запахло чем-то горелым и вместе с тем освежающим... А деиь сегодия субботиий, особо выгодиый. Его разве пропустишь? В деревяииом павильоичике под вывеской «Скупка вещей от иаселения» все образуется. «Обожмется», как любил говорить Петька Косой, едииствеииый дружок Жмачкина. «Обожмется!» А борода — оиа ие ревизор; сбрил ее — и гуляй без бороды.

По дороге к калитке Жмачкин иаткиулся иа молодые осиики, что

торчали двумя плотными кустами на том месте, где еще вчера ничего, кроме скамьи, не было. Пахло вокруг для поздней осени странно — цветами. Запах стоял тяжело и плотно, как в оранжерее. Но Жмачкин цветами никогда не торговал, в оранжереях не бывал, а тонкие осинки, что вымахали за ночь на метр выше его, не заметил, а может быть, побоялся заметить, недаром глаза зажмурил.

В «Скупке» еще раз побрился подержанной электробритвой, купленной у рыночного пьянчуги за трешку: борода в электричке заметно отросла. Надел засаленную меховую безрукавку и занялся привычным делом. Когда румяный от смущения парень принес в «Скупку» почти ненадеванный, но явно не модный костюм, Жмачкин оценил костюм в двадцать один рубль, а на копии квитанции переделал палочку единицы в семерку и заработал таким образом шесть рублей. Женщине в платке, из-под которого желваками торчали бигуди, таинственным шепотом сообщил, что дамские кофточки покупать не велено, но ради субботы он сделает исключение. За это Жмачкин получил благодарность — трешку и почти рубль мелочью.

Так он трудился целый день, не снимая безрукавки, не делая от жадности перерыва на обед.

Обманывал он по маленькой давно. Почин в этом сделал еще тогда, когда работал продавцом в рыбном магазине и приспособился под чашку весов приставлять маленький магнит. К магниту привязал леску, а в петлю лески просовывал носок ботинка. Чуть заметит подозрительного типа, похожего на инспектора из райторга или просто такого интеллигентика, что может из-за недовеса шум поднять, — дерг за леску, магнит отскочит от чашки: весы в полном порядке, проверяй до седьмого пота, не придерешься. Одно плохо — пахло от него тогда крепко: селедочным рассолом и рыбной лежалиной, и молодые ткачихи из фабричного поселка воротили от него носы. Но Жмачкин за свою коммерцию держался крепко, и торговое дело, как он его понимал, знал туго. Потом подвернулась работа чище — в винной лавке. Там он «снимал сливки» — медицинским шприцем протыкал винные пробки и высасывал часть содержимого. С десяти бутылок выходила одна лишняя. Если не лениться, прийти в лавку пораньше, можно заготовить в подсобке таких «сливок» литров пять.

На примагниченной селедке и коньячных «сливках» Жмачкин прибарахлился, обстроился, приобрел дачу, в которой души не чаял. А детей не было, выходила жмачкиному роду судьба увянуть на корню. О бездетности Жмачкин жалел, пока не случилось то, что у Петьки Косого трехлетний сынишка изрезал ножницами облигации «золотого займа». Крупную сумму изрезал, пустил в му-

сор все Петькины долголетние и нетрудовые накопления. Петька мальца крепко выпорол, а Жмачкин с этим наказанием в душе согласился и перестал думать о детях.

Чуть вечерело. Жмачкин подсчитал субботний барыш и побрился в четвертый раз за день. Борода росла очень напористо. «Болезнь, что ли, такая? — подумал Жмачкин. Другие лысыми ходят, последний волос винтом по лысине укладывают, а у него, наоборот, излишки по волосам. Мазь какую против бороды купить?

Знакомая буфетчица остолбенела, когда Жмачкин подошел за кружкой пива.

— Какой вы сегодня красавчик! — засюсюкала она. — Помолодели! Бородку отпускаете? Это теперь модно! Тут к нам художник приходил, молоденький, на стекле раков рисовал, тоже с бородкой...

Помолодел! Верно! С ним что-то случилось, а буфетчица отыскала слово, которое попало в самую главную точку. Он и в зеркало боялся смотреть, брился на ощупь. На голове-то волосы тоже закурчавились и потемнели до сизи. Когда это было, что его за смоляной волос Цыганом девчата дразнили? Лет двадцать назад? Не припомнить. Разве о кудрях думалось, когда в магазинной подсобке шприцем вино из бутылок вытягивал?

Помолодел! Представь себе, Жмачкин, что ты и в самом деле омолодился. Смешно! С паспортом неувязочка получится, недовес по годам. Слыхал ты нечто подобное? Нет. И никто не слыхал. А тут — приходишь в амбулаторию: «Здрасьте, товарищ доктор, я омолодился». — «Как? Что?» Шум, треск... Сестрички, конечно, из соседних кабинетов сбегаются. Академики на собственных машинах приезжают. Фотографии в газетах. И Жмачкину крышка, все его барыши кастрюлькой накрылись. Жить не дадут! Посадят на манную кашу, ради науки исследовать начнут. Захочешь пива холодненького, а тебе — манную кашу. Затиснут в какой-нибудь научный институт, заставят жить благородно. Академики, конечно, на жмачкином омоложении большие деньги заработают, сами будут дома по коньячку прохаживаться, а ему кашу с витамином и пижаму больничную. А он не хочет!

Что-то неведомое и слишком большое наваливалось на Жмачкина, непосильное для мелкой его души и мелких мыслей.

Мертвая пустая дача ждала его. Впрочем, в тот день голубая вода подземного источника все изменила, и дача ожила. Ручеек голубой воды добрался до забора, наткнулся на столб, изменил направление, потек вдоль границ жмачкиных владений, пропитал землю, в которую были вкопаны столбы, — и забор преобразился. Жмачкин гордился своим забором. На

плотно притиснутые, паз в паз, доски, что стояли глухой стеной, он набил второй слой досок вдоль и внахлестку. Сейчас из каждого сучка, из каждой трещины в серых досках торчали зеленые, коричневые, розовые, бледно-зеленые и коричнево-красные побеги. На многих молодых побегах набухли почки, а кое-где почки уже лопнули, выпуская на волю влажные листья.

Но листья на заборе Жмачкин увидел не сразу. Первое, что он увидел, — яблоки. Крупные, с ярко-красными прожилками; они пригнули своей сочной тяжестью ветки яблони, растущей возле калитки. Жмачкин подумал, что он сходит с ума или выпил слишком много. Вперемежку с яблоками дерево усыпали бело-розовые цветы. Яблоня цвела и плодоносила одновременно, а на дворе октябрь... Жмачкин дотронулся до яблока и глупо ухмыльнулся. «Расцветали яблони и груши...» Осекся, услышав журчание воды. За то время, пока он в своей «Скупке» перебирал рубли и трешницы, голубые струи набрали силу и теперь журчали, звенели, плескались, наполняя весь сад звоном и ароматом. Жмачкин увидел голубой фонтан, вспомнил, что этой ночью он спал, уткнувшись лицом в приятно пахнувшую влажную землю, ощутил на лице шелковистую, упругую бороду и смутно осознал, что есть прямая связь между яблоками, бородой, молодыми осинами, выросшими на месте скамьи, и голубой водой, распространяющей вокруг себя удивительный запах бодрости и свежести.

Пройти к самой даче оказалось нелегко — прочный ковер жесткой травы доходил Жмачкину почти до пояса. До крыльца дачи было двадцать два шага — Жмачкин измерил свое владение вдоль и поперек. Сегодня пришлось двадцать два раза выдирать ноги из плотной путаницы травяных капканов. Еще утром травы не было. А дача... Она цвела! Вся дача была покрыта цветами. Тесовая обшивка стен выпустила из себя тысячи голубых цветов...

«Можно торговать цветами или яблоками, — подумал Жмачкин. — Цветы сейчас дорогие. Если оборвать цветы со всех стен и завернуть букеты в целлофан, за каждый букет можно просить два рубля. Дадут! Дураки дадут! А потом дураки припрут на дачу и увидят цветущие стены. Они отдерут доски, а под досками-то кирпич! Вот у него какая дача! Каменная. А вы как думали? Каменная, ей цены нет. А старые доски — для маскировочки. Дача-то двойная! Накось, выкуси! Бедный Жмачкин кое-как сколотил себе хибарку на старости лет — вы так думали? Стены в полтора кирпича — вот как! Когда отдерут доски, все откроется. Будут копаться на его участке. А здесь в земле тайком и газ проложен, и водопровод. Жмачкин желает жить с удобст-

вамн н ничего за ннх не платить. У него ванна в доме нмеется. Думали, Жмачкнн в бане веничком махает? Такне его удовольствня? Начнут копаться, до главного докопаются — до «слнвок», что с коньяка сннмал, до магинта под весамн. Прнедут нз газет — и загремел Жмачкнн, загремел. Другим, конечио, польза — кому омоложение, волосы на лысине, кому яблоки зимой и осенью, а ему крышка! Ему лнчно голубая вода ни к чему, ему лнчио пользы не будет. Заткнуть глотку голубому источннку, вот что надо, зашлепать его глиной, завалить камеиюгамн, задавнть... Он рванул со столба веранды охапку голубых цветов, занозил руку, выругался н тут же нспугался громкой ругаин — вдруг услышит кто-нибудь, подсмотрит, как ругается Жмачкнн на облепленную цветами дачу. Схватнл тяжелую совковую лопату н воткнул ее в кучу слежавшейся глины, прнготовленной для фуидамента давно задуманной пристройки.

— Я тебя звал? — зашипел Жмачкин н подкрался к голубому фонтану с полной лопатой глины. — Я тебе разрешал?

Он с наслаждением шмякнул глнну на звеиящие струи. Упруго выскользнув из-под глнннстой лепешкн, голубая вода веером брызг ударнла в Жмачкниа.

— Не нравнтся? Не уважаешь? — бормотал Жмачкин, ляпая глину на упрямый фонтаи, путаясь в жесткой траве, вымокнув, как под лнвием. — Ты кто? Ты зачем? Мие без тебя плохо было? Да? Плохо? Погубить думаешь, гадниа? Я тебе глотку-то заткну! Заткну!

На том месте, где только что бил подземный ключ, теперь лежала бесформенная куча снзой и мокрой глнны. Жмачкин воткнул лопату в эту кучу, словно утверждая памятннк на могильном холме н, с наслаждением освобождаясь от душевной тяжести, плюнул на холмнк...

Маленькая кухонька с никудышным столиком, покрытым клеенкой, и старым венскнм стулом тоже была маскировкой. За дверью, похожей просто на дверь узкого стенного шкафа, находнлась настоящая роскошная кухня — без окна, но освещенная модерновым польскнм светнльником, с тремя холодильникамн и шведским кннжным шкафом. Жмачкин болезненио любнл вкусно поесть. Он был едоком особого сорта, наркоманом от еды, тайным обжорой и лакомкой втнхую. Холоднльники хранили югославскую ветчнну в жестянках, напоминавших кругло-продолговатыми формамн свиной окорок, датские сыры, обернутые серебряной фольгой, греческне маслины в промасленной бумаге, венгерскне ромовые конфеты, ннднйскнй растворнмый кофе... Жмачкни уважал яркне этнкетки с нностраннымн словами н потому купнл как-то два десятка банок аиглнйской пнтательной смеси для младенцев. Даже при-

правленная перцем смесь оказалась тошнотворно-безвкусной, и банки пришлось выбросить. Впрочем, припасы свои он обновлял обильно и так же обильно они портились. Тухлятину Жмачкин скармливал своему псу-сторожу. Жалея выбрасывать дорогую провизию, Жмачкин дожидался, пока тухлятины накопится много, и пес каждый раз шалел от обилия внезапно обрушившейся на него еды. Некоторые продукты, к примеру, маслины и грибы, пес упрямо не жрал, их приходилось ночью закапывать в землю. Остатки после собачьей трапезы Жмачкин собирал и тоже закапывал.

В шведском книжном шкафу хранились поваренные книги. Пожелтевшие, в которых специи отмерялись лотами и унциями, первые послевоенные, рекомендующие капустные котлеты, и самые новые, в лакированных суперобложках. Но книги эти Жмачкин употреблял не к делу, а так — вприглядку. Читал вслух, запинаясь, мудреные поварские рецепты, а поглощал консервы и колбасу всухомятку. Стряпать что-нибудь стоящее — горячее и ароматное — опасался: вдруг лакомый запах полезет из трубы и щелей, разнесется по всему поселку?

Одолев в тяжелом единоборстве непонятный, угрожающий сломать его благополучие источник голубой воды, Жмачкин почувствовал утомление и голод. Ноги стали ватными и подкашивались, сосущая боль поднималась к сердцу, руки словно распухли и онемели, не различали предметов, которых касались, и действовали отдельно от него. Тупо уставясь в пространство, он не видел, как руки открыли холодильник, достали банки крабов и перца в маринаде. Во рту держался сладковатый привкус, и острые консервы не вызвали привычного чувства жадного аппетита. Он проглотил три стопки водки и облизал губы. Водка не ошеломила, не отстранила чувства тревоги и ожидания.

В кухне было слишком тихо, как в склепе.

Жмачкин посмотрел на влажные красные стручки перца и похолодел. Он вспомнил яблоки. Октябрь месяц и цветущая яблоня! Ветки с яблоками и цветами свешиваются через забор на улицу. Подходи, смотри, удивляйся! Все сбегутся, все! Забор, калитка — ничего не поможет. Он застонал и всхлипнул от жалости к самому себе... Конечно, людям заманчиво — яблоки за один день вырастают. А Жмачкину это ни к чему, ему и так хватает, он скупкой занимается, а не яблоками. Он за свое кровное драться будет! Сад — под топор, из яблонь костер, все спалит, а не отдаст!

...Яркая луна освещала сад. Незнакомые и дикие кусты плотной стеной торчали перед самым крыльцом. Они успели вымахать в рост человека, пока Жмачкин

пил водку. Пушистые шары одевали кусты сверху. Жмачкин рванул тугие и жирные стебли, которые обильно брызнули соком. Сок залил лицо, и губы почувствовали нестерпимую горечь. Пушистые шары словно взорвались, и пух облепил волосы, лицо, плечи, залитые горьким белым соком. Жмачкин понял, что попал в заросли гигантских одуванчиков. Значит, голубой фонтан продолжал действовать.

«Плохо я тебя заткнул», — ненавистно подумал Жмачкин.

Со злой радостью вспомнил, что за кустами малины лежит груда камней. Хороший бутовый камень, кубометров пять. Сейчас он завалит фонтан камнями, наворотит столько каменюг, что уж тому не выбраться, не просочиться! Он шагнул вперед, продираясь сквозь мясистые стволы одуванчиков, и упал. Побеги ползучего лютика оплетали заросли одуванчиков. Золотисто-желтые цветы, каждый величиной с блюдце, осыпали Жмачкина едкой пыльцой. Он запутался в цепких побегах и пополз, волоча за собой ворох стеблей, листьев, цветов. Ядовитая пыльца жгла глаза, сломанные одуванчики поливали его горьким соком, темно-пурпуровый болотный сабельник захлестнул за шею прочным железистым побегом и едва не задушил. Так он дополз до кустов малины. Но продраться сквозь малину не смог. Она чудовищно выросла, и тонкие красноватые шипы, с сапожную иглу любой шип, вонзались в тело, протыкая байковую рубаху и кожу ботинок. Жмачкина трясло, озноб и жар волнами ходили по телу... Вот бы сейчас чаю с малиновым вареньем!..

Жмачкин побрел в обход колючих зарослей. Там за малиной лежат камни, пять кубометров камня, он навалит их поверх холма из глины и задушит голубой ключ. Задушит... Потом он срубит яблоню, скоро пойдет снег, все скроет под сугробами. Ему самому захотелось скрыться, бежать, спрятаться... Снег все скроет, и никто ничего не узнает. Потом он продаст дачу. Зачем она ему? А может быть, ничего и нет? Ничего не случилось, все ему кажется — голубой фонтан, цветущая яблоня, одуванчики с него ростом? Он стиснул кулаки и вскрикнул от боли. Сам себе вогнал в ладонь шипы малины...

Собрался дождь, черные тучи заслонили луну. В темноте Жмачкин наткнулся на острые камни и больно поранил ногу. Голубые струи звенели почти рядом, они пробились сквозь глину и опять хозяйничают на его кровном участке. Творят, что захочется: на заборе цветочки выращивают, скамейку сломали... Тихую, удобную жизнь сломали...

Прислушиваясь к шипящему звону воды, он бросил первый камень. Тот сочно шлепнулся в мокрую глину. Жмачкин прислушался, источник звенел по-прежнему. Тяжело дыша, сбивая в кровь ру-

ки, он бросал камень за камнем туда, где звенел и плескал подземный ключ. Вдруг дождь зашумел сильнее и слитно, заглушил прерывистый звон. Тогда Жмачкин шагнул в темноту, зашарил руками во мраке, пока теплые и упругие водяные струи не ударили в лицо. Он ощупью отыскал несколько камней, положил их друг на друга, с трудом зацепил негнущимися руками и разом обрушил на ненавистный источник. Скользкая глина ушла из-под ног, он упал и покатился в сторону, сминая телом чудовищно огромные бледные поганки. Белые слизистые хлопья размазались по лицу, залепили глаза. Он тяжко ушиб голову о камень и замер, затих. Гигантский рогатый лядвенец высыпал на него черные бобы...

Только через два дня, когда под напором буйной растительности рухнул забор и цветущие вишни шагнули на улицу к людям, а весь поселок сбежался смотреть невиданное, Жмачкина нашли. Его быстро привели в чувство, тем более что голубая вода источника не дала ему умереть, заплатила, так сказать, добром за зло, успев в два дня залечить многочисленные царапины и рану на голове.

Но сам источник перестал существовать. То ли заглох, не выдержав последней груды камней, что навалил на него Жмачкин, и ушел неизвестно куда, пробив себе новую дорогу. То ли так же неожиданно исчез, как и появился, в результате новых подземных катастроф и происшествий. Ушел, исчез, провалился сквозь землю! Что несла голубая вода, что скрывала? Может быть, клад микроэлементов особого сочетания, может быть, ростовые вещества, сконцентрированные в подземном озере. А может статься, и другие ускорители, стимуляторы и катализаторы, рецепты которых пока — за семью печатями.

Но голубую воду ищут и уверены, что рано или поздно все равно найдут.

Что касается Жмачкина, то он, убоявшись ревизии и всех последних событий, уехал, не оставив после себя ничего памятного.

находка

Александр Горбовский

«...**В** западной оконечности территории раскопок прослеживаются следы скопления кусков глины и каменных обломков, большинство которых не имеет определенной формы и назначение которых не ясно. Обращают на себя внимание обломки с острыми краями, которые могли быть использованы возможными обитателями стоянки...»

Исидор Саввич отложил ручку и

ласково посмотрел на стопку исписанных листков. Стопка была довольно солидной, она уже не помещалась в папке, и это радовало его. Правда, предстояло исписать еще примерно столько же. Совокупность этих исписанных листков и должна была составить то, что обозначается термином «докторская диссертация». Собственно говоря, только ради этого и сидел он сейчас в этот жаркий августовский день на месте раскопок, вдали от цивилизации, под этим раскаленным тентом. Более удачливые сверстники и коллеги давно стали уже докторами и проводили сейчас время где-нибудь на собственных дачах или курортах.

Исидор Саввич отогнал эти мысли, мешавшие работать, и снова взялся за перо.

«Отсутствие каких-либо следов огня, керамики, а также костных остатков никоим образом не может служить доводом в пользу предположения, что ареал, избранный для работы экспедиции, не мог служить некогда местом стоянки обитавших здесь племен. Подобная постановка вопроса представляется нам сугубо спекулятивной и антинаучной...»

Было жарко. Он выпил кефира, который стоял рядом в ведре с холодной водой, хотя легче от этого не стало. Рубашка прилипла к телу, но чувство достоинства не позволяло ему снять ее. В свои пятьдесят лет он цепко держался взглядов, привитых ему в молодости. Начальник экспедиции — и вдруг расхаживает перед своими людьми голым по пояс! Разве может человек в таком виде сохранить авторитет или уважение? А он весьма дорожил и тем и другим. Вот почему, завидев торопливо приближавшихся к нему Володю и Тимофея, он почти бездумно, рефлекторно придал лицу своему то выражение, которое больше всего соответствовало его представлению об ученом, поглощенном чрезвычайно важной работой.

— Да? — рассеянно фальцетом спросил он, не поднимая головы.

— Исидор Саввич! — Володя с трудом переводил дыхание. — Идите скорее — что мы нашли. Мы оставили все, как было...

Он был сыном его приятеля, этот Володя. И вот, окончив школу и начитавшись о всяких открытиях и загадках, напросился в экспедицию.

— Ну, так что же там случилось? — Теперь он мог позволить себе отложить перо и взглянуть на них.

— Уж вы, Исидор Саввич, сами пойдите посмотрите. — Заговорил Тимофей. — Потому что мы как увидели, сразу — к вам...

Исидор Саввич неохотно стал было подниматься, как вдруг сладостное, щемящее чувство охватило его. Предчувствие открытия, это было ощущение, которое не посещало его с отдаленных студенческих лет. Но уже через секунду эту светлую и бездумную радость заслонила другая. Он

представил себе уваженне, почет н плохо скрытую завнсть своих коллег, увидел себя делающим сообщение об открытии на одном из конгрессов, увидел корреспондентов, подобострастно берущих у него интервью. За какую-то долю секунды он успел во всех деталях представнть себе тот крохотный бугорок, который в его масштабах представал ему Монбланом известностн и Эверестом славы. И еще об одном успел подумать он, пока, шагая сквозь негустой кустарник, онн пробирались к месту раскопок. Как странно устроена жизнь! Ведь, собственно говоря, иашел не он, а они, эти двое, десятнклассннк Володя н Тимофей. Тем не менее, вся заслуга будет припнсана ему. Впрочем, разве не то же самое произошло с открытием Америки? Адмирал спал в своей каюте, когда один из вахтенных матросов закричал: «Земля!» И вот каждый знает, что Америку открыл Колумб. Но ннкто не помнит даже имени этого матроса. Это былн странные и непривычные для него мысли, н он удивился, поймав себя на том, что думает о подобных вещах.

...Оии стояли над нешироким участком ровно снятой землн с глинистымн срезами, резко уходящимн вниз. На самом дне, на пепельном квадрате разрыхленного грунта темнело Нечто.

Через секунду он уже стоял на коленях, склонившись над находкой и, стараясь не дышать, мягкой кисточкой сметал с гладкой металлической поверхностн комочки налипшей землн.

— Володя, — услышал он свой срывающнйся голос. — Сбегайте за фотоаппаратом. Быстро! А вы, — это он говорнл уже Тимофею, — несите сюда масштабную линейку. Она должна быть во второй группе.

Только теперь, когда он остался один, пугающая странность находки стала доходнть до него. Этот непонятный предмет залегал значительио ннже слоев, в которых когда-либо находили следы человека.

Искушенне было слишком велико. «Я только посмотрю, — сказал он себе, — только посмотрю н положу обратно». Размером с карманный фонарик, предмет этот показался ему неправдободобно тяжелым, словно он был полон свинца. Чуть продолговатый, правильной формы, он завершался с одной стороны каким-то подобием темного дпска. Это было ни иа что не похоже, это не походнло нн на что. Ясио было только, что предмет этот был изготовлен человеком. Впрочем, человеком ли? И он тут же представил себе бойкие заголовки: «Гости из космоса», «Следы ведут в Атлантиду», «Таннственные загадки прошлого» н т. д. И увндел лица своих коллег, — насмешливые, презрительные, злорадные.

«Ну, как ваши марсиане, Исидор Саввич?»

«Скоро ли в Атлантиду поедем?»

И нужно будет улыбаться в ответ, нужно будет пожимать плечами и делать внд, что все это невесть как весело. Конечно о защите диссертации нечего будет н думать. А кто-нибудь нз тех, кому предстояло бы быть его оппонентом, после ученого совета отведет его в сторону и спросит так душевно: «Как же это вы, дорогой? Зачем вам только это понадобнлось? Какую-то железку в раскопки себе подброснли. А? Так себя скомпрометировать!..»

И напрасно станет он клясться и божиться, что он не делал этого, что все так и было.

«Ну, уж мы-то, батенька, тоже кое-что поннмаем. — И, пожевав губами, добавнт сухо, как человек, на искренность которого ответили неискренностью: — Очень непрнятный инцидент, Исндор Саввнч. Очень...»

Так он, кумир молодежных газет н популярных журналов, станет прокажеиным н изгоем в собственной касте.

Это представилось ему столь живо, что когда он осознал, что этого еще нет, на какую-то секунду Исидор Саввнч почувствовал облегчение н даже радость. Он по-прежнему стоял, держа в руке этот непонятный предмет, но ни Володи, ни Тимофея все еще не было.

И тогда он понял, что эти несколько минут были подарены ему судьбой, как шанс, чтобы он мог спастнсь. И хотя Исидор Саввич не знал еще, что будет говорить, когда онн прндут, он вдруг понял одно — нужно нзбавиться от этой проклятой штуки. Избавиться как можно скорее. Счет шел на мгновения...

...Когда появился Володя, кругн в соседнем болотистом озерце давно разошлись. Поверхность его была ровна и безмятежна, как будущее, которое ожидало теперь Исидора Саввича.

— Вы поторопились, мой дорогой, — назидательно пояснил он оторопевшему юноше. — Это был просто осколок. Видно, военных лет. Случайно попал в ннжние слои. А вы уже невесть что вообразили? Эх, вы, молодо-зелено!

И потому что потерянный и потрясенный Володя продолжал молчать, он принялся говорнть, что-де учиться надо, что и сам он в молодостн, бывало, и т. д. Лншь бы не наступило молчание.

Потом подошел Тимофей с уже ненужной линейкой и с ннм еще люди. И каждому он повторял, как все было и что, вот, мол, оказалось это просто железка, какой-то осколок, попавший нз верхних слоев.

Так поговорнв, он отправился обратно н, уходя уже, слышал, как ребята шумели вокруг Володн:

— Ну, как твои марсиане?

— Скоро в Атлантиду поедем?

Он снова уселся под свой навес, и ощущенне опасности, которая счастлнво мннула, прнятно

волновало его. Бисерные строчки узеньким ручейком опять потекли из-под его пера.

«Юго-восточный участок раскопок представляет собой ареал, по своему функциональному назначению предположительно могущий служить стоянкой для племени или даже группы племен, ведущих как кочевой, так и оседлый образ жизни. На такую возможность ясно указывают, в частности, общий ландшафт местности, характер почв...»

Там чудеса?..

III

Несмотря на свою любовь к поискам нового, никогда, наверное, фантастика не откажется от права задумываться над тем «что было бы, если бы», придумывать возможное и невозможное, сочинять и исследовать чудеса, которые не становятся менее удивительными оттого, что на самом-то деле, может, их никогда и не будет.

Из шести авторов этого раздела только одному больше тридцати пяти лет. Только один из этой шестерки (и отнюдь не самый старший) уже выступал на страницах традиционного сборника «Молодой гвардии». Это московский инженер Владимир Щербаков.

У харьковского писателя Владимира Михановского в активе несколько сборников научно-фантастических рассказов.

Михаил Пухов — московский студент, и «Охотничья экспедиция» — первый его рассказ, увидевший свет. Вместе с ним дебютирует в этом разделе ленинградец Андрей Балабуха.

Художница Кира Сошинская не раз выступала в журналах «Вокруг света» и «Искатель» с очерками и рассказами.

Может быть, в некоторых рассказах третьего раздела книги вы найдете следы влияния прочитанных книг, но хороших книг. И наверное, вы увидите в этих рассказах еще и талант — собственный талант их авторов.

аппендикс

Андрей Балабуха

> Зло во имя добра! Кто придумал нелепость такую!
>
> *Н. Коржавин*

I

Фрагменты из бортового журнала «Лайфстара», крейсера первого ранга Службы Охраны Разума

«0,47000 галактической секунды Эры XIV Сверхновой. Вышли на стационарную орбиту вокруг Планеты Больных Камней. Произведена детальная зонд-разведка. Спущены «псы». Начато ретаймирование...»

Выйдя из третьей вихревой, командор почувствовал себя свежим и чуть ли ие поскрипывающим в суставах, как только что смоитированиый андроид. Но это было виешиим: там, в глубине, ему чего-то ие хватало. Страиио — раньше ои пользовался только двойиой стимуляцией, но такого ощущеиия не бывало. Хотя иет, зто началось давно, вскоре после того, как ои из Пионеров перешел сюда, в службу Охраны Разума. Просто прежде ои не хотел призиаваться себе в зтом.

Мозговой трест собрался во второй цеитрали, вокруг круглого пульта, иад цеитром которого поблескивал огромиый, пока еще мертвый, шар стереозкрана ретаймера. Все оии — физик и историк, лиигвист и аитрополог, зтиограф и археолог, философ и психолог — иапряжеиио вглядывались в экраны степ-регистраторов и шкалы своих зкспресс-лабораторий, и командор подивился про себя их знтузиазму.

Официально мозговой трест имеиовался диагностической группой. Но с легкой руки командора на крейсере за иими укрепилось прозвище патаиатомов, фаиатиков-патологов. Врач даже пропел как-то студеическую песенку времен его молодости. В ией были строчки:

Если врач иеверио скажет, —
Зиачит, секция подскажет:
«Патанатом — лучший диагиост!»

Но десантники — самая молодая и наиболее ехидная часть экипажа — пошли еще дальше и называли их попросту прозекторами, а то и вовсе трупоедами. И в этом была доля истины: оии изучали планеты. Но только мертвые. Планеты-жертвы и плаиеты-самоубийцы. С помощью ретаймера, своего едииствениого и универсального орудия, они восстаиавливали истории плаиет и выясняли причины их гибели. Сама по себе процедура зта была вовсе ие проста, но за те несколько галактических секунд, в продолжеиие которых Служба Охраны Разума ею пользовалась, успела стать привычиой, почти тривиальиой. На поверхность плаиеты сбрасывалась стая «псов» — автоматических рецепторов рассеяииой информации. Введенные в режим ретроспективиого времеии, оии траислировали иа зкраны ретаймера фрагмеиты истории плаиеты, развертывающиеся в обратиом порядке — от нуля ретаймера в глубь веков. По зтим-то фрагментам диагносты и рекоиструировали цепь причии и следствий, приведших плаиету к летальному исходу. Это было, пожалуй, самым трудным — выявить ту осиовиую причиину, из-за которой история повериула иа гибельиый путь. Выявить ее в зародыше, когда даже в самом обществе даииой планеты о появлении ее никто ие догадывался. Затем наступала очередь десаитииков. Траисформированиые под аборигенов, они высажнвались иа плаиету, перенося́сь с помощью хроноскафов в мо-

мент временн, соответствующнй инкубацнонному перноду. И тем нли нным способом устраняли эту прнчнну. После этого история планеты развнвалась без помех, н жнтелн ее даже не подозревали, что было бы, если бы...

Командор остановился за спнной физика н, стараясь остаться незамеченным, стал молча наблюдать за его маннпуляцнямн. Наконец физнк удовлетворенно хмыкнул, перевел аппаратуру на эндорегнстрацню и отключил зкран.

— Что ж... — сказал он. — Все ясно. Онн избрали нанболее безобидный внд самоуннчтожения. Реакцня снитеза водорода... — он улыбиулся, нроническн н немного грустно. — То-то «псам» раздолье... Информацнн хоть отбавляй — многое должно сохраннться. Не то что на Алладоне... Вы помннте Алладон, командор?

Командор вздрогнул от неожнданностн.

— Помню, — сказал он.

Алладон — планета, уннчтоженная сллнцневым пожаром. На ней не только не осталось ничего живого, но н сама она вся выгорела н была похожа на огромный кусок вулканнческого туфа, медленно вращающнйся в пространстве.

Археолог тоже отключнл свой сектор пульта н прнсоеднннлся к разговору:

— Хорошая планетка. Тепленькая. Новопреставленная. Как она вам понравнлась, командор?

— Я не особенио разглядывал ее, — безразличио ответил командор.

— Ну, знаете лн! — возмутнлся археолог. — Нет, командор, так нельзя!

Командор безропотно позволил подвестн себя к обзорному экрану, на котором замерла панорама плаиеты. За время службы в Охране командор прнвык к таким картннам, н зрелнще мертвой, холодной пустынн с виднеющнмнся кое-где холмикамн, недостойнымн даже названня развалнн, не произвело на иего впечатлення.

— Пустыня, — равнодушно сказал он. — Атомная пустыня...

Он помолчал немного, потом добавнл:

— Все могнлы, даже самые разные, похожн друг на друга.

Он резко передвннул регулятор масштаба, н нзображение стремительно рннулось навстречу. На мгновенне ему показалось, что это он сам падает на поверхность планеты. И тогда он увндел камнн. Но что это былн за камнн! Под действием чудовнщной температуры ядерных взрывов камни «плакалн» н «кровоточнлн». Это сразу бросалось в глаза, стонло только взглянуть на скол какойннбудь камеииой глыбы. Ее черное нутро, правда, сохранялось, но часть этого темного слоя просачивалась во внешнне светло-серые слои так, что на их поверхностн появлялось подобне лншая. Странным и больным казался та-

кой камень, словно пораженный паршой или проказой.

— Интересно, правда? — спросил археолог.

Командор не ответил.

— Планета Больных Камней, — тихонько пробормотал он.

— Да вы поэт, командор! — восхитился археолог. — Быть посему. Да будет это имя ее! — густым басом пропел он.

Командор повернулся спиной к экрану.

— Нет, неинтересно, — привычно-равнодушно сказал он.

Археолог изумленно воззрился на него.

— Я стар и мудр, — сказал командор, — прошлое открыто мне, и грядущее не имеет от меня тайн.

В голосе его прозвучало гораздо меньше иронии и больше уверенности в собственной правоте, чем ему хотелось. Археолог промолчал. Командор посмотрел на шкалу мнемометра.

— Внимание! — громко сказал он. — Включаю ретаймер.

Ему было скучно.

«0,47001 галактической секунды Эры XIV Сверхновой. Закончено ретаймирование. Эпикриз:

1. Катастрофа явилась следствием глобальной войны третьего типа с применением оружия, основанного на реакции синтеза водорода.

2. Катастрофа имела место за 1,5000 галактической децисекунды до нуля ретаймера.

3. Причиной катастрофы было резкое, превысившее критическое, несоответствие уровней технического и социально-экономического развития.

4. Причиной превышения критической разницы уровней было открытие, сделанное необычайно одаренным математиком (биографические данные см. приложение 4; технические данные см. приложения 7, 8, 11) за 2,001 галактической децисекунды до нуля ретаймера.

...Принято решение высадить десантника с упреждением в одну галактическую миллисекунду относительно момента, указанного в пункте 4...»

...Потолок начал медленно краснеть. Это было забавно — находиться во многих килопарсеках от дома и видеть, как осторожно подкрадывается день малого солнца. Это было не только забавно — это раздражало. Командор не раз думал, что разумнее было бы не создавать этих никчемных иллюзий. Смогли же они отказаться от привычных планетарных мер времени и в Пространстве пользоваться более универсальными галактическими. Так зачем же устраивать эту иллюзорную смену дней большого и малого солнца? Разве не проще было бы на время сна просто выключать люминаторы, как бы приобщая корабль к мраку Пространства? Правда, психолог всегда находил против этого массу доводов, командору все эти штучки были не по душе.

Потолок стал темио-красным, почти как перья птицы рельги. Розовый светящийся шарнк часов стоял точно посередине шкалы. В это время иа борту «Лайфстара» спали все, кроме дежуриого пилота в первой цеитрали. Комаидор вышел из каюты. В красиом сумраке коридора чериый пластик пола казался зеленоватым. Ноги по щнколотку тоиули в его пушистой упругости, и командору на мгновение почудилось, что он бредет по высокому мху Поляриых Болот...

Тоннельный морфеатор был ярко освещеи, и командор на секунду прикрыл глаза. Потом ои пошел вдоль ряда стоящих у стеиы саркофагов, в которых, балаисируя где-то иа граии сна и смерти, лежалн десаитники — руки крейсера. Умные руки... Для того чтобы стать десантииком, кроме ндеальиого физического и пснхического здоровья, требовалось еще историческое, философское, техническое и лиигвистическое образование, ие считая, коиечио, курса самой Школы Десантников. В торец каждого саркофага была вмоитироваиа пластинка со стереопортретом десантиика и его психологическим нндексом, а ниже, вплетаясь в опоясывающий саркофаг ориамент, горели маленькие зелеиые звездочки. После каждого десанта их стаиовится одной больше.

Командор шел медлеино, иногда еще больше замедляя шаги, но ни разу не остаиовнлся. Ои зиал, куда идет, хотя и ие хотел в этом призиаваться.

Из светящейся глубины люминогласа предпоследнего, одиннадцатого саркофага иа него взглянуло молодое улыбающееся лицо. Под портретом горела едииственная звездочка. Комаидор остаиовился и прислоиился спиной к стеие.

— Здравствуй, — сказал ои.

Десаитиик иа портрете улыбался.

— Побеседуем? — спросил комаидор. Он прикрыл глаза и отчетливо услышал:

— Хорошо, комаидор.

— Я могу послать тебя.

— Тем лучше, командор.

— Ты думаешь? Ведь это не Алладон. Там ты имел дело только со стихиями. И там ты был не один. А здесь ты будешь один. Ты будешь бороться за людей, во имя Разума, но ты пойдешь протнв человека. И против Разума тоже.

— Это софистика, командор.

— Нет, это правда. Борясь за общее, мы часто жертвуем частным. Ты знаешь, что это значит?

— Я кончил Школу Десантников, комаидор.

— И руки твои уже ие будут чнсты.

— Мы служим Разуму, командор.

— Кровь есть кровь.

— Это благородиая кровь, командор.

— Ты прав, благородиая. Но облагораживает лн она руки?

— Это слова. Я пойду, командор.

— Хорошо, ты пойдешь.

Командор открыл глаза и еще раз, с каким-то ему самому до конца непонятным чувством, повторил:

— Хорошо, ты пойдешь...

...Вся диагностическая группа собралась во второй централи. Антрополог, стоя перед шаром ваатора, водил по его поверхности лучом карадаша, занимаясь тонкой доводкой, абсолютно невидимой и непостижимой для неспециалиста. Но когда он опустил руку и выключил карандаш, фигура в шаре зажила — странной, неподвижной, мертвой жизнью.

— Все, — сказал антрополог. — Хорош?

— Хорош, — откликнулся этнограф. — Хорош и похож...

— Человек, — пробормотал археолог.

— Нет, — возразил антрополог. — Похож, но не человек. Гуманоид Фигурного материка Планеты Больных Камней. — И, обращаясь к командору, спросил: — Кто пойдет в десант, командор?

— Все равно, — сказал командор. — Любой. Перед делом все равны. — И, заметив протестующий жест психолога, добавил: — Если это достаточно простое дело...

Он подошел к панели тоннельного морфеатора и, не глядя, нажал одну из клавиш будящего комплекса.

Одиннадцатую клавишу.

«0, 470019 галактической секунды Эры XIV Сверхновой. Закончена общая подготовка десантника и проведен инструктаж.

0,4700195. Десантник занял место в хроноскафе.

0,47002. Хроноскафу дан старт...»

II

Они беседовали, сидя за угловым столиком в малом зале «Ванданж де Бургонь». Д'Эрбинвилль был хорошим собеседником, и разговор не носил натянуто-одностороннего характера, хотя Огюст принимал в нем все меньше участия. Вытянув длинные ноги и мечтательно улыбаясь, он слушал и лениво пощипывал виноградную гроздь. Д'Эрбинвилль от легитимистов перешел к республиканцам и теперь ядовито высмеивал их одного за другим, не всегда, быть может, справедливо, но, безусловно, остроумно.

— Послушайте, Пеше, — неожиданно спросил Огюст. — Вы не верите в республику?

Д'Эрбинвилль с сожалением посмотрел на него.

— Неверие в вождей еще не говорит о неверии в дело, — ответил он.

— Странно... — Огюст все так же мечтательно улыбался, глядя куда-то в пространство. — Такой аристократ, н а с т о я щ и й аристократ, — и равенство, братство...

— Дорогой мой Огюст, мы с вами оба историки; и я думаю, вы

должны понимать: строй может измениться, принцип же — никогда. При тирании фараонов и при афинской демократии, при Людовике XIV и в конституционной Англии — везде была и есть аристократия. И она будет существовать вечно, ибо при любом строе государству нужен мозг, — а в этой роли может выступать только аристократия. Может изменяться имя элиты, но ведь не в имени дело.

— Дело в том, чтобы оказаться в ее составе, не так ли?

Д'Эрбинвилль молча пожал плечами, — разве может быть иначе? Но вслух сказал:

— Разве это так уж обязательно? Главное в конечном счете — величие Франции.

— А кем было создано это величие? Шарлемань и Людовик XIV, Роланд и Байяр... А потом — потом пришли санкюлоты. Генрих IV хотел, чтобы у каждого француза была курица в супе, а они — чтобы голова каждого порядочного француза лежала в корзине гильотины. Террор, казни, бедствия и разорение — национальный позор Франции! Конюх и пивовар, вотирующие смерть Людовика XVI! Вспомните судьбу Филиппа Эгалите, принявшего фамилию «Равенство»... Для того, чтобы оказаться в рядах новой аристократии, недостаточно прибавить к имени модное словечко. Надо либо сохранить старую элиту, либо сформировать новую уже сейчас. Ибо выскочка у власти — тоже страшная вещь. Не потому ли Наполеон расстрелял герцога Энгиенского, что бедный корсиканец Бонапарт учился на деньги его деда? На вашем пути я вижу препятствия двух родов...

— На нашем пути, — поправил д'Эрбинвилль.

— О нет. Вы правильно сказали, Пеше, мы оба историки. Но в то время как вы ставите свое знание на службу моменту, я ценю знание само по себе. Я лишен всякого честолюбия. Кроме научного, разумеется. Для меня лавры Шампольона во сто крат ценнее лавров Наполеона. Я стою над схваткой, и мой взор устремлен в прошлое и будущее. Я могу себе это позволить, так как в настоящем не испытываю голода. Вы, Пеше, честолюбивы, а это самый страшный вид голода. Тем более, когда его трудно — я не хочу сказать невозможно — утолить.

— Не слишком ли вы пессимистичны, Огюст? — спросил д'Эрбинвилль, разливая бургундское. — Давайте лучше выпьем — это вино способно даже самого мрачного пессимиста превратить в восторженного юнца.

— В таком случае мне угрожает опасность стать младенцем, — улыбнулся Огюст.

— А бургундское здесь превосходно, — сказал д'Эрбинвилль, пригубляя вино. — Оно как хорошая любовница. Каждый глоток божествен, но предвкушение следующего — еще лучше. Так какие

же тернии вы видите на моем пути, Огюст?

— Я простой буржуа, Пеше, хотя император и сделал моего отца дворянином. И поэтому простите мне, если я буду недостаточно тактичен. Так вот. Кто вы сейчас? Один из вождей республиканской партии. Пусть даже один из наиболее видных вождей. Герой «процесса девятнадцати». Но какие виды у вашей партии? Никаких. Стань вы в свое время орлеанистом, сейчас вы были бы пэром. А так... — Огюст оторвал от грозди крупную виноградину и кинул ее в рот. — В народе, конечно, брожение. Но вы же знаете французов — это у них в крови... Республиканцы, орлеанисты, легитимисты — да много их! — пытаются склонить народ на свою сторону и попутно перегрызть друг другу горло. Но в целом-то это затишье.

— Моряки говорят, что затишье предвещает бурю.

— Но оно не вызывает ее. Нужна еще тучка, на которой прилетел бы Борей. Нужно знамя, способное поднять чернь. Как вы думаете, кто больше сделал для распространения христианства — Иисус Христос или Понтий Пилат? — Огюст сделал паузу и вопросительно взглянул на собеседника.

Д'Эрбинвилль промолчал: он никак не мог привыкнуть к столь резким скачкам в мыслях своего друга. Подождав минуту, Огюст продолжил:

— Скорее всего мы бы и не знали, что произошло в забытом богом Иудейском царстве без малого две тысячи лет назад. И сами христиане не смогли бы придумать ничего лучшего, нежели распятие Христа.

— Оригинальная мысль...

— Во всяком случае, справедливая. Кровь и венец мученика всегда привлекали чернь. Но вернемся к тем преградам, которые я вижу на вашем пути. Я назвал пока только одну. Но есть и вторая. Это те, кто может стать популярнее, а значит — сильнее вас.

— Кто же?

— Да хотя бы тот мальчишка, который десять месяцев назад провозгласил здесь тост «За Луи Филиппа!», грозя обнаженным кинжалом. Сейчас он сидит в Сент-Пелажи. Вы кажется, недолюбливаете его, Пеше, но надо отдать ему должное — у этого маленького Робеспьера большое будущее... Только это не ваше будущее. Не забывайте «Карманьолу»: после «Ça ira...» следует «...les aristocrates à la lanterne!»*. Когда вы поможете ему победить, то... Можно перековать меч на орало, но можно и кинжал — на нож гильотины. Хотели бы вы увидеть свое завтра сквозь ее окошечко?

Огюст вынул из кармана брегет и посмотрел на циферблат.

---

* «Это пойдет... аристократов на фонарь» (строки из «Карманьолы»).

— Черт возьми! Простите, Пеше, но я должен покинуть вас.

— Куда же вы, Огюст?

— Увы, и сердце стоящего над схваткой историка беззащитно против стрел Амура, — улыбнулся Огюст. — Так вы подумайте...

Д'Эрбинвилль долго смотрел ему вслед.

— Preamonitus, praemunitus, — задумчиво прошептал он. — Этот недоношенный Робеспьер... Христос-великомученик. Что ж, — он встал и бросил на стол луидор. — Хорошо бы поставить памятник тому, кто придумал дуэль!

* * *

Д'Эрбинвилль в глухо застегнутом черном сюртуке с поднятым воротником подошел к колышку и замер в неподвижности. Его противник встал у другой метки. Четверо секундантов — Морис Ловрена, Огюст де ля Орм, — имен секундантов противника он не знал, встали в стороне, на равном расстоянии от обоих дуэлянтов. Один из секундантов противника сделал шаг вперед.

— Господа! — громко сказал он. — Выбор места дуэли и пистолетов определен жеребьевкой. По жребию мне выпала честь объяснить правила дуэли. Секунданты согласились, что одинаково приемлемой для обеих сторон будет дуэль à volonté.

Правила дуэли д'Эрбинвилль знал и так. Он посмотрел на противника. Открытый коричневый сюртук, белая манишка («Не хватает только красного яблочка на груди», — с легким презрением подумал д'Эрбинвилль) и такое же белое («Уж не от страха ли?») лицо.

— ...Понятны ли вам условия дуэли, господа?

— Да. — Д'Эрбинвилль поклонился сперва секундантам, потом противнику.

Юноша в точности скопировал его жест.

— Сейчас секунданты вручат вам оружие. Потом ждите моего сигнала.

Если д'Эрбинвилль и волновался, то, когда рука его удлинилась на десять дюймов граненого ствола Паули, успокоился окончательно.

— Готовы, господа?

— Да.

— Готов.

— Сходитесь.

Д'Эрбинвилль, держа пистолет вертикально, сделал шаг. Еще. Дойдя до платка, он небрежно прицелился и выстрелил. Юноша подался назад, удержался, закачался, как китайский болванчик, и ничком упал на траву. «Ну, вот и все, — подумал д'Эрбинвилль. — Конец. Христос-великомученик...»

Секундант вынул часы.

— Господа! Отсчитываю две минуты, в течение которых раненый имеет право сделать ответный выстрел. Прошу не двигаться с мест.

Но фигура на земле не шевельнулась.

— Две минуты истекли. Дуэль окончена, господа.

Все подошли к раненому. Один из его секундантов опустился на колени, стараясь слегка повернуть тело.

— Тяжело ранен в живот.

...Умер он три дня спустя в госпитале Кошеи...

III

Фрагменты из бортового журнала «Лайфстара», крейсера первого ранга Службы Охраны Разума

«0,47102 галактической секунды Эры XIV Сверхновой. Принять на борт хроноскаф с десантником. Начата подготовка к старту».

— Неплохо, честное слово, совсем неплохо! Поздравляю вас, «шевалье Огюст де ла Орм»! — К столику, за которым сидел десантник, подошел психолог, неся в руках поднос с несколькими бокалами тягучего онто. — Я все время следил за вами по хронару. Хорошая это штука — связь через пространство и время! Раньше, когда хронара еще не было, было не так интересно. Сиди и жди... Ну-ка, — он сел и придвинул десантнику бокал, — что лучше: их бургундское или наше онто? Нет, а вы все-таки молодец! Практически с первого раза — и такую роль!

— Это было нетрудно, — коротко ответил десантник, принимая бокал.

— Что это вы загрустили? — спросил психолог. — Задание выполнено отлично. На редкость удачный десант. Чего вам не хватает?

Десантник залпом осушил бокал и потянулся за вторым. Психолог внимательно наблюдал за ним. Действие онто начало сказываться почти сразу: лицо десантника слегка побледнело, глаза матово заблестели.

— Слушайте, — сказал он вдруг. — Слушайте, психолог. Почему так? Мы — Служба Охраны Разума. Мы печемся о благе и жизни разумных рас. И что же — мы убиваем лучшие их умы! Почему я должен был убить этого мальчика, убить руками аристократического прохвоста? Ведь он был гением, он был на дюжину голов выше их всех, вместе взятых! Почему, борясь за свет, мы должны опираться на тьму? Почему?..

— Надо уметь отличать общее от частного. Разум индивида от разума вида. Уничтожив один, мы способствуем сохранению второго. Ваш подопечный был слишком гениален для своего века. Он пришел преждевременно. Вы видели, к чему это привело. А вот это — цена его смерти.

Психолог положил на стол перед десантником пачку снимков.

— Смотрите! Они уже освоили свою планету и ее спутник. Они добрались до остальных планет системы. Скоро шагнут к звездам! Вам этого мало?

— Да, — сказал десантник, отодвигая снимки. — Да. Все так. Все гладко. Все красиво. Все в

пределах теорни. И только одно вам ннкогда не уложить ни в какую теорню — смерть. Убнйство человека. Убнйство человека, — вы понимаете, убийство человека!

— Скажите, еслн вы увндите ребеика, нграющего с леталером, вы отберете у него леталер?

— Конечно. Оружне — не игрушка.

— А это был человек, способный дать еще недостаточно взрослому человечеству игрушку пострашнее леталера.

Десантник выпнл еще одну порцню онто н посмотрел на психолога.

— Так... Правда... Верно... — Он помолчал. — Скажнте, вы самн когда-нибудь убнвали? Человека? Чувствовали на руках его кровь? Горячую, красную, лнпкую?

— А как же врачн нашей древностн? — спроснл пснхолог. — Врачи, сжнгавшне во время эпидемий вместе с трупами живых. Это было жестоко. Но они еще не умели иначе. И нменно нм мы обязаны тем, что человечество не было еще в младенчестве задушено Сннией смертью н Полярной язвой. И разве кто-ннбудь счнтает их нзвергами? Мы тоже не умеем. И тоже делаем, что можем.

Десантник рассматрнвал свои рукн.

— Кровь, — тнхо сказал он. — Кровь...

Командор, сидевший за соседннм столиком и прнслушнвавшийся к разговору, встал и повернулся к десантннку.

— Интересно: когда хирург делает вам аппендектомню и пролнвает прн этом вашу драгоценную кровь, вы не считаете его кровопнйцей н даже благодарите. А разннца лншь в том, что ндущий в десантинкн не рассчнтывает на благодарность.

И включив наручный селектор, скомандовал:

— Готовность трн! Пнлотам собраться в первой централи. Остальные — по морфеаторам.

В спнральном коридоре десантник догнал командора н поравнялся с ним.

— Командор, — тнхо сказал он. — Так нельзя, командор. Мы не нмеем права так. Мы должны придумать что-то такое... сверхчеловеческое! Но не так...

— Думайте, — ответил командор. — Прндумывайте. Только я не советую. Я тоже думал. Я лучше вас, и то у меня ничего не получнлось.

Несколько мгновений они молчалн. Потом командор взял десантннка за руку.

— Что, — спроснл он. — Худо вам?

Десантник молча кивнул.

— Ннчего, — сказал командор. — Ннчего... Будет хуже...

«0,4710201 галактической секунды Эры XIV Сверхновой. Дан старт...»

IV

На самом краю Миакальской долнны, километрах в ста от Са-

маркаида, раскннулся международиый город математиков Баб-аль-Джабр. В центре одной из его площадей стоит памятник тому, чьнм имеием она иазваиа. В черный диабаз пьедестала золотом врезано:

ЭВАРИСТ ГАЛУА

РОДИЛСЯ 26 ОКТЯБРЯ 1811 ГОДА, УБИТ 31 МАЯ 1832 ГОДА,

ТЫ НЕ УСПЕЛ...

Федор Трофимович и мировая наука

Кира Сошинская

Все началось с насоса. Седову нужен был насос. Насос лежал на складе в Ургенче. Если за насосом не съездить, то он так и будет лежать на складе, пока его не утащат хивинские газовики. Им он тоже нужен. Я никогда не была в Хорезме, и ребята согласились, что ехать надо мне. Седов попросил меня купить в Ургенче десять пачек зеленого чая первого сорта, потому что в кишлаке

уже вторую неделю как остался только третий сорт, а он крошился и пылил не меньше, чем Каракумы.

В Ургенче насоса не оказалось. Худайбергенов позвонил в Хиву. Там тоже не было нашего насоса. Худайбергенов пошутил немного, потом попросил зайти завтра и сказал, что насос будет. Я хотела съездить в Хиву, чтобы посмотреть старый город и серьезно поговорить с газовиками, но автобус ушел перед самым носом, а со следующим ехать было поздно.

Я пошла по городу куда глаза глядят и дошла до широкого канала. Он казался очень глубоким — вода в нем была такой густой от ила, что почти не отражала солнца. Вдоль берегов стояли в тени тонких тополей громоздкие колеса с лопастями, черпали воду и лили ее под ноги тополям. Я подумала, что эти колеса нетипичны и тут же услышала сзади голос:

— Слушай, девушка, нетипичное сооружение.

Я обернулась. Небольшого роста пахлаван — богатырь, он же джигит, нес, сгорбившись, телевизор «Темп» в фабричной упаковке. Пахлаван попытался мне дружески улыбнуться, но в глаз ему попала капля пота, и улыбка получилась кривой.

— Понимаю, — ответила я. — В наш век драг и насосов...

И тяжелые мысли о пропавшем насосе и коварных газовиках полностью завладели мной...

Джигита я увидела на следующее утро на аэродроме.

Перекати-поле скакали по белесым соляным пятнам, шарахаясь от вихрей вертолетных винтов, сменившиеся механики пили пиво с сардельками у зеленого хаузика, а неподалеку шмелем возился каток, уминая сизый асфальт. В еще прохладном зале аэропорта, густо уставленном черными креслами с металлическими подлокотниками, было дремотно и тихо, — трудно поверить, что за беленой стеной все время взлетали и садились, разбегались и тормозили, прогревали моторы и заправлялись — в общем занимались своими шумными делами ЯКи и АНы.

— Гена, — сказала девушка в серой юбке и белой блузке с очень не форменным кружевным воротничком, — повезешь кровь в Турткуль.

Гена почему-то взглянул на меня и спросил:

— А пассажиров не будет?

— Возьмешь больного в Турткуле. И поскорей возвращайся. Тебя Рахимов в Хиве ждет.

Гена вздохнул жалостливо — вздох предназначался мне — и пошел в маленькую дверь сбоку от кассы — там, наверно, он заберет свой груз.

Худайбергенов позвонил мне поздно вечером и сказал, что есть насос в Туйбаке на Арале и что билет уже заказан. Я сначала подумала, что он хочет от меня от-

делаться. Но от Туйбака до нашего кишлака рукой подать, и я спорить не стала. Может быть, в Худайбергенове заговорила совесть.

Уже улетел Гена на своем ЯКе в Турткуль, а посадку на мой самолет еще не объявляли. Воздух помаленьку разогревался, как бы исподволь подготавливая меня к жарище, которая будет здесь через час. Наконец, девушка с кружевным воротничком подошла ко мне и спросила:

— Вы в Нукус?

— Нет, в Туйбак.

— Это один и тот же рейс. Проходите на посадку.

Когда я вышла на веранду аэропорта, оказалось, там собрались уже все пассажиры. Девушка повела нас к тихоходному на вид биплану, который допивал положенный ему бензин. У самолета уже стоял вчерашний джигит с телевизором. Мы с ним поздоровались.

Я уселась на неудобную, узкую лавочку. Маленькие АНы очень некомфортабельны — у затылка торчал какой-то крюк, который норовил вырвать клок волос. Кроме того, я все время съезжала на свою соседку. Пилоты помогли джигиту втащить телевизор. Рядом со мной сидели три старушки узбечки. Я подумала, что совсем недавно они вряд ли осмелились бы подойти к поезду — и вот, пожалуйста! Старушки негромко разговаривали — видно, о каких-то прозаических вещах. Их не волновали в данный момент глубокие мысли о скорости прогресса. Кореянка по имени Соня — так ее называл пожилой татарин, который провожал кореянку до самолета, — раскрыла «Науку и жизнь». Джигит сел на пол, поближе к телевизору.

Пришел еще один узбек, из районных работников, в синем кителе, сапогах и синей кепочке с невынутым картонным кружочком, отчего кепочка принимала несколько фуражечный, ответственный вид. Узбек уселся рядом с кореянкой и сразу наклонил голову, чтобы разглядеть, что изображено на обложке журнала.

И мы полетели, оставив внизу облако пыли, поднятое колесами.

Весенний Хорезм покачивался под окном. Пилоты сидели повыше нас и как будто тащили нас наверх, склоняясь, когда было трудно, к циферблатам приборов. Солончаки отражали раннее солнце и казались озерами.

Теплый воздух, поднимаясь с поля, качнул самолет. Джигит с размаху схватился за телевизор. Джигиту, по-моему, было страшно.

— Сколько лететь будем? — спросил узбек в кепочке.

Ему пришлось повторить вопрос, потому что мотор верещал довольно громко. Один из пилотов расслышал и, откинувшись к нам, крикнул:

— Час двадцать.

На горизонте земля и небо, одинаково серые, сливались воедино. Там была дельта Аму-Дарьи. Там

же в конторе консервного комбината лежит насос для нашей партии. Если Худайбергенов не обманул.

Самолет затрепетал, будто встретил любимую самолетиху, и провалился чуть ли не до самой земли. Джигиту стало совсем плохо. Он положил голову на коробку с телевизором и закрыл глаза.

Я смотрела в окно; а когда надоело, уселась, как положено, и услышала, что ответственный узбек сказал кореянке:

— Я эту статью тоже читал. Очень нужная статья.

Джигит очнулся, потому что самолет восстановил равновесие, и сказал:

— Я журнал «Наука и жизнь» домой получаю.

Старушки посмотрели на него, и он прокричал эту новость по-узбекски. Старушки, наверно, были растроганы, но не подали виду. И я заподозрила, что все они тоже выписывают журнал «Наука и жизнь». Тут самолет вздрогнул, джигит уткнулся в телевизор, а пилот перегнулся к нам и крикнул:

— Дед у него — отчаянный старик!

Он показал на джигита.

— Какой дед?

— Папаша его жены, Федор Трофимович.

Джигит молчал, и при резких толчках самолета его ноги в узконосых ботинках взлетали над узлами и чемоданами.

— Эту проблему решить для сельского хозяйства большая польза, — продолжал обсуждать статью в журнале узбек в кепочке. — Комбайн мой хлопок убрал, к Джимбаеву полетел, колхоз «Политотдел» полетел, как самолет.

Второй пилот, который, оказывается, все слышал, вставил:

— Еще Эйнштейн доказал, что это невозможно.

— Кто?

— Эйнштейн, говорю! К Нукусу подлетаем, далеко не расходитесь, минут через пятнадцать дальше полетим.

Я так и не поняла, о чем они говорили — пропустила начало разговора и наверняка что-то не расслышала в середине.

В тени, на надежной земле, джигит порозовел и снова обрел богатырские повадки. Только изредка с недоверием поглядывал на самолет, но тот тоже твердо стоял на земле.

— Уже немного осталось, — сказала ему Соня.

— Товарищу тоже хорошо бы, — заметил узбек в кепочке. — Взял машину и сам полетел, никакой болтанки-молтанки.

— А вы читали статью? — спросила меня кореянка. Она перелистала журнал и нашла ее, оказалось — очерк о проблемах гравитации.

Вернулся второй пилот. Ему тоже хотелось поговорить о гравитации.

— Показать бы этим фантастам его деда, — сказал он, глядя

на джигита. Джигит потупился. — Ведь это дед велел тебе из Ургенча телевизор «Темп» привезти?

— Федор Трофимович, — сказал джигит.

— То есть иастолько деятельиый старик, что просто диву даешься. Ему эта гравитация — раз плюиуть.

Джигит согласно кивиул головой.

Одна из старушек посмотрела иа часы и уверенно двинулась через поле к самолету. Пилот глянул иа иее, на двух других старушек, последовавших за ией, вздохнул и сказал:

— Пора лететь, пожалуй.

В кабине становилось жарко. Хорошо бы и в самом деле добиться иевесомости, а не болтаться в железиой баике, как сардиика без масла. Вспомиились чьи-то беспомощно-хвастливые слова: «Всех на корабле укачало, только я и капитаи держались...» Старушки продолжали мирио беседовать. В каком году оии впервые увидели самолет? Нет, хотя бы автомобиль?

— Так вы ие слышали о его деде? — спросил меия, проходя мимо, пилот. — О Федоре Трофимовиче? Куда там Эйиштейи! Его все в дельте знают.

Приближение дельты Аму угадывалось по высохшим впадинам, светлым полосам пересохших проток и желтым щетиикам тростиика.

— Арал мелкий стал, — сказала кореяика, — сохнет дельта.

— Джимбаев много воды берет! — крикнул узбек в кепочке.

Джигит нашел в себе силы оторвать иа секуиду голову от телевизора — ие мог, видио, больше сдерживаться — и крикиул с неожиданной яростью:

— Мракобес Федор Трофимович! Отсталый человек! Перевоспитывать иадо!

— Хоп, — сказал проходивший обратио пилот. — Отсталый человек. А как иасчет Эйиштейна, все-таки? — и засмеялся.

Джигит ничего не ответил.

— Вот девушка сидит, — продолжал пилот. Это относилось ко мне. — Может быть, она из газеты, из самого Ташкеита. Напишет про твоего деда — что тогда скажешь?

Джигит приоткрыл одии глаз, сверкиул им иа меня неприязнеиио. Самолет качиуло, и глаз сам собой закрылся.

— Я ие из газеты, — сказала, но за шумом мотора меия иикто ие услышал. Мие казалось, что мир кружится специально, чтобы сломать мой вестибуляриый аппарат. Почему эти бабушки летят как ни в чем ие бывало? Где-то под крылом самолета — та-ра-ра-ра! — зелеиое море тайги, зелеиое море дельты, тростиик в два человеческих роста, кабаиы, может быть, последний тигр — дотяиу ли я до Туйбака, капитан и я? — остальиые в лежку...

И когда стало совсем плохо, самолет иакреиился, показал в окио сииее-пресиеее Аральское море,

косу, на которой стоит оторванный от остального мира населенный пункт Туйбак, черные штришки лодок у берега, длинные корпуса консервного комбината... Кажется, я спасена. Я не смотрела на джигита — не имела морального права над ним иронизировать.

Песок посадочной площадки в Туйбаке был глубок и подвижен. Чтобы не завязли самолеты, его прикрыли железными решетками. Самолет прокатился по ним, как по стиральной доске, встал, и в открывшуюся дверь ударило устоявшейся жарой, запахом моря, рыбьей чешуи, дегтя, бензина и соленого ветра — ветер, видно, куда-то улетел, но запах его остался.

Я выпрыгнула из самолета первой, помогла выбраться Соне и остановилась в нерешительности.

Потом вышли старушки — к ним, увязая в песке, бежали многочисленные родственники, за старушками последовал узбек в кепочке. Пилот помогал джигиту подтащить телевизор к двери.

И тут появился дед Федор Трофимович.

— Вот он, — сказал мне второй пилот, — собственной персоной.

В голосе его слышалось уважение и даже некоторая робость.

Я посмотрела на поле, но на поле не было ни единого деда.

— Выше, — сказал пилот.

Дед летел над полем, удобно устроившись на стареньком коврике. На деде была новая фуражка с красным околышем, и седая борода его внушительно парусила под ветром. Полет был неспешен, будничен. Никто на аэродроме не прыгал от восторга и не падал в обморок, как будто в Туйбаке деды только и летают на коврах-самолетах.

— Ну, что я говорил, корреспондентка? — радовался пилот.— Куда там Эйнштейн!..

— Да не из газеты я.

— Неважно. Писать будете?

Я не могла оторвать глаз от деда. Одну ногу он подложил под себя, другая, в блестящем хромовом сапоге, мерно покачивалась в воздухе.

— Привез телевизор? — гаркнул дед с неба, и джигит, наполовину вылезший из самолета, похлопал осторожно ящик по крышке и сказал:

— Здравствуйте, Федор Трофимович. Зачем вы себя беспокоите? Я бы сам до дому донес.

— Какой марки?

Коврик мягко опустился на железную решетку, и дед довольно ловко вскочил и подбежал к нам.

— «Темп-шесть», Федор Трофимович, как вы и велели. Ну зачем же вы?..

— А мне на людей — ноль внимания, — сказал дед. — Еще разобьешь его по дороге. Лучше я его сам до дому доставлю. Ставьте сюда.

И царственным жестом дед указал на коврик.

Джигнт вздохиул, пнлот улыбнулся, и оии поставили телевнзор, куда указал старик. Коврик прнподнялся иа метр от земли и поплыл к стайке деревьев — за ннми, видно, был поселок.

Все произошло так быстро, что я опомнилась, только когда удивительиая процессия — коврнк с телевизором, дед в двух шагах за ним н джигит еще в двух шагах позади — исчезла за клубом пыли, поднятой въехавшнм на поле «газнком».

— Ну вот, — сказал пнлот, иасладившись идиотским выражением моего лица. — Считайте, местная гордость.

— Как же это ои так?

— А бог его знает! Пнсали, говорят, в Академию наук.

— Ну и что?

— Не ответили.

— Чепуха какая-то.

— Вот так все и говорят. Ну ладно, прнятно было позиакомиться. Мне обратио вылетать.

— Спасибо. А как пройтн к комбннату?

— Да за деревьямн сразу улица.

Я шла по песку узкого переулка между белыми стенамн мазанок, соединеииых тростннковымн плетнями, и иикак не могла изгнать из головы видеиие деда, летящего к самолету, и бороды его, извивающейся по ветру. Нет, тут что-то ие то... Летает по поселку человек на странном сооружеиин — иа чем-то вроде ковра-самолета; н окружающие никак иа это ие реагируют. Может быть, он — гениальный нзобретатель-одиночка, самородок, в тиши своей избушки творящий историю иауки? И я решила иайти его н разгадать тайну.

На комбииате история с насосом закончнлась иеожиданно легко и быстро. Оказывается, им в самом деле звоиил Худайбергенов, и они в самом деле могли отдать нам иасос. Больше того, завтра уходил катер вверх по Аму, и замдиректора при мие распорядился, чтобы насос погрузили и доставили почти к иашему кишлаку.

А когда официальная часть беседы закончилась, я, не в силах больше сдерживаться, окинула подозрительным взглядом белый, похожий на приемный покой в больиице кабинет, полный образцов коисервов и, уставившись в пуговицу иа белом халате замдиректора, спросила его как можио естествеиней:

— Вы не слышали о таком Федоре Трофимовиче?

— А-а, — сказал зам, — я сам писал одиому своему прнятелю-журналисту в Ташкент.

— Ну и что?

— Ответнл, что сейчас не та конъюиктура, чтобы писать об Атлаитиде и космнческих пришельцах.

— Но при чем тут пришельцы?

— И о «сиежиом человеке» теперь ие пишут.

— Вы же его сами видели. Собственными глазами!

— «Снежного человека»?

— Федора Трофнмовича.

— Как вас. Он даже мне както предлагал прокатиться.

— Ну и что?

— Ну и все. Не могу же я кататься на сомннтельном ковре-самолете по поселку, где меня каждая собака знает. А что скажут подчиненные мне сотрудннкн?

— Но ведь ковер существует.

— Разумеется.

— А вы говорнте о нем, будто здесь ничего особенного нет.

— Не исключено, что н в самом деле ннчего особенного. А мы поднимем на ногн весь мнр н окажемся в неловком положеннн. Дешевая сенсацня, вот как это иазывается. Вообще-то говоря, я все собнраюсь съездить в Нукус...

Зам был молод, чувствовал себя неловко н, как бы оправдываясь, показал на банкн в шкафу н добавнл:

— Технологню меняем. Леща меньше стало — судак пошел.

Но на прощанье зам дал мне адрес деда Федора н даже подробно рассказал, как к нему пройтн.

— Может, вы протолкнете это дело. Неплохо бы, — сказал он. — Вдруг окажется, что наш поселок — родина нового нзобретения.

— Да, а почему Федор Трофнмович в фуражке? Он мнлнционер?

— Нет, нз казаков. Сюда оренбургскнх казаков когда-то переселнли, прн царе.

Мазанка деда Федора оказалась солидным, хотя и невысокнм сооруженнем под железной крышей, обнесенным, как и все дома в Туйбаке, плетнем нз тростннка. Над крышей гордо возвышалась на длиннющем шесте телевнзнонная антенна — не нначе как дед заготовил ее заранее. Я постучала н долго стояла перед зеленой калнткой, из-за которой доноснлся мерный, серьезный лай. Наконец калнтка открылась, н в проеме ее обнаружнлся взмыленный джнгнт с отверткой в руке и мотком проволокн в зубах.

— Ввавуйте, — сказал он, и проволока задергалась, хлеща его по ушам. — Ваводите.

Я поблагодарнла его за приглашенне и заглянула джигиту через плечо, нща обладателя серьезного собачьего голоса. Обладатель — маленькнй пузатый щенок — лежал у будкн, прнвязанный на солндную цепь. Я успоконлась н вошла. Джигит запер свободной рукой калнтку, вынул проволоку нзо рта н пожаловался:

— Ннкакого покоя, — принесн, отнесн. Уеду в Нукус, наверно, да?

— Не знаю, — сказала я. — Мне хотелось бы поговорить с вашим тестем.

— Джафарчнк! — раздался громовой голос. — Где тебя носнт?

— Опять будет нотацнн-мотацни чнтать. Пойдемте.

— Здравствуйте, здравствуйте, — прнветствовал меня Федор Трофимовнч ласково, будто давно был со мной знаком. — Вот, тех-

нику осваиваем. Из Ургенча принимать будем и из Нукуса. А вы, значит, кто будете?

Я представилась, потом сказала:

— Вы меня извиннте, конечно, за беспокойство.

— Какое уж тут беспокойство. Ты, Джафарчик, продолжай, ие обращай внимания. Джафар — зять мой, технник по специальности. А мы с гражданкой бражки выпьем по стаканчику.

— Нельзя вам, Федор Трофимович, — сказал джигит. — Неллн не разрешает.

— Ты молчи, молчи, мы по маленькой.

Но старику было прнятно, что зять заботится о его здоровье. Дед налил нам, как уж я ни отказывалась, по стакану темиой браги, заставнл выпить до диа, потом спросил:

— Значит, полагаю, вы ко мне пожаловали насчет ковра, могущего преодолеть снлы земного притяжения?

Ах ты, какой сообразительиый дед! Нет того, чтобы сказать — ковер-самолет.

— И даже могу догадываться — из молодежиой газеты «Комсомольская правда», куда я имел честь писать не столь давно.

Я смалодушничала и промолчала. Испугалась: еслн признаюсь, что я просто-напросто геолог, дед не захочет показать ковер.

Дед налил себе еще полстакана браги — я накрыла свой стакан ладонью, — он покачал бутылкой над ией, крякнул и сказал:

— Служба, понимаю. Так вот, лежит у меня страниое создание рук человеческих, а даже, подозреваю, неземного происхождения. Вполне не нсключено — забыт аппарат старннными космоиавтами с другой планеты.

Оказывается, дед и не собирался напускать таинственности на свой коврик.

— Мне этот ковер от Герасима Шатрова достался, — продолжал между тем дед, пододвинув ко мне поближе нарезаниого ломтями золотого полупрозрачного вяленого леща.— Угощайтесь, пожалуйста. Он, Герасим, когда помер, сундучок мне отказал. Родных у него не было, а в гражданскую мы вместе воевалн. Так я лет десять сундучка этого не трогал, не догадывался. Потом вынул как-то оттуда коврик и положил иа пол заместо половичка. И еще года два-три ровным счетом ничего не случалось. И вот стою я как-то поутру иа коврике, — дед даже встал со стула, чтобы показать, как это произошло, — стою н думаю, полететь бы птицей к дочке моей Нелли. Училась она тогда в техникуме в Нукусе, а теперь там же в институте обучается. Только подумал — вижу, подиимаюсь в воздух, да как шмякнусь головой о потолок! Вот так-то и обнаружил.

Дед налил себе еще полстакана браги, оглянулся на дверь, не ви-

дит ли Джафар, и быстренько опрокинул стакан.

— С тех пор пользуюсь при надобности. Хотел сам в Москву отвезти — не верят мне здесь люди, насмешки позволяют. Должна же правда на свете быть. Я сам понимаю, случай, скажем, странный, но случай есть факт, и он не от бога. Вот так-то...

— Так, значит, вы им управляете?..

— Как задумаю, так и управляется. Да что там, сейчас покажу по всей форме. Я бы его вам передал — только запиcочку, пожалуйста, по форме и на бланке. Чтобы уверенность была, что до науки дойдет.

Дед принес из соседней комнаты свернутый в рулон коврик, раскатал на полу.

— Много им, видно, пользовались, да боюсь, не всегда по назначению. Может быть, он триста лет на одном месте лежал и ни разу не взлетел. И на материал посмотри, милая. Материал не наш.

Ковер и в самом деле был удивителен, удивителен был и переливчатый, неясный рисунок.

Дед сел на коврик, ноги под себя и, нахмурившись, взлетел на высоту стола. Повис рядом со мной в воздухе, протянул руку, налил себе браги и выпил. Пока он пил, коврик закачался — видно, мысли деда малость спутались, но дед взял себя в руки и выровнялся.

— Вот, — сказал он, — такие-то дела. Джафарчик, скоро телевизор подключишь?

Джафарчик, оказывается, стоял в дверях и неодобрительно смотрел на Федора Трофимовича.

— Не уважает мое увлечение, — сказал дед. — А ведь, может, с помощью этого мы звезд достигнем. Я вам с ковриком тетрадь передам. В ней все результаты опытов записаны.

— Вы, товарищ корреспондент, чай пить будете? — спросил Джафар.

— Нет, спасибо. — Я не могла оторвать взгляда от деда — вернее, от коврика, который слегка прогибался под стариком, но держался в воздухе нерушимо и уверенно.

— А мне по возрасту пользование ковром противопоказано, — сказал дед. — Врачи не рекомендуют. Ну вот, только когда телевизор поднести или что другое особенное по дому сделать. А так он мне ни к чему.

Тут я поняла, что обязана взять этот коврик. Поймите меня правильно. Я его не возьму, что тогда будет? Вернее всего, ничего не будет. Никакая редакция не даст командировки к месту нахождения ковра-самолета. Ни один даже самый умный академик или кандидат наук не станет тратить время и деньги, чтобы лететь в Туйбак и знакомиться с принципом действия опять же ковра-самолета. Я же его отвезу прямо в Москву; и там пусть только попробуют мне не поверить — взле-

чу над Университетом или над курчатовским институтом. И все встанет на свои места.

— А можно я попробую?

— Давай. Значит, представь себе, что ты поднимаешься над полом на вершок. И он подымет.

Дед опустился на пол, сошел с коврика, стряхнул ладонью пыль с того места, где только что находились его сапоги, и сказал:

— Садись, советская печать.

Я села. Все это было совсем не таинственно; и я даже подумала, что выгляжу довольно глупо, сидя на пыльном коврике посреди комнаты. Джафарчик прыснул в дверях. Он тоже так думал.

— Представляй, — сказал дед.

Я представила себе, что ковер поднимается над полом, и он тут же дрогнул, приподнялся и упал обратно. Я немного ушиблась.

— Ах ты, жизнь твоя несчастная, — как же не догадалась, что все время представлять нужно. Не больно?

— Нет, ничего.

Минут через пять я уже уверенно передвигалась по комнате, облетая стол и не задевая печку.

Мы завернули коврик в две газеты, обвязали шпагатом, отдельно, в сумочку, я положила толстую общую тетрадь — наблюдения Федора Трофимовича. Потом написала расписку о получении одного ковра-самолета.

Дед с Джафаром проводили меня до калитки.

— Дальше не пойдем, — сказал дед. — Очень меня волнует телевизор — уж так я ждал его, представить не можете. Ты, Джафар, тоже не ходи. Без тебя, какой ты ни есть несамостоятельный, телевизор не заработает... Так что пишите, результаты сообщите; очень я в них заинтересован. Адрес на тетрадке записан, если забудете.

— Не забуду, Федор Трофимович, обязательно напишу.

На поле аэродрома стоял только маленький ЯК; возле него — тот Гена, который утром возил кровь в Турткуль. Он увидел меня издали и подошел.

Уже вечерело, поднялся легкий, душистый морской ветер.

— Ну и куда вам теперь? — спросил Гена.

— Желательно в Москву. И поскорее.

— Не долетим. Покрупнее моей машину надо.

— А вы куда сейчас?

— В Куня-Ургенч. Потом домой. До темноты чтобы успеть.

— А других самолетов не будет?

— Завтра с утра только.

Я задумалась. От Куня-Ургенча до нашего кишлака совсем близко. Не лучше ли заехать к нашим, предупредить Седова и все рассказать? А то получается, как маленький ребенок — бросилась в Москву. Да у меня и денег нет долететь до столицы — в джинсах и ковбойке. Надо поговорить с ребятами. Если я от них скрою такое открытие — они мне никогда не простят. И правильно сделают.

— Ген, а вам разрешат меня до Куня-Ургенча подбросить?

— А почему нет? Командировка с собой?

— Командировка есть.

— Зайдите к диспетчеру. Скажите, я согласен. Давайте я сверток пока подержу. Тяжело, наверно.

— Нет, что вы, совсем не тяжело. — Я прижала к себе рулон, будто испугалась, что Гена его отнимет.

— Дело ваше. Храните свою военную тайну.

— Да нет, тут ничего особенного, — сказала я. — Вы без меня, пожалуйста, не улетайте.

— Не в моих интересах. Вдвоем лететь веселее.

Диспетчер оказался покладистым; не прошло и десяти минут, как я сидела рядом с Геной в уютной кабинке ЯКа, словно в такси, и прощалась с Туйбаком. Синее море осталось сзади, и снова потянулись зеленые заросли дельты, исчерченные зигзагами протоков.

— Ондатры тут много, разводят ее, — сказал Гена.

Я кивнула головой. Обеими руками я придерживала на коленях рулон и пакет с зеленым чаем, который я все-таки не забыла купить в Ургенче. «А вдруг ковер потеряет свою силу?» — испугалась я.

— Так вам прямо в Куняг?

— Нет, наша партия в кишлаке.

— Как же, знаю, — сказал Гена. — Я туда позавчера врача возил. Могу там сесть.

— Серьезно?

— А что тут несерьезного? Сяду — и все. Потом как-нибудь в гости приеду. Чаем напоите?

— Ой, конечно напою! — сказала я.

Гена был прямо ангелом. Так бы мне еще час шагать, если не подвернется попутный грузовик. Вот я сейчас вылезу из самолета — мои все удивятся несказанно: в собственном самолете прилетела, а я им скажу: «У меня есть самолет и похлеще, без шуток». И тут-то он и полетит...

Гена приземлился на ровном такыре у самых палаток. Пока мы тормозили, вся партия сбежалась к самолету. Они сначала никак не могли догадаться, кто и зачем к ним прилетел, а когда я выпрыгнула, в самом деле удивились, и Ким — я этого ожидала — сказал:

— Смотрите, летает в собственном самолете. Уж не заболели ли вы, мадам Рокфеллер?

— Нет, не заболела, — сказала я. — Все в порядке, насос привезут через два дня, а я сделала удивительное открытие, и мне теперь поставят памятник.

— Давно пора, — сказал Ким.

— Чаю хотите? — спросил Седов у Гены.

— Нет, пора лететь. А то до темноты не доберусь до Ургенча.

Меня возмутило равнодушие геологов.

— Я не шучу, — сказала я. —

В самом деле со мной пронзошла совершенно уднвнтельная нсторня.

— Где?

— В Туйбаке.

— Чего ж тебя туда занесло?

— Так вот, в Туйбаке я нашла такую вещь, что сегодня же вы, Седов, отправите меня в Москву, в Академню наук.

— Разумеется, — сказал Седов. — Отправлю. Ты сегодня долго была на солнце? Перегрелась?

Я в гневе разорвала шпагат, газеты рассыпались, и коврик послушно лег у монх ног.

— Где-то я его вндел, — сказал задумчнво Гена.

— В Туйбаке, — ответнла я.

— Так это пснхованного деда машина...

— Вот-вот, все вы так думаете. А как насчет монх умственных способностей?

Я встала на коврик и подумала из всей снлы: «Летн!»

Дальнейшее пронзошло в какнето доли секунды, причем я не сразу сообразила, что же все-такн произошло. Я так боялась, что коврнк вообще не полетит...

Коврнк взмыл к небу, я не удержалась на нем; падая, успела ухватиться за угол, коврнк порвался, кончик его остался у меня в руке; я шлепнулась на землю, н когда открыла глаза, коврнк, как воздушный змей, парнл высоко над намн, удаляясь, как положено говорнть в таких случаях, в сторону моря.

— Назад! — кричала я, не чувствуя болн от падения. — Вернись немедленно! Да держите вы его! Ловнте! — Это я кричала Гене.

— Разве догонишь? — разумно сказал Гена. — У него скорость не меньше трехсот.

И тут я заревела. Я сидела в песке, сжимая в кулаке уголок ковра; все утешали меня, еще не осознав, какую потерю понесла мнровая наука, а я, дура, преступнница, беспомощно ревела.

И теперь, хотя Кнм говорнт, что мне можно поставить памятнпк и за тот кусочек, который попал в Москву н на основе которого пншутся миннмум три докторские н десять кандндатскнх диссертацнй, который изучают два НИИ и одна специальная лаборатория, я все равно безутешна.

Только вот надеюсь, хоть и не очень, что коврик вернулся к Федору Трофимовичу н обиженный старик скрывает его пока от ученых н корреспондентов — ведь сколько их у него побывало, а он им нн слова.

мир, замкнутый в себе

Владимир Михановский

— Да, эпоха великих географических открытий миновала. Что поделаешь, — вздохнул старый учитель, — такова логика истории. Новые острова человек должен открывать в космосе, а не на старушке Земле.

— Положим, и в космосе не особенно разгонишься, — заметил его собеседник, сосед по дому.

— Почему же? В космосе немало еще «белых пятен».

— Так-то оно так, но говорят, что наша вселенная ограничена,— скорбно сказал сосед, знаток новейших веяний в науке. — Значит, рано или поздно все «белые пятна» будут стерты, и тогда...

— Никогда в это не поверю! — загорячился учитель. — Ограниченная вселенная! Выдумка и враки!

— Как сказать... — покачал головой сосед.

— Ну, сами посудите, — продолжал учитель. — Предположим, я дошел до края света. Что там служит ему границей, я не знаю, — стена, или оболочка, или еще что-нибудь... А что же дальше, там, за этой стенкой? Пустота? Но ведь и она тоже относится к нашей вселенной!.. — И он с торжеством посмотрел на собеседника.

— Гм... Темная штука. Я, собственно, пришел не за этим, — Сосед деликатно перевел разговор на другую тему и начертил руками в воздухе круг. — Внук, поверните, прямо голову прогрыз... А в магазине сейчас, как на грех, не достанешь... Ну, я к вам, так сказать, и пришел...

— Конечно, конечно, — засуетился учитель, — мне он ни к чему. Только куда запропастился — ума не приложу! Разве что в чулане?.. Это идея!.. Идемте-ка в чулан.

Учитель оставил разворошенный письменный стол и двинулся к выходу. Следом засеменил сосед.

* * *

Глоб жил на краю небольшого сырого пятна близ Лондона. Здесь царил вечный полумрак, но Глоб к нему приспособился. А что еще оставалось ему делать?

Самый светлый участок мира захватили наиболее сильные мирлены — приближенные Верховного Ага Сфера. Они загрызали всякого, кто осмеливался приблизиться к их колонии. В конце концов, после нескольких стычек остальные мирлены примирились с положением вещей.

Впрочем, надо сказать, Глоб мало интересовался мирскими делами. По всеобщему признанию, это был величайший ученый из всех мирленов, населяющих мир. Даже глаз его был в десяток раз больше, чем у других, — огромный, он занимал чуть не всю спину Глоба. Глоб, правда, не был в фаворе у Верховного Мирлена, но это уж другая статья...

Глобу первому среди мирленов удалось расшифровать странные письмена, начертанные прямо на почве. Кто, кроме божества, мог вывести на земле эти огромные иероглифы? Лучшие умы Мира много лун бились над неведомыми буквами, но только Глоб сумел сложить из них таинственные слова: Лондон, Дублин, Париж, Лион... Порой звуки, подобные расшифрованным Глобом словам, доносились сюда подобно отдаленному грому, из Внешнего пространства, где обитали боги

Верховный Ага Сфер недолюб-

ливал Глоба, считая его крамольником, и ждал лишь удобного случая, чтобы расправиться с ним.

Мир, в котором жили мирлены, был плоским. Светлый круг, в котором обитал Ага Сфер и его приближенные, был окаймлен зоной полумрака — прибежище остальных мирленов. Дальше простирались неисследованные области вечного мрака.

Официальная версия гласила, что мир бесконечен, а следовательно, бесконечна и власть Верховного. Однако с некоторых пор начали шириться злонамеренные слухи, что мир мирленов ограничен. Вольнодумцев ловили и пытали, но слухи не утихали. Ага Сфер догадывался, откуда идут эти слухи...

Но старый ученый не помышлял об опасности, угрожающей ему; он думал лишь о том, как доказать удивительную вещь, с недавних пор занимавшую все его помыслы: мир, в котором живут мирлены, замкнут в себе.

...В плоской хижине царил обычный полумрак. Глоб вздрогнул, услышав тихий стук. Но это были не ищейки Сфера, а добрый друг Харон — древний, высохший от старости мирлен.

— Беги, — шепнул Харон, едва отдышавшись.

— Куда?

— Куда угодно: в Шотландию, Ирландию — все равно. По всем дорогам тебя ищут. Если поймают — тебе несдобровать...

Харон заметил в углу заплечный мешок и дорожный посох — плоские, как блин.

— Я вижу, ты уже собрался? — заметил он.

— Собрался, но вовсе не прятаться, — торжественно произнес Глоб.

— Неужели с повинной?..

— Я решил доказать, что мир наш ограничен.

— С ума сошел! — пробормотал Харон.

— Что ты там шепчешь?.. Да, я докажу этим невеждам, что мир замкнут в себе.

— Но как ты сделаешь это?

— Очень просто! Я обойду вокруг света. Выйду из Лондона и буду двигаться все прямо, прямо... В общем нигде не буду сворачивать с прямой линии. Пересеку пространства вечной ночи. И приду сюда же, в Лондон, только с другой стороны. Вот увидишь!..

— Сошел с ума! — убежденно повторил Харон. — Наш мир плоский. Где же ты видел плоскость, ограниченную в пространстве? Плоскость, она... она плоская — и все тут! Проведи на ней прямую — и она уйдет в бесконечность.

Глоб молчал.

— Послушай меня, — понизил голос Харон, — не ходи. Из бесконечности нет возврата. Спрячься лучше. У меня есть для тебя такое местечко... А когда пройдет заваруха...

— Нет, я решил, — твердо сказал Глоб.

— Ты погибнешь без света. Мирлен умирает, если долго пробудет во тьме. Ты зайдешь далеко и не сможешь вернуться...

— Я пройду вокруг мира и приду сюда же. Прощай!

И Глоб твердой поступью двинулся по прямой, уводящей в неизвестность.

...Голубую широкую ленту Ла-Манша Глоб пересек без всяких приключений. Ему сопутствовала удача. Светлый круг, где жили избранные, он осторожно обошел сторонкой. На круг, как всегда, лилась сверху струя священного света, в которой плясали пылинки, — каждая размером с мирлена.

Первая часть пути прошла без особых происшествий. Двигаясь по обжитой равнине, Глоб старательно избегал встреч с мирленами. Завидев кого-нибудь издали, он старательно распластывался на плоскости, превращаясь в крохотное пятнышко сырости, а затем, убедившись, что опасность миновала, снова трогался в путь.

Вскоре, однако, светлая местность кончилась, и отважный исследователь окунулся в вечную ночь. Так далеко не дерзал еще заходить ни один мирлен.

Глоб старался двигаться побыстрее. Огромная равнина — Франция — была однообразна, как пустой стол; ей не было, казалось, ни краю, ни конца.

Если бы кто-нибудь догадался очертить путь Глоба, то он получил бы ровную как стрела линию, пересекающую Французскую республику...

Только миновав Францию, Глоб решился отдохнуть. Он сдвинул в сторону сумку и отбросил в сторону посох, плоские, как и все предметы, которыми пользовались мирлены, — плоские существа. Спина гудела от усталости. Хорошо бы вздремнуть, но Глоб опасался погони. После короткого привала он снова двинулся в путь.

Идти теперь было труднее: почва стала неровной. Она дыбилась клочьями, словно в первый день творения. На клочках Глоб еле-еле мог прочесть странные надписи, которых доселе не читал еще ни один мирлен. Для этого ему пришлось напрячь до предела свое световое пятно.

Неожиданно страшное существо преградило Глобу путь. В слабом свете пятна оно показалось Глобу огромным. На равнине, где жили мирлены, таких не водилось. Властелин черной пустыни двигался не спеша. Его суставчатые конечности перемещались, словно на шарнирах. Мохнатое тело колыхалось в такт шагам. За зверем тянулся толстый трос. Глоб успел заметить в свете пятна, как трос блеснул, словно серебряный.

Долго Глоб пребывал в оцепенении, прежде чем решился двинуться дальше. Стараясь наверстать упущенное, он двигался теперь со скоростью часовой стрелки.

Время шло, Глоб продвигался вперед, и вот вокруг начало светлеть. Нет, это не был тот свет,

который был сверкающей струей из священного отверстия над резиденцией Верховного Мирлена. Не был это и полусвет, характерный для Лондона и его окрестностей. Нет, это был совсем слабый, какой-то неопределенный свет, скорее угадываемый, чем видимый. Но силы Глоба были на исходе. Каждый миллиметр давался ему с огромным трудом. Глоб миновал полюс — странную точку, из которой во все стороны исходил пучок разбегающихся линий. А вокруг все светлело...

Когда Глоб дотащился до сырого пятна близ Лондона, он удивился, увидев огромную толпу мирленов, которая его приветствовала восторженными криками. Правда, шапки вверх не летели — по двум причинам: во-первых, никакой предмет не мог подняться над поверхностью — ведь мир, в котором жили мирлены, был плоским; во-вторых, мирлены не носили шапок.

— Слава Глобу! — звучало над серой равниной.

— Он доказал, что мир наш круглый!

— Мир замкнут в себе! — надрывался Харон.

Один за другим к импровизированной плоской трибуне подползали ораторы, воздавая должное храбрецу.

Глоб скромно стоял в сторонке. И никто не заметил, как к нему протолкались два мирлена — два серых пятна, неотличимые от других, и куда-то уволокли героя.

Веселье близ Лондона продолжало идти своим чередом, между тем как Глоб предстал пред светлым оком Верховного.

— Ты подрыватель основ! — загремел Ага Сфер, так что придворные вздрогнули.

— Я ничего не выдумал... — начал Глоб, но ему не дали договорить.

Глоба приговорили к сожжению на священном огне. И вскоре на берегу Ла-Манша затлел костер, дым от которого стлался над самой почвой, не смея подняться вверх: костер, как и все остальное здесь, принадлежал к плоскому миру...

* * *

Затхлый чулан встретил старого географа и его соседа полумраком. Узкий дневной луч, пробивавшийся сквозь щель в стене, рассекал тьму надвое.

Натыкаясь на разные предметы и вполголоса чертыхаясь, учитель бродил из угла в угол.

— Вот ты где, голубчик! — вдруг воскликнул он, остановившись. — Стоишь, можно сказать, на самом виду, а мы тебя никак не сыщем.

У ног учителя на полу стоял старый запыленный глобус. Луч света, падавший на глянцевитый бок, освещал пятно порыжевшей, выцветшей от времени Нормандии.

Учитель толкнул глобус, и тот, скрипя, повернулся вокруг земной оси. Потревоженный паук юркнул во тьму, таща за собой серебристую нить.

— Пожалуйста! — сказал учитель.

Сосед поднял глобус и с сомнением покачал головой.

— Уж больно он тово... — сказал сосед... — Где Европа, где Америка — не разберешь. И потом весь в каких-то сырых пятнах, смотрите. И чего-то вроде горелым пахнет... Тлеет, что ли?

— Выдумываете ерунду, — обиделся учитель. — Прекрасный глобус. Сорок лет служил мне верой и правдой. И внуку вашему пригодится. Берите, берите. Оклейте контурной картой — и будет как новый. А вообще ему место в музее: наносить-то на него больше нечего. Эпоха великих открытий миновала...

охотничья экспедиция

Михаил Пухов

Стадо отдыхало в тени крупной планеты земного типа, когда группа ракет выскочила из-за горизонта, следуя повороту орбиты. Они шли на бреющем полете, продираясь сквозь верхнюю атмосферу, а потом уходили ввысь, сбросив легкие капсулы «гарпий». Те делали остальное.

— Так, — сказал коммодор.

Стены командного отсека флагманского корабля сплошь свети-

лись экранами. Передатчики были разбросаны по всем кораблям эскадры, и нити радиосвязи сходились на борту флагмана.

— Еще немножко, — сказал коммодор.

В экранах была планета. Круглая, крупная, опутанная сетью прицельных линий, она удалялась и приближалась, вырастала и уменьшалась, была темным неясным пятнышком, острым серебристым серпом, громадным дымящимся шаром во весь экран. В темноте на ночной стороне, прикрытые облачной оболочкой, быстрые искры «гарпий» продвигались вперед.

— Кажется, проскочили, — сказал коммодор.

Другие экраны показывали вид снизу, сквозь вьющуюся пелену облаков. Все мешалось и перемещалось в путаных вихрях верхней атмосферы — мутные тучи, рваный туман, а иногда откуда-то выскакивал кусочек звездного неба. «Гарпии» выходили на цель.

— Возьмите зеркало, — сказал инспектор. — На вас неприятно смотреть. Вы сейчас как какой-нибудь полководец.

«Гарпии» выходили на цель. Они подкрались к ней снизу, под дымовой завесой облаков, и теперь задирали хищные клювы, устремляясь все выше и выше — в зенит, вверх по перпендикуляру.

— Полководец, — сказал коммодор. — Поймите, наконец, что нашими услугами пользуются все колонии в оккупированной зоне Галактики. Это же понятно. Корабли нужны всем, а живой транспорт гораздо дешевле обыкновенных звездолетов.

— Слушать вас тоже неприятно, — сказал инспектор. — Колонии, оккупация...

По стаду прошло волнение. Сторожевые самцы подали тревожный сигнал, тотчас усиленный общим радиокриком. Еще секунда — и стадо бросилось врассыпную. Но было уже поздно...

— Почему не называть вещи своими именами? — сказал коммодор.

* * *

— Гуманисты, — сказал коммодор. — Если бы не вы, мы были бы уже дома.

Они сидели друг против друга, но думали об одном.

Инспектор ждал Землю. Ведь Земля — это его восемьдесят килограммов, упирающиеся ногами в настоящую, твердую почву. Земля — это нежное небо вместо безбрежной, но душной бездны, это свободный простор вместо тесной, интересной работы, без всяких проверок и инспекций. На Земле он переставал быть инспектором и стремился теперь туда, чтобы заняться делом.

Коммодор тоже думал о Земле, но по-своему. На Земле его ждал трибунал.

— Общество защиты животных, — сказал коммодор. — Вот что такое ваше управление. Обыкновенное Общество защиты животных.

— А вы самый обыкиовенный преступник, — сказал инспектор.

Они былн все там же, на флагманском корабле эскадры, но сама эскадра находилась уже совсем в другом месте. Охота давио закончилась, н корабли шли походным порядком, направляя стадо лучамн гипнотизаторов, чтобы оно не сбивалось с курса, нацеленного иа желтый растущнй диск.

Эскадра входила сейчас в солнечную систему. Это ниспектор прнказал, чтобы она следовала сюда.

— Я охотник, — сказал коммодор. — Я всю жнзнь занимаюсь этой работой, я ее люблю и неплохо аыполняю. И вдруг я узнаю, что это преступление, что охоты иадо стыдннться...

— Так оно и есть, — сказал инспектор.

— Я уэнаю, что мой личный состав арестоваи, имущество конфисковаио, и все мы направляемся к Земле иеизвестно зачем.

— Известио зачем, — сказал инспектор.

— Мои люди здорово поработали. Мы возвращаемся с богатой добычей. Мы взялн вожака, а это еще ннкому не удавалось.

— Я вас поздравляю.

— Мы возвращаемся без потерь.

— Я вам сочувствую.

Они помолчали.

— Нет, — сказал коммодор. — Вы землянин, и вы этого не поймете. Вы верите в то, что говорите.

— Это входит в мои обязанности.

— Хорошие же у вас обязанностн, — сказал коммодор. — Вместо того чтобы работать, как все, вы носитесь по вселенной в поисках людей, совершающнх нечто, с вашей точки зрення, противозакониое. То есть тех, кто как раз н делает настоящее дело.

— Прнтом уголовное, — сказал ннспектор.

— Вы гоняетесь за настоящнмн ребятамн, которые здесь, в этом чуждом иам мире, повторяют подвиг предков, приручнвших волка и оседлавшнх дикую лошадь, вы преследуете парней, которые снабжают космнческнм траиспортом всю Галактнку. Между прочим, рискуя при этом жизнью.

— Гангстеры рисковали не меньше, — сказал инспектор.

— Прнчина может быть лишь одна — кое-кто на Земле стремится укрепнть вашу монополию в производстве космических средств переданжения. Для этого вы и стараетесь. Вот такие у аас обязанности, инспектор.

— Слушайте, аы, — сказал ннспектор. — Перестаньте разводнть демагогню. Вы сами прекрасно понимаете, что это было омерзнтельно. Вся ваша так называемая охота. Как вы стреляли в иих саоими грязными электродамн и подчиняли себе только что свободные существа.

— Но это не люди. Это всего-иавсего жнвотные.

— Вы напрасно притворяетесь, — сказал инспектор.

— Сейчас вы снова будете рассказывать о том, что астробиологи не дали отрицательного ответа на ваш запрос. Но они не дали и положительного!

— Перестаньте разводить демагогию, — сказал инспектор.

— Это не демагогия, инспектор. Но вы землянин, и вы этого не поймете. Вы забыли, что такое лишения, что такое нехватка энергии. Если вам нужен звездолет — вы берете его напрокат. В колониях все по-другому. Вы напрасно забываете это.

— Разумеется, — сказал инспектор. Он действительно что-то забыл. — Вы-то ничего не забываете.

— Да, — сказал коммодор. — Именно поэтому мы снабжаем космическим транспортом чуть ли не всю Галактику. Как устроен этот транспорт, неважно. Важно то, что он дешевле и лучше всего, когда-либо созданного человеком. Важно то, что сейчас самая маленькая колония может самостоятельно исследовать вселенную и что единственное техническое оборудование, которое ей при этом требуется, — это портативная взлетно-посадочная капсула. Этого мы не забываем, и никакой трибунал не заставит нас забыть это!

Инспектор молчал. Что-то произошло. Кажется, он должен был что-то вспомнить.

— Вы попали к нам слишком поздно, инспектор. Вам следовало оказаться здесь раньше, когда эта охота носила менее условный характер. Когда в колониях царил не энергетический, а обыкновенный голод. Когда нужны были не ракеты, а котлеты. Вы на Земле очень гуманны. Но вы не знаете, как хорошо, когда все сыты. Вы никогда не узнаете, что означала тонна настоящего животного жира в те времена, когда в колониях не было пищевых синтезаторов. Зато вы можете представить себе, сколько такого жира дает животное размером с астероид. Вы спрашивали меня, инспектор, для чего это у нас такие большие, просторные помещения. Очень просто — здесь разделывали туши. Да, да, инспектор, здесь разделывали туши, здесь реками текла кровь и т. д. и т. п.; и конечно, это омерзительно с точки зрения вашего дешевого гуманизма, но если бы на нашем месте были вы — вы бы делали то же самое!

Инспектор молчал. Он вспомнил.

— Теперь вы говорите, что, возможно, это разум. По-моему, это не так. Доказательств у вас нет, и поэтому я вам не верю. Но допустим — вы правы. Пусть это действительно разум. Природа, создавая сознание, имела вполне определенную цель — познавать самое себя. Эти существа не могут делать это самостоятельно. Они идеально приспособлены для изучения космического пространства, но не планет. И они

должны прибегнуть к нашей помощи, потому что мы, со своей стороны, хорошо приспособлены для исследования планет, но не умеем передвигаться в пространстве. В результате по чьей-либо инициативе должно возникнуть сотрудничество между нами. Наша организацня проявляет такую инициативу. И если они действнтельно разумны — повторяю, сам я в это не верю, — то онн должны мириться с нашей деятельностью. Более того, они должны ее приветствовать.

— Вероятно, вы правы, — сназал инспентор. Минуту назад он сказал бы другое, но сейчас ему было безразлично. Он что-то забыл и должен был это вспомннть: — Так оно н есть, — сназал он. Ему было все равно, что сназать. — Сотрудничество. Раньше я не задумывался над этим.

— Видите, — сназал номмодор. — Накоиец-то вы понялн.

— Да, — сназал инспентор.

Это было не главное. Главиое он забыл.

— Это все вздор, — сназал он. — Давайте поговорим о другом.

— Согласен, — сказал номмодор. — Все это гроша ломаного ие стонт.

Онн помолчалн.

— Извнннте меня, — сназал номмодор. — Просто я ное-что забыл. Сейчас я это вспомню, и мы вернемся н нашей беседе.

Он замолчал. Вскоре тишина стала невыносимой.

— Говорнте о чем-нибудь, — попроснл ннспектор. — Тан мне легче вспоминать.

— Согласен, — сназал коммодор. — Поговорим о Земле. Вероятно, я там останусь навсегда. Вряд лн после вашего трибунала меня снова потянет в пространство. Нет. Я найду себе хорошую девушку, женюсь и поселюсь гденибудь в деревне. На носмос я плюну. Вам я советую сделать то же самое.

Инспектор молчал. Это его не интересовало. Космос — прекрасно, плюнем иа носмос.

И вдруг он вспомнил.

— Нет, — сназал он серьезно. — На носмос плевать нельзя.

— Ах да! — сказал коммодор. — Космос нам еще пригодится.

Инопектор вспомннл еще одну вещь. Странно, что он не вспомннл этого сразу.

— Людн, — норотко сназал ои.

— Черт! — сказал номмодор. — Про них я тоже забыл. Давайте пойдем в пассажнрснне пнлоты, переделаем мой норабль в лайиер и будем натать нх по всей вселенной. Очень хорошо, что вы это вспомннлн.

— Да, — согласился инспентор. Теперь, нажется, все. Он посмотрел на энран. В сетне прнцельных линий вырастала Земля. Кораблн шли по-прежнему строем; рядом двигалось стадо, связанное невндимымн лучамн. Еще немного — и эснадра, окончательно за-

медлив скорость, выйдет на земную орбиту.

— Выходим на финиш, — сказал коммодор. — Наконец-то!

— Ой! — сказал инспектор. Он снова вспомнил. — Оружие!

— Гениально! — сказал коммодор. — Просто удивительно, как это у вас получается. А я все забыл, старый дурак. Оружие — это то, что надо.

Он наклонился к микрофону.

— Всем членам экспедиции немедленно получить личное оружие у командиров экипажей.

Инспектор гордо засмеялся. Еще бы! Очень хорошо, что он это вспомнил. Люди, космос и оружие! Коммодор прав — это именно то, что нужно. Лететь осталось совсем немного, и они вполне могли бы забыть об этом.

О том, как тесно на Земле людям. Как там душно, какой там близкий горизонт, большая тяжесть и отвратительное голубое небо. О том, как много людей обречены всю жизнь заниматься скучной, неинтересной работой, вместо того чтобы выполнять свое прямое предназначение — исследовать планеты Галактики. Подумать только, еще немного — и сотни тысяч людей никогда в жизни не увидали бы черного неба вселенной!

Инспектор зажмурился от удовольствия. Он ясно представил себе, как, пламенея на солнце, расправившись, сделав букашками небоскребы, гордо высится в центре города флагман эскадры, превращенный в пассажирский лайнер, приглашая желающих в свои большие, просторные помещения.

Возможно, не все захотят этого — ведь люди так ограниченны. Но он, инспектор, вспомнил абсолютно все, и коммодор уже отдал соответствующий приказ.

Инспектор был твердо уверен, что это всегда было его самым сокровенным желанием — стоять рядом с другими, упираясь ногами в землю, с оружием наперевес и делать то, что он будет делать. Но он не знал, кто внушил ему это.

Он не знал, что он уже не ведущий, а ведомый, не господин, а раб, не член Общества по охране животных, а животное, которое охраняют.

Не знал, что есть разум, равный по жестокости человеческому. Что стадо, которое они вели к Земле, стало стаей, летящей на Землю.

жук

Владимир Щербаков

Нужно было возвращаться в город. Потому что солнце уже покраснело и по траве поползли длинные прохладные тени. Красотки еще хлопали синими крыльями, но самые маленькие стрекозы-стрелки уже спрятались, исчезли.

Мы с Алькой прошли за день километров пять по берегу ручья и поймали жука. Теперь Алька то и дело подносил кулак к уху —

слушал. Жук скрежетал лапками и крыльями, пытаясь освободиться. Час назад он сидел на пеньке, задремав на солнышке, и Алька накрыл его ладошкой. Но никогда в жизни не видел я таких жуков! Полированные надкрылья светятся, как сталь на солнце, лапы — словно шарниры, усы — настоящие антенны.

— Знаешь, это совсем не жук, — сказал Алька серьезно.

— Да, мне тоже так кажется, — сказал я, безоговорочно принимая условия игры.

Но я слишком быстро и охотно это сделал. Альку не проведешь — хитрюга, в мать.

— Я серьезно, а ты... — Он не закончил. Замолчал, замкнулся.

Дети — маленькие мудрецы, все чувства на лице, зато мыслей не прочтешь.

Мы медленно шли к дому вдоль ручья с цветными керосиновыми пятнами, мимо куч щебня и цемента, заборов и складов товарной станции. Мы перешли железнодорожное полотно, деревянный мостик через канаву, на дне которой валялись так хорошо знакомые нам старые автомобильные баллоны, ржавые листы металла и смятая железная бочка. Лесопарк уступал место городу постепенно. И эта ничейная земля нравилась и Альке и мне. Отсюда до дому рукой подать. Мы всегда останавливались на мостике, словно ждали чего-то. Издалека доносился гул, стучали колеса поездов, раздавались гудки. Над полотном дрожали фиолетовые и красные огоньки. Такие дни очень похожи друг на друга.

— Жук стал теплым, — сказал вдруг Алька.

Я потрогал. Жук был очень теплый. Алька объяснил:

— Я читал книгу про марсиан. Они, как кузнечики, сухие, с длинными ногами. Или как жуки.

— Это фантазия, — сказал я. — Никто не знает.

— Фантазия всегда сбывается. Разве ты не знаешь?

* * *

...В моих руках стеклянная банка, и мы внимательно рассматриваем ее. Вечером Алька посадил туда жука, накрыл банку чайным блюдцем, поставил на окно.

Мы молчим, хотя Алька мог бы повторить, что он говорил по дороге домой. Но теперь мы знаем, что все это очень серьезно. Банка пуста, за ночь в ней появилось отверстие с ровными оплавленными краями. С полтинник, не больше. Мы оба понимаем, что ждать продолжения этой истории придется, вероятно, очень и очень долго...

хоккеисты

Кирилл Булычев

Разинцу между диeм и ночью улавливали только приборы. Для иас серое ничто не меиялось. В любое время длнnных, пятнде-сятнчасовых суток человека, выбравшегося из тамбура «пузыря», встречалн все те же фиолетовые облака, чериое переплетенне мертвого леса да редкне снежиинкн — они всегда носнлись в воздухе, как комары.

Это была самая настоящая зн-

мовка. Хуже полярной, потому что выйти без скафандра нельзя, хуже полярной, потому что ближайшее человеческое жилье — наш «Зенит» — месяц назад ушло к соседней системе и вернется только через два месяца, через шестьдесят наших или двадцать девять местных дней.

Мы ждали, пока кончится зима. Оставалось еще недели две. Планета крутилась вокруг своей звезды по сильно вытянутому эллипсу; и зимой, когда она далеко уходила от звезды, смерзались облака и падали на поверхность сплошным ковром. И, разумеется, на ней все умирало. Или засыпало.

Когда нас высаживали, мы подсчитали, что еще недели две — и придет свет: облака должны растопиться, занять соответствующее место, и на планете наступит лето. Мы не отходили далеко от «пузыря». Пурга и замерзший лес окружали нас. Это не значит, что мы ничего не делали. Конечно, мы были заняты и узнали немало, но все-таки это была зимовка, и Толя Гусев решил сделать хоккей.

Есть такая древняя детская игра, которая больше всего интересует детей в возрасте от двадцати пяти и выше. На большой доске прорезаны узкие пазы, в которых двигаются посаженные на штыри хоккеисты. Они гоняют шайбу, а игроки, то есть дети, управляющие ими, должны быстро и точно двигать взад и вперед прутьями, на концах которых вертятся хоккеисты.

Толя Гусев делал игру уже вторую неделю, и мы все принимали в этом самое активное участие. В основном мы советовали и доставали материалы. Вы не можете себе представить, как трудно достать нужные для детской игры вещи в «пузыре», рассчитанном на шестерых разведчиков и один вездеход. Как назло, не сбросили ничего лишнего. Доставание материалов превратилось в азартный спорт, иногда опасный для дальнейшего существования группы. И Глеб Бауэр, наш командир, каждый вечер, сидя в углу за шахматами, не спускал глаз с добровольных помощников лохматого Гусева.

Дно и бортики мы соорудили из пустых канистр. Прутья-поводки — из стального троса (Глеб сильно возражал). Кое-какие детали — винтики, скобы поводков и так далее — мы извлекли из кинопроектора. Он нам был не очень нужен, потому что запас картин, привезенный на планету, мы просмотрели по три раза в первые же дни. Глеб устроил нам крупный скандал, когда пропали кое-какие не очень важные детали поляризационного микроскопа. Мы их вернули. Зато уговорили его пожертвовать ради коллектива хорошей пластиковой обложкой большого журнала наблюдений. Ведь в конце концов не на обложке же мы запечатлевали наши великие открытия! В глубине ду-

ши Глебу тоже хотелось, чтобы хоккей был готов, и он согласился.

Толя Гусев, худющий и растрепанный, разрешал звать себя народным умельцем, и кто-то пустил слух, что он еще на Земле, в университете, за каких-нибудь три года вырезал на рисовом зернышке полный текст «Трех мушкетеров» с иллюстрациями Доре. И до сих пор студенты читают это зернышко, пользуясь небольшим электронным микроскопом.

И вот наступил день, когда хоккейное поле было готово. Оставалось сделать игроков. Игроков было сделать не из чего. Вот-вот наступит рассвет, и хотя мы были очень заняты подготовкой к первой большой экспедиции, хоккейный азарт не ослабевал. Глеб сам предложил вырезать хоккеистов из шахматных фигурок, но мы, оценив его жертву, отказались, потому что фигурки были пластиковыми и притом слишком маленькими для хоккея.

На столе у Варпета лежал кусочек местного дерева. Он безуспешно пытался вернуть его к жизни, вырвать из зимней спячки и потому подвергал всяким облучениям и химвоздействиям.

— Дай попробую, как его нож берет, — сказал Толя.

— Оно мягкое, — ответил Варпет. — Только стоит посоветоваться с Глебом.

Глеб повертел щепку в руках.

— Там, у резервного тамбура, есть большой сук, отвалился, когда устанавливали «пузырь». Отпили кусок и работай, — сказал он.

— Я как раз собирался из него портсигар вырезать, — сказал я. — На мою долю тоже отпили.

Древесина была теплого розоватого цвета, и портсигар должен был получиться красивым, главное — совершенно неповторимым.

Мы с Гусевым надели скафандры и вышли в ночь.

Лес, густой до невозможности, подходил почти к самому «пузырю». На ветвистых узловатых сучьях не было листьев, от холода деревья стали хрупкими; и если ударить по суку посильнее, он отламывался с легким звоном. Но мы не ломали леса, — мы не были хозяевами на этой планете, мы еще с ней не познакомились.

— Представляешь, — сказал Гусев, поднимая за один конец тяжелый толстый сук, — весной все это расцветет, распустятся листья, защебечут птицы...

— Или не защебечут, — сказал я. — Может, здесь птиц нет.

— Я думаю, что должны быть. Только они на зиму зарывают яйца в землю, а сами вымирают. И звери есть, они закапываются в норы.

— Тебе хочется, чтобы все было, как у нас?

— Да, — сказал Гусев. — Заноси тот конец к двери.

Мы помогали Толе Гусеву вырезать хоккеистов. Мы делали заготовки — чурбашки. Одни, побольше, для тела и одни, поменьше, для вытянутой вперед руки

с клюшкой. Дерево было податливым и вязким. Оно оттаяло в тепле, хотя Варпет так и не обнаружил в нем признаков жизни. Я сделал заодно себе портсигар. Он получился не очень элегантным, но крепким и необычным.

Наконец человечки были готовы. Мы раскрасили их. Одних одели в синюю форму, других — в красную. Хоккеисты размером с указательный палец. Гусев высверлил в них отверстия для штырей. Работа эта закончилась поздно ночью — нашей ночью, земной, мы продолжали жить по земному календарю.

Мы поставили хоккеистов на места и положили деревянную шайбу на центр поля. Глеб свистнул — и началась игра. Хоккеисты бестолково, но послушно вертелись, размахивая клюшками, шайба как угорелая носилась по полю и не шла в ворота.

— Научитесь, — сказал Варпет.

Я играл против Гусева, и шайба остановилась перед моим нападающим. Я осторожно повернул его вокруг оси, чтобы шайба попала под клюшку, и резко вертанул прут. Хоккеист — фюйть! — ударил по шайбе, и она полетела в ворота, но не долетела, потому что гусевский вратарь вдруг сделал невозможное, — вытянулся вперед и перехватил клюшкой шайбу, но и шайба увернулась от него и понеслась в сторону, к другому игроку, который стоял до этого в полной неподвижности, потому что я и не думал браться за его прут. Но и тот игрок задвигался; причем при этом странно вытянулся и, нагнувшись, потянулся к шайбе. В тот же момент все хоккеисты пришли в движение. Они будто взбесились, будто ожили. Они дергались, вертелись на своих штырях, вытягивались, цепляли друг друга клюшками; движения их были бестолковы, но быстры и энергичны.

Мы с Гусевым бросили прутья и инстинктивно отодвинулись от доски. Ничего сказать не успели. Раньше нас сказал Глеб, который в это время смотрел в иллюминатор.

— Пришла весна, — сказал он.

За иллюминатором оживал лес. На глазах таявшие облака изменяли его цвет, и он уже не был темным, он был разноцветным — каждый ствол переливался бешеными яркими красками. В просвете туч появилось «солнце»; и лучи его, падая на лес, вызывали в нем пароксизмы деятельности. Сучья трепетали, дергались, изгибались, переплетались, танцевали; и казалось, деревья вот-вот вырвутся с корнями и пойдут в пляс. Каждая частица, стосковавшаяся по «солнцу», — а ведь наши хоккеисты тоже были частицами деревьев, — встречала «солнце».

На время мы забыли о хоккеистах. Мы столпились у иллюминатора. Пораженные, мы любовались красками и движениями леса, хотя и понимали, как труд-

но будет изучать эту дикую, стремительную жизнь, как трудно будет пройти эти леса.

А когда мы снова обернулись к хоккейному полю, то увидели, что шайба залетела в правые ворота, а деревянные человечки, сплетясь в кучу, отчаянно сражаются клюшкамн. Хотя это, наверное, нам показалось. Просто растнтельная энергия случайно прнняла такую странную форму.

— Давайте свнсток и удаляйте всех с поля, — сказал Глеб. — Нам придется посовещаться...

Прошлое, которое с нами

IV

Итак, впервые появляется в печатн иаучио-фантастнческая повесть Аидрея Платоиова «Эфнрный тракт». Продолжается открытне чнтателями большого русского пнсателя. Пнсателя, которого называл в числе своих учителей Эрнест Хемннгуэй. Каждый год выходят в свет новые его рассказы, повести, сценарни.

Что удивительиого, если писатель-иефаитаст пишет «вдруг» фантастическую повесть? Это случалось уже н с Марком Твеном («Янкн прн дворе короля Артура»), н со Львом Никулиным («Тайна сейфа») н с Владнмиром Тендряковым («Дорога длнною в век») и с Ги де Мопассаном («Орля»). А у Андрея Платоиова к 1927 году, когда он взялся за свой «Эфирный тракт», был уже опублнковаи по крайней мере однн бесспорно научно-фантастическнй рассказ — «Луиная бомба».

Будущее для Андрея Платонова прямо вытекает нз настоящего. Он «ставит» во главе Советского правнтельства комсомольского вожака двадцатых годов. Герон писателя используют открытия доподлнниой научиой экспедиции доподлннного академика Лазарева н ездят в электромобнлях, созданных доподлиииым леииибградским академнком Иоффе.

Но печать эпохи отчетливее всего вндиа не в зтих мелких деталях. Аидрей Платонов затрагивает проблемы, очень тревожившне нашу

литературу двадцатых годов, проблемы организацин сотрудиичества между интеллигенцней и пролетариатом, проблемы создания рабоче-крестьяиской интеллнгенции. В этом смысле, бесспорно, «Эфириый тракт» — важный памятник своего времеии.

И, как всегда у Платоиова, в цеитре его вниманиия — неповторимые, цельные, глубокие человеческие личиости. И конечно, талант писателя прежде всего виден в том, что повесть иитересио читать и сегодия.

Интересио! Хотя ее главная научиая идея успела, увы, безиадежио устареть. Электроны в роли жнвых существ — для сегодияшних физиков это звучнт смешио. (Впрочем, разве не смешна для сегодняшних геологов мысль о возможности пройтн под землей от Этны до Везувия? А сколько раз и на скольких языках издавалось жюльверновское «Путешествие к центру Земли»!) Зато миожество другнх иаучно-фаитастнческнх ндей Андрея Платонова н сегодня оказываются более чем злободневиыми. Техника без машин! — до такого взлета фантазин ие додумывалнсь даже самые решнтельные сторонинкн телекниеза.

Точно так же они если и додумались, то лишь совсем иедавио, до возможности управлять «силой воли» движеинем звезд. Открытие же древних цивнлнзацнй по сию пору остается любнмым занятнем фантастов.

Но ие самн по себе фантастические идеи, как бы интересиы онн ни былн, дают повести «Эфнриый тракт» право на литературиое воскрешеиие. Автор вывел здесь по-иастоящему живых людей двадцатых годов, развернул своеобразную картину прошлого и будущего нашей Роднны, дал образцы сжатого и точного стиля в описанни самых невероятных событнй.

Теперь без «Эфнрного тракта» уже иельзя будет представить общую картнну развнтня советской фантастики. Альманах «Фантастика 1967» ставит на место случайно выпавшее из цепи звеио. Очень важное звено!

Эфирный тракт

Андрей Платонов

I

Проснувшись в пять часов утра в своей московской квартире, Фаддей Кириллович почувствовал раздражение. Тусклый свет горел в комнате, и где-то визжали толстые крысы.

Сон больше не придет. Фаддей Кириллович надел жилетку и уселся, раскачивая очумелый мозг. Он лег в час, еле добравшись до постели, и не вовремя проснулся.

«Ну-с, Фаддей Кириллович, махнем снова, — сказал он самому себе, — микробы усталости могут успокоиться: я им пощады все равно не дам!»

Он воткнул перо в чернильницу, вытянул дохлую муху и рассмеялся: «Это же, понимаете, мухоловка! И у меня все так, милые граждане: перо тычет, а не скользит, чернила — вода, бумага — рогожа! Это удивительно, господа!..»

Фаддей Кириллович всегда представлял свою комнату населенной немыми, но внимательными собеседниками. Мало того, такие вещи он безрассудно принимал за живые существа, и притом похожие на самого себя.

Раз, мрачно утомившись, он обмакнул в чернила перо, положил его на недописанный лист бумаги и сказал: «Заканчивай, заноза!» А сам лег спать.

Одиночество, заглушенность души, сырость и полутьма квартиры превратили Фаддея Кирилловича в пожилого нерачительного субъекта с житейски неразвитым мозгом.

Работал Фаддей Кириллович бормоча, вслух перебирая возможные варианты стиля и содержания излагаемого.

— Поспешим, Фаддей! Поспешим...

Несомненно одно, что... что как только почва даст вместо сорока пятьсот пудов на десятину и что... если железо начнет размножаться, то... эти — как их? — женщины и ихние мужья сразу возьмут и нарожают столько детей, что не хватит опять ни хлеба, ни железа и настанет бедность. Довольно бормотать, ты мне мешаешь, дурак!..

Выругав этак себя, Фаддей Кириллович притих и усердно занялся работой, выводя аккуратные значки, как на уроке чистописания.

Москва проснулась и завизжала трамваями. Изредка вольтовы дуги озаряли туман, потому что токособиратели иногда отскакивали от провода.

— Идиоты! — не выдержал Фаддей Кириллович. — До сих пор не могут поставить рациональных токособирателей: жгут провод, тратят энергию и нервируют прохожих!..

Когда окончательно рассеялся туман и засиял неожиданный торжественный день, Фаддей Кириллович протер заслезившиеся глаза и начал в злостном исступлении драть ногтями поясницу.

В это время к Фаддею Кирилловичу постучали: Мокрида Захаровна, старушка, принесла Попову завтрак и пришла убирать комнату.

— Ну как, Захаровна? Ничего там не случилось? Люди не вымерли? Светопреставление не началось еще? Погляди, спина у меня назади?..

— И что ты, батюшка, Фаддей Кириллович, говоришь? Опомнись, батюшка, — такого не бывает! Сидит-сидит, учится-учится, пере-

учится — и начинает ум за разуменье заходить! Поешь, голубчик, отдохни, ан и сердце отойдет и думы утихнут.

— Да, Захарьевна, да, Мокрида! Да, да, да! И трижды кряду — да. И еще раз — да!.. Ну, давай твою вкусную еду. Будем разводить гнилостиые бактерии в двенадцатиперстной кишке, пускай живут в тесноте!.. А ты, старушка, ступай! Мне некогда, за кастрюлями придешь вечером, тогда и комнату уберешь. Вечером я уеду.

— Ох, батюшка, Фаддей Кириллович, дюже ты чуден да привередлив стал, замучил старуху!.. Когда ожидать-то вас?

— Не жди, ступай, считай меня усопшим!

Спешно поев, Фаддей Кириллович закурил и вдруг вскочил, живой, стремительный и веселый:

— Ага, вот где ты пряталось! Вылезь, божья куколка! Души моей чучелко! Живи, моя дочка! Танцуй, Фаддей, крутись, Гаврила, колесо налево, оттормаживай исторню! Эх, моя молодость! Да здравствуют дети, невесты и влажные, красные, жадные губы! Долой Мальтуса и госпланы деторождения! Да здравствует геометрическая и гомерическая прогрессия жизни!..

Тут Фаддей Кириллович остановился и сказал:

— Пожилой субъект ты, Фаддей, а дурак! Еле догадался, а уж благодетельствовать собираешься, самолюбивая сволочь! Садись к столу, сгною тебя работой, паршивый выродок!

Усевшись, Фаддей Кириллович, однако, почувствовал страшную пустоту в мозгу, будто там ливни работы смыли всю плодоносную почву и нечем было питаться зелени его творчества.

Тогда он начал писать частное письмо:

«Профессору Штауферу, Вена.

Знаменитый коллега! Вы уже, без сомнения, забыли меня, который был Вашим учеником двадцать один год тому назад. Помните ли Вы звонкую майскую венскую ночь, когда в самом чутком воздухе была жажда научного творчества, когда мир открывался перед нами, как молодость и загадка? Помните, мы шли вчетвером по Националштрассе — Вы, два венца и я, русский рыжеватый любопытствующий молодой человек! Помните, Вы сказали, что жизнь, в физиологическом смысле, наиболее общий признак всей прощупываемой наукой вселенной. Я, по молодости, попросил разъяснений. Вы охотно ответили: атом, как известно, колония электронов, а электрон есть не только физическая категория, но также и биологическая, электрон суть микроб, то есть живое тело, и пусть целая пучина отделяет его от такого животного, как человек: принципиально это одно и то же! Я не забыл Ваших слов. Да и Вы не забыли: я читал Ваш труд, вышедший в этом году в Берлине;

«Система Менделеева как биологические категории альфа-существ». В этом блестящем труде Вы впервые осторожно, истинно научно, но уверенно доказали, что электроны одарены жизнью, что они движутся, живут и размножаются, что их изучение отныне изъемлется из физики и передается биологической дисциплине. Коллега и учитель! Я не спал три ночи после чтения Вашего труда! У Вас есть в книге фраза: «Дело техников теперь разводить железо, золото и уголь, как скотоводы разводят свиней». Я не знаю, освоена ли кем эта мысль так, как она освоена мной! Позвольте же, коллега, попросить у Вас разрешения посвятить Вашему имени свой скромный труд, всецело основанный на Ваших блестящих теоретических изысканиях и гениальных экспериментах.

Д-р Фаддей Попов.
Москва, СССР».

Запечатав в конверт письмо и рукопись под несколько ненаучным названием — «Сокрушитель адова дна», Фаддей Кириллович спешно утрамбовал чемодан книжками и отрывками рукописей, автоматически, бессознательно надел пальто и вышел на улицу.

В городе сиял электричеством ранний вечер. Круто замешанные людьми, веселые улицы дышали озабоченностью, трудным напряжением, сложной культурой и скрытым легкомыслием.

Фаддей Кириллович влез в таксомотор и объявил шоферу маршрут на далекий вокзал.

На вокзале Фаддей Кириллович купил билет до станции Ржавое. А утром он уже был на месте своего стремления.

От вокзала до города Ржавска было три версты. Фаддей Кириллович прошел их пешком, он любил русскую мертвую созерцательную природу, любил месяц октябрь, когда все неопределенно и странно, как в сочельник накануне всемирной геологической катастрофы.

Идя по улицам Ржавска, Фаддей Кириллович читал странные надписи на заборах и воротах, исполненные по трафарету: «Тара», «брутто», «Ю. З.», «болен», «на дорогу собств.», «тормоз не действ.». Оказывается, городок строился железнодорожниками и из материалов ж. д.

Наконец Фаддей Кириллович увидел надпись: «Новый Афон». Сначала он подумал, что это кусок обшивки классного вагона, потом увидел вырезанный из бумаги и наклеенный на окно чайник, заурядную личность в армяке, босиком вышедшую на двор по ясной нужде, и догадался, что это гостиница.

— Свободные номера есть? — спросил босого человека Фаддей Кириллович.

— В наличности, гражданин, в полной чистоплотности, в уюте и тепле!

— Цена?

— Рублик, рубль двадцать и пятьдесят копеек!

— Давай за полтинник!

— Пожалуйте наверх!

II

В полдень Фаддей Кириллович пошел в окружной исполком. Он попросил у председателя свидания, причем переговорить желательно вдвоем.

Председатель его тотчас же принял. Это был молодой слесарь — обыкновенное лицо, маленькие любознательные глаза, острая, хищная жажда организации всего уездного человечества, за что ему слегка попадало от облисполкома. У председателя были замечательные руки — маленькие, несмотря на его бывшую профессию, с длинными, умными пальцами, постоянно шевелящимися в нетерпении, тревоге и нервном зуде. Лицом он был спокоен всегда, но руки его отвечали на все внешние впечатления.

Узнав, что с ним желает говорить доктор физических наук, он удивился, грубо обрадовался и велел секретарю сейчас же открыть дверь, досрочно выпроводив завземотделом, пришедшего с докладом о посеве какой-то клещевины.

Фаддей Кириллович показал председателю бумаги научных институтов и секций Госплана, рекомендующих его как научного работника, и приступил к делу.

— Мое дело просто и не нуждается в доказательствах. Моя просьба обоснована и убедительна и не может быть отвергнута. Пять лет назад в вашем округе производились большие изыскания на магнитную железную руду. Вам это известно. Она обнаружена на средней глубине двухсот метров. Руду с такой глубины добывать пока экономически невыгодно. Она поэтому оставлена в покое. Я приехал сюда произвести некоторые опыты. Мне не нужно ни сотрудников, ни денег. Я только ставлю вас в известность и прошу отвести мне двадцать десятин земли — можно и неудобной. Район я еще не выбрал — об этом после, когда я вернусь из поездки по округу. Далее, чтобы вы знали, что я приехал сюда не шутить, я скажу вам: работы мои имеют целью, так сказать, подкормить руду, для того чтобы она разжирела и сама выперла на дневную поверхность земли, где мы ее можем схватить голыми руками. В исходе опытов я уверен, но пока прошу молчать. Через три дня я выберу район и вернусь к вам. Вы поняли меня и согласны мне помочь?

— Понял совершенно. Держите руку. Работайте — мы вам помощники!

В тот же день Фаддей Кириллович на подводе выехал в поле — отыскать условную высотную отметку экспедиции академика Лазарева, в районе которой магнитный железняк высовывает язык и лежит на глубине ста се-

мидесяти метров. На вторые сутки Попов нашел на бровке глухого дикого оврага чугунный столб с условной краткой надписью: «Э. М. А. 38, 168, 46.22».

Через неделю Фаддей Кириллович прибыл на это место с землемером, который должен отмежевать участок в двадцать десятин, и Михаилом Кирпичниковым.

Кирпичникова рекомендовал Фаддею Кирилловичу председатель окрисполкома, как совершенно идеологически выдержанного человека, а Попов увидел, что без помощника ему не обойтись.

Через три дня Попов и Кирпичников привезли из деревни Тыновки, что в десяти верстах, разобранную хатку и собрали ее на новом месте.

— Сколько мы здесь проживем, Фаддей Кириллович? — спросил Кирпичников Попова.

— Не менее пяти лет, дорогой друг, а скорее — лет десять. Это тебя не касается. Вообще не спрашивай меня. Можешь каждое воскресенье уходить и радоваться в своем клубе...

И пошли беспримерные дни. Кирпичников работал по двенадцати часов в сутки: покончив дела со сборкой дома, он начал рыть шахту на дне балки. Попов работал не меньше его и умело владел топором и лопатой, даром что доктор физических наук Так в глубине равнинной глухой страны, где издавна жили пахари, потомки смелых бродяг земного шара, трудились два чужих человека: один для ясной и точной цели, другой в поисках пропитания, постепенно стараясь узнать от ученого то, чего сам искал, — как случайную, нечаянную жизнь человека превратить в вечное господство над чудом вселенной.

Попов молчал постоянно. Иногда он уходил на целый день в грязные ноябрьские поля. Раз Кирпичников слушал вдали его голос — живой, поющий и полный веселой энергии. Но возвратился Попов мрачный.

В начале декабря Попов послал Кирпичникова в областной город — купить по списку книг и всяких электрических принадлежностей, приборов и инструментов.

Через неделю Кирпичников возвратился, и Фаддей Кириллович начал делать какой-то небольшой сложный прибор.

Один только раз, поздно ночью, когда Кирпичников доливал керосин в лампу, Попов обратился к нему:

— Слушай, мне скучно, Кирпичников! Скажи-ка мне, кто ты такой, есть у тебя невеста, цель жизни, тоска, что-нибудь такое? Или ты только антропоид, и тебе только нужно нажраться и сопеть?

Кирпичников сдержался.

— Нет, Фаддей Кириллович! Ничего у меня нет. Жрать и сопеть я не люблю, а хочу понять дело, которое делаете вы, но вы не говорите — это зря, я бы еще лучше работал. Я пойму, Фаддей Кириллович, честное слово!

— Оставь, оставь, ничего ты не поймешь! Ну, довольно, наговорились. Ложись спать, я поснжу еще...

III

Фаддей Кириллович отправился в свою очередную прогулку — теперь уже по замерзающим, недышащим полям. Кирпичников тесал на дворе сруб для укреплеиия шахты и вошел в хату за спичкой закурить.

Подойдя к столу, он прочитал несколько слов из того, что писал Попов ночью, и, не зажегши спички, потерял все окружающее и забыл свое имя и существование:

«Коллега и учнтель! К восьмой главе той рукописи, которую я Вам выслал для просмотра, необходимо сделать добавление:

«Из всего сказанного о природе эфира следует сделать неизбежные выводы. Еслн электрон есть микроб, то есть биологический феномен, то эфир (то, что я назвал выше «генеральным телом») есть кладбище электронов. Эфир есть механическая масса умерщвлеииых нли умерших электроиов. Эфнр — это крошево трупов микробов-электронов. С другой стороны, эфир ие только кладбнще электронов, но также матерь их жизни, так как мертвые электроиы служат единственной пищей электроиам живым. Электроны едят трупы своих предков.

Несовпадение длительности жизии электрона н человека делает иеобычайио трудиым иаблюдение за жнзнью этнх, пользуясь Вашей терминологией, альфа-существ. Имеиио, время жизни электрона должно исчисляться цнфрой пятьдесят-сто тысяч земиых лет, то есть значительио продолжительней жизни человека. Между тем число физиологических процессов в теле злектроиа, как у более примитивного существа, значительно меиьше, чем у человека — высокоорганизованного тела. Следовательно, каждый физиологический процесс в организме электрона протекает с такой ужасающей медленностью, что устраияет возможность непосредственного наблюдеиия этого процесса даже в самый чувствительиый прибор. Это обстоятельство делает природу в глазах человека мертвой. Это страшное разнообразие времен жизни для различных категорий существ суть причина трагедии природы. Одно существо век чувствует как целую эру, другое — как миг. Это «миожество времеи» — самая толстая н несокрушимая стеиа меж живыми, которую с трудом начинает разрушать тяжелая артиллерия человеческой науки. Наука объектнвио играет роль морального фактора: трагедию жизни она превращает в лирику, потому что сближает в братстве принципиального единства жизни такие существа, как человек и электрон.

Но все же можно ускорить жнзнь электрона, если смягчить те явления, которые обусловили длительность его жизни. Необхо-

димо предварительное разъяснение. Эфир, как установлено наукой, необычайно инертная, нереагирующая, лишенная основных свойств материи сфера. Такая иеощутимость и экспериментальная непознаваемость эфира объясняется тем, что «подобное познается подобным», а нет большего неподобия, чем человек и залежи трупов электронов, то есть эфир. Может быть, именно поэтому эфир «лишен» свойств материи, ибо между человеком и живым микробом-электроном, с одной стороны, и эфиром — с другой, есть принципиальное различие: первые живы, второй мертв. Я хочу сказать, что «непознаваемость» эфира скорее психологическая, чем физическая задача.

Эфир, на правах «кладбища», не обладает никакой внутренней активностью. Поэтому те существа (микробы-электроны), которые им питаются, обречены на вечный голод. Питание их обеспечивается подгонкой свежих эфирных масс за счет посторонних случайных сил. В этом причина замедленности жизни электронов. Интенсивная жизнь для них невозможна: слишком замедлен приток питательных веществ. Это и вызвало замедление физиологических процессов в телах электронов.

Очевидно, ускорение подачи питания должно увеличить темп жизни электронов и вызвать их усиленное размножение. Существующая замедленность физиологических актов легко превратится

при благоприятных условиях питания в бешеный темп, ибо электрон — существо примитивно организованное, и биологические реформы в нем чрезвычайно легки.

Следовательно, одно изменение условий питания должно вызвать такую интенсивность всех жизненных отправлений электрона (в том числе и размножения), что жизнь этих существ станет легко наблюдаемой. Конечно, такая интенсивность жизни будет идти за счет сокращения продолжительности жизни электрона.

Вся загадка в том, чтобы уменьшить разницу во времени жизни человека и электрона. Тогда электрон начнет продуцировать с такой силой, что его может эксплуатировать человек.

Но как вызвать свободный и усиленный приток питательного эфира к электронам? Как технически создать «эфирный тракт» — дорогу эфиру?..

Решение просто — электромагнитное русло...»

На этом рукопись Попова обрывалась. Он ее еще не закончил. Кирпичников слова не все понял, но всю сокровенную идею Попова ухватил.

Фаддей Кириллович вернулся поздно. Тотчас же он лег спать. Кирпичников посидел еще немного, почитал книжку «Об устройстве шахтных колодцев» и ничего в ней не понял.

Есть мысли, которые сами собой ведут человека и командуют

его головой, хочет он этого или нет — все едино. Спать еще не хотелось. Было душно и тревожно. Попов храпел и стонал во сне.

Кирпичников вышел во двор, ухватил бревно и зашвырнул его в лог, как палку. Потом заскрипел зубами, застонал, вонзил топор в порог и улыбнулся. На дворе стояло одно дерево — лоза. Кирпичников подошел, обнял дерево — и их закачало обоих ночным ветром.

IV

Когда ели утром жареный картофель, Фаддей Кириллович вдруг бросил есть и встал, веселый, полный надежды и хищной радости.

— Эх, земля! Не будь мне домом — несись кораблем небес!

В смешном исступлении крикнул Попов эти неожиданные слова и сам оторопел.

— Кирпичников, — обратился Фаддей Кириллович, — скажи: ты вошь, ублюдок или мореплаватель? Ответь, обыватель, на корабле мы или в хате? Ага, на корабле — тогда держи руль свинцовыми руками, а не плачь на завалинке! Замолчи, сверчок! Мне известен курс и местоположение... Жуй и — на вахту!..

Кирпичников молчал. Попов болел малярией, бормотал во сне несбыточное, днем лютая злость в нем мгновенно переходила в смех. Работа головы высасывала из него всю кровь, и его истощенное тело вышло из равновесия и легко колебалось настроениями. Кирпичников это знал и смутно беспокоился за него.

Одиночество, затерянность в несчетных полях и устремленность к одной цели еще более расшатали душевный порядок Попова, и с ним было тяжело работать.

Так прошел месяц или два. Фаддей Кириллович работал все меньше и меньше. Наконец 25 января он совсем не поднялся утром и только сказал:

— Кирпичников, вычисть хату и убирайся вон — я задумался!

Устроив домашние дела, Кирпичников вышел.

Степь пылала снегом — шла вьюга.

Кирпичников спустился в овраг и закрыл люк над шахтой, где Попов уже начал делать установку приборов. Вьюга свирепела, и на дворе от нее шевелился инвентарь. Деваться было некуда, и Кирпичников залез на тесный, захламленный чердак. Снег свистел и метался по крыше; и вдруг Кирпичникову послышалась тихая, странная, грустная музыка, которую он слышал где то очень давно. Отвлеченное плачущее чувство томилось и разрасталось от музыки до гибели человека. И будто эта растущая тоска и воспоминания были единственным утешением человека. Кирпичников прилег и занемог от этого нового робкого чувства, которого в нем никогда не было. Он забыл про стужу и, дрожа,

нечаянно заснул. Музыка продолжалась и переходила в сновидения. Кирпичников почувствовал вдруг холодную, тяжелую, медленную волну, и в нем начало закатываться сознание, борясь и пробуждаясь, уставая от ужаса и собственной тесноты.

Проснулся Кирпичников сразу, будто кто ему крикнул на ухо или земля на что наткнулась и вдруг застопорила. Кирпичников вскочил, стукнулся о крышу и спустился на двор. Буран тряс землю, и, когда он разрывал атмосферу и показывал горизонт, были видны голые почерневшие поля. Снег сдувало в овраги и в глухие долины. Тут Кирпичников заметил, что дверь в хату открыта и туда мело снегом. Когда он вошел в комнату, то заметил бугор снега, и прямо на нем, а не на кровати, лежал мертвый Фаддей Кириллович Попов — бородой кверху, в знакомой жилетке, прильнувшей к старому телу, с печальным пространством на белом лбу. Снег его заметал все глубже, и ноги уже укрыло совсем

Кирпичников в полном спокойствии схватил его под мышки и потащил на кровать. У Фаддея Кирилловича отвалилась нижняя губа, и он сам повернулся на бок на кровати и поник головой, ища места ближе к центру Земли. Кирпичников затворил дверь и разгреб снег на полу. Он нашел пузырек с недопитым розовым ядом. Кирпичников вылил остаток яда на снег — и снег зашипел, исчез газом, и яд начал проедать пол.

На столе, утвержденная чернильницей, лежала неоконченная рукопись: «Решение просто — электромагнитное русло...»

V

— Вы коммунист, товарищ Кирпичников? — спросил председатель окружного исполкома.

— Кандидат.

— Все равно. Расскажите, как это случилось? Вы понимаете, что это очень скверная история — не потому, что придется отвечать, а потому, что погиб очень ценный и редкий человек. Записки никакой не нашли?

— Нет.

— Ну, рассказывайте.

Кирпичников рассказал. В кабинете сидели, кроме председателя, еще секретарь комитета партии и уполномоченный ГПУ.

Кирпичникова слушали внимательно. Он рассказал все, даже содержание неоконченной рукописи, вьюгу, распахнутую дверь и странный, косой наклон головы Попова, какого не бывает у живого. И вместе с тем Попов не очень отличался от живого, как будто смерть обыкновенна, как еда.

Кирпичников кончил.

— Замечательная история! — сказал секретарь парткома. — Попов несомненный упадочник. Совершенно разложившийся субъект. В нем действовал, конечно, гений,

но эпоха, родившая Попова, обрекла его на раннюю гибель, и гений его ие нашел себе практического приложения. Растрепанные нервы, декадентская душа, метафизическая философия — все это жило в противоречии с иаучным геннем Попова — и вот какой конец...

— Да, — сказал председатель нсполкома. — Прямо агитация фактами. Наука могущесгвенна, а носителн ее — выродки и ублюдки. Действительно, срочно необходимы свежие люди с твердой внутренней установкой.

— А ты только сейчас в этом убедился? — спросил уполномоченный ГПУ. — Чудород ты, брат! Наше дело, по-моему, теперь оформнть следствие и затем, если ничто ие будет противоречить словам Кирпичннкова, назначить его хранителем научной базы Попова. Ну, надо немиожко Кирпичникову платить за это. Ты, — обратился он к председателю, — нз местного бюджета это устроишь. Затем надо сообщить в тот научный иистнтут, который командировал сюда Попова, чтобы выслали другого ученого для продолжеиия дела... А сохраннть все надо в целости! Я пришлю сотрудинка составнть опись. Медь там есть, ценные приборы, рукописи Попова, кой-какой инвентарь н имущество...

— Верио, — сказал председатель. — Давайте иа этом кончим. Я проведу все дело через президиум, и тогда зафиксируем наше постановление.

Через неделю закончили следствие, труп Попова отправили в Москву, а Кирпичникова иазначили сторожем в научную усадьбу Попова, с окладом жалованья пятиадцать рублей в месяц.

Кирпичникову вручили копию описи, и он остался один.

Начииалась ранняя заунывная весна — время инерции зимы и мужественного напора солнца.

Заместнтель Попова иикак не ехал. Кирпичников усердно читал и перечнтывал книги и рукопнси Попова, рассматривал прнборы, построенные здесь же самим Поповым, — и перед ним открывался могучий мир знания, власти и жажды иеутомнмой, жестокой жизни. Кирпичников начал ощущать вкус жизни и увидел ее дикую пучину, где скрыто удовлетворение всех желаинй и иаходятся конечиые пункты всех целей.

«Эх, хорошо! — думал Кирпичников. — Зря умер Попов. сам это писал и сам же не понимал. А стоит только понять — и всякому захочется жить...»

Наступило лето. Шло одно и то же. Новый ученый на место Попова не приезжал. Кирпичников начал переписывать рукопись Фаддея Кирилловича начисто, не зная сам для чего, — но так лучше ему понималось.

Наконец в нюле приехали двое московских ученых и забрали все наследство Попова — и рукописи и аппараты.

Кирпичников вернулся работать

в черепичную мастерскую, и все кругом для него затихло. Но открывшееся ему чудо человеческой головы сбило его с такта жизни. Он увидел, что существует вещь, посредством которой можно преобразовать и звездный путь и собственное беспокойное сердце и дать всем хлеб в рот, счастье в грудь и мудрость в мозг. И вся жизнь предстала ему как каменное сопротивление его лучшему желанию, но он знал, что это сопротивление может стать полем его победы, если воспитать в себе жажду знания, как кровную страсть.

Кирпичников пошел к председателю исполкома и заявил, что хочет учиться — пусть его отправят на рабфак.

— По следам Попова, сударь, желаете идти? Что же, путь приличный, валяйте! — и дал ему тут же записку, куда следовало ее дать.

Через неделю Кирпичников шел в областной город — полтораста верст — на рабфак.

Стоял август. Поля шумели земледельцами, пылили стада по большаку, изумительное молодое солнце улыбалось разродившейся измученной земле.

Рыба играла на речных плесах, деревья чуть-чуть трогались желтой сединой, земля лежала голубым пространством в ту сторону и в тот век, куда шел Кирпичников, где его ждало время, роскошное, как песнь.

VI

Прошло восемь лет — срок, достаточный для полного преображения мира, срок, в который человек перерождается начисто, вплоть до спинного мозга.

Михаил Еремеевич Кирпичников — инженер-электрик, научный сотрудник при кафедре биологии электронов, учрежденной после смерти Попова на основе его трудов.

Кирпичников женат и имеет детей — двух мальчиков. Его жена — бывшая сельская учительница, такая же сторонница немедленного физического преобразования мира, как и ее муж. Счастливая убежденность в победе любимой науки на всемирном плацдарме и помогла им пережить убийственные годы ученья, нужды, издевательства обывателей и дала смелость родить двух детей. Они верили, что наступает время, когда хлеба будет столько же, сколько воздуха. Кирпичников мозгом ощущал приближение этой раскованной эпохи, когда у человека освободятся руки от труда и душа от угнетения и он сможет перелепить мир.

Голодная и счастливая пребывала эта семья. Шел век социализма и индустриализации, шло страшное напряжение всех материальных сил общества, а благоденствие откладывалось на завтра.

Освоившись с научной работой, Кирпичников не занял кафедры, а пошел, для тренировки, на прак-

тическую работу. Кроме высшего образования, Кирпичников имел стаж живой общественной работы и был твердым и искренним коммунистом. Как умный и честный человек, как выходец из черепичной мастерской, он знал, что вне социализма невозможна научная работа и техническая революция. В его время это подразумевалось само собой, как подразумевается, но не сознается биение сердца в живом человеке.

Десять лет прошло со дня смерти Попова. Это сказать легко, но еще легче было десять раз погибнуть в эти десять лет. Попробуйте описать эти десять лет во всем их крохоборстве борьбы, строительства, отчаяния и редкого покоя. Невозможно — состаришься, умрешь, а не исчерпаешь темы!

В ответ на просьбу практической строительной работы Кирпичникова отправили в Нижнеколымскую тундру производителем работ по постройке вертикального тоннеля. Целью сооружения была добыча внутренней тепловой энергии Земли.

Семью Кирпичников оставил в Москве, а сам отправился. Термический вертикальный тоннель был опытной работой Советского правительства Якутии В случае успеха работ предполагалось весь край Азиатского материка за Полярным кругом покрыть целой сетью таких тоннелей, затем объединить их энергию посредством единой электропередачи, и на конце электрического провода продвигать культуру, промышленность и население к Ледовитому океану.

Но главная причина тоннельных работ была в том, что в равнинах тундры были изысканы остатки неведомых великолепных стран и культур. Почва и подпочва тундры были не материкового, древнегеологического происхождения, а представляли собой наносы. Причем эти наносы покрыли погребальным покровом целую серию древнейших человеческих культур. А благодаря тому, что этот смертный покров над трупами таинственных цивилизаций представлял пленку вечной мерзлоты, погребенные люди и сооружения хранились, как консервы в банке, — целыми, свежими и невредимыми.

Уже то немногое, что случайно найдено учеными в провалах рельефа тундры, представляло неслыханный интерес и научную ценность. Найдены были трупы четырех мужчин и двух женщин.

Люди эти когда-то имели смуглую кожу, розовые губы, низкий, но широкий лоб, небольшой рост, широкую грудную клетку и спокойное, мирное, почти улыбающееся лицо. Очевидно, или смерть застала их внезапно, или, что вероятнее, смерть была у них совсем другим чувством и другим событием, чем у нас.

У женщин сохранились розовые щеки и тонкий аромат легкой, гигиеничной одежды. У одного

мужчины в кармане найдена книга — маленькая, испещренная изящным шрифтом; ее предполагаемое содержание: изложение принципов личного бессмертия в свете точных наук. В книге описывались опыты по устранению смерти какого-то небольшого животного, срок жизни которого — четверо суток; сфера жизни этого животного (пища, атмосфера, тело и проч.) подвергались беспрестанному воздействию целого комплекса электромагнитных волн, причем каждый вид волны был рассчитан на убийство отдельного рода губительных микробов в теле животного; так, держа подопытное животное в поле электромагнитной стерилизации, удалось увеличить срок его жизни в сто раз.

Затем была найдена пирамидальная колонна из дикого камня. Совершенная форма ее напоминала работу токарного станка, но колонна была сорока метров высоты и десяти метров в основании.

Эти открытия разожгли научные страсти всего мира, и общественное мнение форсировало работы по освоению тундры с целью полной реставрации древнего мира, залегающего под почвой мерзлого пространства и, быть может, уходящего на дно Ледовитого океана.

Страсть к знанию стала новым органическим чувством человека, таким же нетерпеливым, острым и богатым, как зрение или любовь. Этим чувством иногда подминались даже непреложные экономические законы и стремление к материальному благополучию общества.

Такова была истинная причина сооружения первого вертикального термического тоннеля в тундре.

Система таких тоннелей должна была стать фундаментом культуры и экономики тундры, затем — ключом в подземные ворота, в мир неизвестной гармонической страны, нахождение которой ценнее изобретения паровой машины и открытия целого радиевого Монблана.

Ученые думали, что тот отрезок науки, культуры и промышленности, который нам предстоит пройти в течение ближайших ста-двухсот лет, содержится готовым в недрах тундры. Достаточно снять мерзлую почву — и история сделает скачок на век или на два века вперед, а затем снова пойдет своим темпом. Зато какая экономия труда и времени произойдет от такой получки задаром двух будущих веков! С этим не сравнится никакое историческое благодеяние человечества в прошлом!

Ради этого стоило сделать в Земле дырку глубиной в два километра.

Кирпичников поехал, сжимая от радости кулаки, чувствуя цель, которую он должен выполнить, как всемирную победу и обручение древнейшей эры с сегодняшним днем.

Тоннель был построен. Вот документ инженера Кирпичникова:

«Центральному Совету Труда

Управления работ по сооружению Вертикального термического тоннеля в Нижнеколымской тундре, на 67-й параллели

Общий и заключительный доклад за 1934 год

Термический вертикальный тоннель (№ 1) окончен 2 декабря этого года. Тоннель, как было задано, предназначается для утилизации теплоты нашей планеты, находящейся в ее недрах; эта теплота, превращенная в электрический ток, должна обслуживать район под именем Тао-Лунь, площадью 1100 квадратных километров, предназначенный для заселения.

Тоннель имеет форму усеченного конуса, обращенного усечением внутрь тела Земли. Ось его наклонена к плоскости экваториального сечения под углом в 62°. Длина оси тоннеля — 2080 метров. Диаметр широкого основания на дневной поверхности Земли равен 42 метрам, усеченной вершины внутри Земли — 5 метрам.

Достигнутая температура на дне тоннеля — 184 градуса (в том месте, где установлены термоэлектрические батареи).

Согласно проекту, утвержденному Советом Труда, работы начались 1 января 1934 года, окончены 2 декабря того же года.

Формовка тоннеля достигнута не взрывным методом, как указано было в проекте, а электромагнитными волнами, отрегулированными соответственно микрофизической электронной структуре недр. Электромагнитные волны вибратора были настроены на такую длину и частоту, которые точно совпадали с естественными колебаниями электронов в атомах периферии Земли; поэтому от действия внешней дополнительной силы увеличивался их размах и получался разрыв атомных орбит, вследствие чего наступала реконструкция ядра атома: его превращение в другие элементы — разрушение.

Мы поставили на поверхности мощные и в больших пределах регулируемые резонаторы; нашли экспериментально среднюю волну каждой встречной породы недр, подлежащей разрушению (точнее, распылению, размягчению), — и так разжевали ствол тоннеля во всех поперечных сечениях.

Затем металлическими пятитонными ковшами скреперного типа на стальных тросах мы выели получившуюся тоннельную кашу. Впрочем, ее осталось немного после электромагнитной операции: большинство составных частей почвы и недр превратилось в газы и улетучилось. Одинаково были мягкою пылью и газом глина, вода, гранит, железная руда.

После этого было приступлено (в августе месяце) к проектной формовке тоннеля. Благодаря высокой температуре люди опускались только до 1000-го метра; глубже работа производилась на тросах: с их помощью устанавливались насосы, рылись кюветы,

водосборные бассейны в террасах и управлялись землечерпательные ковши на формовке склонов. Дно и ствол тоннеля покрыты термозолитом сплошь, начальной толщиной слоя (у поверхности Земли) в 2 сантиметра и конечной в 1,25 метра.

После сооружения тоннеля собранные наверху термоэлектрические батареи вместе с проводами были опущены на тросах на дно тоннеля и установлены — батарея над батареей — в двенадцать этажей.

Концы проводов закреплены на выводящих кронштейнах у поверхности Земли, и ток в них ждет своего потребителя.

Энергия пока пущена в почву тундры — тундра тает; тает в первый раз после того, как был ею накрыт и сохранен для нас тот странный, чудесный мир, ради которого, по распоряжению Центрального Совета Труда, была добыта внутренняя теплота земного шара.

Глав. инж. Верх. термтоннеля
Вл. Крохов
Производитель работ инженер
М. Кирпичников
№ 2/А, 4 ноября 1934».

VII

Вернулся к семье Кирпичников только в апреле, пробыв в отсутствии восемнадцать месяцев. Он чувствовал себя переутомленным и собрался поехать с женой и мальчишками куда-нибудь в деревню.

Есть люди, бессознательно живущие в такт с природой: если природа делает усилие, то такие люди стараются помочь ей внутренним напряжением и сочувствием. Может быть, это остаток того чувства единства, когда природа и человек были сплошным телом и жили заодно.

Так бывало у Кирпичникова. Если разгоралось время весны, таял снег и ручьям подпевали южные птицы с неба, Кирпичников был доволен. Когда же неожиданно возвращался снег, заморозки и мрачное молчаливое зимнее небо, Кирпичников печалился и напрягался.

28 апреля Кирпичниковы поехали в Волошино — дальнюю деревню Воронежской губернии, где когда-то учительствовала Мария Кирпичникова, жена Михаила.

У Марии там были девичьи воспоминания, одинокие годы, милые дни прозревающей души, впервые боровшейся за идею своей жизни. В оправе скудных волошинских полей лежала душевная родина Марии Кирпичниковой.

Михаила влекла в Волошино любовь к жене и ее тихому прошлому, а еще то, что около Волошина в соседнем селе Кочубарове жил Исаак Матиссен, инженер-агроном, знакомый Кирпичникова. Когда-то, в годы ученья в институте, Кирпичников встречался с ним, и они говорили на близкие им технические темы. Матиссен

ушел со второго курса электротехнического института и поступил в сельскохозяйственную академию. В Матиссене Кирпичникова интересовала его теория техники без машин — техники, где универсальным инструментом был сам человек. Матиссен, человек чести, единой идеи и несокрушимого характера, поставил целью жизни осуществление своего замысла.

Теперь он был заведующим Кочубаровской опытно-мелиоративной станцией. Кирпичников не видел его шесть лет, чего он добился — неизвестно, но что он старался добиться всего, в этом Михаил был уверен.

Уезжая в Волошино, Кирпичников заранее радовался встрече с Матиссеном.

От того Михаила Кирпичникова, который жил когда-то в Гробовске, работал в черепичной мастерской, искал истину и мечтал, осталось немного. Мечты превратились в теории, теории превратились в волю и постепенно осуществлялись. Истина стала не сердечным покоем, а практическим завоеванием мира.

Но одно тревожило Кирпичникова и толкало его на беспокойные изыскания всюду — среди книг, среди людей и чужих научных работ. Это жажда закончить труд погибшего Попова об искусственном размножении электронов-микробов и технически исполнить «эфирный тракт» Попова, чтобы по нему прилить эфирную пищу к пасти микроба и вызвать в нем бешеный темп жизни.

«Решение просто — электромагнитное русло...» — бормотал время от времени Кирпичников последние слова неоконченной работы Попова и тщетно искал того явления или чужой мысли, которые навели бы его на разгадку «эфирного тракта». Кирпичников знал, что может дать людям «эфирный тракт»: можно вырастить любое тело природы до любых размеров за счет эфира. Например, взять кусочек железа в один кубический сантиметр, подвести к нему «эфирный тракт» — и этот кусочек железа на глазах начнет расти и вырастет в гору Арарат, потому что в железе начнут размножаться электроны.

Несмотря на усердие и привязанность к этой проклятой мысли, решение «эфирного тракта» не давалось Кирпичникову уже много лет. Работая в тундре, он всю долгую, беспокойную, тревожащую полярную ночь думал об одном и том же. Его путала еще одна загадка, не решенная в трудах Попова: что такое положительно заряженное ядро атома, в котором присутствует материя?

Если чистые отрицательные электроны и есть микробы и живые тела, то что такое материальное ядрышко атома, к тому же положительно заряженное?

Этого не знал никто. Правда, были смутные указания и сотни гипотез в научных работах, но ни одно из них не удовлетворяло

Кнрпичникова. Он искал практического решення, объектнвной истины, а не субъективного удовлетворения первой попавшейся догадкой, может быть, и блестящей, но не отвечающей строению прнроды.

В Волошнно Кнрпичников поехал на своем автомобиле, который уже давно стал орудием каждого человека. Хотя от Москвы до Волошнна лежала линия в девятьсот километров, Кирпичников решнл ехать иа автомобнле, а не в купе вагона. Его с женой влек к себе малоизвестный путь, ночевкн в поселках, скромная природа равннной севериой страиы, мягкий ветер в лицо — вся прелесть живого мнра и постепеииое утопание в безвестности и задумчивом однночестве...

Машина «Алгонда-09» работала бесшумно: бензиновый мотор погиб пять лет назад, сокрушеиный крнсталлическим аккумулятором леннնградского академика Иоффе. Автомобиль шел на злектрической аккумуляторной тяге и только тихо шипел покрышками по асбесто-цементному шоссе. Запас знергни «Алгонда» имела иа десять тысяч километров пути, при весе аккумуляторов в десять кнлограммов.

И вот развернулась перед путешественннками чудесная натура вселенной, глубину которой десяткн веков старались постигнуть мудрецы всех страи и культур, идя дорогой мыслеиного созерцання. Будда, составнтели Вед, десятки египтян и арабов, Сократ, Платон, Аристотель, Спиноза, Кант, накоиец Бергсон и Шпенглер, — все силнлись, ио догадаться об истнне нельзя, до нее можно доработаться: вот когда весь мнр протечет сквозь пальцы работающего человека, преображаясь в полезное тело, тогда можно будет говорнть о полном завоеваиии нстины. В зтом была философия революцнн, случнвшейся восемнадцать лет назад и ие совсем оконченной и сейчас.

Понять — зто значит прочувствовать, прощупать и преобразить, — в зту философию революцни Кирпичников верил всей кровью, оиа ему пнтала душу н делала волю боеспособным ннструмеитом.

Кнрпичннков вел «Алгоиду», улыбался и наблюдал. Мир был уже не таким, каким его видел Кнрпичииков в детстве — в глухом Гробовске. Поля гуделн машинамн; за первые двести километров пути он встретнл шесть раз линию злектропередачи высокого напряжения от мощных централей. Деревня резко изменила свое лицо — вместо соломы, плетней, навоза, кривых и тонкнх бревен в строительство вошли черепица, железо, кнрпич, толь, террезнт, цемент, иаконец дерево, но пропитаниое особым составом, делающим его несгораемым. Народ заметио потолстел и подобрел характером. Историня стала практическим прнмеиением диалектического материализма. Искусственное

орошение получило распространение до московской параллели. Дождевальные машины встречались так же часто, как пахотные орудия. На север от Москвы дождеватели исчезали, и появлялись дренажные осушительные механизмы.

Жена Кирпичникова показывала детям эту живую экономическую географию социалистической страны, и сам Кирпичников с удовольствием ее слушал. Трудная личная жизнь как-то погасила в нем эту простую радость видеть, удивляться и чувствовать наслаждение от удовлетворенной любознательности.

Только на пятый день они приехали в Волошино.

В доме, где остановились Кирпичниковы, был вишневый сад, который уже набух почками, но еще не оделся в свой белый, неописуемо трогательный наряд.

Стояло тепло. Дни сияли так мирно и счастливо, как будто они были утром тысячелетнего блаженства человечества.

Через день Кирпичников поехал к Матиссену.

Исаак совсем не удивился его приезду.

— Я каждый день наблюдаю гораздо более новые и оригинальные явления, — пояснил Матиссен Кирпичникову, увидев его недоумение равнодушным приемом.

Через час Матиссен немного отмяк.

— Женатый, черт! Привык к сентиментальности! А я, брат, почитаю работу более прочным наследством, чем детей!.. — И Матиссен засмеялся, но так ужасно, что у него пошли морщины по лысому черепу. Видно, что смех у него столько же част, как затмение солнца.

— Ну, рассказывай и показывай, чем живешь, что делаешь, кого любишь! — улыбнулся Кирпичников.

— Ага, любопытствуешь! Одобряю и приветствую!.. Но слушай, я тебе покажу только главную свою работу, потому что считаю ее законченной. Про другие говорить не буду — и не спрашивай!..

— Послушай, Исаак, — сказал Кирпичников, — меня бы интересовала твоя работа над темой техники без машин, помнишь? Или ты уже забыл эту проблему и разочаровался в ней?

Матиссен пожмурился, хотел сострить и удивить приятеля, но, позабыв все эти вещи, тщетно вздохнул, сморщил лицо, привыкшее к неподвижности, и просто ответил:

— Как раз это я тебе и покажу, коллега Кирпичников!

Они прошли плантации, сошли в узкую долину небольшой речки и остановились. Матиссен выпрямился, приподнял лицо к горизонту, как будто обозревал миллионную аудиторию на склоне холма, и заявил Кирпичникову:

— Я скажу тебе кратко, но ты поймешь: ты электрик, и это касается твоей области! Только не перебивай: мы оба спешим — ты

к жене, — Матиссен повторил свой смех — лысина заволновалась морщинами, и челюсти разошлись, в остальном лицо не двигалось, — а я к почве.

Кирпичников помолчал и продолжил свой вопрос:

— Матиссен, а где же приборы? Ведь мне хотелось бы не лекцию прослушать, а увидеть твои эксперименты.

— И то и другое, Кирпичников, и то и другое! А все приборы налицо. Если ты их не видишь — значит, ты ничего и не услышишь и не поймешь!

— Я слушаю, Матиссен! — кратко поторопил его Кирпичников.

— Ага, ты слушаешь! Тогда я говорю.

Матиссен поднял камешек, изо всех сил запустил его на другую сторону речки и начал:

— Видно даже глазам, что всякое тело излучает из себя электромагнитную энергию, если это тело подвергается какой-нибудь судороге или изменению. Верно ведь? И каждому изменению — точно, неповторимо, индивидуально — соответствует излучение целого комплекса электромагнитных волн такой-то длины и таких-то периодов. Словом, излучение, радиация, если хочешь, зависит от степени изменения, перестройки подопытного тела. Далее. Мысль, будучи процессом, перестраивающим мозг, заставляет его излучать в пространство электромагнитные волны.

Но мысль зависит от того, что человек конкретно подумал, от этого же зависит, как и насколько изменится строение мозга. А от изменения строения или состояния мозга уже зависят волны: какие они будут. Мыслящий, разрушающий мозг творит электромагнитные волны и творит их в каждом случае по-разному: смотря, какая мысль перестраивала мозг.

Тебе все ясно, Кирпичников?

— Да, — подтвердил Кирпичников. — Дальше!

Матиссен сел на кочку, потер усталые глаза и продолжал:

— Опытным путем я нашел, что каждому роду воли соответствует одна строго определенная мысль. Я, понятно, несколько обобщаю и схематизирую, чтобы ты лучше понял. На самом деле все гораздо сложнее. Так вот. Я построил универсальный приемник-резонатор, который улавливает и фиксирует волны всякой длины и всякого периода. Скажу тебе, что даже одной, самой незначительной и короткой мыслью вызывается целая сложнейшая система воли.

Но все же мысли, скажем, «окаянная сила» (помнишь этот дореволюционный термин?), соответствует уже известная, экспериментально установленная система воли. От другого человека она будет лишь с маленькой разницей.

И вот свой приемник-резонатор я соединил с системой реле, исполнительных аппаратов и меха-

низмов, сложных по технике, но простых и единых по замыслу. Эту систему надо еще более усложнить и продумать. А затем распространить по всей Земле для всеобщего употребления. Пока же я действую на незначительном участке и для определенного цикла мыслей.

Теперь гляди! Видишь, на том берегу у меня посажена капустная рассада. Видишь, она уже засохла от бездождья. Теперь следи: я четко думаю и даже выговариваю, хотя последнее не обязательно: о-р-о-с-и-т-ь! Гляди на другой берег, голова!..

Кирпичников всмотрелся на противоположный берег речонки и только сейчас заметил полузакрытую кустом небольшую установку насосного орошения и какой-то компактный прибор. «Вероятно, приемник-резонатор», — догадался Кирпичников.

После слова Матиссена «оросить!» насосная установка заработала, насос стал сосать из речки воду, и по всему капустному участку из форсунок-дождевателей забили маленькие фонтанчики, разбрызгивающие мельчайшие капельки. В фонтанчиках заиграла радуга солнца, и весь участок зашумел и ожил: жужжал насос, шипела влага, насыщалась почва, свежели молодые растеньица.

Матиссен и Кирпичников молча стояли в двадцати метрах от этого странного самостоятельного мира и наблюдали.

Матиссен ехидно посмотрел на Кирпичникова и сказал:

— Видишь, чем стала мысль человека? Ударом разумной воли! Неправда ли?

И Матиссен уныло улыбнулся своим омертвевшим лицом.

Кирпичников почувствовал горячую, жгущую струю в сердце и в мозгу — такую же, какая ударила его в тот момент, когда он встретил свою будущую жену. И еще Кирпичников сознал в себе какой-то тайный стыд и тихую робость — чувства, которые присущи каждому убийце даже тогда, когда убийство совершено в интересах целого мира. На глазах Кирпичникова Матиссен явно насиловал природу. И преступление было в том, что ни сам Матиссен, ни все человечество еще не представляли из себя драгоценностей дороже природы. Напротив, природа все еще была глубже, больше, мудрее и разноцветней всех человеков.

Матиссен разъяснил:

— Вся штука чрезвычайно проста! Человек, то есть я в данном случае, находится в сфере исполнительных механизмов, и его мысль (например, «оросить!») есть в плане исполнительные машины: они так построены. Мысль «оросить!» воспринимается резонатором. Этой мысли соответствует строгая неповторимая система воли. Именно только волнами такой-то длины и таких-то периодов, какие эквивалентны мысли «оросить!», замыкаются те реле, кото-

рые управляют в исполннтельных механнзмах орошением.

Такая высшая техника имеет целью освободить человека от мускульиой работы. Достаточно будет подумать, чтобы звезда переменнла путь... Однкм словом, я хочу добнться возможности обходиться без исполнительных механизмов и без всяких посредннков, а действовать на природу прямо н иепосредственно — голой пертурбацией мозга. Я уверен в успехе техннки без машин. Я зиаю, что достаточно одного контакта между человеком и природой — мысли, чтобы управлять всем веществом мира! Понял?.. Я поясню. Вндншь, в каждом теле есть такое место, такое сердечко, что, если дать по иему щелчком — все тело твое: делай с ним что хочешь. А если язвить тело, как нужно и где нужио, то оно будет само делать то, что его заставишь. Вот я считаю, что той электромагнитиой силы, которая испускается мозгом человека при всяком помышлении, вполне достаточно, чтобы так уязвлять природу, что эта Маша станет нашей!..

Кнрпичников на прощанье сжал руку Матнссену, а потом обнял его и сказал с горячнм чувством и полной нскреиностью:

— Спасибо, Исаак! Спасибо, друг! Зиаешь, только одна еще есть проблема, которая равна твоей! Но она еще ие решена, а твоя почти готова... Прощай! Еще раз спасибо тебе! Надо всем работать, как ты, — с резким разумом н охлажденным сердцем! До свндаиья!

— Прощай! — ответнл Матиссен и полез вброд, не разуваясь, на ту сторону своей маловодной речонки.

VIII

Пока Кнрпичннков отдыхал в Волошние, мир сотрясала сенсацня. В Большеозерской тундре экспеднцией профессора Гомонова откопаны два трупа: мужчиие н женщнна лежали, обнявшнсь, на сохранившемся ковре. Ковер был голубого цвета, без рисунка, покрытый тонкнм мехом неизвестного животного. Люди лежалн одетыми в плотные сплошные ткани темиого цвета, покрытые нзображеинями изящных высокнх растенний, кончавшнмися вверху цветком в два лепестка. Мужчниа был стар, женщнна молода. Вероятно, отец и дочь. Лица и гела были того же строения, что и у людей, обнаруженных в Ннжнеколымской тундре. То же выраженне спокойных лнц: полуулыбка, полусожаленне, полуразмышленне, будто вонн завоевал мраморный иеприступный город, но среди статуй, зданий и неизвестных сооруженнй упал н умер, усталый и удивленный.

Мужчина крепко сжимал жеищину, как бы защнщая ее покой н целомудрне для смерти. Под ковром, на котором лежалн эти мертвые обнтатели древней тундры, были обнаружены две кннги — одна нз ннх иапечатана тем

же шрифтом, что и книжка, найденная в Нижнеколымской тундре, другая имела иные знаки. Эти знаки были не буквами, а некоторой символикой, однако с очень точным соответствием каждому символу отдельного понятия. Символов было чрезвычайное множество, поэтому ушло целых пять месяцев на их расшифровку. После этого книгу перевели и издали под наблюдением Академии филологических наук. Часть текста найденной книги осталась неразгаданной: какой-то химический состав, вероятно находившийся в ковре, безвозвратно погубил драгоценные страницы — они стали черными, и никакая реакция не выявляла на них символических значков.

Содержание найденного произведения было отвлеченно философское, отчасти историко-социологическое. Все же сочинение представляло такой глубокий интерес как по теме, так и по блестящему стилю, что книжка в течение двух месяцев вышла в одиннадцати изданиях подряд.

...Кирпичников выписал книгу. Везде и всюду он искал одного — помощи для разгадки «эфирного тракта».

Когда он посетил Матиссена, на обратном пути что-то зацепилось в его голове, он обрадовался, но потом снова все распалось — и Кирпичников увидел, что работы Матиссена имеют лишь отдаленное родство с его мучительной проблемой.

Получив книгу, Кирпичников углубился в нее, томимый одною мыслью — найти между строк какой-либо намек на решение своей мечты. Несмотря на дикость, на безумие искать поддержки в открытии «эфирного тракта» у большеозерской культуры, Кирпичников с затаенным дыханием прочел труд древнего философа.

Сочинение не сохранило имени автора, называлось оно «Песни Аюны». Прочитав его, Кирпичников ничему не удивился — чего-либо замечательного в сочинении не содержалось.

— Как скучно! — сказал Кирпичников. — И в тундре ничего путного не думали! Все любовь, да творчество, да душа, а где же хлеб и железо?..

IX

Кирпичников сильно затосковал, потому что он был человеком, а человек обязательно иногда тоскует. Ему случилось уже тридцать пять лет. Построенные им приборы для создания «эфирного тракта» молчали и подчеркивали заблуждение Кирпичникова. Фразу Попова «Решение просто — электромагнитное русло...» Кирпичников всячески толковал посредством экспериментов, но выходили одни фокусы, а эфирного пищепровода к электронам не получалось.

— Так-с! — в злобном исступлении сказал себе Кирпичников. — Следовательно, надо заняться другим! — Тут Кирпичников прислушался к дыханию жены

и детей (была ночь и сон), закурил, прислушался к шуму за окном и сразу зачеркнул все. — Тогда тебе надо пуститься пешему по земле, ты гниешь на корню, инженер Кирпичников! Семья? Что ж, жена красива, новый муж к ней сам прибежит, дети здоровы, страна богата — прокормит и вырастит! Это единственный выход, другой — смерть на снежном бугре у распахнутой двери: выход Фаддея Кирилловича!.. Да-с, Кирпичников, таковы дела!..

Кирпичников вздохнул с чрезвычайной сентиментальностью, а на самом деле искренне и мучительно.

— Ну что я сделал? — продолжал он шепотом ночную беседу с самим собой. — Ничего. Тоннель? Чепуха! Сделали бы и без меня. Крохов был талантливее меня. Вот Матиссен — действительно работник! Машины пускает мыслью! А я... а я обнял жизнь, жму ее, ласкаю, а никак не оплодотворю...

Кирпичников спохватился:

— Философствуется, сударь? В отчаяние впали? Стоп! Это, брат, нервы у тебя расшились: простая физиологическая механика... Так зачем же ты страдаешь?

Зазвонил неожиданно и не вовремя телефон.

— У телефона Крохов. Здорово, Кирпичников!

— Здравствуй, что скажешь?

— Я, брат, получил назначение. Еду на Фейссуловскую атлантическую верфь: первое компрессорно-волновое судно строить. Знаешь эту новую конструкцию: судно идет за счет силы волн самого океана! Проект инженера Флювельберга.

— Ну, слыхал, а я-то при чем тут?

— Что ты бурчишь? У тебя изжога, наверно! Чудак, я еду главным инженером верфи, а тебя вот зову своим заместителем. Я ведь корабельщик по образованию — справимся как-нибудь, и сам Флювельберг будет у нас! Ну как, едем?

— Нет, не поеду, — ответил Кирпичников.

— Почему? — спросил пораженный Крохов. — Ты где работаешь-то?

— Нигде.

— Ну смотри, парень!.. Пройдет изжога, пожалеешь! Я подожду неделю.

— Не жди, не поеду!

— Ну, как хочешь!

— Прощай.

— Спокойной ночи.

Кирпичников прошел в спальню. Постоял молча в дверях, потом надел старое пальто, шляпу, взял мешок и ушел из дому навсегда. Он ни о чем не сожалел и питался своей глухою тревогой. Он знал одно: устройство «эфирного тракта» поможет ему опытным путем открыть эфир как генеральное тело мира, все из себя производящее и все в себя воспринимающее. Он тогда технически, то есть единственно истинно, разъяснит и завоюет всю сферу

вселенной и даст себе и людям горячий, ведущий смысл жизни. Это старинное дело, ио мучительиы старые раиы. Только людские ублюдки кричат: «Нет и ие может быть смысла жизни: пнтайся, трудись и молчи!» Ну, а если мозг уже вырос н так же страстио ищет своего пропитаиия, как ищет своего пропитаиия тело? Тогда как? Тогда — труба, выкручивайся сам. В этом мало люди помогают.

Вот имеиио! Найдите вы человека, который живет ие евши! Кирпичииков же вошел в ту эпоху, когда мозг иеотложио требовал своего питаиия; и это стало такой же горячей воющей жаждой, как голод желудка, как страсть пола!

Может быть, человек, иезаметио для себя рождал нз своих иедр новое, велнколепиое существо, комаидующим чувством которого было иителлектуальиое созиаиие, и ие что ниое! Навериое, так. И первым мучеииком и представителем этих существ был Кирпичииков.

...Ои пошел пешком иа вокзал, сел в поезд и поехал иа свою забытую родиину — Гробовск. Там ои не был двеиадцать лет. Ясиой цели у Кирпичиикова ие было. Ои влекся тоскою своего мозга и поисками того рефлекса, который иаведет его мысль на открытие «эфириого тракта». Он питался бессмыслеииой иадеждой обиаружить иеизвестиый рефлекс в пустыниом провннциальиом мире.

Очутившись в вагоие, Кирпичииков сразу почувствовал себя ие иижеиером, а молодым мужичком с глухого хутора и повел беседу с соседями иа живом деревенском языке.

X

Русское овражистое поле в шесть часов октябрьского утра — это апокалиптическое явлеиие для тех, кто читал древиюю кингу — апокалипсис. Идет смутное столпотвореиие гор сырого воздуха, шуршит робкая влага в балках, в десяти саженях движутся стены туманов, н ум пешехода волиует скучиая злость. В такую погоду, в такой страие, если ляжешь спать в деревие, может прнсниться жуткий сои.

По дороге, выспавшись в блнжией деревие, шел человек. Кто зиает, кем ои был. Бывают такие раскольинки, бывают рыбаки с Верхиего Доиа, бывает прочий похожий иарод. Пешеход был не мужик, а, пожалуй, пареиь. Ои поспешал, сбивался с такта н чесал сырые худые руки. В овраге стоял пруд, человек сполз туда по глиинстому склону и попил водицы. Это было ни к чему — в такую погоду, в сырость, в такое прохладиое октябрьское время ие пьется даже бегуиу. А путник пил миого, со вкусом и жадиостью, будто утоляя не желудок, а смазывая и охлаждая перегретое сердце. Очиувшись, человек зашагал сызиова.

Прошло часа два, пешеход, одолевая великие грязн, выбился из снл и ждал какую-нибудь нечаянную деревушку на своей осенней дороге.

Началась равннна, овраги пережились и исчезли, запутавшись в своей глуши н заброшеиности.

Но шло время, а ннкакого сельца на дороге не случалось. Тогда парень сел на обдутый ветрамн бугорок и вздохнул. Вндимо, это был хороший молчаливый человек и у него была терпеливая душа.

По-прежнему пространство было безлюдио, но туман уползал в вышину, обнажалнсь поздиие поля с безжизненными остьямн подсолнухов, и поемиогу наливался светом скромный день.

Парень посмотрел на камешек, кинутый во впадииу, и подумал с сожалением об его одиночестве и вечной прикованности к этому невеселому месту. Тотчас же он встал и опять пошел, сожалея об участн разиых безымяниых вещей в грязных полях.

Скоро местность снизилась и обнаружилось небольшое село — дворов пятнадцать. Пеший человек подошел к первой хате и постучал. Никто ему ие ответнл. Тогда он самовольно вошел виутрь помещения.

В хате сндел не старый крестьянин, бороды и усов у него ие росло, лицо было утомлено трудом нли подвигом. Этот человек как будто сам только вошел в это жилье и не мог двннуться от усталости, оттого он и не ответнл на стук вошедшего.

Пареиь, житель Гробовского округа, вгляделся в лицо нахмуренного сндельца и сказал:

— Федосий! Неужелн возвратнлся?

Человек подиял голову, засиял хитрымн, умными глазами и ответил:

— Садись, Михаил! Воротился, нигде иет благочестня — тело иаружи, а душа внутри. Да и шут ее зиает, кто ее щупал — душу свою...

— Што ж, хорошо иа Афоие? — спросил Михаил Кирпнчннков.

— Коиечно, там земля разнообразней, а человек — стервец, — разъясиил Федосий.

— Что ж теперь делать думаешь, Федосий?

— Так чохом не скажешь! Погляжу пока, шесть лет ушло зря, теперь бегом иадо жить. А ты куда уходишь, Михаил?

— В Америку. А сейчас иду в Ригу, на морской пароход!

— Далече. Стало быть, дело какое имеешь знамеиитое?

— А то как же!

— Стало быть, дело твое сурьезное?

— А то как же! Бедовать иду, всего лншился!

— Вндать, туго задумал ты свое дело?

— Знамо, не слабо. Без харчей иду, придорожиым прнработком кормлюсь!

— Дело твое крупное, Михай-

ла... Ну, ступай, чудотворец, погляднм-подышнм! Скорей только ворочайся н в морях не утопнн!

Кнрпичииков вышел и пропал в полях. Ои был доволен встречей с Федосием, восемнадцать лет пропадавшим где-то в поисках праведной земли и увидевшим в нем только черепичного мастера, — и своей беседой с ним. Но в этой беседе была и правда — Кирпичнников на самом деле собрался в Амернку.

Пройдя сквозь европейский кусок СССР, Мнхаил достнг Ригн. Здесь в нем просиулся иижеиер. Его поразила прочность домов — нн ветер, ии вода такие постройки ие возьмет — одио землетрясеиие может поразить такие моиументы. Сразу почуял в Риге Михаил всю тщету, непрочность н страх сельской жизни. В Москве ои почему-то это не думал. Еще удивил Миханла этот город стройиой, задумчивой торжествениостью зданнй и крепкими, спокойиыми людьми. Несмотря на образоваиие и жизнь в Москве, в Кирпичиикове сохранилась первобытиость и способность удивляться простым вещам.

Михаил ходил по Рнге н улыбался от удовольствия видеть такой город н нметь в себе вериую мысль всеобщего богатства и здоровья. Ходил ои столько дией, пока у иего не вышлн харчи; тогда он пошел в порт.

Голлаидский пароход «Идоиезия», сгрузнв индиго, чай и какао, грузился лесом, пенькой, деревообделочными машинами и разными изделнямн советской индустрии. Из Риги он должен ндтн в Амстердам, там произведет текущий ремонт машии, а затем уйдет в Саи-Фраициско, в Америку.

Михаила Кнрпнчникова взяли на пароход помощнном кочегара — подкидчнком угля, потому что Кирпичииков согласился работать за половиииую цеиу.

Через десять дней «Идонезия» троиулась; и перед Миханлом открылся иовый могучий мир простраиства и бешеиой влагн, о котором ои ннкогда особеиио не думал.

Океаи неописуем. Редкий человек переживает его по-иастоящему, тем чувством, какого ои достоии. Океаи похож иа тот велнкий звук, который ие слышит иаше ухо, потому что у этого звука слишком высок тон. Есть такие чудеса в мире, которых не вмещают наши чувства, имеино потому, что наши чувства нх ие могут выиести, а если бы попробовали, то человек разрушился бы.

Вид океаиа сиова убедил Михаила в иеобходимости достигнуть богатой жизни и отыскать «эфирный тракт», а вечная работа воды заражала его эиергией н упорством.

XI

Десять месяцев прошло, как ушел Мнхаил из Ржавска. В свежее утро раииего лета среди молодых розовых гор Калифорнии

шагал Михаил к далеким лимонным рощам и цветочным полям Риверсайда.

Кирпичников чувствовал в себе сердце, в сердце был напор крови, а в крови — надежда на будущее, на сотни счастливых советских лет.

И Михаил спешил среди ферм, обгоняя стада, сквозь веселый белый бред весенних вишневых садов. Калифорния немного напоминала Украину, где Кирпичников бывал мальчиком, где народ был сплошь здоровый, рослый и румяный, а коричневые обнажения древних горных пород напоминали Кирпичникову, что родина его далеко и что там сейчас, наверное, грустно.

И свирепея, отчаиваясь, завидуя, упираясь в твердые ноги, Кирпичников почти бежал, спеша достигнуть таинственного Риверсайда, где сотни десятин под розами, где из нежного тела беззащитного цветка выгоняется тончайшая драгоценная влага и где, быть может, работает возбудитель того рефлекса, который выведет его на «эфирный тракт»: в Риверсайде находилась тогда знаменитая лаборатория по физике эфира, принадлежащая Американскому электрическому униону.

Четверо суток шел Михаил. Он немного заблудился и дал круг километров в пятьдесят.

Наконец он достиг Риверсайда. В городе было всего домов тысячу; но улицы, электричество, газ, вода — все было удобно обдумано и устроено, как в лучшей столице.

У околицы города висела вывеска: «Путник, только у Глэн-Бабкока, в гостинице «Четырех Стран Света», высосут пыль из твоей одежды (вакуумпюпитры), предложат влагу лучших источников Риверсайда, накормят стерилизованной пищей, почти не дающей несваренных остатков, и уложат в постель, с электрическими грелками и рентгено-компрессором, изгоняющим тяжелые сновидения».

Кирпичников немного понимал по-английски и теперь развлекался этими надписями.

«Американцы! В Вашингтоне — ваша мудрость! В Нью-Йорке — слава! В Чикаго — кухня! В Риверсайде — ваша красота! Американцы, вы должны быть настолько красивы, насколько энергичны и богаты: заказывайте тоннами пудру Ривергрэн!»

«В Фриско — наши корабли, в Риверсайде — наши женщины! Американки, объясните мужьям — нашей стране нужны не только броненосцы, но и цветы! Американки, записывайтесь в Добровольную ассоциацию поощрения национального цветоводства: Риверсайд, 1, А/34».

«Масло розы — основа богатства нашего округа! Масло розы — основа здоровья нации! Американцы, умащайте ваши мужественные тела эссенцией розы — и вы не потеряете мужества до ста лет!»

«В Азии — Месопотамия, но

без рая! В Амернке — Рнверсайд, но в раю!»

«Элементы иашего иацнонального рая суть:

Пища — жилище — влага: Глзн-Бабкок.

Одежда — красота — мораль: Кацманзон.

Искусство — рассужденне — религия — пути провндеиия — вечиая слава: универсальное блокпредпрнятне Звездного треста.

Вечиый покой: аиоиимная компаиия «Уриа».

Эксплуатацня времеин в целях смеха и развлечения: изолнрованная обнтель «Древо Евы».

Препараты «Аитисексус»: «Беркмаи, Шотлуа и К⁰».

«Ходят только в башмаках Скржга, в остальной обуви ползают!»

«Приведи в действие тормоз опасиости! Стоп! Дальше — конец света! Зайдн в наш дом «Сотвореиие мира»!»

«Джентльмены! Таиец творит человека — творнте себя: таиц-зал иапротнв! Маэстро Майиритн: стаж 50 лет в странах Европы».

«Помолнсь! Каждый обречеи иа смерть! Встреча с богом иемниуема! Что ты скажешь ему? Зайди в Дом абсолютиой религнн! Вход бесплатиый. Хор юиых дев зафнксироваииого целомудрия! Ожнвленная статуя нстиииого бога! Мнстнческие процедуры, стихи, музыка нерождеиных душ, ароматное помещенне! Кнно религнозиыми методамн иллюстрирует современность, пастор Фокс доказывает соответствне исторнн и библин! Посетнвшему гарантируется стернлизацня души и возвращение перводушевностн!»

«Звездиое знамя есть знамя иебесного бога! Аллилуйя!»

«Наклонн голову: тебя ждут обувные автоматы н препараты протнв пота!»

«Главиое в жизии — пища! И — иаоборот! Усовершенствованиые экскремеитарии в каждом квартале Риверсайда ждут тебя! Осознай желудок!»

«Азропланы в розницу, с бесплатиой упаковкой: Эптон Гаген».

Кирпичинков хохотал. Он читал где-то, что американцы по развнтию мозга — двенадцатилетние мальчики. Судя по Рнверсайду, это была точная правда.

Работу себе иашел Кирпичников через четыре дия: машинистом иа насосиой стаиции, поднимающей воду нз реки Квебек в лнмоииые сады.

Прошел монотоиный месяц. Кругом жнли глупые люди: работа, еда, сон, ежевечериее развлечение, абсолютная вера в бога и в мировое первеиство своего иарода. Очеиь любопытио! Кнрпнчинков наблюдал, молчал и терпел, друзей никакнх ие имел.

Адреса своего Кнрпичнников дома ие оставнл, записки тоже, однако то, что он отправился в Америку, иа родиие было нзвестио. Кирпичииков, как всегда, виимательно чнтал газеты, и однажды увидел в «Чнкагском ораторе» следующее объявленне:

«Мария Кирпичникова просит своего бывшего мужа Михаила Кирпичникова вернуться на Родину, если ему дорога жизнь жены. Через три месяца Кирпичников жену в живых не застанет. Это не угроза, а просьба и предупреждение!»

Кирпичников вскочил, бросился к машине и закрыл клапан паропровода. Машина остановилась.

Сейчас же зазвонил телефон:

— Алло! В чем дело, механик?

— Посылайте смену до срока! Ухожу!

— Алло! В чем дело? Куда уходите? Что за шутки дьявола? Пустите сейчас же насос, иначе взыщем убытки! Алло, вы слушаете? Достаточно ли у вас долларов для уплаты штрафа? Я звоню полиции!

— Убирайся к черту, двенадцатилетний дурак! Я предупредил — ухожу без расчета!

Кирпичников выбежал по мостику с плавучего понтона, на котором помещалась установка, и пустился по долине Квебека на запад, не успевая думать. Солнце жалило зноем, горизонт закрыт горами, подошвы которых устланы тучными плантациями, и жаль было, что великолепные плоды Земли превращались, в конечном счете, в темную глупость и бессмысленное наслаждение человека.

XII

Снова пошли дни, мучительные поиски заработка, тысячи затруднений и приключений. Описание даже обычного дня человека заняло бы целый том, описание дня Кирпичникова — четыре тома. Жизнь — в работе молекул; никто еще не уяснил себе, ценою каких трагедий и катастроф согласуется бытие молекул в теле человека и создается симфония дыхания, сердцебиения и размышления. Это неизвестно. Потребуется изобретение нового научного метода, чтобы его заостренным инструментом просверлить скважины в пучинах нутра человека и посмотреть, какая там страшная работа.

Снова океан. Но Кирпичников уже не кочегар на судне, а пассажир. В Нью-Йорке он попал в мертвую хватку голода. Работы не было, и он вышел из бедствия лишь случайно. Еще в студенческие годы он изобрел однажды точный регулятор напряжения электрического тока. После недельной сплошной голодовки он начал обходить тресты и предприятия с предложением своего изобретения.

Наконец Западная индустриальная компания купила у него проект регулятора. Однако его заставили изготовить рабочие чертежи всех деталей. Кирпичников просидел над этим делом два месяца и получил всего двести долларов. Это его спасло.

Вез его океанский пароход линии Гамбург — Америка со средней скоростью шестьдесят километров в час. Кирпичников знал

свою жену и был уверен, что, если он не поспеет к сроку домой, она будет мертвой. Саумоубийства он не допускал, но что же это будет? Он слышал, что в старину люди умирали от любви. Теперь это достойно лишь улыбки. Неужели его твердая, смелая, радующаяся всякой чепухе жизни Мария способна умереть от любви? От старинной традиции не умирают, тогда отчего же она погибнет?

Размышляя и томясь, Кирпичников блуждал по палубе. Он заметил прожектор далекого встречного корабля и остановился.

Вдруг сразу похолодало на палубе — начал бить страшный северный ветер, потом на судно нахлобучилась водяная глыба и в один миг сшибла с палуб и людей, и вещи, и судовые принадлежности. Судно дало крен почти в 45° к зеркалу океана. Кирпичников уцелел случайно, попав ногой в люк.

Воздух и вода гремели и выли, густо перемешавшись, разрушая судно, атмосферу и океан.

Стоял шум гибели и жалкий визг предсмертного отчаяния. Женщины хватали ноги мужчин и молили о помощи. Мужчины били их кулаками по голове и спасались сами.

Катастрофа наступила мгновенно, и, несмотря на высокую дисциплину и мужество команды, ничего существенного по спасению людей и судна сделать было нельзя.

Кирпичникова сразу поразила не сама буря и мертвая стена воды, а мгновенность их нашествия. За полминуты до них на океане был штиль, и все горизонты были открыты. Пароход заревел всеми гудками, радио заискрило тревогу, началось спасение смытых пассажиров. Но вдруг буря затихла, и судно мирно закачалось, нащупывая равновесие.

Горизонт открылся — в километре шел европейский пароход, сияя прожекторами и спеша на помощь.

Мокрый Кирпичников суетился у катера, налаживая отказывающийся работать мотор. Он не вполне сознавал, как попал к катеру. Но катер необходимо спустить немедленно: в воде захлебывались сотни людей. Через минуту мотор заработал: Кирпичников зачистил его окислившиеся контакты — в этом была вся причина.

Михаил влез в кабинку катера и крикнул: «Отдавай блоки!»

В эту минуту непроницаемый едкий газ затянул все судно, и Кирпичников не мог увидеть своей руки. И сейчас же он увидел падающее, одичалое, нестерпимо сияющее солнце и сквозь треск своего рвущегося мозга услышал на мгновение неясную, как звон Млечного Пути, песню и пожалел о краткости ее.

XIII

Правительственное сообщение, помещенное в газете «Нью-Йорк таймс», было передано из-за гра-

ницы Телеграфным агентством СССР.

«В 11 часов 15 минут 24.IX с. г. под 42° 11′ сев. шир. и 62° 4′ зап. долготы затонули американское пассажирское судно «Калифорния (8485 человек, считая команду) и германское судно «Клара» (6841 человек с командой), шедшее на помощь первому. Точные причины не выяснены. Надлежащее следствие ведется обоими правительствами. Спасенных и свидетелей катастрофы нет. Однако главную причину гибели обоих судов следует считать установленной: на «Калифорнию» вертикально упал болид гигантских размеров. Этот болид увлек корабль на дно океана; образовавшаяся воронка засосала также и «Клару».

По мере хода следствия и подводных изысканий, публика будет своевременно и полностью информирована.

Сообщение было перепечатано во всех газетах мира. Наибольшее страдание оно доставило не сиротам, не невестам, не женам и родственникам погибших, а Исааку Матиссену, директору Кочубаровской опытно-мелиоративной станции близ селения Волошино Воронежского округа Центрально-Черноземной области.

— Ну что, голова! Достиг вселенской мощи — наслаждайся теперь победой! — шептал Матиссен самому себе с тем полным спокойствием, которое соответствует смертельному страданию.

И только пальцами он зря крошил хлеб, скатывал ядрышки и сшибал их щелчками со стола на пол.

— Ведь, по сути и справедливости, я ничего и не достиг. Я только испытал новый способ управления миром, и совсем не знал, что случится! — Матиссен встал, вышел на ночной двор и крикнул собаку. — Волчок! Эх ты, тварь кобелястая! — Матиссен погладил подбежавшую собаку. — Верно, Волчок, что сердце наше — это болезнь? А? Верно ведь, что сентиментальность — гибель мысли? Ну, конечно, так! Разрубим это противоречие в пользу головы и пойдем спать!

Матиссен закричал через забор в открытое поле, пугая невидимых, но возможных врагов, Волчок заскулил — и оба разошлись спать.

Хутор затих. Тихо шептала речонка в долине, подвигая свои воды к далекому океану, и в Кочубарове-селе отсекал исходящий газ двигатель электростанции. Там люди глубоко спали, не имея родственников ни на «Калифорнии», ни на «Кларе».

Матиссен тоже спал — с помертвелым лицом, оловянным, утихшим сердцем и распахнутым зловонным ртом. Он никогда не заботился ни о гигиене, ни о здоровье своей личности.

Проснулся Матиссен на заре. В Кочубарове чуть слышно пели петухи. Он почувствовал, что ему ничего не жалко: значит, окончательно умерло сердце. И в ту же

минуту он понял, что ему неинтересно и то, чего он добился, — не нужно ему самому. Он узнал, что сила сердца питает мозг, а мертвое сердце умерщвляет ум.

В дверь постучался ранний гость. Вошел знакомый крестьянин Петропавлушкин.

— Я к вам от нашей коммуны пришел, Исаак Григорьевич! Вы не обижайтесь, я сам по званию и по науке помощник агронома и суеверия не имею!..

— Говори короче, в чем твое дело? — подогнал его Матиссен.

— Наше дело в том, что вы слово особое знаете и им пользу большую можете делать. Мы же знаем, как от вашей думы машины начинают работать. .

— Ну и что же?

— Нельзя ли, чтобы вы такую думу подумали, чтоб поля круче хлеб рожали...

— Не могу, — перебил Матиссен, — но, может быть, открою, тогда помогу вам. Вот камень с неба могу бросить на твою голову!..

— Это ни к чему, Исаак Григорьевич! А ежели камень можете, то почва ближе неба...

— Дело не в том, что почва ближе...

— Исаак Григорьевич, а я вот читал, корабли в океане утонули тоже от небесного камня. Это не вы американцам удружили?

— Я, товарищ Петропавлушкин! — ответил Матиссен, не придавая ничему значения.

— Напрасно, Исаак Григорьевич! Дело не мое, а полагаю, что напрасно!

— Сам знаю, что напрасно, Петропавлушкин! Да что же делать-то? Были цари, генералы, помещики, буржуи были, помнишь? А теперь новая власть объявилась — ученые. Злое место пустым не бывает!

— А я того не скажу, Исаак Григорьевич! Если ученье со смыслом да с добросердечностью сложить, то, я полагаю, и в пустыне цветы засияют, а злая наука и живые нивы песком закидает!

— Нет, Петропавлушкин, чем больше наука, тем больше ее надо испытывать. А чтоб мою науку проверить, нужно целый мир замучить. Вот где злая сила знания! Сначала уродую, а потом лечу. А может быть, лучше не уродовать, тогда и лекарств не нужно будет...

— Да разве одна наука уродует, Исаак Григорьевич? Это пустое. Жизнь глупая увечит людей. а наука лечит!

— Ну, хотя бы так, Петропавлушкин! — оживился Матиссен.— Пускай так! А я вот знаю, как камни с неба на землю валить, знаю еще кое-что похуже этого! Так что же меня заставит не делать этого? Я весь мир могу запугать, а потом овладею им и воссяду всемирным императором. А не то всех перекрошу и пущу газом!

— А совесть, Исаак Григорьевич, а общественный инстинкт? А ум ваш где же? Без людей вы

тоже далеко не уплывете, да и в науке вам все люди помогали! Не сами же вы родились и разузнали сразу все!

— Э, Петропавлушкин, на это можно высморкаться! А ежели я такой злой человек?

— Злые умными не бывают, Исаак Григорьевич!

— А по-моему весь ум — зло! Весь труд — зло! И ум и труд требуют действия и ненависти, а от добра жалеть да плакать хочется...

— Несправедливо вы говорите, Исаак Григорьевич! Я так непривычен, у меня аж в голове шумит!.. Так наша коммуна просит помощи, Исаак Григорьевич! Очень земля истощена, никакой фосфат уже не утучняет. Вам думу почве передать не трудно, а нам жизнь от этого! Уж вы пожалуйста, Исаак Григорьевич! Вон как прелестно у вас: подошел, подумал что следует — и машина воду сама погнала! Так бы и нам материнство в почву дать! До свиданья пока!

— Ладно. Прощай! — ответил Исаак Григорьевич.

«А этот человек умен, — подумал Матиссен, — он почти убедил меня, что я выродок!»

Затем Матиссен окончательно оделся и перешел в другую комнату. В ней стоял плоский и низкий стол, размером 4 × 2 метра. На столе помещались приборы. Матиссен подошел к самому маленькому аппарату. Он включил в него ток от аккумуляторов и лег на пол. Сейчас же он потерял ясное сознание, и его начали терзать гибельные кошмары почти смертельной мощи, почти физически разрушающие мозг. Кровь переполнялась ядами и зачеряла сосуды; все здоровье Матиссена, все скрытые силы организма, все средства его самозащиты были мобилизованы и боролись с ядами, приносимыми кровью, обращающейся в мозгу. А сам мозг лежал почти беззащитным под ударами электромагнитных волн, бьющих из аппарата на столе.

Эти волны возбуждали особые мысли в мозгу Матиссена, а мысли стреляли в космос особыми сферическими электромагнитными бомбами. Они попадали где-то, быть может, в глуши Млечного Пути, в сердце планет, и расстраивали их пульс, и планеты сворачивали с орбит и гибли, падая и забываясь, как пьяные бродяги.

Мозг Матиссена был таинственной машиной, которая пучинам космоса давала новый монтаж, а аппарат на столе приводил этот мозг в действие. Обычные мысли человека, обычное движение мозга бессильны влиять на мир, для этого нужны вихри мозговых частиц — тогда мировое вещество сотрясает буря.

Матиссен не знал, когда начинал опыт, что случится на земле или на небе от его нового штурма. Тем чудесным и неповторимым строением электромагнитной волны, которую испускал его

мозг, он еще не научился управлять. А именно в особом строении волны и был весь секрет ее могущества; именно это было мировую материю по самому нежному месту, и от волн она сдавалась. И такие сложные волны мог давать только живой мозг человека и лишь при содействии мертвого аппарата.

Через час особые часы должны прервать ток, питающий мозговозбудительный аппарат на столе, и опыт прекратится.

Но часы остановились: их забыл завести Матиссен перед началом опыта. Ток неутомимо питал аппарат, и аппарат тихо гудел в своем труде.

Прошло два часа. Тело Матиссена таяло пропорционально квадрату количества времени. Кровь из мозга поступала сплошной лавой трупов красных шариков. Равновесие в теле нарушилось. Разрушение брало верх над восстановлением. Последний неимоверный кошмар вонзился в еще живую ткань мозга Матиссена, и милосердная кровь погасила последний образ и последнее страдание.

В девять часов утра Матиссен лежал мертвым — с открытыми глазами. Аппарат усердно гудел и остановился только к вечеру, когда иссякла энергия в аккумуляторе.

Весь день мимо дома Матиссена бежали упряжки лошадей и полуторатонные грузовики — возить отаву с лугов, заготовлять впрок корм скоту.

Петропавлушкин водил автомобиль-грузовичок, улыбался мировому пространству в полях и успокоительно думал о пользе добросердечной науки, коей он сам немалый соучастник.

XIV

Через два дня «Известия» в отделе «Со всего света» напечатали информацию Главной астрономической обсерватории:

«В созвездии Гончих Псов при ясном небе вторые сутки обнаруживается альфа-звезда.

В Млечном Пути, на 4-й дистанции (9-й сектор), образовалось пустое пространство — разрыв. Его земной угол = 4° 71′. Созвездие Геркулеса несколько смещено, вследствие чего вся солнечная система должна изменить направление своего полета. Столь странные явления, нарушившие вековое строение неба, указывают на относительную хрупкость и непрочность самого космоса. Обсерваторией ведутся усиленные наблюдения, направленные к отысканию причин этих аномалий».

В дополнение к этому в ближайшем номере обещалась беседа с академиком Ветманом. Из других телеграмм с 1/4 земного шара (тогдашние размеры СССР) не явствовало, чтобы Земля потерпела что-либо существенное от звездных

катастроф, исключая петитную информацию с Камчатки:

«На горы село небольшое небесное тело, около десяти километров в поперечнике. Строение его неизвестно. Форма — сфероид. Тело прилетело с небольшой скоростью и плавно приземлилось к вершинам гор. В бинокли видны огромные кристаллы на его поверхности. Местным Обществом любителей природоведения снаряжена экспедиция для предварительного изучения опустившегося тела. Но экспедиция не может дать быстрых результатов, горы почти неприступны. Из Владивостока затребованы аэропланы. Сегодня в направлении небесного тела пролетела небольшая эскадрилья японских аэропланов».

На следующий день эта заметка превратилась в сенсацию, и странному событию была посвящена статья в триста строк академика Ветмана.

В тот же день «Беднота» сообщила о смерти инженера-агронома Матиссена, известного в кругах специалистов работника по оптимальному режиму влаги в почве.

И только помощнику агронома в Кочубарове Петропавлушкину, выписывавшему «Известия» и «Бедноту», пришла в голову нечаянная мысль о связи трех заметок: Матиссен умер, на Камчатские горы села планетка, одна звезда пропала и лопнул Млечный Путь. Но кто же поверит такому деревенскому бреду?

Хоронили Матиссена торжественно. Почти вся Кочубаровская сельскохозяйственная коммуна шла за его гробом. Земледелец издревле любит странников и чудородных людей. А молчаливый одинокий Матиссен был из таких — это явно чувствовали в нем все. Последний ободок волос на лысом черепе Матиссена осыпался, когда гроб резко толкнули неловкие руки. Это удивило всех крестьян, и к мертвому Матиссену прониклись еще большей жалостью и уважением.

Похороны Матиссена совпали с концом работ подводной экспедиции, отправленной правительствами Америки и Германии для отыскания затонувших «Калифорнии» и «Клары».

Снимаясь с места катастрофы, экспедиция отправила радио в Нью-Йорк и Берлин:

«Считать установленным точной разведкой — живая сила болида была титанически велика: «Калифорния» и «Клара» загнаны болидом глубоко в дно океана, и сам болид утонул в недрах океанического ложа. В месте катастрофы образовалась впадина диаметром в сорок километров, с наибольшей глубиной, считая от прежнего уровня дна, в 2,55 километра. Только подводное бурение может указать глубину залегания всех трех тел — «Калифорнии», «Клары» и самого болида. Надо ожидать сильной деформации изыскиваемых предметов».

В ответ на это оба правительства телеграфировали:

«Бурите дно океана. Соответствующие кредиты открыты».

Экспедиция послала одно из своих судов за добавочным оборудованием для буровых подводных работ, а через две недели начала бурение.

Петропавлушкин был селькором «Бедноты». Наука держала мир в панике сенсаций. Каждый день манифесты ее открытий занимали половину ежедневной прессы. Было время: веселился воин, потом торжествовал богач, а теперь настало время ученого-героя и ликующего знания. В науке поместилось ведущее начало Истории.

В стороне от науки стоять не было терпения, и Петропавлушкин написал в «Бедноту» корреспонденцию, которая должна дать ему внутреннее удовлетворение соучастника всемирной науки.

Девять дней его терзала догадка, потом она превратилась в теплое убеждение, греющее мозг.

Корреспонденция называлась «Битва человека со всем миром».

«Ученый-инженер и агроном Исаак Григорьевич Матиссен, что умер на днях, как то известно читателям, изобрел такие мысли, что они сами по себе могли кидать метеоры на Землю. Перед смертью Исаак Григорьевич говорил мне, что он и не то будет еще делать. Американский корабль утонул тоже по его власти. А я ему отсоветовал так отягощаться бедой. Но он насмеялся над здравым смыслом полунаучного человека (я имею степень помощника агронома по полеводству). И вот я уверился, что Млечный Путь лопнул от мыслей Исаака Григорьевича. Смешно говорить, но он умер от такого усилия. У него жилы лопнули в голове и произошло кровоизлияние. Кроме Млечного Пути, Исаак Григорьевич навеки испортил одну звезду и совлек Солнце с Землею с их спокойного, гладкого пути. От этого же, я так думаю, и какая-то планета отчего-то прилетела на Камчатские полуострова.

Но дело прошлое. Теперь Исаак Григорьевич умер и только зря поломал мировое благонадежное устройство. А мог бы он и добро делать, только не захотел отчего-то и умер.

Я освещаю этот мировой факт и требую к нему доверия, потому что я очевидец всему. Доказательство тому — мой предварительный разговор с Исааком Григорьевичем перед его уединненной смертью.

Разгадка теперь дана всем малосведущим, и факт стал фактом во всеуслышание.

Долой злые тайны и да здравствует сердечная наука!

Селькор и помощник участкового агронома по полеводственной дисциплине П е т р о п а в л у ш к и н».

В редакции «Бедноты» посмеялись над таким доносом на мертвого и написали товарищу Петропавлушкину теплое письмо, полное разубеждения, пообещав прислать ему такие книги, кото-

рые его сразу вылечат от идеалистического сумбура.

Петропавлушкин обиделся и перестал писать корреспонденции. Потом одумался, разозлился и написал открытку:

«Граждане! Редакторы-издатели! Полуученый человек сообщил вам факт, а вы не поверили, будто я совсем не ученый. Прошу опомниться и поверить хоть на сутки, что мысль не идеализм, а твердое могучее вещество. А все мироздания с виду прочны, а сами на волосках держатся. Никто волоски не рвет, они и целы. А вещество мысли толкнуло — все и порвалось. Так о чем же речь и насмеяние фактов? Вселенский мир — это вам не бумажная газета. Остаюсь с упреком — бывший селькор Петропавлушкин».

XV

Мария Александровна Кирпичникова прочитала в списке погибших на «Калифорнии» имя своего мужа. Она знала, что он к ней вернется, теперь узнала, что его нет на свете.

Она его не видела двенадцать месяцев, а теперь не увидит никогда.

— Кончена жизнь... — вслух сказала она и подошла к окну.

— Что, мама? — спросил пятилетний сын, возившийся с кошкой.

— Лето кончается, сынок! Видишь, падают листья на улице.

— А отчего ты плачешь? Папа не приедет?

— Приедет, милый!..

Мать его начала обнимать и уговаривать лечь поспать, чтобы не быть вечером дохлым. Мальчик сопротивлялся, лаская мать.

— Ляг, поспи, мальчик. Папа скорей приедет!

— Не ври, мамка. Сколько раз спал, а он все не едет!

— Ну, ты так ляг, полежи. А то к бабушке отправлю, как Левочку, скучать по мне будешь. Поедешь к бабушке?

— Не поеду я!

— Почему?

— Мне там скучно будет, а без меня папа приедет!

И все же мальчик улегся спать — мать знает, как это сделать. Мария Александровна посмотрела на ребенка — лицо его стало мирным и необыкновенным, вызывающим жалость и новые силы любви. Кажется, пусть только проснется он — и все станет новым, и мать его никогда не обидит. Но это был только милый обман образа спящего беззащитного ребенка: просыпался мальчик снова маленьким бандитом и извергом, и даже мебель от него уставала.

Оставшись в покое, Мария Александровна решила неуклонно жить. Но она понимала, что теперь всю энергию своего сознания она должна бросить на то, чтобы урегулировать свое плачущее, любящее сердце. И только тогда она

устоит на ногах, иначе можно умереть во сне.

Спать она боялась ложиться, отдыхающий беззащитный мозг могут растерзать дикие образы ее неутомимого несчастья. Она знала, что в спящем человеке разводятся страшные образы, как сорняки в некультурных, заброшенных полях.

И грядущая ночь ей была непостижимо страшна.

Как женщина, как человек, она хотела бы иметь горсть пепла от праха своего мужа. Отвлеченная могила под дном океана не давала веры в настоящую смерть, но темным инстинктом она была убеждена, что Михаил уже не дышит воздухом Земли.

Спящий Егорушка до привидения напоминал ей мужа. Отсутствовали только морщины и складки утомленного рта.

Мария Александровна не совсем понимала мужа: ей была непонятна цель его ухода. Она не верила, что живой человек может променять теплое, достоверное счастье на пустынный холод отвлеченной одинокой идеи. Она думала, что человек ищет только человека, и не знала, что путь к человеку может лежать через стужу дикого пространства. Мария Александровна предполагала, что людей разделяют лишь несколько шагов.

Но ушел Михаил, а потом умер в далеком плавании, ища драгоценность своей затаенной мысли. Мария Александровна, конечно, знала, чего ищет ее муж. Она понимала смысл размножения материн. И в этой области хотела помочь мужу. Она купила ему десять экземпляров большого труда — перевод символов только что найденной в тундре книги, изданной под именем «Генерального сочинения». В Аюнии, вероятно, сильно было развито чтение: этому способствовала тьма восьмимесячной ночи и уединенность жизни аюнитов.

При строительстве второго вертикального термического тоннеля, когда Кирпичников уже пропал, строители обнаружили четыре гранитные плиты с символами на них, исполненными крупным рельефом. Символы были того же начертания, что и в ранее найденной книге «Песни Аюны», поэтому легко поддались переложению на современный язык.

Плиты-писанцы, вероятно, были памятником и завещанием философа-аюнита, но в них содержались мысли о сокровенном содержании природы. Мария Александровна исчитала всю книгу и нашла ясные намеки на то, что искал ее муж по всей пустой земле. Далекий мертвый человек давал помощь ее мужу, ученому и бродяге, давал помощь счастью женщины и матери.

И вот тогда Мария Александровна дала объявления в пять американских газет.

Она изучила на память нужные места в «Генеральном сочинении»,

боясь утратить как-нибудь книгу и не встретить Михаила с наилучшей для него радостью.

«Лишь живое познается живым, — писал аюнит, — мертвое непостижимо. Неимоверное нельзя измерить достоверным. Именно посему мы познали отчетливо такое далекое, как азны (соответствует электронам. — Примечание переводчиков и излагателей) и нам осталось мало известным такое близкое, как мамарва (соответствует материи. — Примечание переводчиков и излагателей). Это потому что первое живет, как ты живешь, а второе — мертво, как Муйя (неизвестный образ. — Примечание переводчиков и излагателей). Когда азны шевелились в пройе (соответствует атому. — Примечание переводчиков и излагателей), сначала мы видели в этом механическую силу, а потом с радостью открыли в азнах жизнь. Но центр пройи, полный мамарвы, был веками загадкой, пока мой сын достоверно не показал, что центр пройи состоит из тех же азнов, только мертвых. И, мертвые, они служат пищей живым. Стоило сыну моему извлечь из пройи ее середину, как все живые азны погибли от голода. Так вышло, что центр пройи есть амбар пищи для живых азнов, пасущихся вокруг этой обители трупов своих предков, чтобы пожирать их. Так просто и сияюще истинно была открыта природа всей мамарвы. Вечная память моему сыну! Вечная скорбь его имени! Вечное почитание его утомленному образу!»

Это Мария Александровна знала наизусть, как ее сын стихотворение про рыжего важного шофера.

Остальная часть «Генерального сочинения» содержала учение об истории аюнитов — о ее начале и близком конце, когда аюниты найдут свой зенит во времени и в природе, когда все три силы — народ аюнитов, время и природа — придут в гармоническое соотношение, и их бытие втроем зазвучит как симфония.

Это Марию Александровну мало интересовало. Она искала равновесие своего личного счастья и не вполне осваивала откровения неведомого аюнита.

И только последние страницы книги заставили ее вздрогнуть и забыться в удивленном внимании.

«...Ныне это так же стало возможным, как было в эпоху детства моей родины. Тогда возмутились пучины Материнского Океана (Северного Ледовитого. — Примечание редактора) и Океан начал заливать нашу Землю жесткой, мерзлой водой, перемешанной с глыбами льда. Вода ушла, а льды остались. Они долго ползли по холмам нашей просторной Земли, пока не стерли их, и наша родина превратилась в бесплодную равнину. Лучшие плодородные почвы на холмах были срезаны льдом, и народ остался в голодном поле. Но беда лучший

наставннк, а катастрофа народа — органнзатор его, еслн еще не обесплоложена кровь людей долгой жизнью на Земле. Так н тогда: льды разрушнлн плодоносную землю, лишнлн нашнх предков пнтания н размножения, н гибель спустилась над головою народа. Горячнй поток в океане, отаплнвавшнй страну, начал удаляться на север, н стужа завыла над той землей, где цвелн сумрачные аргоны. На севере нас сторожнл хаос мертвых льдов, на юге — лес, набитый темной тучей мощных зверей, наполненный свистом мрачных гадов и пересеченный целымн рекамн яда зундры (нспражнення гнгантскнх змей. — Примечанне редактора). Народ Аюны, народ мужества н чувства уважения к своей судьбе, начал себя умерщвлять, закапывая свои книгн — высшнй дар Аюны — в землю, оковав их золотом, пропнтав лнсты составом веньи, дабы онн моглн уцелеть вечность н не сгннть.

Когда половнна народа была покорена смертью и лежала трупамн, явнлся Эйя — храннтель книг — н пошел бродить по опустевшим дорогам н замолкающнм жнлнщам. Он говорнл: «У нас отнято материнство почвы, погасает теплота воздуха, лед скребет нашу родину, н горе тушнт мудрость ума н мужество. У нас остался только свет солнца. Я сделал аппарат — вот он! Страданне научнло меня терпенню, и днкне годы отчаяння народа я сумел плодотворно нспользовать. Свет — сила терзаемой мамарвы (нзменяющейся матернн. — Примечание редактора), свет — стихия аэнов; мощь аэнов сокрушительна. Мой аппарат превращает потоки солнечных аэнов в тепло. И не только свет солнца, но н луны и звезд я могу своей простой машнной превратить в тепло. Я могу получнть огромное количество тепла, которым можно расплавнть горы. Нам теперь не нужен теплый поток океана, чтобы греть нашу землю!

Так Эйя стал водителем жизни и началом новой истории Аюны. Его аппарат, состоящнй из сложных зеркал, преобразующнх свет неба в тепло н в живую силу металла (вероятно, электрнчество. — Прнмечанне редактора) н поныне служит нсточнном народной жизни н довольства.

Равннны роднны расцвели, н родилнсь новые дети. Прошел эн (очень длительный промежуток временн. — Прнмечанне редактора).

Организм человека был исчерпан. Даже молодой мужчина не мог пронзводнть семенн, даже снльнейшнй разум перестал рождать мысль. Долнны роднны покрылись сумраком последнего отчаяния — человек дошел до предела в самом себе — солнце иашего сердца закатывалось навсегда. Перед этнм льды былн ничто, холод — иичто, смерть — ннчто. Человек питался однмм презреннем к себе. Он не мог нн

любить, ни мыслить, и даже не мог страдать. Источники жизни иссякли в недрах тела, потому что они были выпиты. У нас были горы пищи, дворцы уюта и кристаллические книгохранилища. Но не было больше судьбы, не стало живости и жара в теле, затмилась надежды. Человек — рудник, но руда была выработана вся, остались пустые шахты.

Хорошо погибнуть на крепком корабле в диком океане, но плохо насмерть захлебнуться пищей.

Так было долго. Целое поколение не познало молодости.

Тогда мой сын Рийго нашел исход. Чего не могло дать естество, то дало искусство. Он сохранил остатки живого мозга в себе и сказал нам, что судьба наша кончается, но еще можно открыть ей двери — нас ждет ясный день. Решение было просто: электромагнитное русло. (В подлиннике: труба для живой силы металла. — Примечание редактора.) Рийго провел из пространства пищепровод к азиам нашего мрачного тела, пустил по этому пищепроводу потоки мертвых азнов (соответствует эфиру. — Примечание редактора), и азны нашего тела, получив избыток пищи, ожили. Так были воскрешены наш мозг, наше сердце, наша любовь к женщине и наша Аюна. Но больше того; дети росли скорее в два раза, и жизнь в них пульсировала как сильнейшая машина. Все остальное — сознание, чувства и любовь — выросло в страшные стихии и напугало отцов. История перестала шествовать и начала мчаться. И ветер судьбы бил нас в незащищенное лицо великими новостями мысли и поступков.

Изобретение моего сына, как все замечательное, имеет серое лицо. Рийго взял два центра пройи, наполненные трупами азнов, и поместил в одну пройю. Тогда живые азны пройи стали быстро размножаться, и вся пройя выросла за десять дней в пять раз. Причина видна и невзрачна: азны стали больше питаться, потому что запас их пищи увеличился в два раза.

Так Рийго развел целые колонии сытых, быстрорастущих, неимоверно множащихся азнов. Тогда он взял обыкновенное тело — кусок железа — и мимо него, лишь касаясь железа, начал излучать в направлении звезд поток сытых азнов, разведенных в колониях. Сытые азны не перехватывали для пищи трупы своих предков (то есть эфир. — Примечание редактора), и те свободно текли к куску железа, где их ждали голодные азны. И железо начало расти на глазах людей, как растение из земли, как ребенок в животе матери.

Так искусство моего сына оживило человека и начало выращивать вещество.

Но победа всегда подготовляет поражение.

Искусственно откормленные азны, имея более сильное тело, стали нападать на живых, на

естественых аэнов и пожирать их. А так как при всяком превращении вещества есть иеустранимые потери, то пожраный маленький аэн ие увеличивал тела большого аэна настолько, сколько имел сам, когда был живой. Так вещество то там, то здесь — всюду, куда попадали откормленые аэны (злектроны — дальше пользуемся зтим современным термином. — Примечание редактора), начало уменьшаться. Искусство Рийго ие смогло сделать пищепровод для всей Земли, и вещество таяло. Только там, куда был проложен тракт для потока трупов электронов («эфирный тракт». — Примечание редактора), вещество росло. «Эфирными трактами» были снабжены люди, почва и главиейшие вещества для нашей жизни. Все остальное уменьшалось в своих размерах, вещество сгорало, мы жили эа счет разрушеиия планеты.

Рийго исчеэ иэ дому. В Материиском Океаие начала пропадать вода. Рийго зиал причину исчеэновения влаги и вышел встречать противника. Однажды откормленное н воспитанное нм племя электронов работой времени и естественным отбором достигло того, что каждый злектрои равнялся облаку по объему тела.

В неистовой свирепости шли тучи электронов нэ недр Материнского Океана, колыхаясь, как горы при землетрясении, дыша, как могучие ветры. Аюна будет выпита ими, как обычная вода, и Рийго пал. Нельзя вытерпеть взгляд электрона. Гиусна будет смерть от ужаса, но нет спасения больше Аюне. Рийго давно пал в безвестиости, как камень в колодезь. Слншком медленио идут эти космические звери. Но слишком быстро прошли оии путь от частички пройи до живой горы. Я думаю, они тонут в земле, как в твороге, потому что тело их тяжелее свинца. Наверное, Рийго пал не зря, а имея решеине и способ победить иеизвестные злементарные тела. В быстром росте, в бешеиом действии естественного отбора — сила электроиа. В зтом и слабость их, потому что ясно укаэывает на предельную простоту их психики и физиологической организации, а стало быть, обнаруживает беззащитиое, уязвимое место. Рийго постиг эту очевидность, но был убит лапой электроиа, тяжелой, как пласт платины...»

Мария Александровиа поникла над книгой. Егорушка спал. Часы пробили двенадцать ночи — самый страшиый час одиночества, когда спят все счастливые.

— Неужели так труден корм человеку? — громко сказала Мария Александровна. — Неужели всегда победа — предвестник поражения?

Тишина в Москве. Последние трамваи спешат в парк, искря коитактами.

— Тогда какой победой воэместится мрачиая смерть моего мужа? Какая душа мие замеиит его сумрачную, потеряниую любовь?

XVI

В Серебряном Бору, близ крематория, стояло здание нежного архитектурного стиля. Оно исполнено было, как сфероид — образ космического тела, но не касалось земли, удерживаемое пятью мощными колоннами. От высшей точки сфероида уходила в небо телескопическая колонна — в знак и в угрозу мрачному стихийному миру, отнимающему живых у живущих, любимых у любящих, — в надежду, что мертвые будут отняты у вселенной силою восходящей науки, воскрешены и возвратятся к живым.

Это был Дом Воспоминаний, где стояли урны с пеплом погибших людей.

Седая и от старости прекрасная женщина вошла с юношей в Дом.

Тихо прошли они в дальний конец огромного зала, освещенного тихим синим светом памяти и тоски.

Урны стояли в ряд, как некие светильники с потухшим светом, освещавшие некогда неизвестную дорогу.

На урнах были прикреплены мемориальные доски.

«Андрей Вогулов. Пропал без вести в экспедиции по подводному исследованию Атлантиды.

В урне нет праха — лежит платок, смоченный его кровью во время ранения на работах на дне Тихого океана. Платок доставлен его спутницей».

«Петер Крейцкопф, строитель первого снаряда для достижения Луны. Улетел в своем снаряде на Луну и не возвратился. Праха в урне нет. Сохраняется его детское платье. Честь великому технику и мужественной воле!»

Седая женщина, сияющая удивительным лицом, прошла с юношей дальше.

Они остановились у крайней урны.

«Михаил Кирпичников, исследователь способа размножения материи, сотрудник доктора физики Ф. К. Попова, инженер. Погиб на «Калифорнии» под упавшим болидом. В урне нет праха. Хранится его работа по искусственному кормлению и выращиванию электронов и прядь волос».

Внизу висела вторая, малая доска:

«Чтобы найти пищу электронам, он потерял свою жизнь и душу своей подруги. Сын погибшего осуществит дело отца и возвратит матери сердце, растраченное отцом. Память и любовь великому искателю!»

Бывает старость, как юность: ожидающая спасения в чудесной опоздавшей жизни.

Мария Александровна Кирпичникова утратила молодость напрасно, теперь ее любовь к мужу превратилась в чувство страстного материнства к старшему сыну — Егору, которому шел уже двадцать пятый год. Младший сын, Лев, учился, был общителен, очень красив, но не возбуждал в матери того резкого чувства

нежности, бережности н надежды, как Егор.

Егор лицом напомннал отца — серое, обычное, но необычайно влекущее скрытой значнтельиостью и бессоэнательной снлой.

Мария Александровна взяла Егора за руку, как мальчнка, н пошла к выходу.

В вестибюле Дома Воспомнннанй висела квадратная эолотая доска с серымн платнновымн буквамн:

«Смерть присутствует там, где отсутствует достаточное знанне фнзиологических стнхий, действующнх в организме и разрушающнх его».

Над входом в Дом внсела арка со словами:

«Вспомннай с нежностью, ио без страдаиия: наука воскресит мертвых н утешит твое сердце».

Женщина и юноша вышлн на воздух. Летиее солнце ликовало над полнокровной землей и взорам двух людей предстала новая Москва — чудесный город могущественной культуры, упрямого труда и умного счастья.

Солнце спешнло работать, люди смеялнсь от избытка снл и жаднничали в труде н в любвн.

Всем их обеспечнвало солнце над головой — то самое солнце, которое когда-то освещало дорогу Миханлу Кнрпнчникову в лнмонном округе Риверсайда, — старое солице, которое сияет тревожной, страстной радостью, как зачатне вселенной.

* * *

Егор Кнрпичнников кончнл Инстнтут нмени Ломоносова н стал инжеиером-электриком.

Дипломный проект он сделал на тему: «Лунные возмущения электросферы Землн».

Егору мать передала все книги н рукопнсн отца, в том числе труд Ф. К. Попова, который начнсто перепнсал Мнхаил Кнрпичников после его смерти.

Егор позиакомнлся с работами Попова, редкой литературой и всемн современными гипотезами по выкармливаиию и воспнтанню электронов. Что электроны были жнвыми существами — отпалн все сомиения. Область электронов уже твердо определилась, как микробнологнческая днсциплниа.

Егор избрал темой своей жизнн конечную разгадку вселениой; н он не напрасно, подобио своему отцу, нскал первичное чрево мнра в межзвездном пространстве — в таинственной жнзни электроиов, составляющнх эфир.

Егор верил, что, кроме бнологического, существует электротехнический способ искусственного размноження вещества, н нскал его со всею свежестью и страстью молодости, не тронутой женской любовью.

В это лето Егор рано кончнл свою работу в лабораторни профессора Маранда, которому он ассистнровал по кафедре Строеиня эфнра.

Маранд в мае уехал в Австра-

лию, к своему другу астрофизику Товту, и Егор наслаждался отдыхом, летом и собственными нечаянными мыслями.

«Отдых — лучшее творчество», — писал когда-то в письме Марии Александровне отец Егора, бродя по тундре вокруг вертикального термического тоннеля, где он служил некоторое время производителем работ.

Егор уходил из дому утром. Его нес метрополитен под Красными Воротами, под площадью Пяти Вокзалов и выносил далеко за город, за Новые Сокольники, в кислородные рощи Там шествовал Егор, чувствуя давление крови, свободную вибрацию мозга и острую тоску приближающейся любви.

И раз было так. Егор проснулся — на дворе стоял уже великий торжественный летний день. Мать спала, зачитавшись накануне до глубокой ночи. Егор оделся, прочитал утреннюю газету, прислушался к звенящему напряженню удивительного города и решил куда-нибудь уйти. От отца или от давних предков в нем сохранилась страсть к движению, странствованию и к утолению чувства зрения. Быть может, его далекие деды ходили когда-то с сумочками и палочками на богомолье из Воронежа в Киев не столько ради спасения души, сколько из любопытства к новым местам; может быть, еще что — неизвестно. И Егор посильно удовлетворял свое тревожное чувство бродяги в районе узкого радиуса.

Подземка вынесла Егора за Останкино и там оставила одного. Егор вышел на глухую полевую дорогу, снял шляпу, пробормотал забытое стихотворение, вычитанное в книгах матери:

Среди людей, мне близких и чужих,
Скитаюсь я без цели, без желанья...

Дальше он вспомнить слов не мог, но вспомнил другое:

«Любимый твой умер далеко,
Как камень в колодезь упал.
В урне лежит его локон,
А голову он потерял».

Эту песнь иногда пела мать Егора, когда ее схватывала тоска о муже и она искала от нее защиты у детей и у простой песенки.

— Так, — сказал себе Егор, — но что же производит эфир? — и лег в траву. — А, черт его знает что!

Солнце гладило Землю против шерсти — и Земля вздымалась травами, лесами, ветрами, землетрясениями, северными сияниями.

Егор посмотрел на солнце — и сразу горячая волна прошла по его горлу и остановилась в голове.

Он поднялся и ничего не мог сообразить.

Как будто его обняла внезапно сзади утраченная любимая и сразу же скрылась.

Как в женщину, вонзилась в его сознание сияющая догадка и прополосовала мозг, как падающая звезда. Он ощутил страсть и успокоение, как цвет, сбросивший плодотворную пыль в материнское пространство.

Утратнв нечаянную мысль, Егор крнкнул от досады н пошел прочь со случайного места.

Но потом к нему не спеша возвратнлнсь все неясные мысли, как детн со двора, нангравшись и слабо сопротнвляясь матерн.

XVII

4 января в газете «Интеллектуальный труженнк» была напечатана заметка:

«Электроцентраль жизнн»

Молодым ннженером Г. Кнрпнчниковым в лабораторнн эфнра профессора Маранда производятся в теченне ряда месяцев ннтересные опыты над нскусственным пронзводством эфнра. В идее работа ннженера Кнрпнчннкова заключается в том, что электромагнитное поле высокой частоты убивает в матерни живые электроны; мертвые же электроны, как известно, составляют тело эфнра. Высоту техннческого нскусства ннженера Кирпнчннкова можно понять нз того, что для убиения электронов требуется переменное поле не менее 10^{12} пернодов в секунду.

Высокочастотную машину Кнрпичннкова представляет само Солнце, свет которого разлагается сложпой снстемой ннтерфернрующих поверхностей на составные энергетнческне элементы: механическую энергню давлення, хнмическую энергню, электрическую и т. д.

Кирпичникову нужна, собственно, одна электрнческая энергня, которую он, посредством особого прибора нз прнзм н дефлекторов, концентрнрует в очень огранnченном пространстве и достнгает нужной частотностн.

Электромагнитное поле, по существу, есть колония электронов. Заставляя быстро пульсировать это поле, Кнрпнчннков добился, что жнвые электроны, составляющие то, что называется полем, погибалн; электромагнитное поле превращалось по этой причнне в эфнр — механнческую массу тел мертвых электронов.

Получая некоторые эфнрные пространства, Кирпичников опускал в ннх какое-лнбо обыкновенное тело (напрнмер, самопнс Ваттермана) н это тело за трое суток увелнчнвалось в два раза по своему объему.

В веществе самопнса пронсходнл следующнй процесс: живые электроны, существующие в веществе самопнса, получали уснленное пнтанне за счет окружающнх трупов электронов и быстро размножалнсь, увелнчнваясь также в своем объеме. Это вызывало рост всего вещества самопнса. По мере поглощення эфнра жнвыми электронами рост н размноженне их прекращалнсь.

Кнрпнчннковым, на основаннн своих работ, установлено, что в массиве Солнца зарождаются в неимоверных количествах нсключительно жнвые электроны; но именно средоточне нх гигантского количества в относительно тесном месте вызывает такую страшную борьбу между нимн за нсточннкн

питания, что почти все электроны погибают нацело. Борьба электронов за питание обусловливает высокую пульсацию Солнца. Физическая энергия Солнца имеет, так сказать, социальную причину — взаимную конкуренцию электронов. Электроны в солнечном массиве живут всего несколько миллионных долей секунды, будучи истребляемы более сильными противниками, которые, в свою очередь, погибают под ударами еще более мощных конкурентов и т. д. Еле успев пожрать труп врага, электрон уже гибнет — и очередной победитель поедает его вместе с непереваренными клочьями тел ранее убитых электронов.

Движения электронов в Солнце настолько стремительны, что огромное количество их вытесняется за пределы Солнца и улетает в мировое пространство со скоростью трехсот тысяч километров в секунду, производя эффект светового луча. Но на Солнце идет настолько грозная и опустошительная борьба, что все электроны, покинувшие Солнце, бывают мертвы и летят за счет либо инерции движения, начатого когда они были живы, либо от удара противника.

Однако Кирпичников убежден, что бывают редчайшие исключения, когда электрон может живым оторваться от Солнца. Тогда, имея вокруг себя эфир — обильную питательную среду, он служит отцом новой планеты. В дальнейшем инженер Кирпичников предполагает производить эфир в больших количествах, преимущественно из высоких слоев атмосферы, пограничных с эфиром. Электроны там менее активны, и на истребление их потребуется меньший расход энергии.

Кирпичников заканчивает свой новый метод искусственного производства эфира; новый способ заключается в электромагнитном русле, где действует высокая частота для умерщвления электронов. Электромагнитное высокочастотное русло направляется от земли к небу и в нем, как в трубе, образуется поток мертвых электронов, подгоняемых давлением солнечного света к земной поверхности.

У земной поверхности эфир собирается, аккумулируется в особые сосуды и затем идет на питание тех веществ, объем которых желают увеличить.

Инженер Кирпичников произвел и обратные опыты. Действуя высокочастотным полем на какой-либо предмет, он достигал как бы угасания предмета и полного его исчезновения. Очевидно, убивая электроны в веществе предмета, Кирпичников уничтожал самую сокровенную природу веществ, ибо только живой электрон — частица материи, мертвый же принадлежит эфиру. Несколько предметов таким способом Кирпичников начисто превратил в эфир, в том числе и самопис Ваттермана, который он сначала «откормил».

Совокупность всех работ Кирпичникова указывает, какую титаническую силу созидания и ист-

ребления получило человечество в его изобретении.

По мнению Кирпичникова, благодаря постоянному снабжению земного шара эфиром, текущим из Солнца, Земля в целом постоянно увеличивается в своих размерах и в удельном весе своего вещества. Это обеспечивает прогресс человечества и подводит физический базис под исторический оптимизм.

Кирпичников говорит, что он в своем изобретении всецело скопировал деятельность Солнца по отношению к Земле и лишь ускорил его работу.

В связи с этими поражающими открытиями невольно приходят на память имена Ф. К. Попова, оставившего нам свой изумительный труд, и, наконец, отца изобретателя, странно и трагически погибшего инженера Михаила Кирпичникова».

XVIII

Как музыка, лилась работа у Кирпичникова, как любовь, он ощущал в себе страсть к неуловимому нежному телу — эфиру. Когда он писал пояснительную записку «О возможности и нормах дополнительного питания электронов», то чувствовал аппетит, и его полные юношеские губы бессознательно смачивались слюной.

Корреспондентов газет он не принимал, обещая скоро выпустить небольшой труд информационного характера и публично продемонстрировать свои опыты.

Однажды Егор Кирпичников заснул у стола, но сразу проснулся. Была ночь — глубокая и неизвестная, как все ночи над живой Землей. Тот напряженный и тревожный час, когда, по стихам забытого поэта:

И по хребту электроволн
Плывущее внимание,
Как ночь в бульварном, мировом
Таинственном романе.

В это время, когда человеку надо либо творчество, либо зачатье новой жизни, в дверь Егора постучали. Значит, пришел кто-то близкий или важный, кого впустила даже мать Егора, жестоко хранившая рабочий и трудный покой своего сына.

— Да! — сказал Егор и полуобернулся.

Вошла редкая гостья — Валентина Крохова, дочь инженера Крохова, друга и сотрудника отца Егора по работе в тундре на вертикальном тоннеле. Валентине было двадцать лет — возраст, когда выносится решение: что же делать — полюбить ли одного человека или любовную силу обратить в страсть познания мира? Или, если жизнь в тебе так обильна, объять то и другое?

Нам это непонятно, но тогда будет так. Наука стала жизненной физиологической страстью, такой же неизбежной у человека, как пол.

И эта раздвоенность неясного решения была выражена на лице Валентины Кроховой. Ищущая юность, жадные глаза, эластичная душа, не нашедшая центра своего

тяготения и заключенная в оболочку пульсирующих мышц и бьющейся крови — вот красота Валентины Кроховой. Нерешенность, бродяжничество мысли и неверные черты доверчивого лица — удивительная красота молодости человека.

— Ну, что скажешь мне, Валя? — спросил Егор.

— Да так кое-что! Ты все занят ведь! — ответила Валентина.

— Нет, не особенно: и занят и нет! Живу, как в бреду; сам еще не знаю, что у меня выйдет!

— Да уже вышло, Егор! Будет тебе скромничать!

— Не совсем, Валя, не совсем! Я открыл еще нечто такое, что сердце останавливается...

— Что это такое? Про «эфирный тракт» все?

— Нет, это другое совсем. «Эфирный тракт» — пустяки!.. Как вселенная, Валя, родилась и рождается, как вещество начинает дышать в недрах хаоса, свободы и узкой неизбежности мира! Вот, Валя, где хорошо! Но я только чувствую, а ничего не знаю... Ну, ладно! А где твой отец?

— Отец на Камчатке...

— Что, все эту несчастную планетку бурят? Черт, даже мне она надоела! Сколько лет ведь прошло, как она села с неба!..

— А когда, Егор, ты покажешь свой «эфирный тракт»?

— Да вот как-нибудь покажу. Сначала книжку напишу.

— А кому ты ее посвятишь?

— Отцу, конечно, — инженеру Михаилу Кирпичникову, страннику и электротехнику.

— Это очень хорошо, Егор! Чудесно, как в сказке, — страннику и электротехнику!

— Да, Валя, я забыл лицо отца. Помню, что он был молчаливый и рано вставал. Как странно он умер, ведь он почти открыл «эфирный тракт»!

— Да, Егор! И мать твоя старушкой стала!.. Может, ты проводишь меня немного? А то поздно, а ночь хорошая — я нарочно тихонько шла сюда.

— Провожу, Валя. Только недалеко, я хочу выспаться. Надо через два дня книжку в печать отдавать, а я только половину написал — не люблю писать, люблю что-нибудь существенное делать...

Они вышли в вестибюль, спустились в лифте и очутились на воздухе, в котором бродили усталые ночные теченья.

Егор и Валя шли под руку. В голове Егора струились неясные мысли, угасая, как ветры в диком и темном поле, зажигаясь от контакта с милой девушкой, такой человечной и женственной. Но Кирпичников изобретал не одной головой, а также сердцем и кровью, поэтому Валентина в нем возбуждала только легкое чуство тоски. Силы в его сердце были мобилизованы на другое.

Москва засыпала. Невнятно и смутно шумели какие-то далекие машины. Бессонно стояла луна, маня человека к полету, странст-

вию и глубокому вздоху в межпланетной бездне.

Егор пожал руку Вале, хотел ей что-то сказать — какое-то медленное и девственное слово, которое каждый человек говорит по разу в жизни, но ничего не сказал и молча пошел домой.

* * *

20 марта не так велики дни и кратки ночи, чтобы утренняя заря загорелась в час пополуночи. Так еще не бывало никогда, даже старики не помнят.

А однажды случилось так. Московские люди расходились по домам — кто из театра, кто с ночной работы на заводе, кто просто с затянувшейся беседы у друга.

В этот вечер в Большом зале Филармонии был концерт знаменитого пианиста Шахтмайера, родом из Вены. Его глубокая подводная музыка, полная того величественного и странного чувства, которое нельзя назвать ни скорбью, ни экстазом, потрясла слушателей. Молчаливо расходились люди из Филармонии, ужасаясь и радуясь новым и неизвестным недрам и высотам жизни, о которых рассказал Шахтмайер стихийным языком мелодии.

В Политехническом музее в половине первого кончился доклад Макса Валира, возвратившегося с полдороги на Луну. В ракете его конструкции обнаружился просчет; кроме того, среда между Землей и Луной оказалась совсем иной, чем о ней думали прежде, поэтому Валир вернулся обратно. Аудитория была взволнована до крайней степени докладом Валира и, заряженная волей и энтузиазмом великой попытки, со страшным шумом лавой растекалась по Москве. В этом отношении слушатели Валира и Шахтмайера резко отличались друг от друга.

А высоко над площадью Свердлова в этот миг засветилась синяя точка. Она в секунду удесятерилась в размерах и затем стала излучать из себя синюю спираль, тихо вращаясь и как будто разматывая клубок синего вязкого потока. Один луч медленно влекся к Земле, и было видно его содрогающееся движение, как будто он находил упорные встречные силы и, пронзая их, тормозил свой путь. Наконец столб синего, немерцающего, мертвого огня установился между Землей и бесконечностью, а синяя заря охватила все небо. И сразу ужаснуло всех, что исчезли все тени: все предметы поверхности Земли были окунуты в какую-то немую, но всепронзающую влагу — и не было ни от чего тени.

В первый раз с постройки города в Москве замолчали: кто говорил, тот оборвал свое слово, кто молчал, тот ничего не воскликнул. Всякое движение остановилось: кто ехал, тот забыл продолжать путь, кто стоял на месте, тот не вспомнил о цели, куда его влекло.

Тишина и синее мудрое сияние стояли одни над Землею, обнявшись.

И было так безмолвно, что ка-

залось, звучала эта странная заря — монотонно и ласково, как пели сверчки в нашем детстве.

В весеннем воздухе каждый голос звонок и молод — пронзительно и удивленно крикнул женский голос под колоннами Большого театра: чья-то душа не выдержала напряжения и сделала резкое движение, чтобы укрыться от этого очарования.

И сразу тронулась вся ночная Москва: шоферы нажали кнопки стартеров, пешеходы сделали по первому шагу, говорившие закричали, спящие проснулись и бросились на улицу, каждый взор обратился навзничь к небу, каждый мозг забился от возбуждения.

Но синяя заря начала угасать. Темнота заливала горизонты, спираль свертывалась, забираясь в глубину Млечного Пути, затем осталась яркая вращающаяся звезда, но и она таяла на живых глазах — и все исчезло, как беспамятное сновидение. Но каждый глаз, глядевший на небо, еще долго видел там синюю кружащуюся звезду,— а ее уже не было. По небу шел обычный звездный поток.

И всем стало отчего-то скучно, хотя никто почти не знал, в чем дело.

XIX

Утром в «Известиях» было помещено интервью с инженером Кирпичниковым.

«Объяснение ночной зари над миром.

С большим трудом наш корреспондент проник в Микробиологическую лабораторию имени профессора Маранда. Это произошло в четыре часа ночи, непосредственно после оптического явления в эфире. В лаборатории корреспондент застал спящего Г. М. Кирпичникова — известного инженера, конструктора приборов для размножения материи, открывшего так называемый «эфирный тракт».

Наш корреспондент не осмелился будить усталого изобретателя, однако обстановка лаборатории позволила увидеть все результаты ночного эксперимента.

Кроме приборов, необходимых для производства «эфирного тракта» и аккумуляции мертвых электронов, на столе изобретателя лежала старая желтая рукопись. На открытой странице ее было написано: «Дело техников теперь разводить железо, золото и уголь, как скотоводы разводят свиней». Кому принадлежат эти слова, корреспондентом пока не установлено.

Половину экспериментальной залы занимало блестящее тело. По рассмотрении это оказалось железом. Форма железного тела — почти правильный куб размером $10\times10\times10$ метров. Непонятно, каким образом такое тело могло попасть в зал, так как существующие в нем окна и двери позволяют внести тело размером не больше половины указанных. Остается одно предположение — железо в зал ниоткуда не вносилось, а выращено в самой лаборатории. Эта достоверность подтверждена жур-

налом экспериментов, лежавшим на том же столе, где и рукопись. Рукою Г. М. Кирпичникова там записаны размеры подопытного тела: «Мягкое железо, размером 10×10×10 сантиметров — 1 час 25 минут, оптимальный вольтаж». Дальнейших записей в журнале не имеется. Таким образом, в течение двух-трех часов железо в объеме увеличилось в миллион раз. Такова сила эфирного питания электронов.

В зале стоял какой-то ровный и постоянный шум, на который наш корреспондент вначале не обратил внимания. Осветив зал, наш сотрудник обнаружил некое чудовище, сидящее на полу близ железной массы. Рядом с неизвестным существом лежали сложные части разрушенного прибора, как бы перерезанные вольтовой дугой. Животное издавало ровный стон. Корреспондент его сфотографировал (см. ниже). Наибольшая высота животного — метр. Наибольшая ширина — около половины метра. Цвет его тела — красно-желтый. Общая форма — овал. Органов зрения и слуха не обнаружено. Кверху поднята огромная пасть с черными зубами, длиною каждый по 3—4 сантиметра. Имеются четыре короткие (1/4 метра) мощные лапы с налившимися мускулами; в обхвате лапа имеет не менее полуметра; кончается лапа одним могущественным пальцем в форме эластичного сверкающего когтя. Животное стоит на толстом сильном хвосте, конец которого шевелится, сверкая тремя зубьями. Зубы в пасти имеют нарезку и вращаются в своих гнездах. Это странное и ужасное существо очень прочно сложено и производит впечатление живого куска металла.

Шум в лаборатории производил гул этого гада: вероятно, животное голодно. Это, несомненно, искусственно откормленный и выращенный Кирпичниковым электрон.

В заключение редакция поздравляет читателей и страну с новой победой научного гения и радуется, что эта победа выпала на долю молодого советского инженера.

Искусственное выращивание железа и вообще размножение вещества даст Советскому Союзу такие экономические и военные преимущества перед остальной, капиталистической частью мира, что, если бы капитализм имел чувство эпохи и разум истории, он бы сдался социализму теперь же и без всяких условий. Но, к сожалению, империализм никогда не обладал такими ценными качествами.

Реввоенсоветом и ВСНХ Союза уже приняты соответствующие меры для обеспечения монопольного пользования государством изобретениями Г. М. Кирпичникова.

Г. М. Кирпичников — член партии и Исполбюро КИМа, и от него еще несколько месяцев назад правительством получено согласие на передачу всех своих открытий и конструкций в пользование госу-

дарства, н прнтом безвозмездно. Правительство, коиечно, целнком и полностью обеспечнт Г. М. Кирпичникову возможность дальнейшей работы.

Сегодия в 1 час дня Г. М. Кирпичииков будет иметь свнданне с Предсовнаркома Союза тов. Чаплнным».

Вся Москва — этот иовый Париж соцналистического мира — пришла в нсступлеиие от такой заметки. Жнвой, страстный, общественный город весь очутнлся на улицах, в клубах, иа лекциях — везде, где пахло хотя бы маленькнмн новыми сведениями о работах Кирпичникова.

День родился солнечным, снег подтаивал, и неимоверная надежда разрасталась в человеческой грудн. По мере движеиня солица к полудеиному зеииту, все яснее в мозгу человека освещалось будущее, как радуга, как завоевание вселенной и как сияяя бездна великой души, обнявшей стихию мира, как иевесту.

Люди не иаходнли слов от радости технической победы, и каждый в этот день был благороден.

Что может быть счастливее н тревожиее того дня, который служит кануном технической революции и неслыхаиного обогащення общества?

В «Вечерней Москве» появилось описание рабочего собрания завода «Геиератор», где Егор Кнрпичннков отбывал свою двухлетиюю студенческую практику.

Кнрпичннков сделал доклад об открытии «эфнрного тракта» н его промышленной эксплуатацни в ближайшем будущем. Он иачал с работ аюннтов в этом направленин, подробио остановнлся на трудах Ф. К. Попова, которого и следует счнтать нзобретателем «эфирного тракта», затем нзложнл нсторию понсков своего отца и закоичнл кратким указаннем на свою работу, завершающую труд всех предшественинков.

XX

Как в старину, жеищниы теперь носили накидкн н длинные платья, закрывающне ноги н плечн. Любовь была редким чувством, ио считалась признаком высокого интеллекта.

Девственность н жеищнн н мужчин стала социальной моралью, н лнтература того временн создала образцы нового человека, которому не знаком брак, ио прнсуще высшее напряжение любви, утомляемое, одиако, не сожительством, а либо научиым творчеством, либо соцнальным зодчеством. Времена полового порока угасли в круге человечества, занятого устроеиием общества и прнроды.

Наступнло новое лето. Егор Кнрпнчников устал от «эфирного тракта» н беспомощно затосковал по далеким н смутным явлениям, как это бывало с ним ие раз.

Ои снова убнвал днн, скнтаясь н наслаждаясь одиочеством, то в Останкнно, то в Серебряном Бору,

то уезжая на Ладожское озеро, которое он так любил.

— Тебе, Егор, влюбиться надо! — говорили ему друзья. — Эх, напустить бы на тебя хорошую русскую девушку, у которой коса травой пахнет!..

— Оставьте! — отвечал Егор.— Я сам себя не знаю куда деть! Знаете, я никак не могу устать — работаю до утра, а слышу, что мозг скрежещет и спать не хочет!

— А ты женись! — советовали все-таки ему.

— Нет, когда полюблю прочно, в первый раз и на всю жизнь, тогда...

— Что тогда?

— Тогда... уйду странствовать и думать о любимой.

— Странный ты человек, Егор! От тебя каким-то старьем и романтизмом пахнет...

В мае был день рождения Валентины Кроховой. Валентина весь день читала Пушкина и плакала: ей сравнялось двадцать лет. Вечером она надела серое платье, поцеловала перстень на пальце — подарок отца — и стала ждать Егора с матерью и двух подруг. Она убрала стол. В комнате пахло жимолостью, полем и чистым телом человека.

Огромное окно было распахнуто, но видно в него одно небо и шевелящийся воздух на страшной высоте.

Пробило семь часов. Валентина села за рояль и сыграла несколько этюдов Шахтмайера и Метнера. Она не могла отделаться от своей сердечной тревоги и не знала, что ей делать, — расплакаться или сжать зубы и не надеяться.

Весенняя природа волновалась страстью размножения и жаждала забвения жизни в любви. И в круг этих простых сил была включена Валентина Крохова и не могла от них отбиться. Ни разум, ни чужое страдание в поэмах и в музыке — ничто не помогло горю ее молодости. Ей нужен был поцелуй, а не философия и даже не красота. Она привыкла честно мыслить и понимала это.

В восемь часов к ней постучали. Принесли телеграмму от Егора. В ней стояли странные, шутливые и жестокие слова, и притом в стихах, к которым Егор питал влечение с детства.

Дарю тебе луну на небе
И всю живую траву на Земле, —
Я одинок и очень беден,
Но для тебя мне нечего жалеть.

Валентина не поняла, но к ней вошли веселые подруги.

В одиннадцать часов Валентина выпроводила подруг и пошла к Егору, зажженная темным отчаянием.

Ее встретила Мария Александровна. Егора дома не было уже вторые сутки. Валентина посмотрела на бланк телеграммы: она была подана из Петрозаводска.

— А я думала, он у вас будет сегодня вечером, — сказала Мария Александровна.

— Нет, его у меня не было...

И обе женщины молча сели, ревнуя друг к другу утраченного и томясь одинаковым горем.

XXI

В августе Мария Александровна получила письмо от Егора из Токио:

«Мама! Я счастлив и кое-что постиг. Конец моей работы близок. Только бродя по земле, под разными лучами солнца и над разными недрами, я способен думать. Я теперь понял отца. Нужны внешние силы для возбуждения мыслей. Эти силы рассеяны по земным дорогам, их надо искать и под них подставлять голову и тело, как под ливни. Ты знаешь, что я делаю и ищу — корень мира, почву вселенной, откуда она выросла. Из древних философских мечтаний это стало научной задачей дня. Надо же кому-нибудь это делать, и я взялся. Кроме того, ты знаешь мои живые мускулы, они требуют напряжения и усталости, иначе я бы затомился и убил себя. У отца тоже было это чувство; быть может, это болезнь, быть может, это дурная наследственность от предков — пеших бродяг и киевских богомольцев. Не ищи меня и не тоскуй — сделаю задуманное, тогда вернусь. Я думаю о тебе, ночуя в стогах сена и в куренях рыбаков. Я тоскую о тебе, но меня гонят вперед мои беспокойные ноги и моя тревожная голова. Быть может, верно, жизнь — порочный факт, и каждое дышащее существо — чудо и исключение. Тогда я удивляюсь еще больше, и мне хорошо думать о своей милой матери и беспокойном отце.

Егор».

Смех сквозь звезды

V

Среди авторов этого раздела только трое не были представлены вам раньше. Киевлянин Леонид Сапожников — кибернетик, и повесть его называется «У нас в Кибертонии...» Внимательный читатель сумеет найти в ней кое-какие кибернетические истины, принципы, парадоксы и шутки. Но все это — только мимоходом. Потому что для него будет гораздо важнее проследить за перипетиями борьбы героев повести со страшным доктором тьма-тьматических наук.

«У нас в Кибертонии...», употребляя выражение А. и Б. Стругацких, — сказка для научных работников младшего возраста. Но ее наверняка с удовольствием прочтут и их старшие братья и родители. Потому что сказки, а особенно юмористические, вовсе не только детское чтение.

Странным может показаться поначалу рассказ челябинского инженера Михаила Клименко «Судная ночь». Откровенно пародийный, он поражает, однако, удивительным уменьем автора владеть словом. Михаил Клименко собирает слова в неуклюжие и непрочные на вид фразы, но попробуй-ка их разрушить!

Рассказ Андрея Скайлиса «Путч памятников» уже был опубликован на латышском языке в сборнике фантастики А. Скайлиса, вышедшем в Риге под названием «Суперблохи». Судя и по этому и по другим рассказам Скайлиса, в Латвии появился свой заметный фантаст. Расширяется география фантастики!

*У нас в Кибертонии...**

Леонид Сапожников

Кибертония... Кибер... Кибер... Не правда ли, в этом слове есть что-то техническое?

Кибертония... тония... тония... И музыкальное в нем тоже есть! Все объясняется очень просто — в стране Кибертонии живут музыканты и конструкторы. Они никогда не ссорятся друг с другом,

* Печатается для самых маленьких любителей фантастики, но и взрослые найдут здесь много поучительного.

не спорят, что важнее — аккорд или контакт. Это, если хотите знать, одни и те же люди.

Самое страшное ругательство в Кибертонии — «Он не знает, откуда берется электричество». И другое, не менее страшное — «Ему медведь на ухо наступил». Кибетонцы очень редко пользуются этими выражениями, и только дрянные мальчишки, которые есть даже в необыкновенной стране, нагло выводят их мелом на заборах.

Кибертонцы так любят музыку, что даже дома строили одно время в виде нпструментов. Есть у них дом-рояль, в трех ножках которого бегают лифты, н дом-аккордеон, который можно сжнмать и растягивать. Постронл оба этн здания известный архитектор Плинтус. Он был очень удивлен н обнжен, когда новоселы прислали ему коллективиое письмо:

«Дорогой архитектор, у Вас нет музыкального слуха».

Оказывается, крышка рояля время от времени срывалась с подпорки, и тогда несчастные жнльцы думали, что наступил конец света, в доме же аккордеоне стоялн такие страшные сквозняки, что все в нем, от мала до велика, нз-за хронического насморка разговарнвали в нос. Постепенно все как-то уладилось: крышку рояля оборудовали часовым механизмом, н она падала ровно в семь утра, заменяя будильник, а по воскресеньям в восемь тридцать; для жнльцов дома-аккордеона организовали курсы французского языка, и они учнлись только на «хорошо» и «отлично» благодаря прекрасному произношенню.

Кибертонцы все, как одии, влюблены в технику и не упускают случая что-то усовершенствовать илн изобрести. Взрослые кнбертонцы делают большие изобретения, а ребята — маленькие, но тоже очень полезные. Разве не здорово иметь надувную подушечку, сидя на которой вы будете выше всех? Ее придумал кибертончик Си специально для кинозрителей ннзкого роста. А другой школьннк предложнл, чтобы автомобили лаялн по-собачьи. Он доказывал, что такой сигнал необходнм суеверным водителям: ни одна кошка не осмелится перебежать дорогу перед их машнной.

В Кибертоиин, как и в любой стране, есть свои праздиики. Они не выделены в календарях красной краской, все зависит от погоды. Распускаются листья — начинается Большой Весенний Маскарад, выпадает снег — люди празднуют День Первого Снега. Иногда погода подшучивает над кнбертонцами — подмораживает в мае, хлещет дождиком в декабре. «Это все электромагнитные поля!» — шепчутся в таких случаях кумушки.

В тот памятный кнбертонцам декабрь на дворе стояли глубокие лужи. Люди ходили сумрачные, под стать небу. На всех перекрестках торговалн модными калошами, — они при ходьбе не скрипе-

ли, а насвистывали вальс «Осенние листья». И вот, когда казалось, что зима уже ие явится, радио прервало свои обычные передачи. «Слушайте важиое сообщение! — громко н весело объявил диктор. — По сведеииям кибертоиского бюро прогнозов завтра, трндцать первого декабря, ожидается перемениая облачиость с осадкамн в внде снега!» Тут повсюду зазвучали трубы — это кибертоицы, взрослые и дети, выражали свою радость и ликование. А иаигравшись вдоволь, оии бросились готовнться к праздинку — доставать лыжи, санки, коньки... Ну и, коиечио, доставать морковку, потому что сиежных баб в Кибертоиии делают точь-в-точь как у нас. Только одии граждаиии по прозвищу Неверьушамсвоим взял в руки не трубу, а телефоиную трубку и, иабрав иомер бюро прогиозов, спросил: «А вы уверены. что снег действительио выпадет?»

«Конечио, — ответил дежурный метеоролог, — ведь прогноз составлен электронио-вычислнтельиой машииой!»

«А она у вас как, в полной исправности?» — спроснл Неверьушамсвоим и, получив утвердительный ответ, принялся искать босоиожки.

За иочь ртутиый столбик термометра сжался от холода; и когда кибертонцы в ярких лыжных костюмах высыпали на улицу, под иогами похрустывал свежий лед. С севера, со стороны моря, иадвигалась черная как уголь туча, но кибертоицы зиали, что оиа иесет с собой сиег, и бурно выражали свое нетерпение с помощью ксилофоиов. Вот туча зацепилась за телевизиоииую вышку и остаиовилась. Стало так темно, что пришлось сиова зажечь фоиари. Люди напряжеиио смотрели вверх, каждый хотел раиьше других увндеть первую сиежиику.

«Летнт, летит!» — закричал рыжий Тирляля, зиамеиитый иа всю страну голубятиик. И действительно, то замирая в нерешительиости, то снова скользя вииз, в небе таицевала снежиика. Над ией другая, третья... Малеиький мальчик подставнл ладоиь, и снежиика опустнлась на иее, словио парашютист. Мальчик посмотрел иа сиежиику и заплакал: «Мама, мама, оиа чериая!» А снег валил уже хлопьями — густой чериый снег, от которого померкли фонари, н люди перестали видеть друг друга. В ужасе разбегались они по домам, сталкиваясь, падая, снова вставая... Оии плотио закрывали за собой двери и, дрожа от страха, выбивали на барабанах зловещую дробь: «Тр-ра- катаи! Тр-ракатаи!»

А бледиые губы беззвучио повторяли это нмя.

* * *

Старая пословица говорит: «В семье не без урода», а пословицы, особеиио старые, ничего не говорят зря. Вот н в семье кибертоицев, доброй и спокойной, был

свой урод — конструктор Тракатан. С малых лет он учился в заморских странах, не подавал о себе никаких вестей — и вдруг приехал, низкорослый, угрюмый, с двумя чемоданами из крокодиловой кожи. Кибертонцы не сразу вспомнили, кто это такой, да и вспоминать-то было особенно нечего.

Тракатану предложили поселиться в одном из новых, прозрачных домов, но он отказался и выстроил себе на отшибе, у подножия горы Экстрэмум, железобетонный особняк, обнесенный каменной стеной. На дубовых воротах появились таблички:

«ДОКТОР ТЬМА-ТЬМАТИЧЕСКИХ НАУК И ПРОФЕССОР ТРАКАТАН»

«...ВО ДВОРЕ ЗЛАЯ КИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ ЧЕРЕПАХА»

Тракатан почти никуда не выходил и гостей у себя не принимал. Все покупки за него делала черепаха, запряженная в специальную тележку на резиновых колесиках. Когда кибертонцы подходили к ней поближе, она шипела и высовывала длинный язык, похожий на змеиное жало.

Кибертонцы не понимали, как может человек жить совсем один. Они решили, что чем-то обидели Тракатана, и стали думать, как загладить свою вину. «Пошлем ему в подарок канифоль, — говорили одни. — Пусть натирает смычок своей скрипки».

«А откуда вы знаете, что у него именно скрипка? — возражали другие. — Пошлем ему лучше арии из опер».

«Все это не то, — перебивали третьи. — Песенник ему нужен, песенник!»

Тут поднялся страшный шум, каждый отстаивал свою точку зрения — кто на скрипке, кто на виолончели, а кто и просто орал во все горло. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не примчался на грузовике духовой оркестр по охране общественного порядка, который заглушил спорщиков старинным маршем бронетанковых войск.

Чтобы долго не спорить, можно подбросить монетку. Лучше всего медную: закатится — не жалко. Но у монетки только две стороны, орел и решка, как же быть, если в споре участвуют трое? «Айда к электронной гадалке», — предложил кто-то, и все обрадованно поддержали: «Айда!»

Электронная Звездно-Папиллярная Гадалка, Познавшая Шестьсот Шестьдесят Шесть Тайн Белой Магии и Черного Ящика, была задумана как обыкновенная вычислительная машина, но почему-то вышла такой глупой, что от нее отказался собственный конструктор. С тех пор она занимала в тихом переулке отдельную двухкомнатную квартиру со всеми удобствами, зарабатывала на ток и на масло советами и предсказаниями, а в часы досуга сочиняла на конструктора бесчисленные кляузы. Постепенно она вообще выжила из ума и стала коротко замыкаться в

себе; все ждали, что со дня на день он объявит себя арифмометром Наполеона.

— Шурум-бурум! — приветствовала машина кибертонцев. — Позолотите рукоятку!

Она ловко притянула монеты магнитными щупальцами и опустила их в прорезь на животе.

— Можете не рассказывать, что привело вас сюда, — продолжала гадалка, тасуя колоду перфокарт. — Я и так вижу вас насквозь. Гексаэдр, октаэдр, додекаэдр! Сейчас вы получите то, за чем пришли.

Машина задумалась с такой силой, что из всех щелей повалил дым, но не успели кибертонцы закашляться, как она запустила длинную суставчатую руку себе во внутренности и извлекла оттуда листок черной бумаги, на котором большими белыми буквами было напечатано:

«САМООБСЛУЖИВАНИЕ — ПРОГРЕССИВНЫЙ МЕТОД!

А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Ь Ы Ъ Э Ю Я

Вы сами можете составить из этих букв любой совет и предсказание».

— Уже составил! — подпрыгнул от радости один из кибертонцев. — Канифоль!

— Дурак! — рявкнул другой. — Арии из опер!

— Пе-сенник, пе-сенник! — хором запели их противники.

— Цыц! — заорала машина нечеловеческим голосом. — Концерт будете устраивать в другом месте!

Притихшие кибертонцы вышли на улицу. Последние слова гадалки не выходили у них из головы. Концерт... А что, если в самом деле его устроить? На склонах горы Экстремум? Для Тракатана! И вот они уже мчатся вприпрыжку по мостовой, окрыленные новой идеей: «Лучший подарок — концерт! Лучший подарок — концерт!»

В тот же вечер вся Кибертония окружила виллу Тракатана; от подножия горы до ее середины выстроился рядами женский хор; по одну сторону дома сверкала медь духовых инструментов, по другую натянулись, как нервы, струны смычковых. Главного капельмейстера привязали за полы фрака к верхней ступеньке выдвижной пожарной лестницы; он чувствовал себя не совсем уютно, зато был у всех на виду. Вот он осторожно, чтобы не потерять равновесия, взмахнул руками, и — началось! Грянул, как из тысячи орудий, женский хор, ухнули от неожиданности пузатые трубы, взвились, как сабли, смычки. Рыба в океане уходила от берегов, птицы прятались в облака, — им казалось, что поднялась буря, но это была музыка; она накатывалась, волна за волной, на камень и железобетон, и стекла в тройных рамах дрожали от нее, как от ветра. Старый пастух высоко в горах жадно ловил долетавшие из долины звуки, а потом торопливо по-

гнал вниз свое стадо, потому что тот, кто это слышал, не мог ни минуты оставаться один. «Иди к людям, протяни им руки, — звала музыка. — Отвори двери, отвори сердце, будь простым и чистым, как поле, как лес».

Смолкла музыка, опустил руки усталый капельмейстер, но в Тракатановом доме не шелохнулись даже шторы. Кибертонцы молча и подавленно стали укладывать свои инструменты, и в этот момент из маленькой лазейки в нижнем углу ворот выползла с письмом в зубах черепаха. На бланке с личным гербом Тракатана (змея, обвившаяся вокруг Луны) четким каллиграфическим почерком было написано:

«Милейшие!

Убедительно рекомендую в ваших же интересах прекратить раз и навсегда эти безобразия. Если шум в моей лаборатории превысит полтора децибела, пеняйте на себя. Тракатан».

* * *

Всю зиму кибертонцы ходили на цыпочках. Мотоциклистов пересадили на велосипеды, льву в зоопарке сшили звуконепроницаемый намордник. В кинотеатрах шли немые фильмы, громкоговорители на площадях что-то такое нашептывали, на хоккей пускали только тех, кто набрал в рот воды.

Первыми нарушили новый порядок грачи. Ничего не подозревая, они устроили такой базар, что люди невольно заулыбались, потянулись к запылившимся инструментам; и спустя короткое время прежняя, непоседливая Кибертония закружилась, запела, заиграла под мартовским солнцем. А потом уже было не до Тракатана с его угрозами. Приближался День Большого Весеннего Маскарада, и нужно было уладить тысячу дел.

Хуже всех в эту предпраздничную пору чувствовали себя школьники. Кибернетические учителя были совершенно нечувствительны к набухающим почкам, к весеннему ветерку, а футбольный мяч был для них лишь сферой определенного радиуса. Исключение составлял преподаватель кулинарии «КЕКС-25», который, кроме зрения и слуха, имел еще и обоняние. Он был запрограммирован на запах пригоревшей пищи, но апрельские ароматы тоже его беспокоили. Однажды коварные школьники принесли на его урок букет фиалок, и старик «КЕКС», вместо того чтобы проходить с классом борщ по-флейтски, углубился в изучение незнакомого запаха. И казалось ему, что он не машина, а человек, — вот отодвинет стул, выйдет на улицу и начнет пускать кораблики в больших теплых лужах... Когда «КЕКС» очнулся, класс был пуст.

Сорванцы не теряли времени даром. Прежде всего они побежали на пристань — смотреть, как выгружают с иностранного судна большие деревянные ящики с таинственными надписями. «Господин Грауэн, — сумели перевести мальчишки. — Галерея Ужасов».

И еще: «Не вскрывать — боится света». С пристани вся ватага двинулась к Тирляле, но дверцы его великолепиой голубятни были закрыты.

— Заиимается! — сказала почему-то шепотом мама Тирляли, проходившая как раз по двору за покупками. — День и ночь сидит!..

Это уже была иовость! Тирляля, рыжий Тирляля, который вечно отлынивал от учебы и подкручивал учителям винтики, вдруг сидит иад книгами? По доброй воле?! Тот самый Тирляля, аттестат зрелости которого директор иазвал «восьмым чудом света»?!! Ребята до того растерялись, что вериулись в школу, хотя до следующего урока оставалось еще полчаса.

И вот иаступил деиь, когда из почек вылупились первые листики — малеиькие, беспомощные, похожие иа иоворождеииых цыплят. С утра люди сидели у телевизоров — ждали Сигиала. А его все ие было, шел концерт машинной самодеятельиости, сиачала одни электронный мозг жоиглировал шариками и роликами, потом другой читал стихи собствеиного сочинеиия:

Идут дожди, идут часы,
Идут пожарнику усы,
Идет трамвай, идет прохожий,
Весна идет, зарплата — тоже...

Накоиец ведущий инжеиер поблагодарил от имени участников коицерта за виимание, и иа экране появился сияющий диктор.

— Сегодня, — сказал он, — истекают полномочия Доиа Кибертона и Синьорины Кибертииы. Целый год оии принимали послов, подписывали государствеиные документы и вообще играли в стране первую скрипку, показывая пример в больших и малых делах. По старинной кибертоиской традиции большой весенний маскарад начнется с выборов нового Дона и новой Синьориины. Да здравствует маскарад! Все на выборы!

Будто прорвав плотину, хлынули в иаправлении Цеитральиой площади потоки удивительиых существ. Шагали циркули, топали турецкие барабаны, семенили какие-то козявки. Длиииющая сороконожка путалась в собственных иогах — это был известиый своей неоргаиизоваииостью третий класс «Б».

Посреди площади цветами в горшках было огорожено четырехугольное простраиство — там иа деревянном помосте возвышалась окрашеииая в белый и чериый цвета Избирательная Машиииа. Рядом под голубым сукном стоял стол жюри, к которому через всю площадь от парадиых дверей Весеииего Дворца тяиулась ковровая дорожка. «Кибермаг» распродавал последиие маски; глашатай, стоя у входа иа табуретке, зазывал покупателей:

Если хотите повеселиться,
Купите себе запасиые лица —
На всякий вкус,
На всякий цвет,
Для тех, кто «да»,
Для тех, кто «иет».
Вы спросите: «Где?»,
Вы спросите: «Как?»
К вашим услугам
Наш «Кибермаг»!

На противоположной стороне площади прилепился к иожке до-

ма-рояля черный брезентовый балаган; кибертонцы с любопытством и недоумением читали рекламную надпись:

«ТОЛЬКО У НАС!
ТОЛЬКО СЕГОДНЯ!
ТОЛЬКО ОДИН СЕАНС!
ВЫ ПОЛУЧИТЕ НЕЗАБЫВАЕМОЕ НЕРВНОЕ ПОТРЯСЕНИЕ В КОМНАТЕ УЖАСОВ ГРАУЭНА.
К ВАШИМ УСЛУГАМ:
ГОВОРЯЩИЙ ЧЕРЕП,
УЛЫБКА ДРАКОНА,
СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ,
САМОВЫПАДАЮЩАЯ ЧЕЛЮСТЬ
И ПРОЧИЕ РОСКОШНЫЕ ЛЮКСУСЫ.
ДЫБ ВОЛОС ОБЕСПЕЧЕН!
ЖЕНЩИНАМ И ЛЫСЫМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!»

Билеты продавал сам господин Грауэн, высокий человек с лицом мертвеца. Он растягивал тонкие белые губы в улыбке, но от этого людям становилось еще страшнее, и они переминались с ноги на ногу, не решаясь подойти к кассе. Наконец рискнул закованный в латы рыцарь; он отсалютовал толпе мечом и скрылся за черной дверью. Снаружи стало очень тихо, внутри тоже стояла могильная тишина. Вдруг из балагана донесся короткий вопль, и что-то упало, громыхая, как ведро. Зрители шарахнулись назад, двое здоровенных служителей выволокли сомлевшего рыцаря, прибежали санитары, вскрыли плоскогубцами панцирь и сделали укол.

— Больше никто не желает? — осклабился Грауэн.

И в этот момент, разгоняя зевак лютым собачьим лаем, к балагану подъехал автомобиль. Человек без маски, одетый в траур, захлопнул за собой дверцу и купил билет. Кибертонцы протерли глаза. Не может быть!

Человек вошел в балаган и оставался там несколько минут, а люди стояли, окаменев, пока он снова не появился на пороге. Сомнений больше не было: это Тракатан. Вытянутый вперед и книзу подбородок, запавший рот, близко поставленные глаза с недобрым блеском... Доктор тьма-тьматических наук подошел к владельцу балагана, пожал ему руку и что-то прошептал в большое вялое ухо; Грауэн кивнул головой и приказал помощникам запереть дверь. Все четверо уехали в машине Тракатана, оставляя после себя легкий запах бензина. Он быстро рассеялся, и кибертонцы заставили себя поверить, что все это привиделось, — ведь никому не хочется в праздник думать о странных и неприятных вещах.

Ровно в двенадцать часов распахнулись двери Весеннего Дворца, и оттуда под звуки фанфар вышла процессия. Впереди выступали Дон Кибертон со шпагой и Синьорина Кибертина, голову которой украшала корона из радиоламп, за ними следовали члены жюри в масках древних мудрецов, а далее в простых черных домино шли кандидаты и кандидатки. Несмотря на маску, кибертонцы сразу узнали профессора Сурдинку. Его выдавал большой, толстощекий портфель, постоянно набитый бумагами и леденцами. Леденцами профессор охотно угощал детей,

но все знали, что, когда никто не видит, он с наслаждением лакомится ими сам. Дон, Синьорина и мудрецы расселись за столом жюри, домино остались стоять у помоста. Профессор Сурдинка вынул из одного кармана бумажку с нотами, из другого губную гармошку и исполнил перед микрофоном краткое музыкальное приветствие. Площадь отвечала ударами в литавры.

Первыми на помост пригласили кандидаток. По сигналу профессора они скинули свои домино, и по площади пронесся — до-ре-ми-фа-соль-ля-си! — медноголосый гул восхищения. Это были самые красивые девушки страны или те, которые считали себя самыми красивыми; одна за другой подходили они к Машине и с улыбкой заглядывали в ее внимательные зеленые глаза.

— Милые девушки! — выговорила Избирательная Машина, собравшись с мыслями. — Все вы хороши собой, но этого недостаточно. Синьорина Кибертина должна иметь ум конструктора и сердце феи. Вам придется сдать два экзамена — по уму и по сердцу. Месяц назад каждая из вас получила домашнее задание — сконструировать умную машину. Сейчас мы увидим, как вы с ним справились.

Профессор Сурдинка взмахнул платком, и из дворца вырвалась орава механических существ, которые покатились, поскакали, поковыляли по ковровой дорожке. Взобравшись на помост, они выстроились, рассчитались на первый-второй и временно отключились. Чего здесь только не было — машина, которая обжигала горшки, машина, которая садилась только в свои сани, портняжная машина, которая прежде чем отрезать, отмеряла семь раз. Был очень интересный домашний автомат для мытья и битья посуды, — он бил посуду при крике «Изверг!» или «Я тебе покажу!» и мыл ее в остальное время. На левом фланге шеренги механизмов стояло что-то маленькое, похожее на киноаппарат.

— Это чей такой? — удивился профессор.

— Мой, — выступила вперед кандидатка по имени Айя. — Его зовут Поки — помощник кинозрителя. Если вы хотите, чтобы у фильма был хороший конец, чтобы злые герои были наказаны, а добро победило, захватите его в кино, не пожалеете!

Мудрецы сделали какие-то пометки в своих блокнотах, и механизмы наперегонки устремились обратно во дворец. Ассистенты профессора в черно-белых шапочках и таких же халатах выкатили на помост деревянный столик.

— Перед вами, — сказала Машина, — маленький цветок высокогорных лугов. Он появился на свет слишком рано, сильно озяб и наверняка погибнет, если его не спасти. А спасти его может только музыка. Сыграйте для него, мои милые, разумные девушки!

Первая кандидатка подошла к

столнку и сняла с бледно-розового пятнышка хрустальный колпачок.

— Аккордеон! — прнказала она ассистентам н заиграла что-то бодрое, веселое, похожее на фнзкультурный марш. «Вставай, расправь лепесткн — раз-два, трн-четыре! Не гнуться, держнсь ровнее — вдох-выдох, раз-два!..»

Она играла все быстрее, громче, повелительнее, но цветок даже не шелохнулся, и кандндатка, высоко подняв голову, возвратнлась на свое место.

Следующая девушка попросила скрипку. Она очень жалела бедный маленькнй цветок, такой больной, такой однноквй; ей так хотелось, чтобы он скорей поправился н рос у нее на балконе в краснвом просторном ящике.

Третья кандндатка села за рояль н стала возмущаться слабостью цветка. «Будь же ты мужчнной, берн прнмер с лопуха! Посмотри на крапнву — она женщнна, да н то не даст себя в обнду!»

Девушкн утешалн цветок, льстнлн цветку, командовалн цветком, а он лежал, озябшнй и безжнзненный, на грудке сырой земли. И вдруг он вздрогнул, как вздрагнвают от неожнданности люди, — это запела над ннм пастушья свирель. О луге в горах, где растут такне же цветы, как он. О солнце, которое будет греть с каждым днем все теплее. О многнх другнх понятных цветку вещах. Людн, слушая нгру Айи, начннали верить, что цветок вырастет красивым и высоким, н он сам начннал

в это вернть н выпрямлялся, выпрямлялся, выпрямлялся, а старые мудрецы не дыша следнлн за ннм н, когда свнрель смолкла, с облегченнем вздохнули: «Будет жнть!»

Покннулн помост канднкатн, занялн нх место юношн; у профессора Сурднннн затекла рука, которую он поднял, требуя тншнны, а кнбертонцы все еще лнковалн. Даже семейство Неверьушамсвонм, которое пришло сюда в надежде увндеть провалы н конфузы, порезало на части заранее прнготовленные транспаранты «Ай-я-яй!» и составнло нз этнх частей «Айя! Айя! Айя!».

Наконец площадь утнхла, но ненадолго. Кандндаты снялн домнно, и все увнделн, что на помосте средн другнх стонт Тнрляля. Тот самый Тнрляля! Всем нзвестный Тирляля! Ой, потеха!..

Машина что-то говорнла, но ее ннкто не слышал — все утонуло в смехе саксофонов. А Тирляля сцепил большне обветренные рукн н смотрел на солнце, — оно тоже смеялось, хоть н само было рыжее.

Изобретення кандндатов заннмалн так много места, что жюрн решнло показать нх на экране. Под крышей Весеннего Дворца натянулн белое полотннще, и по знаку профессора демонстрацня гнгантов началась. Показали машнну, делающую нз мухн слона, н машнну, превращающую стадо слонов в стаю мух. Показалн механическую гору, которая шла к Магомету, н автоматнческого Магомета, кото-

рый шел к горе. Было там кибернетическое чудо-юдо, полукит-полуспрут, передняя половина которого имела очень умный вид, но ровно ничего не делала, а задняя, чтобы привлечь всеобщее внимание, била в медные колокола.

С каждым кадром нетерпение зрителей росло, всем хотелось узнать, что же придумал голубятник, но вот экран погас, а его имя так и не было упомянуто. Тут профессор встал из-за стола, подошел к Тирляле, вынул из кармана маленькую коробочку и высоко поднял ее над головой.

— Последний кандидат, — возвестил он, — порадовал нас изобретением компаса!

Площадь радостно захохотала: «Ну изобретатель! Ну и голова!», но профессор был совершенно серьезен, и инструменты мало-помалу умолкли.

— Этот компас, — продолжал профессор, — не простой, а голубиный. Ему не страшны магнитные бури и аномалии. Человек с таким компасом не заблудится, не собьется с дороги. Он будет чувствовать себя в пути так же уверенно, как голубь в небе.

Сурдинка хотел еще что-то сказать, но только похлопал Тирляля по широкой, сутулой от смущения спине.

Кибертонцам стало очень стыдно, но они взяли себя в руки и дружно исполнили песенку «Он не парень, а просто клад». Они играли и плакали, потому что больше всего на свете боялись незаслуженно обидеть человека; в воздухе от их слез стало так сыро, что электронно-вычислительная машина бюро прогнозов чуть было не предсказала дождь. А потом на помост вышел самый старый человек Кибертонии, Дед Фальцет, и сказал, что народ хочет иметь Тирлялю своим Доном, потому что выдумывать из головы умеет всякий, но придумать что-то нужное людям может только душевный человек.

— Конкурс еще не окончен, — возразила Машина.

— Ну и не надо! — осерчал Дед. — Разве так не видно, что это за парень?

И он с размаху расцеловал голубятника в обе щеки.

Машина сказала:

— Я вношу протест. То, что происходит, находится в противоречии с моей программой.

— Протест отклонен, — ответил профессор. — Жюри присоединяется к мнению большинства.

Торжественно запели фанфары, и Тирляля с Айей рука об руку приблизились к столу жюри. Бывший Дон Кибертон вручил Тирляле остро отточенную шпагу, а Кибертина наградила Айю улыбкой и короной. Ассистенты профессора с криками «три-четыре!» выкатили на помост сверкающий аппарат, очень похожий на рентгеновский. Это был Киберзагс, самый умный и приятный загс в мире. Он просвечивал жениха с невестой невидимыми лучами и, если они были созданы друг для друга, выдавал

брачные свидетельства, а если в ком-то из них зрел очаг эгоизма или зияла каверна равнодушия, ставил соответствующий диагноз и назначал лечение. Первым просвечивался Тирляля. Включили рубильник, и на матовом экране вспыхнуло такое огромное пурпурное сердце, что Айя зажмурилась, ассистенты отпрянули, а на площади заиграли арфы. Очарованные кибертонцы играли, как никогда, но инструменты почему-то перестали их слушаться. Мелодия звучала все тише и, казалось, вот-вот оборвется совсем. Налетел ветер, со звоном посыпались стекла, и только тут люди почувствовали, что стало трудно дышать.

Профессор Сурдинка спрыгнул с помоста, выхватил у продавца надувных шаров разноцветную связку, и она понеслась, увлекаемая воздушным потоком, а профессор в маске мудреца с длинной развевающейся бородой бросился следом. Почуяв недоброе, побежал за профессором Тирляля, устремились вдогонку ассистенты, и спустя минуту на площади осталась одна Машина, которая твердо решила, что кибертонцы сошли с ума.

Связка вывела людей за город и полетела напрямик. Они бежали, задыхаясь, через кусты и овраги, а над их головами отчаянно били крыльями обессилевшие птицы. Спуск — подъем. Спуск — подъем. Главное — не потерять связку из виду. Неужели она направляется в горы? Нет, нырнула. Нырнула и скрылась за каменной стеной, принадлежащей доктору тьма-тьматических наук Тракатану...

Первыми достигли цели Тирляля и ассистенты. Ассистенты, крепкие ребята, выстроили пирамиду, и Тирляля привычно, как на голубятню, вскарабкался по ней на стену. Перед ним был сад, в котором росли черные, будто обгорелые, деревья; в глубине сада притаился дом с наглухо закрытыми ставнями. Посреди главной аллеи, на месте центральной клумбы, громоздилось сложное сооружение с многочисленными трубами, воронками и мехами; оно шипело, как сто тысяч гадюк, и Тирляле все стало ясно. Тракатан построил машину, чтобы высосать весь воздух Кибертонии! Это единственный способ покончить с музыкой, которая так его раздражала.

Придерживая шпагу, Тирляля спрыгнул в сад. Скорей туда, к этому ненасытному чудовищу! Он покажет ему, на что способен Дон Кибертон! Но что это? Кибернетическая черепаха? Она мчится наперерез, высунув ядовитое жало? Тем хуже для нее, придется принять решительные ме...

В следующее мгновение Тирляля взлетел на дерево, а черепаха с ходу врезалась в ствол. Удар не произвел на нее ни малейшего впечатления, — она отползла в сторону и прилегла, всем видом показывая, что спешить ей некуда. Тирляля сжал кулаки. Эта скоти-

на из нержавеющей стали весила не меньше хорошего быка! Тракатан, наверное, давится от смеха, глядя в щелочку на незадачливого тореадора... Тореадора? А почему бы в самом деле не устроить маленькую корриду? «О-гей! О-ля-ля!..»

Тирляля снял рубаху, нацепил ее на кончик шпаги и мягко соскочил наземь. Вытянув клинок, пританцовывая, он медленно приближался к черепахе.

— Ну, моя милая, торро! Будь же умницей, ну!

Глазки черепахи налились ртутью, но она не спешила с атакой. Под ее панцирем раздавались громкие щелчки — это счетно-решающее устройство тщетно пыталось разгадать замысел человека. Наконец зверь рванулся и пронесся мимо, ослепленный на момент плотной тканью. Тирляля, лавируя между деревьями, побежал туда, где сверкала полоска воды. Через двадцать шагов атака повторилась, и снова Тирляля отвел смерть движением руки. Выпад, шаг в сторону, перебежка. Выпад, шаг в сторону, перебежка. Выпад, шаг в сторону — и черепаха с разгону бултыхнулась в бассейн, распугивая маленьких крокодильчиков.

Машина заработала в ответ с удвоенной силой, черные раструбы со свистом пожирали воздух, и Тирляле показалось, что сейчас они проглотят Айю, его, всех. Широко расставив ноги, чтобы не упасть под напором ветра, он рубил какие-то кабели, шланги, провода; они корчились, как обезглавленные змеи, извивались в предсмертных судорогах, но машина по-прежнему свистела, грохотали невидимые моторы, и Тирляля рубил прямо, вкось, наотмашь, пока не услышал спокойный голос профессора: «Остановитесь, Дон Кибертон, вы победили».

Тирляля вложил шпагу в ножны. В саду стояла звенящая тишина. Запыхавшиеся кибертонцы с опаской ходили вокруг умирающей машины. Она была раскалена и тихонько потрескивала. Кибертонцам очень хотелось выразить свое негодование, но их инструменты остались на площади, и они молча направились к дому Тракатана.

Профессор долго стучал в холодную стальную дверь. Никто и не думал открывать. Тогда за дело взялись ассистенты. Дверь под их кулаками заходила ходуном.

— Открывай, лишенный слуха! Открывай, не знающий нотной грамоты!

Наконец что-то лязгнуло, заскрежетало, и на пороге появился Тракатан. Он был в халате и мягких домашних туфлях.

— Чем могу служить?

— Вы преступник, — выступил вперед профессор. — Вас надо судить.

— Так вы по делу? — поднял бровь Тракатан. — Деловые разговоры я привык вести после обеда. Но для коллеги можно сделать исключение. Прошу вытереть ноги и идти за мной.

В гостиной находились Грауэн и оба его помощника. Владелец балагана был предельно бледен и от этого еще больше напоминал мертвеца.

— Эти люди — ваши сообщники? — спросил профессор.

— Я прошу коллегу выбирать выражения, — процедил Тракатан. — И вообще, прежде чем отвечать на ваши вопросы, я сам хотел бы кое о чем спросить. Во-первых, на каком основании вы врываетесь в чужой сад? Во-вторых, по какому праву вы портите чужое имущество? В-третьих, где это видано являться в приличный дом в таком виде? — Тут он показал на голого по пояс Тирлялю.

— Разрешите, профессор, я исполню ему сейчас такую серенаду!.. — взмолился один из ассистентов, но Сурдинка остановил его укоризненным взглядом.

— Тракатан, — сказал Сурдинка, — на все ваши вопросы ответит суд, перед которым вы и ваши друзья предстанете завтра. А пока... граждане, в самом деле, что делать с ними пока?

Кибертонцы взволнованно загудели.

— Я читал в иностранной книжке, — сказал один, — про дом, из которого нельзя убежать. Там на окнах решетки и ходят сторожа.

— Нет, — поморщились остальные, — это ненадежно. Решетку можно распилить, сторожа обмануть.

— Что если до самого суда показывать им музыкальные кинокомедии? — предложил второй. — Они так засмотрятся, что не смогут оторваться.

— Нет, — поморщились остальные, — это тоже плохо. У киномеханика может что-то испортиться, тут они и сбегут.

— Лучше всего, — сказал третий, — взять с них честное слово. Только так мы будем иметь сто процентов гарантии.

— Правильно! — воскликнули кибертонцы. — Как мы раньше не додумались! Возьмем с них честное слово, тут уж они никуда не денутся.

— Тракатан, — сказал Сурдинка, — даете ли вы честное слово прийти завтра в двенадцать часов дня на Центральную площадь и сесть на скамью подсудимых?

— Даю! — быстро ответил Тракатан.

— А вы, господин Грауэн, — обратился Сурдинка к балаганщику, — даете ли вы честное слово быть там же и в то же время с вашими людьми?

— О, конечно! — расцвел владелец балагана. — Как это у вас говорится: не дал слова — крепись, а дал — бегн... Пардон, я немножко забыл эту прекрасную пословицу.

— Итак, до завтра! — подвел итог профессор, и кибертонцы, довольные своей предусмотрительностью, покинули усадьбу Тракатана.

Они спешили в город, где их ждали неотложные дела: нужно было разыскать в архивах уголов-

ный кодекс и заказать плотнику скамью подсудимых. И только Неверьушамсвоим не ушел со всеми, а тайком спрятался в черепашью конуру, потому что не верил никому, в том числе и Тракатану.

До самого вечера он лежал на животе и глядел сквозь щелочку, но дом был тих, в саду не шевелились даже листья, и Неверьушамсвоим не заметил, как уснул. Когда он проснулся, было совершенно темно. Где-то очень далеко пробило полночь. «Наверное, уже часа два ночи», — тревожно подумал Неверьушамсвоим. Он представил, как черепаха, выбравшись из бассейна, возвращается в конуру, и ему стало очень страшно. Ах, зачем он не ушел отсюда сразу! Скорей, скорей домой, пусть эти дрянные преступники делают, что хотят!

Шарахаясь от каждой травинки, Неверьушамсвоим прокрался к воротам. В этот момент в глубине сада заурчал автомобильный мотор. «Лев!» — решил Неверьушамсвоим и, не разбирая дороги, помчался по шоссе. Он бежал и видел огромного кибернетического льва, построенного Тракатаном специально для того, чтобы растерзать одинокого смельчака. «Умирать, так с музыкой!» — подумал Неверьушамсвоим, но тут же вспомнил, что любимая волынка осталась в городе. Вдруг мрак расступился, и с беглецом поравнялось что-то длинное черное. О счастье, это был автомобиль!

— Спасите, подвезите! — закричал Неверьушамсвоим, барабаня на ходу в стекла машины.

Кто-то из сидящих внутри распахнул дверцу, и Неверьушамсвоим с разбегу плюхнулся на сиденье.

— Вы спасли мне самое драгоценное... — торжественно начал он, но тут большой, твердый кулак обрушился на его голову.

Очнулся он на том же заднем сиденье. Машина была пуста. Солнце, которое поднималось прямо из моря, освещало безлюдный каменистый берег. «Уплыли», — с облегчением подумал Неверьушамсвоим. Он осторожно ощупал голову и, убедившись, что она цела, перевязал ее двумя носовыми платками.

А в городе в это время заканчивались приготовления к суду. Обвиняемым выделили четырех защитников и двух полузащитников. Сурдинка, назначенный судьей, купил в «Кибермаге» колокольчик и свисток. Все кибертонцы получили повестки с приглашением на суд, который должен был состояться на Центральной площади при любой погоде.

Уже за два часа до начала все места на площади были заняты. Еще через час зрители облепили ножки дома-рояля. Кто-то из опоздавших пытался сесть на скамью подсудимых, доказывая, что преступник может и постоять. В половине двенадцатого разнеслась тревожная весть: Неверьушамсвоим, назначенный прокурором,

не иочевал дома и вообще как в воду канул. «Ничего, выпустят запасиого», — успоканвали друг друга зрителн.

Когда до двеиадцати оставалось пять минут, на площадь въехал чериый «лимузин» Тракатаиа. Кибертоицы встретили его дружиым художественным свистом. Корреспоидент газеты «Вечериий Кнбер» вскииул фотоаппарат, да так и застыл от удивлення: из машниы вышел Неверьушамсвоим. Бледный, с перевязаиной головой, он подошел к столу Сурдники и забрал у иего микрофои.

— Я представляю, — сказал ои, — как вы тут нз-за меня переволиовались. Но теперь самое страшиое позади: я, как вндите, жнвой. Хотя не скрою, были момеиты, когда моя жизиь висела иа волоске. А началось все с того, что я сказал себе: «Неверьушамсвоим, ие верь ушам своим!» И стал вести неусыпиое иаблюдение. В самый разгар ночи преступиики под прикрытием кибернетического льва обратилнсь в бегство, ио я своевремеиио лег посредн дорогн, по которой мчался их автомобнль. Перепугаиные баидиты слезио умолялн пропустить нх, предлагали крупные суммы деиег, ио я твердо сказал: «Только через мой труп». Потеряв последнюю иадежду, злодеи дали газу, и если бы я с быстротой молнии ие развериулся продольио, случилось бы иепоправнмое... Не буду сейчас рассказывать, как я иастнгал их, как оии отстреливались, как завязалась рукопашиая, — жеищниы и дети ие перенесут этих ужасных подробиостей. Волосы подиимаются дыбом, как я вспомню...

«Динги-дои, днинги-дои, бум!» — заглушнлн Неверьушамсвоим куранты Весеинего Дворца. Едва затих последннй, двенадцатый удар, как в черном лимузнне что-то щелкиуло, и оторопевшие кибертоицы услышали голос Тракатаиа:

— Вы хотели, чтобы я пришел. Я приду вслед за черным снегом. И тогда, клянусь вакуумом, ваша страиа стаиет самой тихой в мире!

* * *

Черный сиег быстро растаял, оставляя после себя непрнятиый химическнй запах. Автоцистерны с надписью «Хлебный квас» развозилн по домам валерьяновые капли. Барабаны понемногу стали стнхать.

В середнне дия, когда волнеине окоичательио улеглось, радно позвало кнбертонцев иа прнстань. Оии двннулись туда с веселой песией:

Тра-та-та, тра-та-та!
Нам не страшен Тракатан!

Вид у иих был бодрый и беззаботиый, н только глаза смотрели тревожнее, чем обычио.

У прнчала покачивался прогулочиый катерок с краснвым иазваинем «Мелодия бурь». Над ним поднимался столб дыма, — это старый кнбертоиский моряк Румб Тромбон курил иа палубе огромиую трубку. На капнтанском мо-

стике в длиннополом пальто стоял профессор Сурдинка. Ветер вырывал у него из рук карту и карандаш.

— Коллеги кибертонцы! — торжественно начал Сурдинка. — Злобный авантюрист Тракатан, не имеющий права называться профессором, приступил к осуществлению своих угроз. Убедительным доказательством этого служит его последняя антинаучная работа — черный снег. Я не позволю себе унизиться до ее критики.

Туча, которую прислал Тракатан, не только окончательно развенчала этого лжеученого, но и дала возможность определить точку, в которой он скрывается от справедливого суда. Я провел на карте линию в направлении, противоположном утреннему ветру. Она пересекла остров Теней — да, да, тот самый остров. Наши суеверные предки окружили это дикое и безлюдное место страшными легендами. В них рассказывается о чудовищах, призраках и о тому подобных несерьезных вещах. Но нас, кибертонцев, нелегко запугать. Я приглашаю двух человек, готовых немедленно отправиться со мной в разведку. Коллеги, нельзя терять ни минуты! Прошу добровольцев пожаловать вперед.

Щеки кибертонцев побледнели от ужаса, но тут же вспыхнули от стыда, да так ярко, что примчалась пожарная машина с электронными пожарниками.

— Возьмите меня, профессор! — решительно подняла руку Айя.

— И меня! — глухо сказал Дон Кибертон.

— И нас! — дружно выступили вперед ассистенты.

— Ну что вы, что вы! — замахал руками профессор. — Я же сказал, мне нужны только двое. Прошу вас, Синьорина, на судно! Добро пожаловать, Дон!

— А меня, меня забыли! — выскочил откуда-то из-за спин Неверьушамсвоим. — Это несправедливо, что я не еду! Граждане, будьте свидетелями!

— Успокойтесь, прошу вас, успокойтесь! — смутился профессор. — Коллега единственный среди нас имеет опыт борьбы с Тракатаном. Человеку с такими заслугами невозможно отказать. Мы берем вас с собой, коллега!

Неверьушамсвоим беспомощно огляделся по сторонам и увидел восхищенные лица. Отступать было поздно, и он неверными шагами стал подниматься по трапу.

Румб Тромбон выбил трубку о борт и отдал двум своим помощникам длинную команду, в которой часто повторялось непонятное иностранное слово. Те забегали как черти, вспенилась за кормой вода, и «Мелодия бурь» отвалила от причала. Вслед ей неслась нестройная музыка — это плачущие навзрыд кибертонцы пытались исполнить бесшабашную песню «По морям, по волнам, нынче — здесь, завтра — там...»

* * *

Когда самые высокие здания Кибертонии растаяли в синеве гор, профессор и Айя сели играть в «крестики-нолики», Тирляля пошел в рулевую рубку испытывать глубинный компас, а Неверьушамсвоим облюбовал большой спасательный круг и незаметно вырезал на нем свои инициалы. Закончив эту операцию, он забился в укромный уголок и с чувством исполнил на волынке попурри из похоронных маршей. Он никогда еще не играл так хорошо.

После ужина профессор включил телевизор. Шла вечерняя кибертонская программа «Спокойной ночи, граждане!». Через весь экран друг за другом медленно проходили бараны. Их нужно было считать. На трехсотом баране глаза Айи стали слипаться. На трехсот семидесятом уснули Тирляля и Неверьушамсвоим. Тут Сурдинка хитро улыбнулся, достал из портфеля коробочку с леденцами, но открыть ее так и не успел. Четырехсотый баран сделал свое дело: к рокоту мотора присоединился мощный профессорский храп.

Ночью Сурдинку разбудил Румб Тромбон. Они вышли на палубу.

— Чертовщина, адмирал, — тревожно блеснул глазами моряк. — Компаса рехнулись. Гляньте.

Действительно, стрелка компаса Тирляля и магнитная стрелка корабельного компаса были направлены в разные стороны. Что это могло значить?

— Спокойно, Румб, — сказал озадаченный профессор. — Дайте карту и позовите остальных.

Тирляля, поеживаясь спросонья, долго рассматривал обе стрелки.

— Мой компас не врет, — заявил он наконец. — Ставлю свою шпагу против швейной иглы!

— Я всегда верил в ваше изобретение, Дон, — пожал его руку Сурдинка. — Лжет магнитный компас, и лжет со злым умыслом. Следуя его показаниям, мы попали бы на остров, название которого говорит само за себя — Змеиный! Вот карта, прошу взглянуть.

— Капитан, а вы уверены в своих людях? — спросил, озираясь, Неверьушамсвоим. — Одного из них, длинного, я знаю: его покойная бабушка всегда предпочитала музыке рисование...

Румб Тромбон яростно выдохнул дым:

— Слушай, ты, модерато!..

— Я прошу вас выбирать выражения! — процедил Неверьушамсвоим и поспешно покинул рубку.

Часа в три ночи капитан приказал потушить все огни. «Приближаемся к острову», — сказал он. Но напрасно Тирляля с Айей вглядывались в темноту. Ничего не было видно.

— Посмотрите лучше сюда, — предложил им профессор и вынул из кармана атлас с картинками. При тусклом свете приборов можно было рассмотреть угрюмый силуэт острова.

— «Он похож на зуб, вырванный из пасти злого духа», — про-

декламировал Сурдинка. — Знаете, кто это написал? Одна старая бормашина. Когда ей вставили электронные мозги, она бросила свою основную работу и стала литератором. Вы, наверное, читали ее стихи, — она подписывается псевдонимом Дупло.

Айя улыбнулась, и эта улыбка отразилась, как в зеркале, на озабоченном лице Донна Кибертона.

Незадолго до рассвета мотор умолк. Разведчики услышали шум прибоя.

— Ничего не забыли? — спросил профессор. — Оружие есть?

— Есть! — зазвенел шпагой Тирляля.

— Прекрасно. Сейчас нас отвезут на берег. А вы, Румб, будьте здесь завтра ночью. Увидите зеленую ракету — высылайте за нами шлюпку, увидите красную — уходите обратно в море.

— А ничего, адмирал, что я дальтоник? — сконфуженно спросил моряк.

* * *

Тяжелая шлюпка не смогла подойти вплотную к берегу, и разведчикам пришлось брести в ледяной воде. Лучше всех было Айе: ее нес на руках Тирляля. «Черствый, бездушный человек, — с горечью подумал Неверьушамсвоим. — С его здоровьем можно было бы нести двоих».

Но вот под ногами захрустела галька. Разведчики сделали несколько согревающих упражнений и цепочкой двинулись в глубь острова. Впереди бесшумно шагал Дон Кибертон со шпагой, за ним семенил на цыпочках Сурдинка с портфелем, за профессором легко ступала Айя со своим любимцем Поки на кожаном ремне. Позади всех, поминутно оглядываясь и крепко прижимая к груди пузатую волынку, крался Неверьушамсвоим.

Небо быстро светлело. Над морем уже, наверное, поднималось солнце, но здесь, на дне глубокого ущелья, все еще стоял полумрак. Сверху свисали колючие ветви неведомых растений.

— Будьте внимательны, коллеги, возможно, в них заключен яд, — предупредил вполголоса профессор.

Спустя короткое время Неверьушамсвоим почувствовал сильный сквозняк. Это уже было слишком.

— Черт знает что такое! — прошипел он, нагоняя профессора. — Я не могу работать в таких условиях! Неужели нельзя было выбрать человеческие дороги?

— Все дороги ведут к Тракатану, — философски заметила сзади Айя.

— Шутить изволите! А меня вот-вот сразит ангина. Мне вредно находиться на сквозном ветру!

— Сквозняки никому не полезны, коллега, — мягко возразил Сурдинка. — И вообще не волнуйтесь: у меня в портфеле должен быть аспирин.

— Что вы понимаете в моем организме! — ревниво проворчал Неверьушамсвоим, и тут его во-

лыжка с писком уперлась в каменную спину Тирляли.

— Тс-с-с!.. — прошептал Дон Кибертон. — Посмотрите!

Впереди зияла черная дыра.

— Пещера! — прошептала Айя.

«Западня!» — лихорадочно подумал Неверьушамсвоим.

— Позвольте не согласиться с вами, Синьорина, — галантно поклонился Айе профессор. — Наличие сквозняка свидетельствует о том, что это скорее всего тоннель.

— Какая разница, тоннель или пещера? — хрипло произнес Неверьушамсвоим. — В любом случае идти дальше...

— ...есть смысл! — быстро закончила за него Айя.

Тирляля осторожно вытащил шпагу из ножен, и разведчики, стараясь держаться поближе друг к к другу, двинулись вперед.

В пещере было темно и тихо. Тирляля пытался клинком нащупать стены, но это ему не удалось. С каждым шагом на душе у кибертонцев становилось все тревожнее. Неведомая опасность грозила отовсюду, ею была насыщена вся атмосфера этого мрачного подземелья.

— Нет, друзья, вы как хотите, а я пошел, — решительно сказал Неверьушамсвоим и повернул обратно.

Профессор протянул руку, пытаясь его удержать, но его ладонь пожали чьи-то холодные пальцы.

— Ч-что это? — нервно спросил Сурдинка, и в этот момент перед его глазами возник мерцающий скелет.

— Производство киностудии «Тракатанфильм»! — загробным голосом объявил он и, задрожав мелкой дрожью, рассыпался в прах.

На смену ему в глубине пещеры появился огромный фосфоресцирующий пес. Он приблизился к окаменевшим от ужаса разведчикам и, отвратительно дыша на них чесноком, стал свирепо вращать глазами.

— Колите, Дон, колите! — воскликнул Сурдинка, прикрываясь портфелем, как щитом, но Тирляля был не в силах поднять отяжелевшую шпагу.

Вдруг над их головами пронесся душераздирающий вопль, и под сводами подземелья вспыхнули два рубиновых пятна. Они мирно порхали над кибертонцами — все ниже и ниже, все ниже и ниже, — но Айя, Тирляля и Сурдинка сразу забыли о существовании пса: это были человеческие уши.

— Назад! — скомандовал Сурдинка изменившимся голосом. — Быстрее назад!

— Хе-хе-хе-хе-е-е!.. — раздался сзади издевательский хохот.

Отступать было некуда: со стороны входа шла, широко размахивая косой, сморщенная старуха в белом.

— Смерть! — облизал пересохшие губы Тирляля и медленно двинулся ей навстречу. «До-ре-ми-фа-соль-ля-си-до!» — звучало на высоких нотах сердце.

Когда противников разделяло несколько шагов, старуха неожиданно зашаталась. Неловко взмахнув косой, она ударила ею по собственной ноге и с жалобными стонами поскакала прочь.

— Знай Дона Кибертона! — крикнул ей вдогонку Тирляля. Он снова почувствовал себя большим и сильным. Что ему теперь пес? Что ему какие-то уши? — Посторонись, Айя! Посторонитесь, профессор!

Но что это? Рубиновые пятна опустились на шею пса и превратились в безобидный бантик. Чудовище, блаженно закрыв глаза, принялось вычесывать блох и сразу стало похожим на добродушную дворняжку. На его фоне проплыла снизу вверх дрожащая надпись: «Перерыв по техническим причинам».

Тирляля растерянно опустил шпагу. Значит, не от него убегала мерзкая старуха? И вдруг радостная догадка озарила его лицо.

— Айя, Айечка, неужели? Да, профессор? Это она?!

— Это Поки, мой Помощник кинозрителя, — улыбнулась Айя, защелкивая замок футляра. — Путь свободен, коллеги-разведчики!

* * *

А Неверьушамсвоим мчался тем временем по дну ущелья. Колючие ветви били его по лицу, но он не замечал боли. Подальше, подальше от этой проклятой пещеры! Никакая сила в мире не заставит его снова пойти той же дорогой!..

Выбежав к морю, Неверьушамсвоим тяжело опустился на камень. Ах, как он жалел, что ракетница осталась в профессорском портфеле! Он нежно погладил по шерсти свою волынку, и над пустынным побережьем понеслись дикие, унылые звуки.

Из прекрасного мира музыки его вырвало чье-то грубое прикосновение. Неверьушамсвоим оглянулся, и волынка выпала у него из рук. Над ним, как уходящая в небо башня, возвышалось металлическое существо с богатырской грудью и головой, растущей прямо из плеч. Левая рука существа заканчивалась пятью стальными пальцами, а правая — тяжелым чугунным молотом.

— Встать! — негромко приказало оно, и так как Неверьушамсвоим продолжал сидеть, подняло его левой рукой за шиворот.

Покачиваясь на ватных ногах, Неверьушамсвоим увидел второе существо, которое по внешнему виду ничем не отличалось от первого. «Двое на одного! — подумал он. — Многовато. Не справлюсь. К тому же каждое из них выше меня на голову...»

— Извиняюсь покорно, вы роботы? — спросил он вслух.

— Не роботы, а дроботы! — хором отчеканили оба существа.— Дроботы Его Логической Безупречности Тракатана!

— Не будете ли вы любезны проинформировать меня о драгоценном здоровье вашего повелителя? — льстиво улыбнулся Неверь-

ушамсвоим, но дроботы вместо ответа проворно накинули ему на голову плотный чехол.

— За что? — в ужасе закричал Неверьушамсвоим. — Я ничего не сделал! Это не я!

— Вперед! — скомандовали дроботы, и Неверьушамсвоим двинулся туда, куда его подталкивали стальные руки.

Всю дорогу конвоиры хранили гробовое молчание. Даже ступали они неслышно — наверное, их стальные подошвы были подклеены резиной. Несчастного пленника долго гнали по крутой каменистой тропе, потом протащили вверх по лестнице и втолкнули в дверь.

— Пять дробь семь прибыл! Три дробь четыре прибыл! — приглушенно доложили дроботы.

— Вольно! — скомандовал кто-то хриплым шепотом. — Кто такой этот субъект?

— Подозрительная личность, господин Главный Нашептыватель!

— Является ли этот мохнатый предмет его собственностью?

— Так точно!

— Что делал субъект в момент задержания?

— Нарушал Параграф Первый!

— Снять с него чехол!

За большим письменным столом сидел, кривя резиновые губы, Грауэн. Перед ним лежали высокая черная фуражка и пистолет. На фуражке тускло светился герб — змея, обвившаяся вокруг Луны.

— О, какая встреча! — удивленно прошептал Грауэн. — Как это у вас говорилось: старый друг лучше, чем новый друг. Вы хорошо успели: завтра мы отправляемся на Кибертонию... Но как вы сюда попали и почему шумели на этой ужасной штуковине? — Тут бывший владелец балагана брезгливо махнул рукой в сторону волынки.

— Я пал жертвой кибертонского террора, — произнес Неверьушамсвоим трагическим шепотом.

— Это очень интересно! Садитесь, пожалуйста, на стул! Так как же было ваше дело?

— Мое дело? — печально переспросил Неверьушамсвоим. — Мое дело было плохо. Помните ту ночь, когда вы любезно подвезли меня в автомобиле? На следующее утро меня схватили головорезы профессора Сурдинки. Мне было предъявлено обвинение в государственной измене. Суд приговорил меня к высшей мере наказания — к пожизненному просмотру научно-популярного фильма о разведении кроликов. Мне показывали этот фильм круглые сутки, с перерывами на сон и еду. Через два дня я знал всех кроликов в лицо. Через неделю я начал медленно сходить с ума. Однажды я воспользовался тем, что стража от скуки уснула, и бежал. На улице, к счастью, было темно. Пробираясь через пустырь, я увидел стоящий дирижабль. Кибертонцы имеют обыкновение кататься на нем по праздникам. Я забрался в кабину, запустил двигатель и взлетел. Спустя минуту подо мной было море. Самое страшное началось позже, ког-

да я убедился, что бензина хватит ненадолго. К тому же дирижабль почему-то перестал меня слушаться. Вдруг я заметил внизу какой-то остров. Раздумывать было некогда. С волынкой в руках я шагнул за борт и приземлился на ней, как на парашюте. Думая, что остров необитаем, я позволил себе по старой привычке кое-что исполнить. Но вскоре появились дроботы и принесли радостную весть, что я попал во владения глубоко уважаемого мною доктора Тракатана. Остальное, господин Грауэн, вам известно.

Главный Нашептыватель встал из-за стола и предложил Неверьушамсвоим пройти в соседнюю комнату. На черной стене горел электрический транспарант:

«Ш-ш-ш-ш! Т р а к а т а н».

— Вы будете ожидать меня здесь, — сказал шепотом Грауэн. — Иду к Его Безупречности.

И неожиданно гаркнул с просветленным лицом:

— Да царит на путях Владыки безмолвие!

Неверьушамсвоим растерянно посмотрел на него.

— Простите, мне казалось...

— Подобные вещи не возбраняется произносить громко, — строго прошептал Грауэн. — Напротив, рекомендуется.

Оставшись один, Неверьушамсвоим нащупал в кармане коробку спичек. Говорят, в их коричневых головках содержится яд. Ну что ж, если судьбе будет угодно, он умрет, как настоящий мужчина. От этой мысли ему стало немного легче.

Нервно шагая по комнате из угла в угол, Неверьушамсвоим наткнулся на клетку с попугаем. Некоторое время он и птица внимательно рассматривали друг друга. «Ответь, о мудрое создание, увижу ли я новый рассвет?» — со слезами на глазах подумал Неверьушамсвоим.

— Попка дурак! — шепотом сказал попугай.

Невеселые размышления разведчика прервал приход Грауэна. Вид у Главного Нашептывателя был чрезвычайно торжественный.

— Я только что оттуда, — значительно произнес он. — Вы получили тишайшее приглашение на военный парад. Я вижу, что у вас отсутствует приличный костюм, но это ничего. Главное, чтобы ваша грудь была переполнена взволнованными чувствами.

Они спустились по каучуковой лестнице и вышли на воздух. Дом Тракатана стоял в лесу, посреди большой вытоптанной поляны, и был точной копией особняка у подножия горы Экстремум. Перед домом возвышалась трехступенчатая трибуна. Ее средняя ступень была выше правой, а правая — выше левой. Грауэн, а за ним Неверьушамсвоим заняли места справа. В лакированных сапогах Главного Нашептывателя отражалась тысяча солнц.

— Послушайте, как совершенно тихо, — блаженно закрыл глаза

Граузи. — Это первый в мире лес, в котором отсутствуют птицы. К сожалению, иногда бывает ветер и шумит в деревьях. Но Его Безупречность, я скажу вам это по секрету, разработал замечательный проект. Лес, в котором отсутствуют деревья! Вы представляете, как это будет прекрасно?!

Неверьушамсвоим не успел выразить своего восхищения. На пороге дома появился краснomордый служитель и во всю мощь бычьих легких возвестил:

— Его Логическая Безупречность, Тишайший Владыка Кибертонии, а в Будущем и Всего Мира, доктор тьма-тьматических наук профессор Тракатан!

Грауэн вскочил и впился глазами в дверь. Неверьушамсвоим последовал его примеру. Через пару минут служитель появился снова. Он нес вместе со своим напарником тяжелые носилки. На носилках стоял прозрачный колпак, а под ним восседало что-то огромное и безобразное. «Мамочки!» — ахнул про себя разведчик. Такого он не видел даже в зоопарке. Маленькие глаза и лоб, вытянутый до пояса подбородок, длинные бескровные щупальца вместо пальцев...

— Обратите внимание, — шепнул Грауэн, — колпак изготовлен из увеличительного стекла. Владыка не любит показываться массам в натуральную величину.

Служители, багровея от натуги, втащили носилки на главное возвышение трибуны, а сами поспешили на ее нижнее крыло и замерли там по стойке «смирно». Тракатан не спеша запустил щупальца в бездонный карман и извлек оттуда металлический ящик.

— Радиопередатчик, — пояснил Главный Нашептыватель. — Его Безупречность управляет дроботами по радио. Сейчас Владыка нажмет кнопку... О, уже нажал! Теперь смотрите!

В дальнем конце поляны поднялась пыль. Из лесу вывалили дроботы. Сначала они двигались вразброд, потом, как по команде, сомкнулись в стальную колонну.

— Как маршируют! Как маршируют!! — восторженно прошептал Граузи.

Дроботы действительно маршировали отлично. Они дружно вскидывали ногн на одну и ту же высоту — ни миллиметром выше, ни миллиметром ниже. Позади колонны ехала платформа с большим черным роялем, за ней бочка на колесах с резиновым шлангом и надписью: «Огнеопасно», а в самом хвосте двое дроботов катили зеленую длинноствольную пушку.

Поравнявшись с трибуной, дроботы трижды взмахнули молотами. Тракатан удостоил их в ответ легкого кивка. Несколько секунд серые механизмы стояли неподвижно — и вдруг, ломая строй, устремились к роялю. Давя и отталкивая друг друга, они вскакивали на платформу и свирепо крушили полированные бока инструмента. Вот чугунные молоты обрушились на клавиатуру, и рояль протяжно за-

рыдал. Неверьушамсвоим почувствовал себя так, будто на его глазах убивали что-то живое. Он сжал кулаки, но заметил испытующий взгляд Граузна и стал дуть в них, делая вид, что замерз.

Когда рояль превратился в груду щепок, дроботы подкатили бочку с горючим. Щепки обильно полили из шланга, высекли стальными руками искру, и на платформе вспыхнул веселый костер, от которого заблестели глазки Тракатана и порозовели восковые щеки Граузна.

— Для генеральной репетиции неплохо! — похвалил дроботов Главный Нашептыватель.

А те живо собрали пепел, зарядили им пушку, нацелили ствол в синее небо и выстрелили. Сразу стало пасмурно, но немного спустя сапоги Граузна снова засияли на солнце. Тракатан движением бровей подозвал своих носильщиков. Дроботы, ритмично взмахивая молотами, скрылись в лесу.

После парада Граузи пригласил Неверьушамсвоим на обед. Это было очень кстати, потому что кибертонец со вчерашнего дня ничего не ел и начинал опасаться, что шум в животе может навлечь на него беду. Но когда он вошел вслед за Граузном в столовую, у него пропал аппетит. Во главе стола, накрытого на три персоны, сидел сам Тракатан.

— Садитесь! — разрешил доктор тьма-тьматических наук. Он говорил нормальным, громким голосом.

Неверьушамсвоим сел и рассеянно огляделся. Стены комнаты были обиты кожей. Он расстелил на коленях накрахмаленную салфетку и увидел вышитую надпись:

«Чти Параграф Первый!»

Тракатан шумно ел бульон большой серебряной ложкой. Граузи и Неверьушамсвоим получили вместо ложек соломинки. Осторожно, стараясь не булькать, они тянули сквозь них пресную жидкость. Соль просить было рискованно: очевидно, Владыка ее не любил.

На второе служители подали рыбу. Тракатан звучно выплевывал мелкие кости на специальный поднос. Граузи и Неверьушамсвоим предпочитали их проглатывать.

— Рыба... — неожиданно произнес Тракатан. — У нее многому можно поучиться. Как вы считаете, Граузи?

— Несомненно, Ваша Безупречность, — прошептал, сияя, Граузн. — Это одно из самых дисциплинированных созданий.

— Кстати, о дисциплине. Когда вы отправите под пресс этого семь дробь семь?

— Завтра перед выступлением, Ваша Безупречность. Мне кажется, что это свежее впечатление повысит боевой дух остальных.

«Уж не мне ли они присвоили этот номер?» — тоскливо подумал Неверьушамсвоим, но после всего пережитого у него не хватило сил, чтобы как следует испугаться.

Съев компот, Владыка вытер губы и удалился. За весь обед он

лишь пару раз взглянул на гостя, да и то мельком. Неверьушамсвоим поинмал, что это к лучшему, ио в глубине души ему было иемиого обидио. Коиечно, Тракатаи грубая, иемузыкальная натура, ио все же к человеку, совершившему беспримериый прыжок с дирижабля, он мог бы отиестись повнимательиее.

— Пойдемте за мной, я покажу вам вашу комиату, — предложил Граузи. — Завтра иеобходимо рано вставать, и поэтому я убедительио рекомеидую вам раио ложиться.

Голодный Неверьушамсвоим поплелся вслед за Граузиом. Так скудно н скверно, как в этом доме, его еще нигде не кормили. Наверное, у Тракатаиа днета. А может, он просто экоиомит иа еде? «Так или иначе, — рассудил кибертоиец, — иужио как можно скорее погрузиться в спасительный сон». К счастью, в малеиькой комнатушке ему уже была приготовлена постель. Возле кровати, на телефонном столике, стояла круглая картонка. Оиа явио ожидала нового жильца.

— Угадаете ли вы, что это такое? — загадочно прошептал Грауэн.

— Торт? — с иадеждой спросил Неверьушамсвоим.

— Фн, — поморщился Главиый Нашептыватель и достал из картонки высокую черную фуражку с гербом Тракатана.

— Его Безупречиость, — торжественно объявнл он, — назначает вас с этого момеита Главным Тнхарем Кибертонни!

Неверьушамсвоим рухиул в кресло.

— Ч-чем я заслужил? — спросил ои, заикаясь.

— Такова воля Владыки, — сурово ответил Грауэн. — Лучше обратите свое внимание иа эту прекрасиую фуражку. Такой головной убор имеют только очеиь довереииые лица. Это иаша почетная форма. А теперь я вам открою большой секрет: если эту фуражку повернуть на голове слева направо и обратио, перед вами откроется в атом доме всякая автоматическая дверь. Запомииайте хорошеиько: слева направо и обратио!

«Как бы ие забыть, — иапряг свою память Неверьушамсвоим. — Справа налево и обратно...»

— Имеете ли вы ко мие вопросы? — осведомился Главный Нашептыватель.

— Нет... то есть да, имею одии! Скажите, пожалуйста, если это, конечио, не воениая тайиа, — кто такой семь дробь семь?

— О, пожалуйста, пожалуйста, вы имеете право это знать! Семь дробь семь — очень плохой дробот. Как это у вас говорится, ненормальный Сейчас ои сиднт в подвале, а завтра утром он будет казнеи.

— Что же ои иатворил?

— Это страшно рассказывать. В один прекрасный день Владыка занимался с дроботами на поляне и прнказал им по радио повериуться направо И вдруг, вы мо-

жете мне не поверить, этот самый семь дробь семь повернулся налево. Вы представляете, что это значит?!

— Какой ужас! — прошептал Неверьушамсвоим и стал расшнуровывать ботинки.

— Итак, я не буду вам мешать, — изобразил улыбку Грауэн. — Если вы захотите мне что-нибудь сказать, мигайте мне по телефону. Я говорю «мигайте», а не «звоните», потому что всякий телефон в этом доме сигналит лампочкой. Тихой ночи!

— Тихой ночи! — откликнулся Неверьушамсвоим, взбивая пуховую подушку.

Он залез под одеяло, повернулся на свой любимый левый бок и облегченно вздохнул. Эту ночь он проведет в мягкой постели, а там будет видно.

«Тра-ра-ра! Тру-ру-ру! Тра-а-а!..» — неожиданно запела в лесу труба.

— Вот гнусное животное! — сердито проворчал Неверьушамсвоим и снял телефонную трубку. — Господин Главный Нашептыватель? Если вам не трудно, прикажите убрать из-под моего окна эту проклятую корову. Она мешает мне спать.

* * *

Короткий зимний день закончился. Беззвучный лес осветила луна. От трибуны падали неровные тени. Они, как ставни, закрывали собой черные окна дома. Но в одном окне все еще горел свет. Это Тракатан совещался со своим Главным Нашептывателем.

— Я буду рассуждать логически, — говорил Тракатан. — Если бы этот субъект был разведчиком, он попал бы не сюда, а к ядовитым змеям. Магнитные скалы, расставленные мною вокруг острова, отклонили бы стрелку его компаса в сторону. Кроме того, ни один нормальный разведчик не стал бы так нелепо привлекать к себе внимание, как это делал наш субъект на берегу. И наконец, когда Краснолицый заиграл на трубе, субъект доложил об этом через две секунды, то есть он даже не выглянул в окно. Но не надо делать поспешных выводов. У нас имеется источник дополнительной информации. Вы поняли, Грауэн, что я имею в виду?

— Аппарат «Морфей» конструкции Вашей Безупречности!

— Хвалю за догадливость. Вы лично убедились, что субъект спит? Сейчас мы посмотрим, что ему снится.

Тракатан достал из письменного стола плоский ящичек с экраном, как у телевизора, и выдвинул из него антенну. На экране появилось бледное изображение. «Вот черт, снова нет контрастности!» — выругался Тракатан и стукнул по аппарату кулаком. Изображение подпрыгнуло и стало сочным. Доктор тьма-тьматических наук и Главный Нашептыватель увидели простой деревянный стол, а на нем бутылку вина и блюдо с жареной поросятиной. За столом сидел

Неверьушамсвонм и кусок за куском отправлял мясо в рот. Время от времени он прерывал это занятие, чтобы приложиться к горлышку бутылки. Так прошло минут двадцать.

— Глупый, нелогичный сон! — осторожно проглотил слюну Грауэн. — Бутылка уже давно должна быть пустая, но этот субъект почему-то пьет!

— Сейчас вас должно интересовать другое, — сказал Тракатан, выключая аппарат. — Имеются ли в рассмотренном сне факты, свидетельствующие против спящего?

— Нет, — с сожалением развел руками Грауэн, — по-моему, этих фактов нет. Один момент! — оживился он внезапно. — Если там было не вино, а шампанское — значит субъект, откупорившая его, еще один раз нарушил Параграф Первый!

— Это было вино, — сухо заметил Тракатан. — Белый мускат. Но я хотел бы услышать, наконец, ваши выводы.

Грауэн задумался.

— Выводы таковы. Или это круглый, но честный дурак, или это разведчик-прима.

— Выводы правильные, — сказал Тракатан. — Именно поэтому я приказал вам дать субъекту фуражку, но объяснить ему все наоборот. Если он попытается ночью проникнуть в автоматическую дверь, он, конечно, повернет фуражку, как вы его учили, моментально включится аварийная сигнализация, и дежурные дроботы... В общем, Грауэн, мы можем спать спокойно.

— Я восхищаюсь, Ваша Логическая Безупречность, Вашей Совершенно Безупречной Логикой! — радостно воскликнул Главный Нашептыватель, пятясь к выходу.

* * *

Посреди ночи Неверьушамсвонму приснился Сурдинка. Он играл в лесу на губной гармошке, а сзади подкрадывались хищные тени. «Берегитесь, профессор!» — хотел крикнуть Неверьушамсвонм и проснулся. На фуражке холодным зеленым огнем горел герб Тракатана. Главный Тихарь Кибертонин! Неверьушамсвонму стало душно. Что подумает о нем профессор Сурдинка? Что подумают о нем соотечественники?! Он вспомнил, как дроботы дробили рояль, и снова сжал кулаки, на этот раз открыто. Бежать, бежать отсюда! Разыскать профессора, разыскать Румба Тромбона, поднять на ноги весь народ! Вот только куда задевались ботинки? Ага, один есть. А вот и второй.

Нахлобучив фуражку, Неверьушамсвонм толкнул дверь. Она отворилась без скрипа. Коридор тоже его не выдаст: под ногами лежит губчатый ковер. Шаг вперед... Ох, что это так стучит? Еще шаг... Нелегка ты, доля разведчика!

Пугаясь собственного дыхания, Неверьушамсвонм пронесся по коридору и скатился по пружинящим ступеням лестницы. Он взял-

ся за вспотевший козырек фуражки и осторожно повернул ее справа налево. В двери что-то тихо щелкнуло. Дрожащей рукой Неверьушамсвоим вернул фуражку в прежнее положение. Раздался второй щелчок, и стальные половинки бесшумно раздвинулись.

На белой от лунного света поляне дремало горбатое черное чудовище. «Спокойно, коллега, это всего лишь трибуна!» — бодро сказал себе Неверьушамсвоим, но перепуганные ноги уже несли его куда-то в сторону. Мрачная стена деревьев быстро заслоняла собою небо. Вот она расступилась, и задыхающийся беглец ничком упал на мягкий лесной мох. Куда теперь идти? Лес кишит опасностями. Но оставаться на месте тоже нельзя: в любую минуту может начаться погоня. О, зачем он бросил товарищей! Теперь ему с ними было бы ничего не страшно.

Неверьушамсвоим, кряхтя, встал. По его щекам потекли слезы. Если бы с ним была хотя бы его волынка! Он прижал бы ее к груди, и тогда...

Разведчик не успел додумать свою мысль. В голове у него сверкнула молния, и все провалилось в бездну.

Открыв глаза, Неверьушамсвоим увидел одинокую голубую звезду. Она запуталась в ветвях дерева и дрожала. «Что со мной? — подумал разведчик. — Неужели я тоже попал в ловушку? Но почему на лбу лежит что-то холодное? Разве эти лишенные слуха дроботы стали бы делать мне компресс?..»

— Поздравляю, коллеги, он жив! — прозвучал над ним громкий человеческий голос.

Неверьушамсвоим вскочил на ноги.

— Профессор! Ущипните меня!

— Нет, нет, — ужаснулся Сурдинка, — вам и так досталось. У Дона Кибертона тяжелая рука. Скажите спасибо Синьорине — это она оказала вам первую помощь.

Неверьушамсвоим крепко обнял профессора, потряс широкую ладонь смущенного Тирлялн, обменялся улыбками с Айей.

— Какое счастье, что я вас встретил! Если бы вы знали, сколько мне пришлось пережить...

— Ну, будет, будет, — ласково похлопал его по плечу Сурдинка. — Расскажите-ка лучше, откуда у вас этот головной убор. Из-за него мы вас не сразу узнали...

— Эту фуражку вручил мне Грауэн от имени Тракатана, — сказал, краснея, Неверьушамсвоим. — Мне удалось войти к ним в доверие. Сегодня утром стальные дроботы Тракатана выступят на Кибертонию. Все, кроме одного. Если бы вы их только видели! Они делают все, что Тракатан прикажет им по радио!

— Кажется, мы уже имели удовольствие их видеть, — задумчиво сказал профессор. — К счастью, их отряд прошел от нас на почтительном расстоянии. Отвратительное зрелище!

— А что, если завладеть радиопередатчиком? — несмело спросила Айя.

— Целиком и полностью поддерживаю! — живо откликнулся Сурдиника.

— Мысль вообще-то неплохая, — осторожно заметил Неверьушамсвоим.

— Я готов! — сказал Тирляля.

— Итак, — подытожил профессор, — требуется проникнуть в дом. Время сейчас для этого самое подходящее. Не будем же мешкать и попросим коллегу Неверьушамсвоима исполнять обязанности нашего проводника.

Разведчики вышли из лесу. Дом казался безжизненным, как склеп. «Может, меня еще не хватились?» — с надеждой подумал Неверьушамсвоим.

— Быстрее за мной! — скомандовал он товарищам. И тихо добавил: — Ура!

* * *

В это время двое дроботов охраняли в полутемном коридоре вход в покои Тракатана. В их электронные мозги был запаян приказ:

«ВСЯКИЙ, КТО ПРИБЛИЗИТСЯ НА ТРИНАДЦАТЬ ШАГОВ, ДОЛЖЕН БЫТЬ СХВАЧЕН!»

Они стояли неподвижно, как колонны, но под холодными панцирями кипела работа: пульсировали сильные и слабые токи, что-то намагничивалось, размагничивалось, перемагничивалось... Вот по стене пробежал паук. Дроботы знали: к нему приказ не относится. У Всякого должны быть две ноги, а не шесть.

Вдруг дроботы насторожились. Из-за угла появился Всякий! Шестнадцать шагов, — сработали дальномеры, — пятнадцать, четырнадцать... «Внимание!» — напряглись стальные нервы. «Внимание!» — сузились диафрагмы глаз. Но тут Всякий остановился.

Две с половиной секунды он всматривался в полумрак, потом завибрировал всем корпусом и в два прыжка исчез. Дроботы сразу забыли о нем. Их внимание привлек полет заблудившейся ночной бабочки.

А разведчики, рискуя сломать себе ноги, мчались вниз по какой-то темной лестнице. Позади, отмахиваясь от невидимых преследователь шпагой, бежал Дон Кибертон. Путь преградила железная решетка. Напрасно Неверьушамсвоим ощупывал толстые прутья: между ними нельзя было просунуть даже кулак.

— Не сдавайтесь, Дон, без боя! — крикнул он и отпрыгнул подальше в угол. Но биться было не с кем.

— Кажется, мы зря поволновались, — сказал, отдышавшись, профессор. — Может, это был обман зрения?

— Меня не обманешь! — обиделся Неверьушамсвоим. — Двое дроботов стояли на часах у двери Тракатана.

— Ой! — тихо вскрикнула

Айя. — Мие кажется, здесь тоже кто-то есть...

Сурдннка порылся в портфеле и вытащчл стеарииовую свечу. Она нехотя разгорелась. Профессор глянул, и свеча едва не выпала у него из рук: за решеткой, упираясь подошвамн в прутья, сидел дробот.

— Семь дробь семь! — воскликнул Неверьушамсвоим.

Дробот со скрипом повериул к нему голову.

— Семь дробь семь, вас хотят казинть!

Глаза-объек1ивы остались равнодушными

— Послушайте, вам нечего терять! Встаньте, разбейте решетку, ступайте с нами!

— Я повинуюсь только Создателю, — глухо ответнл семь дробь семь.

— Но поймите, этот самый Создатель пошлет вас сегодня под пресс!

— Умирает лишь металл, — заучеиио произнес дробот, — но предаииость Создателю бессмертна.

— Так какого же тракатана ты поворачивался не в ту сторону! — вышел из себя разведчик.

Семь дробь семь тупо молчал.

— Ваша дискуссия, коллега, кажется мне бесплодной, — остановил Неверьушамсвонма профессор. — Вы не представляете, как трудно переубедить мозги, управляемые по радио. Даже все мы, а иас здесь четверо...

— Ложь, — неожиданно прервал дробот. — Вас здесь только трое.

— Как вам это нравится?! — изумился Сурдиика. — Первый раз встречаю такую арифметику!

— Вас здесь только трое! — упрямо повторил дробот.

Профессор встревожеиио поднял свечу: вот Синьориna, а рядом с ней Дон, он опирается на свою неразлучную шпагу...

— Трое, трое, трое, — все тише твердил автомат, пока, иаконец, не затнх совсем.

— Извнните, Дои, — сказал профессор, — но, по-моему, он не брал в расчет именно вас. Весьма вероятно, что его ввела в заблуждеиие ваша шпага.

— Не понимаю, — честио призиался Тирляля.

— Одолжнте мне ее, — предложил Сурдинка, — н тогда вам все станет ясно.

Немного спустя Сурдинка, опнраясь иа шпагу, как иа третью иогу, приближался к двери Тракатаиа. Дроботы выжидательно смотрели на него. «Левой, средней, правой! Левой, средней, правой! — в уме командовал себе профессор. — Если эксперимент пройдет удачно, иужно будет написать статью «О некоторых особенностях распозиавания зрнтельных образов детермпнированными автоматами...»

Когда профессор взялся за ручку двери, дроботы встрепенулись. Сурдинка почувствовал, как от иих пышет жаром: очевидио, их логические устройства работали вовсю.

— Извинние за беспокойство, — деликатно прошептал Сурдиика и тихо переступнл порог.

Зажигая спичку эа спнчкой, Сурдннка отыскал спальию Тракатана. Доктор тьма-тьматнческнх наук люто сопел посреди иеобъятной кровати. На ночиом столике поблескивала коробочка велнчнною с портсигар. Сурдника суиул ее в кармаи и поспешно направнлся к выходу. Второпях ои забыл о шпаге и держал ее под мышкой, но дроботы даже не посмотрели в его стороиу: их интересовалн только входящне. Зато за углом иа профессора набросилнсь сразу трое: Айя, Тирляля и Неверьушамсвоим.

— Довольно, довольио, вы не на нмеиинах! — добродушно проворчал профессор, высвобождаясь нз их объятнй. — Передатчнк у нас, но это лншь половииа дела. Коллега Неверьушамсвонм, у меня в портфеле должеи быть паяльник. Вы ие эиаете, где его тут можно включить?

* * *

Доктор тьма-тьматических наук встал с постелн в отличном расположеини духа. Утро было сырым и хмурым, иад островом бежалн мышиного цвета облака. Ои оделся во все чериое н взял со столнка раднопередатчнк. Металлнческая коробочка показалась ему теплой.

— Страино, — сказал Тракатаи и иажал несколько кнопок.

Не прошло и мииуты, как под окнами выстроилнсь готовые к походу дроботы. Оии трижды отсалютовали молотами, и в комнате трнжды стало темио.

На столе замигал телефои. Тракатаи иахмурнл брови: Главиый Нашептыватель впервые осмелнлся беспокоить его до завтрака.

— Ваша Логнческая Безупречиость, — робко прошептала трубка, — субъект и его штуковнна куда-то нсчезлн!

— Вы пьяиы нлн больиы? — холодно осведомнлся Тракатан. — Вы поиимаете, что вы говорнте?

— Ваша Логическая Безупречность! — пнскиул Грауэи. — Толстун, Краснолицый и персоиально я обыскалн в этом доме всякнй закоулок. Как вы это вчера логическн доказали, бежать субъекту было совершеино иевозможно, но глупый субъект не имеет инкакой логнки, и поэтому он бежал.

— Далеко ие убежнт! — иедобро прнщурнлся Тракатан. — Прнготовьте ему, Граэуи, хорошую встречу!..

Он броснл трубку и резко защелкал кнопками передатчнка. Сейчас дроботы прочешут лес, обшарят горы, достанут субъекта нз-под земли! Через какнх-ннбудь семнадцать мииут операцня будет окончеиа. За это время ои успеет выпить свой утреннні кофе.

Тракатан открыл дверцу стенного шкафчнка, и оттуда высунулнсь шесть инкелированных суставчатых рук. Одиа поставнла на стол блюдце с булочкой, другая — фарфоровую чашку с гербом, третья иаливала кофе, четвертая — молоко, пятая насыпала са-

хар, а шестая отдавала честь. Доктор тьма-тьматических иаук ие спеша позавтракал и подсел к окну. Приятно будет посмотреть, как дроботы волокут этого жалкого безумца. Ои глянул иа поляну н протер глаза: стальиая колоииа стояла иа месте.

Тракатаи схватнл передатчик. Работает! Он снова скомаидовал начать погоию. Дроботы даже не пошевелились.

— Кар-рамболииа! — выругался Тракатан и широкимн шагами устремился иаружу.

Ожидавшие в коридоре служители едва не уроиилн колпак. Владыка промчался мимо, не обратив иа инх иикакого вниманин. На лестнице Тракатаиу попался Грауэн: уже нздалн он стал низко клаияться, прижимая ладонн к сердцу.

— Бегом! — приказал Тракатан, и Главный Нашептыватель нелепой рысцой выбежал за иим на поляну.

Доктор тьма-тьматических иаук дважды прошелся перед строем. Дроботы нсправно поворачнвали вслед за инм свои цнлиндрическне головы. Трудно было повернть, что это онн дважды не выполнили радиоприказ.

— Попробуем ииаче, — пробормотал Тракатан и отщелкал на передатчике команду «Разойдись». Колониа дрогнула. Резвясь и подпрыгнвая, дроботы гурьбой побежали прочь. «Стаиовись!» — эиергичио скомаидовалн пальцы Тракатана, ио автоматы и не подумали строиться. Они уселить посреди поляны в круг, и каждый легонько, а потом все сильнее стал ударять своей стальиой ладоиью о ладонь соседа. Одновременно из металлических глоток вырвались какне-то невиятые звуки; оии стаиовились все громче, сливались в общий хор, и вот уже над поляной, сотрясая доскн трнбуны, поиеслось мощное: «Ладушки, ладушки!»

В маленькнх глазках Тракатана вспыхивали высоковольтиые разряды.

— Что вы смотрите? — крикнул ои белому как мел Грауэиу.

Главиый Нашептыватель махиул рукой служителям, и те, отстегивая резииовые дубннки, броснлись к дроботам. Они бегалн вокруг поющих, раздавая увесистые удары, но увлеченные автоматы нничего не замечалн, а может, просто не хотели портить себе настроенне из-за пустяков.

Когда Толстун и Красиолицый вкоиец отмахалн себе руки, дроботы потеснились и беззлобно, ио иастойчнво усадилн нх с собой. Заметив, что новые товарнщи чувствуют себя не в своей тарелке, дроботы поощрительио похлопали их по спине, н от этого дружеского жеста оба завылн во весь голос: «Ладушки! Ой, ладушкн!»

Тракатан швырнул передатчик наземь и стал топтать его ногами.

— Измеиа! — крнкиул он, устремляясь к брошеиной дроботамн пушке.

Длинный зелеиый ствол медлен-

ио опустнлся в направлении сидящих.

— Пожалуйста, Ваша Безупречность! — прошептал Грауэн, подавая самый тяжелый снаряд.

Тракатаи нажал гашетку, пушка дериулась, и из чериого жерла поплылн громадные мыльиые пузыри. Красные, зелеиые, голубые, оии не спеша поднимались к иебу, а иавстречу нм, раздвнгая облака, вылезло не по-зимиему рыжее солице. А дроботы билн в ладоши и пели; гул стоял, как в огромной кузннце, н лншь душераздирающие звуки волынки заставнлн всех замолчать.

— Сдавайтесь, Тракатан, сопротивленне бесполезно! — раздался из-за деревьев голос Сурдиикн.

— К чему иапрасное кровопролнтие?! — подхватил в другом коице поляны Неверьушамсвоим.

— Вы окружены! — крнкнула с третьей стороны Айя.

— Даем вам две минуты иа размышленне! — замкиул кольцо Тирляля.

Тракатан, который после выстрела из пушки лишнлся дара речн, неожнданио обрел его виовь.

— Грауэи, — сказал он, — в бухте стоит баржа. Вдвоем мы к ней пробнться не сможем: один из нас должен прнкрывать отступлеине. Грауэн, для такнх людей, как мы с вамн, интересы иауки выше всего. К морю пойдет тот, кто более ценен для науки. Вы меня понялн, Грауэн?

— Я вас поиял, Ваша Безупречность, — механически ответил Главный Нашептыватель.

— И еще одно: с сегодняшнего дня и иавекн веков я учреждаю для своих едииомышленннков орден Серого Безмолвня. Вы, Грауэи, будете первым его кавалером!

— Беззвучно благодарю, Ваша Везупречиость! — вытер пот со лба Грауэи.

— Прощайте, Грауэн! Я завидую вам. Это прекрасно — умереть за иауку...

— Две мннуты нстекли! — прогремел голос Дона Кнбертоиа.

Главиый Нашептыватель вытащил свой бесшумный пнстолет. Патроны есть, даже слишком много. Он дважды выстрелнл в удаляющуся спину Тракатаиа н, убедившись, что попал, грозно восклнкиул:

— Смерть тирану!

Из лесу выбежалн разведчнки. Грауэи встретил нх подобострастиой улыбкой.

— Тракатаи каюк! — радостно заявил он, отдавая пистолет профессору Сурдннке.

— Вы зиаете, коллеги, — грустио сказал профессор, — я даже ие могу представнть себе размеров животиого, которое наступнло на ухо этому человеку. Ох, что я говорю! — внезапио покраснел он. — Извнните за выражение, мнлая Сннькориа...

* * *

Стонт ли говорнть, что вся Кибертоння вышла встречать своих разведчиков. Правда, инкто ие мо-

жет с уверенностью сказать, как они выглядели, сходя на берег. Слезы радости — самые светлые слезы, но все равно сквозь них почти ничего не видно.

Уже через неделю газета «Вечерний Кибер» начала печатать приключенческую повесть писателя Дупло «Тайна острова Теней». Ее герой, молодой разведчик Неверьзубамсвоим, проявлял чудеса мужества и хладнокровия, чтобы проникнуть в запломбированный сейф опасного авантюриста Катамарана. Кибертонцы так зачитывались этой повестью, что чуть не прозевали Первый Снег. Он падал мягко и щедро, будто извинялся за опоздание, а по улицам, как разноцветное колесо, катилась веселая, беззаботная музыка. Музыка, музыка...

Праздники имеют один большой недостаток: они кончаются. Как только радость по случаю снега и победы немного улеглась, кибертонцы вернулись к будничным, но необходимым делам. Профессор Сурдинка сел писать статью об автоматах. Дон и Синьорина приняли посла заморской державы. Неверьушамсвоим стал читать дроботам популярные лекции, в которых доказывал, что Создатель является выдумкой и что дробот произошел от отбойного молотка. Румб Тромбон получил вместо «Мелодии бурь» новенькое буксирное судно, на котором раз в месяц отправляется в северные моря за айсбергами Когда он возвращается из плавания, его встречают дроботы и дети. Дроботы окружают ледяную гору, и не успевает она опомниться, как попадает в ящики к мороженщикам, продающим лучшее в мире кибертонское эскимо. Впрочем, если быть совершенно откровенным, в ящики попадает не вся гора. Множество вкусных ледышек достается детям, у которых с дроботами самые замечательные отношения.

Толстун и Краснолицый некоторое время работали массовиками-затейниками, а потом сели на иностранный пароход и уехали к себе на родину. Прощаясь с кибертонцами, они горько плакали и говорили, что игра в «ладушки» произвела на них неизгладимое впечатление.

Труднее было с Грауэном. Его пришлось судить. Бывший владелец балагана уверял, что он, как деятель искусств, всегда стоял за дружбу с кибертонцами и если совершил какие-то проступки, то не по своей воле, а по приказу Тракатана. Он горел желанием искупить свою вину честным трудом и просил, чтобы его назначили водителем дирижабля. Суд решил, что Грауэн, как человек с высшим образованием, должен заниматься научно-исследовательской работой. Ему предложили опуститься в батискафе на глубину и писать там диссертацию о быте и нравах акул, а в промежутках заниматься музыкальным самообразованием. Грауэну пришлось согласиться. В качестве музыкального инструмента он выбрал расческу, ссы-

лаясь на то, что места в батискафе мало, а расческа ему все равно нужна. В один прекрасный день Грауэна торжественно посадили в стеклянный шар и, выбрав невдалеке от берега глубокое место, опустили на стальном тросе под воду. Через пару дней он сообщил по телефону, что диссертация движется полным ходом, и в музыке он тоже чувствует большие сдвиги. «Старание нужно поощрять», — решили кибертонцы и предложили Грауэну сыграть что-нибудь по радио.

В назначенный час вся страна включила радиоприемники, но из репродукторов понеслись такие омерзительные звуки, что на подоконниках увяли кактусы, а в холодильниках скисло молоко. Кибертонцы прекратили трансляцию и несколько дней приходили в себя, а потом позвонили Грауэну, чтобы посоветовать ему целиком отдаться науке. Они упорно набирали номер, но батискаф не отвечал, и тогда обеспокоенные кибертонцы обратились к иностранному водолазу.

Фамилия водолаза была Бульбуль, но, несмотря на это, он хорошо знал свое дело и уже через полчаса сообщил кибертонцам, что на конце троса ничего нет. То ли трос перекусила акула, то ли Грауэн ухитрился порвать его сам — так или иначе, батискаф пропал без вести. Долгое время кибертонцы расспрашивали приезжих моряков, не встречался ли им в океане большой стеклянный шар, но те лишь пожимали широкими плечами и отправлялись в портовый кабачок. Там, за бутылкой знаменитого вина «Киберню» они рассказывали друг другу захватывающие дух истории и, между прочим, жаловались на то, что по ночам в открытом море нередко можно слышать отвратительные звуки, от которых человеку становится так тошно, будто он нахлебался пресной воды. Так закончилось это удивительное приключение в Стране веселых кибертонцев...

корифей, или умение дискутировать

Борис Зубков,
Евгений Муслин

Клянусь своими одиннадцатью щупальцами (у всех марсиан ровно одиннадцать щупалец), что никто лучше меня не умеет вести научные дискуссии! Кстати, на своем собственном опыте я убедился, что всевозможные научные конференции, симпозиумы и коллоквиумы преследуют в основном две благие цели: во-первых, они укрепляют финансовое положение тех организаций, которые сдают

в аренду свои дворцы, залы, коридоры и туалетные комнаты для проведения этих совещаний; во-вторых, чрезвычайно оживляется работа сухопутного и воздушного транспорта. Дюжина хороших, густонаселенных конференций — и план перевозок пассажиров Главмарстрансом перевыполнен. Для экономического процветания транспорта особенно полезно собирать совещание по освоению знойных марсианских пустынь где-нибудь возле Южного полюса и, наоборот, коллоквиум по использованию полярных снежных шапок — на экваторе. Тогда встречные перевозки участников совещаний приобретают массовый характер.

Кроме того, конференции способствуют обмену мнений и установлению личных контактов, что также полезно. Но главное — умение дискутировать!

Началось все с того, что мы с Утка-Бобом забрели в чудный ресторанчик «Под Юпитером» на берегу канала имени Ловелла. Через два часа я уже не мог сообразить, какие щупальца следует прятать под стол, а какими держать рюмку и бутерброд с ветчиной. Именно в этот момент Утка-Боб вспомнил, что приглашен на дискуссию по поводу кинематической архитектуры. Знаете, модное тогда увлечение, когда строили вертящиеся небоскребы, дома-качалки, шагающие санатории и прочие сооружения, которые немилосердно скрипели на ходу и вызывали головокружение у их обитателей. Так вот, в дискуссионном клубе мне приглянулась очаровательная архитекторша с бледно-инфракрасными глазами. В архитектуре я ничего не понимаю. У меня другая, более серьезная специальность. Но инфракрасные глаза умоляли меня: «Покажи, на что ты способен!» Я наконец сообразил, куда девать свои щупальца и положил их все на председательский стол. Архитекторы замерли, ожидая скандала, и в наступившей тишине я произнес пламенную речь. Последние два дня мне пришлось изучать справочник по кристаллографии, и теперь это крайне пригодилось. Я загремел на весь зал:

— Посмотрите на свои творения! Что вы видите? Вульгарные цилиндры и смехотворные ортогональные параллелепипеды. Устарелые формы, скудость воображения! Куда же делись полигранники, полугранники и тетраэдры? Куда, я вас спрашиваю? Где опьяняющие формы бисфероидов? Где тороиды, трапецоэдры и додекаэдры? Где творения гексаэдристов? Их нет. Все пирамидальное и бипирамидальное ускользает от вас. Вы не можете насладиться и блаженством симметрии, представляемой нам теорией пространственных групп...

Из дискуссионного клуба восхищенные и ошеломленные моей эрудицией архитекторы вынесли меня на щупальцах. Инфракрасные глаза светились обожанием. Я понял, что для ведения научно-

го спора вовсе не обязательно понимать суть дела. Вполне достаточно прибегнуть к тому, что я впоследствии назвал методом девиации — отклонения или отвлечения. Справедливости ради скажу — авторство метода принадлежит не мне. Удалось выяснить, что исторически метод родился на экзамене по зоологии у профессора Даша-Гида. Профессор всегда спрашивал студентов исключительно о червях. Естественно, что студенты, перегруженные и влюбленные, тоже занимались только червями. Но однажды, когда Даша-Гид проэкзаменовал двадцать человек и был сыт червями по горло, двадцать первого студента он попросил рассказать о слоне. Студент сказал: «Слон — это млекопитающее земное животное с длинным червеобразным хоботом. Черви подразделяются на следующие группы...» Таким образом, экзаменующийся, спасая себя, стихийно применил метод девиации — метод отвлечения от настоящего предмета дискуссии. Экзамен, кстати, есть разновидность дискуссии, где один из ее участников, в силу своего официального положения, явно довлеет над другими.

Перескочить с кристаллографии на архитектуру мне помогли очаровательные глаза. Как вы понимаете, рекомендовать такого рода катализатор для всех случаев научных споров невозможно. Его просто может не оказаться под рукой. Поэтому, забегая вперед, скажу: в руководстве «Искусство дискутировать», которое я составил для себя лично, предусмотрено, что метод девиации следует применять в двух случаях. Во-первых, если вы ни бельмеса не смыслите в предмете спора; во-вторых, для того чтобы, начав с восхищения интересными результатами, полученными докладчиком, как можно скорее получить возможность хвастаться собственными исследованиями, не имеющими ничего общего с обсуждаемым вопросом. И в том и в другом случае следует прибегнуть к грубой форме девиации, и, например, на симпозиуме биохимиков заявить: «Прежде чем говорить о синтезе полисахаридов, я скажу о пыльных бурях». Более тонко можно перескочить с одной орбиты на другую при помощи фразы: «В своих перспективных исследованиях полисахаридов уважаемый докладчик не учел влияния пыльных бурь. Между тем...» Далее выкладывайте о своих любимых пыльных бурях все, что знаете. Не стесняйтесь! Лишь в редких случаях недостаточно вежливый председатель под предлогом того, что вы говорите не на тему, может лишить вас слова.

Через два дня после памятной дискуссии о кинематической архитектуре я проснулся рано утром с ощущением смутной тревоги. Неясные предчувствия сжимали грудь. На голубом подносе депешографа я нашел две депешо-

граммы: приглашение на симпозиум по акклиматизации верблюжьей колючки и просьба принять участие в обсуждении доклада «Подголоски и модуляции» на вечере композиторов-полисимфонистов. Я кинулся к видеофону, чтобы немедленно отказаться от обсуждения колючек и подголосков. Но — увы! — меня приглашали потому, что узнали о моем триумфе в дискуссионном клубе. Они жаждали моих мудрых слов по поводу акклиматизации колючек и модуляции подголосков! К тому же председателем общества композиторов-полисимфонистов оказался мой старый знакомый Елка-Как, с которым я каждое лето рыбачил в заливе Большой Сырт. Что касается двенадцати чудаков, занимающихся верблюжьей колючкой, то к ним я зашел просто из любопытства.

И погиб!

Докладчики и содокладчики залезали в самую гущу колючек и не могли из нее выбраться. К исходу девятого часа дебатов председательствующий ласково поманил меня щупальцем и попросил высказать свою точку зрения. Желая только одного — чтобы меня поскорее вышвырнули за дверь и никогда больше не вспомнили о моем существовании, я вскарабкался на кафедру и развязно брякнул:

— Я не знаю, зачем меня пригласили, но я могу говорить долго!

Эффект оказался прямо противоположный ожидаемому. Председательствующий, задрожав от благоговения, предложил не ограничивать «почтенного докладчика» во времени.

Так был сделан еще один роковой шаг на пути моего превращения во всезнающего Корифея.

К концу месяца я находил на подносе депешографа в среднем по четырнадцать приглашений в сутки. Я пробовал отказываться, ссылаясь на занятость — увы, марсианские сутки лишь на сорок одну минуту больше земных! — но это приводило к еще более упорным просьбам. В подобных случаях устроители совещаний проявляют поистине садистскую настойчивость. А когда меня пригласили на коллоквиум по трансвиртуализму (если бы хоть знать, что это такое!) и я пожаловался на плохую погоду, то за мной немедленно прислали «очень удобный» ракетомобиль последней марки (к счастью, у него на полпути распаялись дюзы, и я сумел удрать домой).

Тех, кто может оказаться в моем положении, предупреждаю: не вздумайте мямлить по видеофону, что вам нездоровится. Ничего, кроме всепрощающей улыбки, эти жалкие увертки не вызовут. Вам простят — великодушно простят! — любое легкое недомогание, вроде инфаркта, отека легких или рака печени.

Можно точно представить, какой разговор предшествует приглашению вас на симпозиум по

разведению пурпурных бактерий или на конференцию по смазочным маслам:

— Надо пригласить Старика! Он всегда так зажигает молодежь!

— Глубоко интеллигентный марсианин! Говорят, он играет на арфе?

— Поразительно! Как его на все хватает!

— Эрудит!

— Корифей!

— Энциклопедист!

— Если Старика не пригласить, он обидится...

Это я-то обижусь! Да я содрогался всем своим треугольным телом, чувствуя, что однажды наклеенный ярлык Эрудита и Корифея оторвать невозможно. Еще более убедил меня в этом случай на защите диссертации по актуальной бионистике (?!). Я имел неосторожность совершенно искренне заявить: «Я ничего не понял!» — на этом защита диссертации прервалась, диссертанта увезли домой в состоянии глубокого шока. Вот что значит мнение Авторитета!

Впоследствии я неоднократно приканчивал любые дебаты одной только убийственной фразой: «Из доклада уважаемого коллеги я абсолютно ничего не понял». Подобное замечание в устах Авторитета означает интеллектуальную кончину для оратора. Никто и не помыслит, что Эрудит — невежда в данном вопросе или страдает старческой тугоухостью. Наоборот! Все поймут, что это лишь деликатный намек на то, что доклад редкостная коллекция бессмыслиц. Правда, на коллоквиуме по биомеханике... или... нет, на конференции по частицам частиц... оратор пытался возражать. Я осадил его словами: «Ну что ж, вы думаете так, а я — иначе». Вопрос казался докладчику абсолютно ясным, но своими скептическими замечаниями я быстро довел его до белого каления, он потерял нить рассуждений, спутался и, наконец, замолк. Скептический метод ведения дискуссии восторжествовал, а я получил возможность выпить в буфете чашечку кофе.

Вообще скептический метод дискутирования прост, как кувшин. Если дискуссия идет среди химиков, спрашивайте: «Имели ли вы дело с действительно чистым веществом?» Поскольку на этот вопрос никогда нельзя дать абсолютно утвердительный ответ, доверие к докладчику подрывается, дискуссия угасает. Перед физиками скепсис легко проявить при помощи всего двух фраз: «И вы полагаете, что такая задача решается без квантовой механики?», или: «Не кажется ли вам, что следовало учесть релятивистский эффект?» Такими общими замечаниями можно безошибочно осадить любого докладчика и с принятым сознанием выполненного долга удалиться... чтобы успеть на совещание по углублению марсианских каналов или на симпозиум по сингулярным уравнениям.

У каждого марсианина есть свои маленькие слабости. Ничто марсианское мне не чуждо! Уступая естественному тщеславию и желая хоть как-то вознаградить себя за губительную потерю времени, я изобрел метод автоапофеоза или самоокуривания фимиамом. Это филигранная техника самовосхваления. Многие мои коллеги по дебатам прибегали к методу автоапофеоза, но стихийно и бессознательно.

Я же поставил этот метод дискутирования на научную основу, выделив в нем две разновидности: биографическую и географическую.

Первая разновидность самовосхваления состоит в том, чтобы всячески, но как бы мимоходом и невзначай, подчеркивать свои тесные связи с другими знаменитыми Корифеями Учитывая, что большинство ученых редко опускается с Марса на Землю, лучше всего к месту и не к месту талдычить о своих близких знакомствах с земными Авторитетами Звучит это так: «Припоминаю, я обсуждал подобный вопрос с моим дорогим коллегой Нильсом Бором...» Или так (как можно небрежнее!): «Недавно один мой друг, который только что получил вторую Нобелевскую премию, уверял меня...»

Но не зарывайтесь!

Упоминания о том, что на прошлой неделе вы завтракали с Ньютоном или обсуждали конструкцию масс-спектрографа с Аристотелем, могут вызвать отрицательный эффект даже со стороны наиболее легковерных коллег.

Вторая — географическая — разновидность самовосхваления заключается в том, чтобы выставлять себя марсианином, много поездившим. Для этого уснащайте свою речь замечаниями: «Как я уже говорил на конгрессе в Малаховке...», «Возвращаясь с коллоквиума на Юпитере...» и тому подобное. О поездках на Венеру не следует говорить из моральных соображений, о путешествиях по родному Марсу вспоминают лишь ученые невысоких рангов.

Забавы ради именно в те дни я начал составлять руководство «Искусство дискутировать». Руководство продвигалось вперед семимильными шагами, а ступеньки, ведущие в мою лабораторию, ждали и не могли дождаться, когда, наконец, мои шесть ног оставят следы на толстом слое пыли. Уникальная кристаллическая библиотека, посвященная интересующему меня вопросу и собранная буквально по кристаллику, рассыпалась в амфорную пыль. По ночам я просыпался с диким криком: «Прошу слова!», а утром, шатаясь от бессонницы, напяливал фрак и брел на конгресс по порхающим вездеходам.

Даже ежедневное и обильное применение метода автоапофеоза не приносило облегчения. Я вынашивал план мести и освобождения Я решил подорвать свой Авторитет изнутри, открыть гла-

за всем устроителям совещаний и симпозиумов на то, что участие меня, Всеобъемлющего Авторитета, в их разнообразных совещаниях столь же нелепо, как появление среди загорающих на пляже марсианина в герметическом скафандре.

С любителями дискуссий надо бороться их собственным оружием! Я уже заметил, что даже наиболее стойкие участники дебатов сохраняют хорошую спортивную форму не более двенадцати часов. Тринадцатый час оказывается роковым! Они начинают клевать всеми тремя носами или, судорожно зевая, перелистывать журнал «Все о марсианках». Поэтому, изучив накопленное, обобщив опыт и творчески его осмыслив, я остановился на особых методах ведения дискуссий, которые, как думалось, должны были основательно подмочить мою репутацию Корифея. Лучше всего назвать их методами «жевательной резинки» или «на колу висит мочало — начинай сначала».

Все три метода удалось пустить в ход незамедлительно.

Тайно злорадствуя, я сидел на диспуте по молекулярной музыке молчаливый, как телеграфный столб. И лишь в тот момент, когда председательствующий томно произнес: «Поступило предложение прекратить прения», я попросил слова. Я преподнес молекулярным музыкантам хорошенькую пилюлю! Я повторил — в точности повторил, у меня отличная память — речь основного докладчика, выступления трех содокладчиков и всех участников дебатов. Я говорил действительно ДОЛГО! Я чувствовал, как приверженцы и хулители молекулярной музыки, разъединенные до того момента на бурно пререкающиеся группы, объединились в едином порыве — они жаждали содрать с меня кожу и натянуть на свои барабаны, а затем сыграть что-нибудь молекулярное на флейтах, сделанных из моих костей. Но им пришлось терпеть. Все же я — Корифей. А многие Корифеи только то и делают, что занимаются повторением ранее сказанного. Зато больше они меня не приглашали. И не пригласят, клянусь Фобосом и Деймосом!

Вот так я употребил с пользой «метод повторения». Но высказать с точностью магнитофона все, что говорили до вас, такое требует напряженного внимания и крайне утомляет.

Украшением раздела «жевательной резинки» я считаю «метод модификации граничных условий». Он прост, но эта простота зиждется на долголетнем опыте... Он прост, но это простота гениальности. Он... Я трепетал от наслаждения, записывая золотым стержнем на гранях искусственного сапфира краткое изложение метода. Пусть, например, докладчик говорит, что опыт проводился при давлении десяти атмосфер. Поинтересуйтесь многозначительно: «А не приходилось ли вам

работать при двадцати атмосферах? Может быть, имеет смысл еще более повысить давление?» Варьируя температуру, давление и другие параметры, нетрудно сформулировать массу аналогичных вопросов. Насчет температуры соблюдайте осторожность. Не обожгитесь! Вопрос «Почему вы не продолжили ваши эксперименты при температуре минус триста градусов?» может показаться чересчур смелым.

Метод модификации граничных условий не требует знаний, опыта, интеллекта. Провал практически невозможен, зато легко прослыть многоопытным мужем, смело заглядывающим далеко вперед, в будущее. Наверняка кое-кому методы «жевательной резинки» принесли славу и почести.

Но я-то жаждал только одного: пусть все поймут, что мои высокоавторитетные высказывания нестерпимо тянут резину и отнимают время у действительно деловито настроенных участников ДДД — Диспутов, Дискуссий, Дебатов. Кажется, удалось! Количество приглашений на ДДД стало убывать. И все же... Как велика сила инерции! Голубой поднос депешографа все еще приносил пригласительные депешограммы на обсуждение проблем облысения, выращивания марсианских огурцов и применения водорослей в кондитерской промышленности. Увы, древо современной науки настолько ветвисто и развесисто, что под его сенью могут раскинуть свои палатки тысячи конференций, даже не подозревающих о существовании друг друга.

Разве симпозиум мукомолов знает, как я вывел из терпения молекулярных музыкантов? Разве палеоботаники подозревают, что я могу утопить их в океане «модифицированных» вопросов, как уже утопил однажды чистохимиков и неолингвистов?

Необходимо было сотворить нечто ужасное! Такое, чтобы слух о нем разнесся повсюду! Чтобы смутились сердца всех устроителей ДДД, а их привычка приглашать к себе Авторитета и Эрудита развеялась бы, как дым сигареты под раструбом тысячесильного вентилятора.

И я употребил смертоносный метод «дурацкого вопроса». Исключительно опасный для докладчика метод! Применять с осторожностью!

Когда диссертант уже истратил два грузовых ракетомобиля красноречия и звание кандидата нейрокибернетических наук казалось ему столь же реальным, как восход солнца, я спросил, извиняюще улыбаясь:

— Позвольте мне задать совсем глупый вопрос. Как на основании вашей теории спроектировать малогабаритный вечный двигатель?

— Малогабаритный? — пролепетал диссертант.

Я словно увидел, как в его треугольном мозгу пронеслось: «Сре-

зал!» У него подкоснлнсь щупальца... Нокаут!

Нет протнвоядий против метода «дурацкого вопроса». Ннчто не может спасти — нн величайшая бдительность, нн граннтное самообладание. Уже само предварительное замечание, что вопрос глупый, то есть якобы простой н безобндный, — коварный удар нз-за угла. Затем следуеt исключительно затруднительный вопрос, на который заведомо нельзя ответить. Нокаут!

Такнм способом моя нетерпимость, мое коварство н вероломство стали очевидными, а рнск, связанный с приглашеннем меня на ДДД, явно был слишком велик. Поток прнгласительных депешограмм иссяк, как струйка воды из плотно закручнваемого крана. Научная методологня дискутнрования праздновала победу!

Наконец-то я вернулся к любимому делу. Я заннмаюсь классификацией запахов звезд и туманностей. В этой области я Корифей! И только в этой. Не вздумайте звать меня на симпозиумы и конференции, посвященные матричной алгебре или геоморфологни. Вам же будет хуже! Я очень зол! Предупреждаю, в моем руководстве «Искусство днскутировать» двести восемьдесят три метода ведення дискуссий. Я предусмотрительно познакомил вас только с некоторыми из них. Не с самымн опасными...

судная ночь

Михаил Клименко

Соседи не виноваты, если что-нибудь увидят. Они ведь тоже выходят на улицу, хотя уже сумерки и почти не видно, как идет дым из труб. Собаки лают в синий вечер — и это хорошо слыхать. Был морозец.

Они с вечера заметили, что у шурина какая-то возня во дворе. Возятся, возятся — и никак не видно, что такое. Шурин помаленьку ругается, а этот пыхтит.

Думали, он пьяный с кем-нибудь. Но ои не пил. Он был изобретатель, и это ему вредило. Недавно он изобрел ложкодержатель. Портативный, иебольшой такой зажим, чтоб удобней держать ложку во время еды. Он уже давно с Япоиией ведет переговоры. Он с ЮНЕСКО переписывается. По их просьбе он изобрел ступку-самодувку-полуавтомат для особого молекулярного истолчеиия мела. Потому что нужно создать очень большие запасы тонко толчениого мела, какого мельче быть не может и нигде нет.

Потом они гурьбой вдвоем коекак втолкались из сеней в дом. А также дверь перед ними была открыта до тех пор, пока жена не закричала, чтоб не выстужал дом.

Он изобретает только из подручных материалов, что есть в кладовке, на чердаке, в сарайке и в подполе. Это принцип. У него дома одиой только проволоки скопилось что-то около двадцати двух тонн. Разумеется, он ие наш шурин. Он шурин одного близкого друга и работает мелким лаборантом.

Но ночью, в три часа ночи, он в свитере прибежал к тестю. И стал будить этот большой дом. Стал трогать ворота, гудеть ими. Тесть по ночам курил. Он ночью не спал, а думал.

— Кто там? — спросил он этого шурниа через тройные рамы.

Его освещала луна, и шурин по губам догадался, о чем тесть разговаривает с ним.

— Я, ие видишь!

Тесть на луну сказал, хотя ни одного слова не было слышно:

— Глаза светом забило — не вижу, что ты говоришь.

Шурин достал из кармана трояковыпуклое зеркало и дважды отраженный свет направил себе на лицо.

— Впусти! — крикиул он в чистое ухо и, чтоб тесть не обиделся, поддерживал на себе отражеиный свет. — Говорил тебе: давай слуховое окно высверлю.

— Чтоб дыму иапустил! — побегал тесть губами и за тройными стеклами засмеялся без звуков.

Тесть его изобретений не признавал и по иочам в дом ие впускал.

На всю улицу шурии крикнул:

— Я что-то изобрел и сам не пойму! Помогите связать!

— А как называется?

— Лошадиная сила! — на всю улицу закричал шурин. — Меия из дому гонит! Детям есть не дает. Приходите. С деверем, со свекровью и с зятем. А я к свояку схожу, он математику зиает.

— Иди. Придем. — Тесть беззубо засмеялся и опустил занавеску.

Шурин ждал их дома у калитки. Жена выиесла ему от соседей коричневый полушубок.

Чтоб изобрести лошадиную силу, шурину потребовалось девять фунтов авиационной резины, три дубовые доски, полтора квадратных метра сыромятной кожи и одна

пластмассовая рессора. Ну, и по мелочам: батарейка, клей и одио сопротивлеиие, а также дратва и немного жестн. Вот и все. За трн иедели он эту лошнлу, как он ее ласково называл, сшил н склеил. Оиа была похожа на хлебный батои ростом с первоклассника н весила сорок четыре килограмма н все это время набиралась снл, н шурии не знал, станет ли оиа работать.

А вчера с женой они ее засунулн во влажиый мешок и вынеслн в чуланку. И вот сегодня вечером она порвала мерзлый мешок, ворвалась в комнаты н начала кататься по полу, горшки трогать, на детей фыркать. Потом вырвалась во двор и куда попало разбросала сугробы. И пока лаялн собаки, шурнн с ней часа два провозился во дворе, потому что у него было меньше силы, чем у этой лошилы, а в ней была как раз одна лошадиная сила Он боялся позора перед соседямн.

Теперь, стоя у калитки, шурии видел, как она среди ночи ходит по подоконнику и вглядывается в темиоту. Он этого не боялся. Он боялся, что она разобьет окно и простудит детей. Он забыл, что все его дети у соседей

Четверо шлн с горы, н тени нх былн черней, чем онн самн.

— Замерз небось! — сказал тесть. — Ну, пойдем в дом.

Они пошлн н вошли, а шурии задержался в сенях. Когда же он открыл дверь, его ударнло зловоние, но ои ухватился за косяк. Родственннков нигде не было, они былн в другой комнате — тесть вязал узел для петли, свекровь колдовала н молилась, свояк глубоко задумался, а зять ничего не делал. Лошила спрыгнула с подокониика да так остервенело потолкала шурина в дверь, что он упал все-таки в комнату, а лошила вывалилась в сеии, но тут же вскочнла сюда н шурина выпнхнула. Он дверь приоткрыл и сквозь зловонне видел, как лошила стаскнвает на стол все остальное в кучу: тарелки, хлеб, еду, горшки н все. Она работала очень быстро. Из подпола вытащила бочонок с капустой н этой квашеной капустой набнла унитаз до отказа и дериула за цепочку. В два счета опять вытолкала шурнна, потому что он уже стоял около унитаза и недоумевал и убивался в недоуменни.

Тут родственинкн гурьбой пробежали через зловонную комнату не дыша н зажнмая рты, волоча бессознательную уже свекровь. Оии с улицы облепили окиа н наблюдали.

Лошила махом сгребла со стола всю посуду н яства — и прямо в угол. Побежала на кухню и вернулась с точнльиым камнем н кухонным ножом (этот ужасный нож шурин сделал из напильника) и стала его точить, снդя посередь стола. Но точнла недолго.

Бросила все на стол. Вывернула из патрона, висевшего над столом, лампочку н прниялась в него, в патрои, впнхнвать сырого окуня.

— Что такое! Что такое! — стуча по раме, с улицы закричал свояк. — Это неправильно! — Он, очевидно, терял рассудок. Он неплохо разбирался в математике.

Другая лампочка погасла. Произошло замыкание, и во всем доме стемнело. Только над столом в темной комнате двумя снопами взлетали искры — лошила о камень точила нож.

Наблюдатели задрожали.

— Ей-богу, нечистая сила, — сказала свекровь.

— Изобрел-то ты ее зачем? — спросил тесть. — Ну-ка, говори!

— Как зачем! Чтоб мясорубку крутила, полы мыла. Думаешь, дрова колоть у меня время есть? А вы, свекровь, отсталый человек, должны знать, что это научный аппарат, а не чертовщина. У меня же про нее схема есть. А как же!

— Кипятком ошпарить — вот и схема! И мученью конец.

— Господи! Господи! — забормотал свояк. — А какую ты программу, программу-то какую в нее вложил?! А-а?.. Но кого-то она погубит. Погубит! Погубит!..

— Какая программа! Я ее обучал маленько по домашнему хозяйству — и все...

Громыхая дверьми, лошила вылетела на улицу с блистающим ножом в руколапе, кутаясь в одеяло. Трижды, тяжело и часто вздыхая, обежала вокруг дома. Родственники пристыли к стене. Поискав и не найдя, лошила стала бесцельно бродить по двору, как сторож. Изредка ножом врубалась в штакетник, кромсая досточки. И тут тестя как дернуло. Он подкрался и набросил на нее свою петлю. И когда канат хорошо натянулся, лошила рубанула по нему страшным ножом. Тесть упал. А она спокойно пробежала мимо него и воткнула ужасное оружие свояку в мякоть!

— За что?! — заревел тот, грудью прижимаясь к стене. — Я же в расчетах помогал! — И он побежал в клинику и добежал вовремя, потому что все было хорошо.

И остальные разбежались кто куда.

А лошила носилась по соседским дворам, фыркала, собак ножом пугала и этим же ножом по дверям и воротам стучала. Получилось столько гаму и переполоху, что все люди не выспались. Многие в нее стреляли и с дубьем бегали, но не поймали. Или она где в сугробе спряталась, или убежала в Невинномыслый лес. Она до сих пор пакостит. И хитрой стала — дальше некуда! И ее никак не поймать — ведь она из резины, досок и сыромяты и поэтому не боится магнитного поля.

Поэтому шурин ночами не спит, книги зубрит: он хочет изобрести и построить 737 маленьких таких джоулей, чтоб они могли порыскать и найти лошилу и вместе схватить ее. Или он хочет изобрести что-то, которое хитрей лошилы и может вступить с ней в переговоры.

амплитуда радости

Александр Горбовский

Их было только двое на корабле. Все остальное место занимали приборы: навигационные устройства, улавливатели жизни, индикаторы эмоций, преобладающих на чужих планетах. А еще дальше, за глухой переборкой, не имевшей ни дверей, ни люка, помещался Великий Возлюбленный. Это оттуда, от него, исходил импульс, возвращавший солнцу его вторую и страшную молодость.

Отлетев достаточно далеко, они наблюдали иногда, как мерцавшая точка чужого солнца обращалась вдруг в гигантский плазменный шар. В эти мгновения на планетах в безднах кипящей лавы гибло все, что могло называться живым. И должны были минуть многие миллионы лет, прежде чем в темных глубинах первичных океанов могла зародиться новая жизнь. Но, даже возникнув и придя к высшим формам, жизнь эта никогда не узнает о тех, кто существовал здесь до нее. О тех, кто был уничтожен волей этих двух существ, прилетевших некогда из глубин вселенной.

Два мегера считались оптимальным экипажем для корабля подобного назначения. Распластав свои членистые тела на полу каюты, они наблюдали, как на экране быстро рос чуть сиреневатый туманный шар чужого мира.

— Под каким он знаком? — тонким голосом спросил Первый.

Пока Второй, перебирая прозрачными щупальцами, искал название планеты, диск вырос еще больше и занял почти весь экран.

— Не надо, — снова заговорил Первый. — Я вспомнил. Это мир под знаком Прерывистой черты.

— Будет пари? — прожужжал Второй.

Секунду подумав, Первый утвердительно закивал передней частью туловища.

— Синий Змей победит Желтого, — пропищал он.

— Желтый одолеет Синего, — возразил Второй.

В знак того, что пари заключено, они несколько раз потерлись кончиками скорпионьих хвостов.

Их путь в космосе подходил к концу. Пространство, отведенное для них, было уже исчерчено трассой их корабля, и планета, к которой подлетали они теперь, была из последнего ряда.

Повсюду, где только возможна жизнь, пролегали пути кораблей, похожих на этот. Среди великого множества дел, которые вершатся между звездами, не было дела более важного, чем то, чем заняты они.

Материя, этот слепой вихрь атомов, стремясь вырваться из небытия, избирает иногда ложный путь. Достаточно, если в первичной молекуле жизни атомы окажутся расположены чуть иначе, чтобы клеймо проклятия легло на все мириады последующих существ. Все живое в этом мире будет отмечено печатью страдания, ненависти и зла. Оболочка жизни, растущая на планете подобно опухоли, будет вбирать в себя все новую и новую материю, только для того, чтобы она клокотала от ярости, задыхалась от злобы, причиняла страдания или испытывала их сама. Вот почему благостно вмешательство, которое вернуло бы такой мир к его первичному небытию. Чтобы потом, снова поднявшись к жизни, он достал другую, более счастливую карту. Ибо материя становится

жнвой для радости и ликования. Таков закон космоса. Они же, мегеры, вершители и судьи этого закона.

Изогнувшись всем телом, Второй положил щупальцу иа клавиш, и экран погас. Чтобы решить участь этого мира, ие иужно было знать, как он выглядит, какие существа обитают иа нем. И уж совсем ие имело значения, что на их языке название планеты обозиачалось странным и непонятным словом «Земля». Совсем другое было важно сейчас, и именно это другое должно было определить исход всего.

Через секуиду экраи осветился снова. Это заработали датчикн эмоциоиальиого настроя планеты. Миожество струек, пульсируя, иссякая и наполняясь виовь, слнвались в шевелящуюся широкую синюю полосу. В ией сходнлнсь все негативиые эмоции этого мира — отчаяние и гнев, страх и тоска, все, чему было н чему не могло быть иазвания. Когда же полоса эта, хищио нзогнувшись, двииулась через широкий экраи к противоположиому его концу, иавстречу ей подиималась уже другая, золотисто-желтого цвета. Но оиа была заметио меньше, н по мере того, как они сближались, движения желтой стаиовились все судорожнее, все быстрее. Она отклонялась из стороны в сторону, словио пытаясь избежать встречи, ио синяя всякий раз повторяла ее движение. Передние концы их неумолнмо сближались, и когда между ними оставался лишь небольшой просвет, желтая метиулась было в сторону, но в то же мгновение сииял сделала прыжок, и концы их впились друг в друга, противоборствуя, как две разъяреииые кобры.

Какое-то время, казалось, онн замерли, но потом желтая стала отступать, сжиматься, а сииял толчками надвигалась на нее, заполняя собой все большую часть экрана. Струйки, сиииe и золотистые, питавшие их, продолжали мелко пульсировать и сходиться, ио исход схватки был уже предрешеи. Это был мир, где преобладали эмоции зла. Мир, подлежащий уничтожению. И там, за глухой переборкой, Великнй Возлюбленный готовился уже сказать свое последнее и страшное слово.

— Я проиграл, — прожужжал Второй. Ои даже подставил свое темя, чтобы, согласно условиям пари, Первый шлепиул по нему ребром хвоста, ио Первый уклоиился от этого. Он хотел чистого выигрыша, они должиы завершить виток вокруг планеты. Ои был то, что иазывается педант.

Между тем золотистый змей вдруг шевельнулся. Нити, окружавшие его тело, засветились ярче. Очевидио, корабль вступал в иекую зону повышеииой радости. Но этого было мало, чтобы изменить соотношеиие, которое уже сложилось.

И вдруг произошло невероятиое. В краткое, как вспышка, мгиовение Золотой Змей получил

вдруг импульс чудовищной силы. Одним рывком он отбросил от себя синее чудовище. Раздувшись почти на весь экран, он с такой силой прижал его в противоположном конце, что тот обратился в синий шевелящийся комок.

Прозвучал гонг, и в конце каюты вспыхнул желтый свет. Это означало, что в новом мире преобладали положительные эмоции. Пари было проиграно. Первый запищал, причитая. Второй поднял хвост и с размаху шлепнул спутника по чешуйчатому темени.

* * *

Александр Иванович только что услышал о служебной неприятности одного из своих коллег и тайно возликовал. Безумная, дикая радость заполняла все его существо, и гигантский цветок восторга распустил лепестки в его сердце. Когда через некоторое время, воздав должное этому чувству, он продолжил путь по коридору своего учреждения, корабль с мегерами уже выходил за пределы солнечной системы.

...Человечество так никогда и не узнало имени своего спасителя.

путч памятников

Андрей Скайлис

10 июня 2966 года в печати появилось сообщение, что в парке Исторического музея прошлой ночью свихнувшийся робот разбил пятьсот памятников. Дикий акт вандализма потряс широчайшие круги общественности, так как в коллекции памятников имелись выдающиеся произведения искусства. Такие, например, как высеченный из камня король Фиферон Толстый или диктатор

Шнидлер, выполненный неизвестным мастером в бронзе.

С наступлением утра музейный парк невозможно было узнать. Памятники лежали в развалинах, фонарные столбы поломаны, деревья вырваны с корнем, трава вытоптана.

На место происшествия немедленно явилась следственная комиссия. Она арестовала робота УВ-083, который работал в музее дворником. На допросе робот признался, что прошлой ночью, выполняя служебные обязанности, он находился в парке. В ответ на прочие вопросы УВ-083 понес дикую чушь о волшебном огниве, масляных бассейнах, чертях и тому подобной чепухе.

Кибернетического шизофреника отвели в мастерскую. Но как только механики забрались внутрь робота и извлекли из его электронного мозга ферромагнитную ленту памяти, на которой УВ-083 записал события роковой ночи, открылись вещи совсем уже неслыханные.

Приводим стенограмму записи.

* * *

«Двенадцать часов. Темная ночь. Ой, как не хочется вылезать из гаража! Терпеть не могу темных ночей! На свет прожекторов вечно слетаются разные жуки и комары. К другим роботам не слетаются, а ко мне слетаются. Это оттого, что я смонтирован под несчастливой звездой.

Ну, хорошо! Будем двигаться. Фонари в парке потушены. В центральной аллее на императоре Фифероне Толстом опять сидели воробьи. Сколько раз я докладывал старшему роботу, что надо выставить пугала, но он только хлопает своими пластмассовыми ушами и ничего не делает.

На мраморной скамье напротив памятника принцессе Клотильде каждый вечер целуются молодые пары. Это все оттого, что садовник, робот с архаическими вкусами, вокруг скамейки насадил акации. Как только они разрослись пышными кустами, на скамейке начали целоваться.

Я включил прожектора и потихоньку подкрался. Ну, как же!

— В парке целоваться строго воспрещается! — заорал я на максимальной громкости.

Ух, как они подскочили!..

— Мы совсем не целовались, — испуганно заикался парень. — Мы смотрели на луну...

Ха-ха, луны совсем нет сегодня!

— Идите сейчас же домой!

Уходя, девушка шепнула парню:

— Какой несимпатичный, скрипучий робот!

К сожалению, этого нельзя отрицать — скрипучий. Недавно мы собрались целой компанией и сыграли в карты. Один из музейных роботов, по специальности крысолов, обчистил меня до нитки — я хотел сказать, до болтика. Так я лишился комплекта запасных частей и масленки. Вот что значит

быть смонтированным под несчастлнвой звездой!

Теперь — хочешь ие хочешь, а приходится воровать. В магнческом отделе музея есть лампадкн, нз них можно набрать довольно сносного масла.

Час ночи. На первой скоростн спешу в сторону замна. Идти приходнтся медленно, тан нан суставы предательскн снрипят. Еслн роботы-сторожа заметят меня у лампадок, то я здорово получу по цнферблату.

Мие повезло — дверь магического отдела распахнута. Шаг за шагом, не спеша... Кан прнветлнво мигают лампадки! Протягиваю руку и хватаю одиу из них.

— Маслице воруем? — раздается за моей спиной приторно ласковый голос.

Моментальио оборачиваюсь. Слава судьбе — это не сторож! Передо мной мужчина в черном сюртуке, черном цнлиндре н черных сапогах. Из-за голенища одного сапога торчит обрывок веревки.

— Ну что, дорогой, таращишь свои объективы? — спрашивает он. — Черта, что ли, не вндел?

— Чертей не бывает, — отвечаю я.

— Не бывает? Посмотри-на!

И вытаснивает из-за сапога веревку. И что бы вы думали — это хвост! Кан у коровы, тольно длиннее. Снимает цилиндр. А под ним два стройных рожка!

— Ну, теперь видншь, что я черт?

— Нельзя верить всему, что видишь. В моей электронной памяти четно и ясно записано, бога нет — чертей нет, так что ты не существуешь!

Незианомец вздохнул.

— Хорошо, допустнм, что я не существую. Но теперь — за дело! Скажн, ты не хочешь, чтобы тебя озолотнлн?

— Озолачнвать меня ни к чему, меня надо смазать маслом!

— В твоем распоряжеиин будет огромный масляный бассейн. Двенадцать чертей будут тереть твою жестяную спину.

Ух, нан мне нравнтся, когда натирают спину! И мысль о масляном бассейне неплоха. Я позволю бултыхаться в нем н другим роботам, а потом мы сыграем в очно! Здорово!

— Где же бассейн?

— Погоди, не все сразу! — Незнаномец нанлонился поближе к моим мнкрофонам н таинственно зашептал: — Прежде всего послушай умного черта. В аду сейчас натастрофнческое положение. За все трндцатое столетне мы сунули в котел всего двух лжецов н десять прелюбодеев. Это ужасно! Чертям грозит безработица н голод. Будущее не обещает ничего хорошего — не можем же мы свон перспектнвные планы основывать иа одних только нарушнтелях супружеской верности! Поэтому сатаннискнй собор повелел мне выбраться на поверхиость землн н сделать тан, чтобы на свет вернулись добрые старые времена со всеми грехами. Тогда — слава бо-

гу! — снова появятся и воры, и мошенники, н грабители — и ад заработает на полную мощность.

Но людям теперь стало слишком хорошо. Являлся я уж многим во сне и искушал их: «Ну, миленький, устрой мятеж! У тебя будут деньги, у тебя будет власть, все будут танцевать под твою дудку!» Ничего не помогает, все посылают меня, Вельзевула, ко всем чертям!

— На роботов ты не надейся, в программе действия роботов мятеж не предусмотрен. Если хочешь, будем ходить на руках, прыгать...

Вельзевул сплюнул смолой и серой.

— По мне хоть бы все роботы передохли! Я устрою путч памятников!

— Каких памятников?

— Тех самых, которые находятся в музейном парке. На памятники всегда можно положиться. Для того чтобы вернуть старые времена, они будут стараться вовсю! Вот так, милый робот. По моей команде памятники слезут с пьедесталов...

— Не слезут. За памятники отвечаю я, робот УВ-083. Если кто-нибудь слезет с пьедестала и удерет, сразу же явится инвентаризационная комиссия. Тогда, разрешите доложить, мне придется плохо. Нет, я категорически запрещаю трогать памятники!

Вельзевул посмотрел на меня и ухмыльнулся.

— Ничего ты не можешь запретить! Подумай логично — я же не существую!

Совершенно правильно, чертей не бывает. А если вельзевул не существует, я не могу запретить ему кокетничать с памятниками.

Два часа ночи. Мы в парке. Вокруг, на фоне ночного неба — громады памятников. Вельзевул вытаскивает из кармана огниво. Сыплются зеленые искры, воняет серой и скипидаром. Показывает пальцем на Фиферона Толстого, бормочет:

— Вобискум, мобискум, фобискум, фик, спиритус, миртус, чиритус, чик!

Громовое чиханне.

— А-апчхи!.. Где я?

— Ваше императорское величество в музее. Прошу вас, слезайте!

Земля затряслась, когда Фиферон Толстый спрыгнул с пьедестала.

— Оп-ля! Я в вашем распоряжении!

— Адский собор решил, что в мире должны снова воцариться господа...

— Правильное решение!

— ...Но люди и роботы вряд ли этого хотят, и я призываю на помощь памятники. Настоящий момент исключительно удобен, так как люди спят. Прежде чем они успеют опомниться, стратегически важные пункты займут памятники. Они выпорют каждого, кто посмеет противиться их приказам. Сопротивление исключено, так как оружие уже давно сдано в музеи.

а вход в иих будут охранять вооружеиные броизовые геиералы.

— Вперед, за справедливость! Пойте гимн Мушнлни: «Император Фиферон, защищая отчий трон, на кобыле белой в бой помчался...»

— Потом, ваше величество, потом! Некогда распевать, надо пробудить пятьсот памятииков!

— Одии момент! Я должен принять кое-какие меры предосторожностн!

Фиферон Толстый с корнем вырвал фонарный столб, размахнулся и ударил по памятнику Удовика Девятого. С греском посыпались обломки.

— Опомнитесь, ваше величество, что вы делаете?

— Удовик был большой скотиной, ои когда-то отиял у меня три волости!

Следующий удар — иа этот раз рассыпалась в пыль камеиная статуя Целестина Гологo.

— Этот совсем был сволочь, и я отнял у него три волости. Так, теперь очередь за Алфнлеем Последним, ужасио несимпатичный тип!

Всего Фнферон Толстый расколотил пятьдесят памятнннков...

— Больше у вас нет врагов? — спросил Вельзевул, брызжа серой.

— Нет, слава богу!

Тогда Вельзевул чиркнул огнивом у памятника днктатору Шиндлеру. Диктатор сразу же понял, что от него хотят.

— Старое время? Вернем! Чем скорее, тем лучше. Конечно, прежде всего надо расколошматить памятникн королей и нмператоров семитского происхожденя. Потом возьмемся за азнатов и так далее.

Шиндлер начал с князя Авраама и кончнл памятннком нмператору Джинджершаху.

Прежде чем ожнвлять третнй памятник, Вельзевул задумался не на шутку. Наконец он остановнлся у архиепископа Теофила Нерасторопиого...

Его преосвященство пал ннц н долго молился. Затем, простнрая руку, ои благословил Фнферона, Шиндлера и Вельзевула.

— Я пойду впереди восставшнх с крестом в руке, и мы одержнм победу! Но прежде чем мы прнмемся за свой святой труд, хорошо было бы сжечь на костре илн разбнть вдребезги памятники всех некрещеных и маловеров. Фиферон и Шиндлер, за мной, вы мие поможете!

Стук ударов, грохот разваливающихся памятников. Вельзевул в ярости скрежещет зубами, так что сыплются искры. Мне, роботу, становится страшновато, но я вспомниаю, что ои не существует, н успокаиваюсь.

Трн часа ночи. Всего осталось два памятника — царь Криколай Второй и принцесса Клотильда. Прежде всего Вельзевул чиркнул своим огнивом рядом с Криколаем — маленьким, тщедушным человечком, и потом, поджав хвост, направился к прнцессе Клотильде.

— Разрешите вас предупредить, господнн нечистый, — шеп-

нул Теофил, обращая взор к небу, — эта баба — воровка, она страдает клептоманией...

— Если нами будет командовать адское отродье, я умываю руки, — заявляет Криколай Второй. — Уважаемые памятники, выберем другого главнокомандующего!

— Он должен быть святым человеком, — обращает взор к небу Теофил.

— Главнокомандующий должен быть высокого происхождения! — блеет Криколай.

Шиндлер смотрит на него тусклым взором.

— А вы можете доказать, что ваши высокие предки — арийцы? Нет? Тогда заткнитесь, ваше величество!

— Не спорьте! — потрясает бронзовым мечом Фиферон Толстый. — Главнокомандующим будет самый сильный из нас!

Наступает тишина. Теофил Нерасторопный достает из кармана рясы фляжку с вином и возглашает:

— Да здравствует главнокомандующий! Подкрепитесь во славу божию!

Фиферон Толстый выпивает половину и подает Криколаю Второму.

— Ну-ка, клюкни и забудь своих ничтожных предков! Да передай Шиндлеру.

— За чистоту арийской расы! — Шиндлер выпивает несколько глотков и вдруг начинает плеваться. — Крысиный яд! К вину подмешан крысиный яд! Я узнаю его, я уже раз пил крысиный яд!

Всеобщее замешательство. Теофил Нерасторопный обращается в бегство, но Фиферон Толстый настигает его, хватает за ноги и с размаху трескает о пьедестал памятника Клотильде.

Четыре часа утра. Фиферон Толстый больше не дрыгает ногами. Из памятников осталась одна Клотильда. Она сидит в кустах акации на скамейке и утешает Вельзевула:

— Не горюй, глупенький чертушка! Брось рыть землю, сядь со мной рядом и покажи свое волшебное огниво!

— Да понимаете ли вы, ваше императорское высочество, что надежда чертей на старое рухнула? — стонет Вельзевул, выдергивая с корнями деревья. — А если ад прогорит, куда денемся мы, черти?

— Будете глину месить. Иди сюда, я тебя поцелую.

Мне очень хочется крикнуть им, что в музее запрещено целоваться. Но, рассуждая логически, делать это бессмысленно, так как Вельзевул вообще не существует. Поэтому я спокойно наблюдаю и ничего не говорю.

Пять часов утра. В парке полный разгром. Кругом валяются обломки памятников, расщепленные столбы и вывороченные с корнем деревья. Одна Клотильда стоит на прежнем месте. Вельзевул помог ей забраться на пьедестал и

скрылся. Надо полагать, обратио в ад.

Из музея выходит робот-крысолов, озирается вокруг и говорит:

— Ну и достаиется же тебе, УВ-083.

Я тоже думаю, что достаиется. Ох, зачем меня смоитировали под иесчастливой звездой!..»

* * *

На этом обрывается ферромагиитиая лента робота УВ-083. Виачале специалисты решили, что это ие что иное, как кибериетический бред, и отослали робота в капитальиый ремонт.

Но два дия спустя в следствеииую комиссию явились двое молодых людей, которые иа следующий вечер после гибели памятников сиова сидели на скамейке в музейиом парке, и — как оии уверяют — смотрели иа луну. Оии показали следующее:

«В полиочь появился иекто в черном. Забравшись иа пьедестал памятиика приицессе Клотильде, он целовал ей руку и причитал: «Зачем же вы, ваше императорское высочество, обокрали бедного черта? Смилуйтесь — и верните волшебиое огииво, это у меня едииствениая память о бабушке!» Заметив нас, иезиакомец исчез. Когда он поворачивался, мы заметили что ои хвостат».

Кибернетики тут же извииились перед роботом УВ-083 за происшедшее недоразумеиие, тщательио смазали его и выпустили из ремоитиой мастерской.

К сожалеиию, вскоре робот сиова иачал поскрипывать. Когда его спросили о причиие, УВ-083 ответил:

— Все это потому, что меия смоитировали под иесчастливой звездой.

Это, коиечио, иеправда. Причииа скрипа в другом — робот снова проиграл в карты свою маслеику.

Перевод с латышского
Р. Трофимова

фантазки

Григорий Филановский

А где я была — всем расскажу. Не на свадебке веселой, да и не на собрании профсоюзном, а на курсах повышения квалификации. Дошла наука до́ того, что нас, нянь, учат уму-разуму. Ну, положим, чем и как малышей кормить, за ними следить — это я и сама поучить могу. Но в чем наука всех нас превзошла, так это в сказках.

И какие ни есть малыши, а это чувствуют. Карапуз, от горшка

два вершка, а туда же! «Ведьмов, — говорит, — не бывает». Ну, как ему докажешь, что бывают? А еще н комнссии бывают, нас проверяют. «Для чего, — скажут, — вам лекцию о киберинетике читали и кино на казенный счет показывали? Что вы, спросят, детишкам за ерунду рассказываете?»

Спросят так спросят, никого я не боюсь. Чего мие опасаться: я бабуся грамотная, вон свое пальтишко каждый сезон по моде переиначиваю, а сказку любую запросто перекрою по ианпоследиему фасону. Хочешь послушать — давай микрофон, подставляй магнитофон...

Первая сказка-фантазка. Репка

Посадил Дед репку. А репка, детки, — это такая овощь — вкусом, как хороший банан. Выросла, значит, репка большая-пребольшая, просто уму непостижимо. Позвал Дед фотокорреспондента. Засиялн Дедку у репки, а она продолжает себе расти. Ходят Внучка и Жучка вокруг репкн, не подпускают к ней туиеядцев и очковтирателей. Академикн тут как тут: нщут, спорят, строят гнпотезы.

Семечкнн, доктор, объявляет, что все дело в гнперболнных. А Мамочкнн, профессор, одно твердит: «Горох». Дескать репку посаднл вовсе не Дедка, а царь Горох — и вот оиа проросла. И родом царь Горох из космоса — точнее, с Венеры. О, куда хватнл! Пока Семечкнн и Мамочкин спорят, благодаря Мышке обнаруживается, что корень уже где-то в кипящей магме. Репка становится отчасти пареной, но от этого вопрос о ией не стаиовится проще. И, как воднтся в подобных случаях, от страшио агромадиой репы Землю стало пошатывать. Забегали академикн, затарахтели электронные машнны, а толку чуть! Идей не хватает. Что с репкой делать?

Задумался и Трофим, жеиих Внучкнн, колхозный жнвотиовод, первый на селе гармоиист н затейинк. Целую ночку до зари глядел он задумчиво иа фото невесты — н вдруг его осеиило: свнньяǃ.. Миого свиней! Прнвел ои их к репке: иавалнсь, хрюшкн, спасай Землю!.. Не успелн расправиться с репкой, как нз скважины брызнул нефтяиой фонтан, и подался Трофнм учиться на физика-механика, на химика-оргаинка, специалнста широкого профиля. А попутио женнлся на Внучке, которая выросла у дедки большая-пребольшая...

Вторая сказка-фантазка. Нетрудные задачи

Существовал на белом свете невероятиый волшебинк. Вообще опасный тип. Законы, если не нарушал, то обходнл, правда только научные. И, между прочнм, была у него дочка-раскрасавица. Заприметнл ее как-то один, которого все сызмальства величалн Иваи-дурак, постоялн целый вечер

в очереди в кафе — влип парень... И Маше понравился: высокий, стройный, твист танцует. Волшебнику не по вкусу пришелся этот мезальянс. Вызвал он Ивана к себе в кабинет и предложил:

— Отдам дочку за тебя замуж, если ты выберешь ее из серии абсолютно тождественных кибернетических двойников.

Так и выразился, а уж, простите, из песни слова не выкинешь.

Зажурился Иван, напала на него бессонница, но во сне явилась к нему Маша и говорит:

— Папашины штучки — до лампочки. Старикан полагает, что мы все тридцать восемь будем одинаковыми положительными героинями. В основном — да, но коечто не совсем. Понял? Не понял? А еще кандидат наук! Буду эрудицией блистать, хотя, впрочем, и они все тоже. И еще — есть у меня сзади родинка... Нет, не пойдет, у них тоже может быть. Но зато у меня — смотри, Иван, не проморгай! — на три процента больше гемоглобина.

Просиял Иван, и на смотре точно указал: вот моя, а все прочие — дубли. Взъярился волшебник и придумал три новые задачи. Первая — насчет квадратуры круга. Иван запросто с помощью Маши и неформальной логики показал, что задачка-то неразрешима. Вторая задача: достать «Москвич» за одни сутки. Молодые и тут не растерялись — сразу выиграли по лотерее. Сильно уповал чародей на третью трудную задачу: а ну, Иван, пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что. Но красавица подсказала Ивану, что речь идет всего лишь о теме для кандидатской диссертации.

Так они вдвоем и провели старого чудака. И стали, конечно, на его иждивении жить-поживать и добра наживать.

Третья сказка-фантазка. Теремок

В туманность скрылась тихая планетка Теремок. Лежит она в стороне от больших космических дорог, в числе достопримечательных не значится. Шла как-то мимо пара спутников из созвездия Гончих Псов.

— Эй, кто на Теремке живет?

— Мы.

— Кто — мы?

— Нервные клетки. У нас тут повсюду исключительно нервная система. Только, пожалуйста, не садитесь на том участке — там слабонервные...

— Ладно, — протянули гончепсахи. — Нам, откровенно информируя, отдохнуть охота. Сорок световых лет отмахали (год за два засчитывается). Тяжело в пути — без магнитных полей, без сквозной плазмы, без любимых аннигиляторов... Эх-ма!..

Осторожно выгрузили ящики с надписью: «Не квантовать!» Расположились на какой-то зелени. В ушах у пришельцев слезы.

— Хорошая планета Теремок! И вообще жизнь прекрасна —

в любых формах и проявлениях. Откуда ваш шарик лучше смотрится?

— Наверно, оттуда, с вершины нашей мудрости...

Живут гончепсахи возле нервных, контачатся.

Вдруг стук-гром, кружится странная компания, требует внимания.

— Эй, кто на Теремке обитает?

— Мы — нервахи! И мы — гончепсахи! А вы кто?

— Те, что покрупнее, — с Малой Медведицы, те, что помельче, — с Большой Медведицы.

— Салют, медвежахи!

— Будьте здоровы! И живы, если вы живые. Атмосфера у вас, кажется, подходящая. И лишний глоток азота никогда не повредит...

...Шумел эфир, орбиты гнулись, а ночка темная была...

И никто друг другу не мешает — каждый занимается своей цивилизацией. И всем хватает пищи для размышлений, материи и антиматерии.

Внезапно — что за напасть! — задрожал Теремок, появились в небе чистом огромные штуковины — ни в сказке сказать, ни в фантазке описать, и говорят они страшным голосом: «Айда на Теремок!»

Испугались нервахи, гончепсахи и медвежахи, решили пустить в ход логику:

— А вы объемом эту планету намного превосходите, как же в нее влезете?

Захохотали штукахи так, что соседняя галактика пошла раскручиваться (молодой астроном Тихон Брагин сам видел) и радиоизлучаться (это мой внук двоюродный сам слышал — от соседки):

— Чего вы разволновались, теремошники? Втиснемся мы какнибудь в четвертое, а то и в пятое измерение. Не привыкать! В тесноте, да не в обиде!

Втиснулись. Вроде бы никаких эксцессов. Только замечают первые ахи — что-то не то.

— Простите, — обращаются нервные к гончепсовым, — сколько на ваших урановых?

— А нисколько.

— Как это?

— Так это. Кончилось время. Забрали эти последние, накрыли своими измерениями.

— Позвольте, — вмешались медвежахи, — на что это похоже? Как мы все развиваться будем?

— Эй, вы! — задергались нервные. — Физическим языком вам говорят: это форменное безобразие.

Ни ответа, ни привета...

И податься некуда, потому что без времени старта не назначишь. А когда кто-нибудь из посторонних появляется в небе и спрашивает: «Эй, кто в Теремке?» — никто не откликается. На всякий случай помалкивают все время, которого нет.

Четвертая сказка-фантазка. Киберок

Жили-были старик со старухою.

Ни родных у них, ни близких, кроме транзистора да балалайки. Старик ловил разные станции, а старуха стирала грани между физическим и умственным. Вот однажды она к муженьку своему и обращается. «Сделай, — говорит, — старый, что-нибудь такое экстравагантное!» Призадумался старик. Насобирал диодов-триодов, назаказывал лазаров-мазаров, сообразил черепок, ростом с вершок, втиснул, что мог, и нарек — Киберок.

Радуются старик со старухой, пляшут вокруг него, а на сон грядущий читают ему курс высшей алгебры. Побыл Киберок в доме неделю, покрутился другую — заскучал. Однажды, когда старик со своей старухой шибко увлеклись очередным матчем на первенство страны по футболу, наш герой отворил потихоньку калитку — и был таков!

Очутился Киберок на улице и растерялся. Вместо того чтобы милиционера обо всем расспросить, пристал к незнакомой сударыне. «Извините, — говорит, — но как бы мне поближе кое с чем в мире познакомиться?..» Возможно, она поняла его в другом аспекте, только ответила сударыня так: «Катись ты!..»

Он поблагодарил и покатился. Куда глаза глядят. Не артистом, не туристом, не известным футболистом, не за длинным рублем и не с короткой памятью. Наоборот, катился и все попутно усваивал. И архитектуру, и литературу, и флору, и фауну, и мосты, и дороги, и что где как, и где что почем; Одним словом, сделался Киберок таким информированным, что просто жуть. Такое поглотить и усвоить — можно живо сделаться эрудитом, дипломатом и полиглотом.

И однажды встал на пути Киберка великовозрастный Адик.

— Эй, чувак! — окликнул он Киберка. — Вали сюда, ты мне как раз нужен.

— Зачем? — удивился Киберок.

— Видишь ли, какое дело. Физически я хорошо развит, морально — тоже, разве что вот тут, — Адик показал на голову, — малость не хватает. А чтоб этот пробел ликвидировать, я тебя, — внес предложение Адик, — съем!

Чует Киберок, деваться некуда.

— Ладно, Адечка, съешь меня, но разреши напоследок песенку...

— Какую песенку? Из тех, что под гитару? Из тех, что на бобину? Угадал? Погоди, сейчас запишемся. Валяй!

«Песенка о самом себе», — иронически грустно объявил Киберок.

...Когда уходил я от бабушки,
когда удирал я от дедушки,
казалось, весь мир провожал меня
и говорил: «Вернись...»
Тот мир, где танцуют бабочки,
тот мир, где летают девочки,
тот мир, где однажды взойдя,
не замирает жизнь...
Скрываясь я полз по обочинам,
предвкушая беду,
но в сердце своем киберочином
решил: от тебя уйду!

…И — сиганул, только Аднк его и видал…

Но тут же, как на грех, подвалнлся к Киберку некий субъект с усиками:

— Мистер, простнте, гражданин Кнберок! Ужасно хотелось бы с вами познакомиться. Разрешите представиться: по паспорту Пармемцов, но ты можешь звать меня просто — Ягуар. Мне нужен кой-какой сведенья… Миллион дубов. Тихо: на горизонте майор Шпанов…

«Боже! — пронеслось в искусственном мозгу Киберка. — Столько катиться, чтобы докатиться до этого!..»

— В случае несогласия, — прошипел Ягуар, — руки вверх! — Но вспомнив, что Киберок безрук, процеднл: — Сами понимаете, голубчик…

— Понимаю, — всхлипнул Киберок, — но хоть песенку позволите?..

— Песенку?

— Ну да. Абстрактную, если угодно.

— Абстрактную? Это ол райт!

— О почтовом ящике…

— О почтовом ящике номер… Ах, без номера, абстрактную… Ну, для начала — вернее, для конца… все равно. Итак…

В почтовом ящике, — прищелкнул Киберок, —
в почтовом ящике, в почтовом ящике
письмо лежит на дне —
ко мне…
Но вот что странно: почтовый ящик
там один
средь океана, снегов и льдин.
Средн покоя молчит, судьбу
мою храня.
И жду его я, напрасно жду его я,
как ты — меня!

Сшиб с Ягуара цилиндр и — поминай как звали!..

Долго ли, коротко мыкался Киберок подобным образом, только надоела ему такая жизнь. Задумал он куда-нибудь в хорошее место пристроиться. На ловца, говорят, и зверь бежит. Верный человек свел его с самим Рибозой Афанасием Силычем. Тот Киберка в свое учрежденье взял. И поначалу все кругом были довольны и даже счастливы. Проявил Киберок на новом поприще немалое усердие и незаурядные свои способности, выручал, направлял и увязывал. И шел в гору. Достаточно сказать, что сам Рибоза говорил Киберку сперва «ты», как всем младшим сотрудникам, затем «вы», как некоторым старшим, и вернулся к «ты» уже на высшем этапе — «ты» своему новому помощнику и заместителю.

Тут-то, однако, и ждали Киберка крупнейшие неприятности. Уж больно здорово замещал он самого Рибозу. И когда тот вернулся, между ними состоялся откровенный обмен мнениями.

— Послушай, Киберочек, уж не полагаешь ли ты, что вообще справился бы с моими обязанностями?

Киберок, которого вранью не обучили ни дедушка, ни бабушка, напрямик бухнул:

— Отчего ж нет? Запросто…

Рибоза потемнел.

— Ты забыл, кто ты такой? Равняться со мной? Я — человек, могу подтвердить документально!

А ты, если хочешь знать, — ишак, так себе, лицо несущественное.

— Но я мыслю — следовательно, существую, — пытался парировать Киберок.

Но Рибоза от этих слов отмахнулся и уставился на Киберка. Тот и без эмоций понял, бедный, что Адик, Ягуар и другие бледнеют перед начальником, которому кажется, что его подсиживают.

— Я тебя съем, — объявил Рибоза каким-то кибернетическим голосом.

— За что?.. Караул!.. И зачем я от бабушки и дедушки...

Путались мысли в триодах и проводках. Наконец, подоспело спасительное:

— Афанасий Силыч, а я вам песенку...

— Цыц! Твоя песенка, Киберок, спета. Ибо человека нельзя заменить. Такого, как я!

И съел Рибоза Киберка.

И попробуй докажи, в чем он не прав...

Пятая сказка-фантазка. Иванушка-дурачок, Жар-птица и др.

Было у царя трое сыновей. Первые двое отлично запрограммированы, а третий, Иван, совсем не та... Понятно? Вот однажды призвал царь сынов и говорит им:

— Ребятки! В мой исследовательский сад повадилась какая-то ужасная личность. Хватает на лету мои результаты, выдает за свои. Я догадываюсь, что это за птичка, но только нужно поймать ее на горячем. Ухватить хотя бы перо...

Первым пошел на дежурство старший по должности сын, Мафусаил. Сидит в саду, размышляет: что лучше — «Кристалл» или «Горилка с перцем»? В полночь сад словно осветился лампами дневного света. Влетает неизвестная в чем-то очень ярком.

Мафик сразу пенсне на нос:

— Простите, вам кого? То есть, вам чего? И, кстати, не желаете ли по рюмочке?

— Молчи, дурак.

— Извиниите, вы, кажется, спутали: я — старший...

— Молчи! Я твои мысли телепатически восприиимаю. Хочешь знать относительно того — что лучше?..

— Всю жизнь...

— Дело в перцепиентах.

— Ась?..

— В восприиимающих. Понял? А в телекинез веришь?

— Не знаю, — слегка опешил Мафик.

— Аллей-гоп! — сосредоточила пришелица весь свой волюнтаризм, сдвинула брови и перебросила на расстоянии Мафусаила через забор сада в канаву. А сама стала собирать царские цветочки.

Папаша просто рвал и метал.

— Аркадий, твоя очередь. Будь хоть ты на высоте.

— Папа, можешь не волноваться...

В полночь снова переполох — и то же явление.

— А я вас жду, — улыбнулся Аркадий.

— Верю, — отозвалась Жар-птица.

— У меня к вам деловое предложение. Давайте договоримся, папашу по боку, вы мне поможете стать царем, а я вас сделаю царицей, официально. Идея, а?

— Нельзя сказать, чтоб очень оригинальная. Вы не советовались с электронными?

— Зачем? Я до всего дохожу своим, человеческим разумом. И сердцем...

— Оно и чувствуется, — отвечала Жар-птица и со всей силой съездила Аркадия по роже («по лицу», как он жаловался обожаемому папаше).

Пришлось назначать на третью ночь Ивана.

Прилетела.

Изумился Иван:

— Красавица, к чему тебе этот сад с жалкими плодами наук? Неужто отсюда стоит что-то брать?

— Чудаки! — повела она крыльями. — И твой отец и твои братья... Слышишь, я бываю повсюду, где пахнет сказкой, где дышит фантазия... Понял, Иван? Возьми-ка на память мое чудесное перо...

И упорхнула.

А Иван все ходит-бродит по свету: в горы, в океан, в глубь Земли, в космос — ищет всюду, куда может залететь фантастическая Жар-птица...

Шестая сказка-фантазка. Спящая красавица

Эту сказку детям до шестнадцати лет слушать не рекомендуется.

У короля с королевой одновременно родилась дочь. По этому случаю устроили пир, пригласили родных, знакомых и добрых фей с подарками. Первая фея преподнесла новорожденной вечные чулки-паутинки. Вторая — гарантированный иммунитет от всех болезней, кроме гриппа. Третья — журналы мод на сто лет вперед. Четвертая — кибера, умеющего читать, писать стихи и заявления, молчать и ловить рыбку в мутной воде. Пятая — шапку-невидимку, при которой всегда видна прическа. Шестая — очаровательную способность врать не краснея. Седьмая... С ней получился казус. По одной летописи не смогли, по другой не хотели дозвониться. А она все же пришла из вежливости, а больше — из пакости. И, разумеется, обратилась к малютке с балетными жестами. Дескать, обеспечили тебе хорошую жизнь, но лишь до тех пор, пока тебя не устроят на работу. А уж там ты заснешь всерьез и надолго...

Шум, переполох, милиция, но сказано — железно. И прошло лет двадцать пять — тридцать (до этого не работало дитя царское), и устроил ее папаша в «Нииверетено» что-то крутить, чтоб зарплату получать. Взяла она как-то подшивать протокол заседания ученого совета — скучный и длинный — открыла на 820-й странице и заснула. А за ней все

«Нииверетено»: и старшие, и младшие научные сотрудники, и директор. Только кассир ходит получать на всех зарплату. Рыцарь-ревизор, конечно, мог бы развеять чары, но он, видно, где-то далеко, в созвездии Весов, инспекцию проводит...

Седьмая сказка-фантазка. Ключи бессмертия

Иван Иванович Царев свой отпуск проводил туристом-одиночкой. Был он человек молодой, не обремененный семьей, долгами и разумными советами. В один прекрасный день (первый день отпуска) сидел он с удочкой на берегу реки. «Хорошо! — подумал он. — Соседи не галдят, по телефону не тараторят, начальство не выговаривает, милые не капризничают, друзья не откровенничают...» Подумал и оптимистически улыбнулся. И вытащил из реки во-от какую Щуку, которая уже в воздухе по-человечески выражаться стала крепенько. Иван обомлел... Природный такт не позволил ему тут же ответить нахалке тем же и забросить ее в реку. Кисло выслушал он ее биографию и заключительную просьбу о помиловании. «Рука руку моет, — назидательно твердила зубастая хищница, — ты — мне, я — тебе; гора с горой не сходятся, а я тебе пригожусь...»

Короче, блаженное чувство одиночества было нарушено, и Ваня-интеллигент сдался — отпустил хулиганку в реку. Пошел со стыда и на ближайшей поляне наткнулся на лежащую в гамаке красавицу, поневоле начал знакомиться с последней.

— А правда, по мне не скажешь, что я замужняя? — говорит та. — А угадайте, сколько моему супругу лет, а? На прошлой неделе стукнуло ровно шестьсот семьдесят восемь. Шестьсот семьдесят восемь. Не думайте чего-то там — он еще хорошо сохранился. Сто раз был женат — и все не надоедает.

— Любопытный тип. И как генотип и как фенотип. — В Иване Цареве проснулся охотник, биолог, а также физик и лирик. — Познакомьте меня с ним. Успокойте его, намекнув, что я турист и культурист. Как вы думаете, отчего он такой долгожитель?

— Господи, да я же замужем за Кощеем Бессмертным...

...Он сидел посреди колоссальной личной библиотеки, собранной им за последние полтыщи лет, полки ломились от подписных изданий. Он что-то пил из бутылки с пятью звездочками и посредством биотоков играл ушами в пинг-понг.

— Кощееву привет! Как жизнь молодая?

Бессмертный быстро глянул на жену, на гостя и, судя по всему, кое-что заподозрил.

Иван спросил в упор:

— Как сделался Бессмертным?

Кощей метнул взгляд на потолок.

— Через эту самую дезоксирибонуклеиновую кислоту. У вас всех, — он злобно захихикал, — она скисает, а у меня постоянно свеженькая.

— Где хранится растворчик? Ну? В Тихом океане...

— На острове Буяне... — прохрипел Кощей.

Царев мгновенно свистнул Щуке-хулиганке и запустил ее в океан. Через час была получена информация: весь запас кислоты мистер Хибищ на каком-то Буянатолле пустил на ядерный самогон и теперь им торгует.

— Что делать? — думал Царев, не спуская глаз с энциклопедии.

Наконец встал в позу оратора-демагога и уверенно изрек:

— Да знаете ли вы, тов. Кощеев, что быть Бессмертным уже не модно и не мудро, что гораздо приятнее просто взять и помереть, когда захочется? И вообще природа — это тебе не кот наплакал...

Кощей морально был разбит и, распропагандированный Иваном, стал конструировать вечный двигатель.

VI

ПЕРВЫЕ 10 ЛЕТ

В дни торжественных юбилеев люди и страны не только празднуют, но и вспоминают. Советской научной фантастике столько же лет, сколько Советской власти. Мощный толчок, данный революцией, развил и эту область литературы. Издательство «Молодая гвардия» решило в честь великого юбилея опубликовать в своих альманахах «биографию» советской фантастики. Здесь перед вами первая ее часть, посвященная 1917—1927 годам.

Чтобы составить библиографию, А. Евдокимов просмотрел более 50 томов справочной литературы, больше 4000 номеров журналов 120 названий. И все же за ее абсолютную полноту ручаться нельзя, в частности потому, что в ней не учтены газетные публикации.

Нам хотелось, чтобы этот длинный список был интересен не только специалистам-литературоведам, но и рядовым любителям фантастики. Потому библиография максимально упрощена и сокращена. Не сообщаются, например, биографические данные об авторах, за несколькими исключениями не раскрываются псевдонимы, опущена библиография критики, читатель узнает только о двух публикациях каждого произведения: а) самой первой и б) наиболее доступной для него сегодня. Зато было решено ввести в наш перечень первые советские издания научно-фантастических книг А. А. Богданова и В. Г. Тана-Богораза, которые были написаны еще до революции, но по своему характеру отчетливо примыкают именно к советской фантастике. Без этих романов, важную роль которых для себя отмечали многие революционеры, ученые, политические деятели, картина состояния фантастики тех лет была бы неполной. Недаром же эти книги переиздавались тогда чуть ли не ежегодно.

Из произведений такого своеобразного писателя, как А. С. Грин, к фантастике в современном понимании этого слова относится немногое. В список вошли в основном те его произведения, которые содержат явно фантастическую идею. (Ведь нельзя же считать произведение фантастическим, а не романтико-приключенческим лишь потому, что действие его происходит в стране, которой нет на глобусе.)

Сухой список фамилий и названий открывает взгляду основание той грандиозной пирамиды советской фантастики, которая выросла за пятьдесят великих лет. Среди мастеров, закладывавших эту пирамиду, Алексей Толстой и Лев Никулин, Мариэтта Шагинян и Александр Беляев, Валерий Брюсов и Константин Циолковский...

Итак, вот какие фантастические рассказы, повести, романы, пьесы, стихотворения и поэмы были опубликованы, вот какие фантастические фильмы были показаны в первые годы Советской власти.

АЛЕКСАНДР ЕВДОКИМОВ

СОВЕТСКАЯ ФАНТАСТИКА
(опыт библиографии)

КОМАРОВ Н. С.

1917 **Холодный город (роман).**
1. Типогр. 1-й Моск. труд. артели. М., 1917, 132 стр.
2. Изд-во автора. М., 1927 (3-е изд.), 163 стр. С предисловием проф. А. В. Рязанцева.

РАМЗАЙ А.

Формула (рассказ).
1. Журн. «Мир приключений», 1917, № 6.

АНОНИМ

1918 **История Александра Марвина (рассказ).**
1. Журн. «Вокруг света», 1917, № 15.

БОГДАНОВ АЛЕКСАНДР

Красная звезда (роман).
1. Изд-во Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Пг., 1918, 144 стр. Без рис. +
2. Изд-во «Красная газета», Л., 1929, 192 стр. Без рис.

Инженер Мэнни (роман).
1. Изд-во «Волна». М., 1918, 144 стр. +
2. Изд-во «Красная газета». Л., 1929, 141 стр. Без рис.

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Miscellanea (эссе) (См. XXIII, XXIV и XXXIV)
1. Альманах «Эпоха», 1918, кн. 1—2.
2. Избр. соч. в 2 т. М., 1955, т. 2.

Примечание: Под № 1 показана первая публикация. Под № 2 показана публикация, наиболее доступная для читателя сегодня. Отсутствие № 2 означает, что повторной публикации нет. Значком + отмечены произведения, публиковавшиеся до 1917 года. В этом случае указана первая публикация после 1917 года.

ХОЛОДНЫЙ Н.

Гибель Петербурга (роман).

1. Журн. «Комедия жизни». Пг., 1918, № 1—2. (Публикация прервана в связи с прекращением журнала.)

ЦИОЛКОВСКИЙ, КОНСТАНТИН ЭДУАРДОВИЧ

Вне Земли (повесть).

1. Журн. «Природа и люди», 1918, № 2—14.
2. Изд-во АН СССР. М., 1958, 144 стр. с илл. Вступительная статья Б. Н. Воробьева.

ЧУДНОВСКИЙ ФЕЛИКС

Обмененные души (рассказ).

1. Журн. «Аргус», 1918, № 1.

1919

ЗОЗУЛЯ ЕФИМ ДАВИДОВИЧ

Граммофон веков (рассказ).

1. Журн. «Солнце труда». Харьков, 1919, № 1.
2. «Я дома». М., 1962.

1920

НОВОРУССКИЙ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

Приключения мальчика меньше пальчика (повесть).

1. Пг., 1920, 68 стр.

1922

БОБРОВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ

Восстание мизантропов (повесть).

1. Изд-во «Центрифуга». М., 1922, 164 стр.
2. ГИЗ, М. — Л., 1925, 188 стр.

ИТИН ВИВИАН АЗАРЬЕВИЧ

Страна Гонгури (повесть).

1. Канск, 1922, Сиб. обл. ГИЗ, 86 стр.
2. См. «Открытие Риэля» в 1927 г.

КАВЕРИН ВЕНИАМИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Хроника города Лейпцига за 18... год (рассказ).

1. «Серапионовы братья». Альманах 1-й. Изд-во «Алконост». Пб, 1922.
2. «Рассказы». Изд-во «Круг». М., 1925.

ТАСИН Н.

«Катастрофа» (роман).

1. Русское универсальное изд-во. Берлин, 1922, 293 стр.

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Аэлита (Закат Марса). (В дальнейшем подзаголовок «Закат Марса» снят автором.)

1. Журн. «Красная новь», 1922, № 6 (10), 1923, № 1—2 (11—12).
2. Многократно переиздавался.

ЯСИНСКИЙ ИЕРОНИМ ИЕРОНИМОВИЧ

Браслет последнего преступника (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1922, № 1.

АРОСЕВ АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ

Фантазия (рассказ).

1. Журн. «Огонек», 1923, № 7.

1923

БОБРОВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ

Изобретатели идитола (роман).

1. Журн. «Красная нива», 1923, № 35—44.
2. Изд-во «Геликон». Берлин, 1923, 198 стр.

(Под назв. «Спецификация идитола».)

ГОНЧАРОВ ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ

Жизнь невидимая (рассказ).

1. Журн. «Красные всходы». Тифлис, 1923, № 1 (4).

ГРИН АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ

Блистающий мир (роман).

1. Журн. «Красная нива», 1923, № 20—30.
2. Собр. соч. в 6 т. М., 1965, т. 3.

ЖУКОВ ИННОКЕНТИЙ

Путешествие Красной Звезды в Страну Чудес (повесть).

1. Журн. «Барабан», 1923, № 3—4; 1924, № 1 (6) и 3 (8).
2. Под назв. «Путешествие звена Красной Звезды». Харьков, 1924.

ЗУБОВ С.

Сыворотка бессмертия (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1923, № 4.

ИРКУТОВ АНДРЕЙ

Коммунизатор мистера Хэдда (рассказ).

1. Журн. «Борьба миров», 1923, № 1.

КАВЕРИН ВЕНИАМИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Инженер Шварц (рассказ).

1. «Мастера и подмастерья», изд-во «Круг». М. — Пб., 1923.
2. «Рассказы», изд-во «Круг». М., 1925.

Манекен Футерфаса (рассказ).

1. Журн. «Петроград», 1923, № 15.

Пятый странник (рассказ).

1. Альманах «Круг», № 1, М. — Пб., 1923.
2. Собр. соч. в 6 т., т. 1. М., 1963.

Столяры (рассказ).
1. «Мастера и подмастерья». Изд-во «Круг». М. — Пб. 1923.
2. «Рассказы». Изд-во «Круг», М., 1925.
Щиты (рассказ).
1. «Мастера и подмастерья». Изд-во «Круг», М.-Пб., 1923.
2. «Рассказы». Изд-во «Круг», М., 1925.
(В дальнейшем под назв. «Щиты и свечи».)

КЕДРОВСКИЙ ИВАН

Оживленный металл (рассказ).
1. Журн. «Красные всходы». Вологда, 1923, № 2-3 (4-5).

КРИНИЦКИЙ МАРК

Эликсир бессмертия (рассказ)
1. Журн. «Огонек», 1923, № 10.

НИКУЛИН ЛЕВ ВЕНИАМИНОВИЧ

Патент 78925 (рассказ).
1. Журн. «Красная нива», 1923, № 25.

ОКУНЕВ ЯКОВ МАРКОВИЧ

Грядущий мир (роман).
1. Изд-во «Прибой», 1923, 70 стр.

ЧАРИН СЕРГЕЙ

Отасу — королева солнечной страны (пьеса-сказка).
1. Изд-во «Прибой», 1923, 67 стр.

ЭРЕНБУРГ ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ

Гибель Европы (рассказ).
1. Журн. «Огонек», 1923, № 16.
Трест Д. Е. История гибели Европы (роман).
1. Изд-во «Геликон». Берлин, 202 стр.
2. Собр. соч. в 9 т., т. 1. М., 1962.

1924

АЛЕКСЕЕВ

Ракета Петушкова (рассказ).
1. Журн. «Смена», 1924, № 5.

АРАБЕСКОВ ЛЕВ

Конкурс мистера Гопкинса (рассказ).
1. Журн. «Мир приключений», 1924, № 1.

АСЕЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Американская первомайская ночь (рассказ).
1. Журн. «Смена», 1924, № 7.

БУЛГАКОВ МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ

Дьяволиада. Повесть о том, как близнецы погубили делопроизводителя.

1. Альманах «Недра», 1924, № 4.
2. «Дьяволиада». Изд-во «Недра», М., 1925.

ГИРЕЛИ МИХАИЛ ОСИПОВИЧ

Трагедия конца (роман).
1. Изд-во «Время». Л., 1924, 218 стр.+6 стр. объявл.

ГОНЧАРОВ ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ

Приключения доктора Скальпеля и фабзавука Николки в мире малых величин (повесть).
1. Изд-во «Молодая гвардия», М. — Л., 1924, 153 стр.
2. Изд-во ЗИФ, М. — Л., 1927, 126 (2) стр.

Межпланетный путешественник (роман).
1. Изд-во «Молодая гвардия», М. — Л., 1924, 144 стр.

Психомашина (роман).
1. Изд-во «Молодая гвардия», М. — Л., 1924, 109 стр.

Комбинации вселенной (роман).
1. Публикация не установлена. Возможно, что это другое название «Межпланетного путешественника».

Ком-са (повесть).
1. Журн. «Красные всходы». Тифлис, 1924, № 2—7.

ГРИН АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ

Крысолов (рассказ).
1. Журн. «Новая Россия», 1924, № 3 (12).
2. Собр. соч. в 6 т. М., 1965, т. 4.

ДОЛЛАР ДЖИМ
[ШАГИНЯН МАРИЭТТА СЕРГЕЕВНА]

Месс-Менд, или янки в Петрограде (роман).
1. ГИЗ, М., 1924 (10 выпусков).
2. Детгиз, М., 1956 и 1957, 350 стр.

ИРКУТОВ АНДРЕЙ

Бессмертие (рассказ).
1. Журн. «Борьба миров», 1924, № 3.

КАВЕРИН ВЕНИАМИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Бочка (рассказ).
1. Журн. «Русский современник», 1924, № 2.
2. Собр. соч. в 6 т., т. 1. М., 1963.

КАТАЕВ ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ

Как имя Батиста Линоля вошло в историю (отрывок из романа «Остров Эрендорф»).
1. Журн. «Огонек», 1924, № 21.

Остров Эрендорф (роман).
1. Газ. «Рабочий путь». Омск. Июль — август 1924 го-

да и одновременно газ. «Уральский рабочий», июль — сентябрь 1924 года.

2. ГИЗ, М., 1925, 124 стр.

Повелитель железа (роман).

1. Журн. «Пламя». Харьков, 1924, № 1.
2. Изд. «Современная мысль». Вел. Устюг, 1925, 101 стр.

ЛЕВАШОВ ВАСИЛИЙ

Отраженный свет (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1924/25, № 1.

МУХАНОВ Н. И.

Война Земли с Марсом в 2423 году.

1. Журн. «Мир приключений», 1924, № 1.

Пленники Марса.

1. Журн. «Мир приключений», 1924, № 2.

Тот, в чьих руках судьбы миров.

1. Журн. «Мир приключений», 1924, № 3. Все три части вышли как роман **«Пылающие бездны»**.

Изд. П. П. Сойкин. Л., 1924, 144 стр.

НЕМО

Небывалый опыт (рассказ).

1. Журн. «В мастерской природы», 1924, № 3—4.

НИКОЛЬСЕН БОРГУС

Глориана (роман).

Изд-во «Прибой». Л., 1924, 134 стр.

ОБРУЧЕВ ВАСИЛИЙ АФАНАСЬЕВИЧ

Плутония (роман).

1. Изд-во «Путь к знанию». Л., 1924, 364 стр.
2. Многократно переиздавался.

СИЗОВ ВАСИЛИЙ
(ГОРЬКИЙ АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ)

Рассказ о романе.

1. Журн. «Беседа», 1924, № 4 (март).

В дальнейшем под названием: «Рассказ об одном романе».

2. Горький М., Собр. соч. в 30 т., т. 16, М., 1952.

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Бунт машин (фантастические сцены).

1. Журн. «Звезда», 1924, № 2.
2. Собр. соч. в 15 т., т. 11, М, 1949.

ЯЗВИЦКИЙ ВАЛЕРИЙ ИОИЛЬЕВИЧ

Побежденные боги (роман).

1. Изд. Л. Д. Френкель. М. — Л., 1924, 108 стр.
2. Изд-во «Книга». Л. — М., 1927, 128 стр. Под названием: «Гора лунного духа (Побежденные боги)».

КЕЛЛЕР И., ГИРШГОРН В.

Универсальные лучи (повесть).

1. ГИЗ, Л., 1924, 83 стр.

1925

АЛАНДСКИЙ П.

Кровавый коралл профессора Ольдена (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1925, № 3.

АРЕЛЬСКИЙ ГРААЛЬ

Повести о Марсе.

Содержание: Обсерватория профессора Дагина. — Два мира. — К новому Солнцу.

1. ГИЗ, Л., 1925, 96 стр.

АСЕЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Расстрелянная Земля.

Содержание: Расстрелянная Земля. — Завтра. — Война с крысами. — Только деталь.

1. М., 1925 («Биб-чка «Огонек» № 87) 44 стр.+4 стр. и 2—3 стр. обл. объявлений.
2. Собр. соч. в 5 т., т. 5, М., 1964.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Голова профессора Доуэля (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1925, № 3—4.
2. Собр. соч. в 8 т., т. 1. М., 1963. (В переработанном виде, как роман.)

Последний человек из Атлантиды (повесть).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1925, № 5—8.
2. Собр. соч. в 8 т., т. 2. М., 1963.

БУЛГАКОВ МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ

Роковые яйца (повесть).

1. Альманах «Недра», 1925, № 6.
2. «Дьяволиада». Изд-во «Недра», М., 1925.

№ 13. Дом Эльпит Рабкоммуна. — Китайская история. — Похождения Чичикова. (Рассказы).

1. «Дьяволиада». Изд-во «Недра». М., 1925, 160 стр.

ГОНЧАРОВ ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ

Век гигантов. История про то, как фабзавук Николка из-за фокусов ученого медика Скальпеля попал в гости к первобытному человеку (роман).

1. ЗИФ. М. — Л., 1925, 363 стр.+2 стр. объявлений.

Долина смерти. Искатели дютрюита (роман).

1. Изд-во «Прибой». Л., 1925, 196 стр.

ГРИГОРЬЕВ СЕРГЕЙ

Тройка Ор-Дим-Стах (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1925, № 1.
2. Гос. мастерские педагогич. театра Главсоцвоса. М., 1925, 24 стр.

ГРИН АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ

Золотая цепь (роман).

1. Журн. «Новый мир», 1925, № 8—11.
2. Собр. соч. в 6 т., т. 4. М., 1965.

ДОЛЛАР ДЖИМ (ШАГИНЯН МАРИЭТТА СЕРГЕЕВНА)

Лори Лэн — металлист (роман).

1. ГИЗ, М., 1925, 9 выпусков, 283 стр.
2. Изд-во «Прибой», Л., 1927, 226 стр.

КАВЕРИН ВЕНИАМИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Большая игра (рассказ).

1. Альманах «Литературная мысль», кн. 3-я, 1925.
2. Собр. соч. в 6 т., т. 1, М., 1963.

КАРПОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Лучи смерти (роман).

1. ЗИФ, М. — Л., 1925, 166 стр.

КВИНТОВ Н.

Голубые лучи (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1925, № 4.

ЛАВРЕНЕВ БОРИС АНДРЕЕВИЧ

Крушение республики Итль (роман).

1. Журн. «Звезда», 1925, № 3—6.
2. Собр. соч. в 6 т., т. 4, М., 1964.

НИКОЛЬСКИЙ В. Д.

Чертова долина (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1925, № 5.

НИКОНОВ Б. П.

Патюрэн и Коллинз (Эксплоататор Солнца) (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1925, № 4.

НИКУЛИН ЛЕВ ВЕНИАМИНОВИЧ

Тайна сейфа (роман).

1. Изд-во «Пучина», Л., 1925, 261 стр.

ОКУНЕВ ЯКОВ МАРКОВИЧ

Золотая петля (рассказ).

1. Екатеринослав, 1925, 15 стр.

2. Под названием «Петля». Изд-во «Рабочая Москва», М., 1926, 46 стр.

ОРЛОВСКИЙ ВЛАДИМИР

Машина Ужаса (роман).

1. Изд-во «Прибой», Л., 1925, 191 стр.
2. Изд-во «Прибой», Л., 1927, 162 стр.

РОСС ЛЕОНИД (Возможно РОССИХИН Л. М.)

Открытие профессора Баррингтона (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1925, № 6.

РЫМКЕВИЧ ПАВЕЛ АДАМОВИЧ

Так погибла культура (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1925, № 2.

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Гиперболоид инженера Гарина (роман).

1. Журн. «Красная новь», 1925, кн. 7; 1926, кн. 4—9.
2. Многократно переиздавался.

Семь дней, в которые был ограблен мир (рассказ).

1. Альманах «Ковш», Л., 1925.
2. Далее под названием «Союз пяти». Собр. соч. в 15 т., т. 5, М., 1948.

ФРОЛОВ А.

Похождения Прокошки и Игнашки (повесть).

1. Журн. «Октябрьские всходы», 1925, № 1—17 и 19—20.

1926

ШПАНОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Таинственный взрыв (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1925, № 8.
2. В переработанном виде под названием «Записка Анке» и псевдонимом КРАСПИНК, журн. «Вокруг света», Л., 1927, № 9.

ИВАНОВ ВСЕВОЛОД ВЯЧЕСЛАВОВИЧ,
ШКЛОВСКИЙ ВИКТОР БОРИСОВИЧ

Иприт (роман).

1. Отрывок в журн. «ЛЕФ», 1925, № 3.
2. ГИЗ, М., 1925, 9 выпусков, 301 стр.

МОСКВИН Н., ФЕФЕР В.

Перчатки Уильяма Фиркинса (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1925, № 6.

АРЕЛЬСКИЙ ГРААЛЬ

Подарок селенитов (повесть).

1. Журн. «Мир приключений», 1926, № 5.

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Белый дикарь (рассказ).
1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 7.
2. Собр. соч. в 8 томах, т. 8, М., 1964.
Гость из книжного шкафа (рассказ).
1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 9 (сокр.). «Голова профессора Доуэля», ЗИФ, М.—Л., 1926 (полн.).
2. Собр. соч. в 8 т., т. 8, М., 1964.
Идеофон (рассказ).
1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 6. (Под псевдонимом А. РОМ.)
Ни жизнь, ни смерть (рассказ).
1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 5—6.
2. Собр. соч. в 8 т., т. 8, М., 1964.
Остров Погибших Кораблей (рассказ, повесть).
1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 3—4; 1927, № 5—6.
2. Собр. соч. в 8 т., т. 1, М., 1963.
Человек, который не спит (рассказ).
1. «Голова профессора Доуэля». ЗИФ. М.—Л., 1926.
2. Собр. соч. в 8 т., т. 8, М., 1964.

БЕЛЯЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Радиомозг (роман).
1. «Рабочая газета» за 1926 год.
2. Изд. «Молодая гвардия», М.—Л., 1928, 182 стр.

ГИРЕЛИ МИХАИЛ ОСИПОВИЧ

Преступление профессора Звездочетова (роман).
1. Изд-во «Пучина», Л., 1926, 179 стр.

ГРАВЕ СЕРГЕЙ ЛЮДВИГОВИЧ

Путешествие на Луну (повесть).
1. Изд-во «Прибой», Л., 1926, 82 стр.

ГРИГОРЬЕВ СЕРГЕЙ

Московские факиры (рассказ).
1. Журн. «Всемирный следопыт», 1925/26, № 1 (10).
Новая Страна (рассказ).
1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 2.
Гибель Британии (рассказ).
1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 3.
Все вместе вышло как повесть под названием: «Гибель Британии». ЗИФ, М.—Л., 1926. 118 стр.

ЗУЕВ МИХАИЛ (ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ — МИХАИЛ ЕФИМОВИЧ)

Властелин звуков (рассказ).
1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 11.
2. «Капитан звездолета». Калининград, 1962.

КАВЕРИН ВЕНИАМИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Ревизор (рассказ).
1. Журн. «Звезда», 1926, № 2.
2. Собр. соч. в 3 т., т. 1, Л. 1930.

ОБРУЧЕВ ВАСИЛИЙ АФАНАСЬЕВИЧ

Земля Санникова, или последние онкилоны (роман).
1. Изд-во «Пучина», Л., 1926, 325 стр.
2. Многократно переиздавался.

ОКСТОН И.

Междупланетные Колумбы (рассказ).
1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 9.
Муравьиный гнев (рассказ).
1. Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 10

ПЛАТОНОВ АНДРЕЙ ПЛАТОНОВИЧ

Лунная бомба (рассказ).
Журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 12.

РЮМИН ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

Преступление доктора Пирса (рассказ).
1. Журн. «Мир приключений», 1926, № 9.
Шесть месяцев (повесть).
1. Журн. «В мастерской природы», 1926, № 2—5.
(Под псевдонимом МЮР Н. И.)

ШИШКО АНАТОЛИЙ ВАЛЕРИАНОВИЧ

Господин Антихрист (роман).
1. ЗИФ, М.—Л., 1926, 128 стр.

ЯРОСЛАВСКИЙ АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ

Аргонавты Вселенной (роман).
1. Изд-во «Биокосмисты», М.—Л., 1926, 173 стр.

1927

АРЕЛЬСКИЙ ГРААЛЬ

Человек, побывавший на Марсе (рассказ).
1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 7.

АРМСТРОНГ АНТ.

Закупоренный в бутылку дух (рассказ).
1. Журн. «Вокруг света», Л., 1927, № 13.
Эликсир жизни (рассказ).
1. Журн. «Всемирный следопыт», 1927, № 6.

АРМФЕЛЬТ Б. К.

Прыжок в пустоту (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 2.

АФАНАСЬЕВ ВАСИЛИЙ

Страна аеликанов (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1927, № 10.

БАКЛАНОВ С.

Воздушная сотня (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1927, № 1.

БЕЛОУСОВ В. В.

Тайна горы Кастель (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 10.

Опубликован под девизом «Летучая мышь».

БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ

Над бездной (рассказ).

1. Журн. «Вокруг света», М., 1927, № 8.
2. Собр. соч. в 8 т., т. 8, М., 1964.

БОБРИЩЕВ-ПУШКИН АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

Залетный гость (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 1.

ГОЛУБЬ СЕРГЕЙ

Тайна микрокосма (рассказ).

1. Журн. «Вокруг света», М., 1927, № 9.

ГУМИЛЕВСКИЙ ЛЕВ ИВАНОВИЧ

Остров гиперборейев (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1927, № 4.

ДОЛИН Н.

Кровь мира (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 6.

ЖУРАКОВСКИЙ Н.

Тайна полярного моря (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1927, № 7.

ИТИН ВИВИАН АЗАРЬЕВИЧ

Открытие Риэля (повесть).

1. Журн. «Сибирские огни», 1927, кн. 1.
2. «Высокий путь», авторский сборник, М.—Л., 1927.

КАВЕРИН ВЕНИАМИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Воробьиная ночь (рассказ).

1. Журн. «Молодая гвардия», 1927, № 8.
2. Собр. соч. в 3 т., т. 1, Л, 1930.

Голубое солнце (рассказ).
1. Одновременно журн. «Огонек», 1927, № 18 и журн. «Литературные среды», 1927, № 6.
2. Собр. соч. в 6 т., т. 1, М., 1963.

Друг микадо (рассказ).
1. Журн. «Звезда», 1927, № 2.
2. Собр. соч. в 6 т., т. 1, М., 1963.

Сегодня утром (рассказ).
1. «Ленинградская правда» от 27/3 1927 года.
2. Собр. соч. в 3 т., т. 1, Л., 1930.

ЛАНЦЕВ В.

Путешествие внутри атома (рассказ).
1. Журн. «Вокруг света», М., 1927, № 6.

ЛЕВАШОВ В.

КВ-1 (рассказ).
1. Журн. «Вокруг света», Л., 1927, № 24.

ЛУНАЧАРСКАЯ АННА АЛЕКСАНДРОВНА

Город пробуждается (роман).
1. Изд-во «Никитинские субботники», М., 1927, 362 стр.

МИНДЛИН ЭМИЛИЙ ЛЬВОВИЧ

Днепровская Атлантида (повесть).
1. Журн. «Всемирный следопыт», 1927, № 11—12.

МУХАНОВ Н. И.

Атавистические уклоны Бусса (рассказ).
1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 5.

НИКОЛЬСЕН БОРГУС

Массена (роман).
1. ЗИФ, М.—Л., 1927, 176 стр.

НИКОЛЬСКИЙ В. Д.

Антибеллум (рассказ).
1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 2.

Лучи жизни (рассказ).
1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 10. (Опубликован под девизом «Юниор».)

Через тысячу лет (роман).
1. Изд. П. П. Сойкин, Л., 1927, 112 стр.

НОРОВ ПАВЕЛ

Сокровище Черного Принца (рассказ).
1. Журн. «Всемирный следопыт», 1927, № 9.

ОКСТОН И.

Пигментин доктора Роф (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1927, № 6.

ОКУНЕВ ЯКОВ МАРКОВИЧ

Катастрофа (повесть).

1. Изд-во «Молодая гвардия», М.—Л., 1927, 103 стр.

ОРЛОВСКИЙ ВЛАДИМИР

Бунт атомов (рассказ).

1. «Мир приключений», 1927, № 3.
2. Переработан в роман. Изд-во «Прибой», Л., 1928, 238 стр.

Из другого мира (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 9.

Опубликован под девизом: «DUM IGNORAMUS».

ПАЛЕЙ АБРАМ РУВИМОВИЧ

Гольфштром (повесть).

1. Журн. «Смена», 1927, № 13—17.
2. М., 1928 («Биб-чка «Огонек», № 404), 52 стр.

Опубликована под названием «Гольфштрем».

ПАНКОВ Д.

Ассепсанитас (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 11—12.

ПРУССАК М.

Гости Земли (повесть).

1. ГИЗ, М. — Л., 1927, 96 стр.

РОССИХИН Л. М.

Неронит (рассказ).

1. Журн. «Вокруг света», М., 1927, № 8.

РЮМИН ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

Голубая гора (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 2.

Пандинамий (рассказ).

1. Журн. «В мастерской природы», 1927, № 1. (Опубликован под псевдонимом МЮР Н. И.)

Секрет инженера Кнакса (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 12.

СЕМЕНОВ С. А.

Подземные часы (рассказ).

1. Журн. «Всемирный следопыт», 1927, № 8.

Тайна ископаемого черепа (рассказ).

1. Журн. «Мир приключений», 1927, № 7.

ТАН (БОГОРАЗ) ВЛАДИМИР ГЕРМАНОВИЧ

Жертвы дракона (роман).

1. Изд. П. П. Сойкин, Л., 1927, 160 стр. +

ТОЛСТОЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Гарин-диктатор (Вариант заключительной части романа.)

1. Журн. «Красная новь», 1927, № 2.

ШИШКО АНАТОЛИЙ ВАЛЕРИАНОВИЧ

Аппетит микробов (роман).

1. Изд-во «Молодая гвардия», М.—Л., 1927, 213 стр.

Конец здравого смысла (повесть).

1. Журн. «30 дней», 1927, № 4—5.
2. ЗИФ, М.—Л., 1927, 143 стр.

ЯЗВИЦКИЙ ВАЛЕРИЙ ИОИЛЬЕВИЧ

Остров Тасмир (повесть).

1. ГИЗ, М.—Л., 1927, 229 стр. +4 стр. объявлений.

КАДУ РЕНЭ

(Общий псевдоним В. Пиотровского и О. Савича).

Атлантида под водой (роман).

1. Изд-во. «Круг», М. 1927, 312 стр.

В журнале «30 дней» в № 11 за 1927 год были опубликованы ответы писателей на вопрос журнала о том, как они представляют себе будущее:

АСЕЕВ Н., Что будет? **БЕРЕЗОВСКИЙ Ф.**, Будет вот что... **ГЛАДКОВ Ф.**, Через сто лет. **ЖАРОВ А.**, Будет все, не будет только нас. **ЗАВАДОВСКИЙ Л.**, Провинция через сто лет. **КАСАТКИН И.** (без названия), **ЛАРИН Ю.**, Будущее. **НИЗОВОЙ П.**, Сон будет правдой. **НИКИФОРОВ Г.**, Борьба за будущее. **НИКУЛИН Л.**, Так будет. **РОМАНОВ П.**, Гражданин будущего. **ТРЕНЕВ К.**, Будущее Крыма. **ЯКОВЛЕВ А.**, Главное, чтобы люди были счастливы. **ЯСИНСКИЙ И.**, Не сказка.

1918

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Голос иных миров.

1. Опыты. Кн-во «Геликон», М., 1918.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

1920

ХЛЕБНИКОВ ВЕЛЕМИР

Ладомир (поэма).

1. Харьков, 1920 (13 августа). Литографированный оттиск с рукописи.
   ЛЕФ, 1923, № 2 (другой вариант).
2. Стихотворения и поэмы (малая серия библиотеки поэта, 3-е изд.), Л., 1960.

1922

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Атом.

1. «Московский понедельник» № 14 от 18 сентября.
2. См. «Мир электрона» в 1924 г.

Грядущий гимн.

1. Миг. Стихи 1920—1921 гг. Изд. З. И. Гржебина, Пб.— Берлин, 1922.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

ИЛЬИНА ВЕРА ВАСИЛЬЕВНА

Шоколад (утопич. повесть в стихах).

1. Изд-во «Книгопечатник», М., 1922.
2. Изд-во «Красная новь», М., 1924.

1923

АШУКИН НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ

Грядущее.

1. «Красная Нива», 1923, № 2.

КАТАЕВ ИВАН

Тоска по будущему.

1. Журн. «Зори» (Н. Новг.), 1923, № 4.

ЧЕТВЕРИКОВ ДМИТРИЙ

Первая мастерская.

1. Журн. «Зори» (Л.), 1923, № 1 (44).

1924

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Атавизм.

1. МЕА. Собр. стихов 1922—24 гг. М., 1924.
2. Избр. стихи. Изд-во «Akademia», 1933.

Как листья в осень.

1. МЕА. Собрание стихов 1922—1924 гг. ГИЗ, М., 1924.
2. Избр. соч в 2 т., М., 1955, т. 1.

Машины.

1. МЕА. Собр. стихов 1922—1924 гг., М., 1924.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

Мир электрона.
1. МЕА. Собр. стихов 1922—1924 гг., М., 1924.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.
(Другие названия: 1. Атом, см. 1922 г.
2. Мир электронов. См. Избранные произведения в 3 т., ГИЗ, М. — Л., 1926, т. 3.)
Мир N измерений.
1. МЕА. Собр. стихов 1922—1924 гг., М., 1924.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.
Невозвратность
1. МЕА. Собр. стихов 1922—1924 гг., М., 1924.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

1925

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Когда стоишь ты в звездном свете.
1. «Красная газета» № 246 от 9/10 1925 года.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

МАЯКОВСКИЙ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ

Летающий пролетарий (поэма).
1. Журн. «Красная нива», 1925, № 17.
(Отрывок под названием «Даешь небо!»)
2. Собр. соч. в 13 т., т. 6, М., 1957.

1926

БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

В дни запустений.
1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.—Л., 1926, т. 1+.
2. Стихотв. и поэмы. (Большая серия «Биб-ки поэта», 2-е изд.)
В неоконченом здании.
1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М. — Л., 1926, т. 1+.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.
Детские упования.
1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.— Л., 1926, т. 3+.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.
Земля молодая.
1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.— Л., 1926, т. 3+.
2. Избр. стихи. Изд-во «Akademia», 1933.
К счастливым.
1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.— Л., 1926, т. 2+.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.
Предвещание.
1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.— Л., 1926, т. 3+.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.

При электричестве.
1. Журн. «Новый мир», 1926, № 12.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.
С кометы.
1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.— Л., 1926, т. 1+.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.
Сын Земли.
1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.— Л., 1926, т. 3+.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.
Хвала Человеку.
1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.— Л., 1926, т. 2+.
2. Избр. соч. в 2 т., М., 1955, т. 1.
Я провижу гордые тени.
1. Избр. произв. в 3 т., ГИЗ, М.— Л., 1926, т. 3+.
2. Стихотв. и поэмы. (Большая серия «Биб-ки поэта», 2-е изд.) Л., 1961.

1927

АСЕЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Что будет!
1. Журн. «30 дней», 1927, № 11.

ЖАРОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ

Будет все, не будет только нас...
1. Журн. «30 дней», 1927, № 11.

1919

1. ЖЕЛЕЗНАЯ ПЯТА.

Производство Госкиношколы и ВФКО. Метраж неизв. Экранизация отрывков из романа Д. Лондона. Авторы сценария: В. Гардин и А. Луначарский. Режиссеры: В. Гардин, Л. Леонидов, Т. Глебова, Е. Иванов-Барков, О. Преображенская, А. Горчилин и др. Операторы: А. Левицкий, Г. Гибер. Худ. Т. Глебова. В ролях: А. Горчилин (Джексон, рабочий), О. Преображенская (Эвиз), Н. Знаменский (Эвергард), Л. Леонидов (Уиксон), А. Шахалов (профессор), И. Худолеев, О. Бонус и др. Фильм не сохранился.

1924

2. АЭЛИТА.

Производство «Межрабпом-Русь». В частей, 2841 м. Авторы сценария: Ф. Оцеп, А. Толстой, А. Файко. Режиссер Я. Протазанов. Операторы: Ю. Желябужский, Э. Шюнеман. Костюмы А. Экстер. Художник-декоратор С. Козловский. (Эскизы В. Симова и И. Рабиновича). Грим Н. Сорокин. В ролях: И. Ильинский (Кравцов, сыщик), Ю. Солнцева (Аэлита), Н. Церетели (Лось, вторая роль — Спиридонов), Н. Баталов (Гусев), В. Орлова (Маша, жена Гусева), В. Куинджи (Наташа, жена Лося), П. Поль (Эрлих, спекулянт), Н. Третьякова (жена Эрлиха), К. Эггерт (Тускуб), Ю. Завадский (Гор), А. Перегонец (Ихошка, рабыня Аэлиты), И. Толчанов (астроном), С. Левитина (преддомкома), Г. Волконская (дама на балу), В. Массалитинова, Г. Кравченко, Т. Адельгейм, М. Жаров, Н. Рогожин, Н. Вишняк.

3. МЕЖПЛАНЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Производство ГТК. 1 часть — 350 м. Мультфильм. Режиссеры и художники: З. Комиссаренко, Ю. Меркулов, Н. Ходатаев. Оператор В. Алексеев. (Пародия на кинофильм «Аэлита».)

1925

4. НАПОЛЕОН — ГАЗ.

Производство «Севзапкино» (Ленинград). 7 частей, 2574 м. Автор сценария и режиссер С. Тимошенко. Оператор С. Беляев. Художник Е. Еней. Пом. режиссера Г. Раппопорт.

В ролях: Е. Боронихин (Ганнимер, инженер-химик), И. Таланов (военный министр), Р. Рубинштейн (Джим Дуган, король анилина), О. Спирова (Ирма Грант, летчица), Н. Фридлянд (Беатриса Грант), П. Подваль-

ный (гл. инженер), Е. Чайка (Наталья Ивановна, инструктор), С. Галич (Герберт Бэлл, рабочий), В. Ланде (Элли Форстет, работница), П. Кузнецов (архиепископ), П. Шидловский (военком обороны Ленинграда), К. Гибшман. (Тема: Героиня видит сон. Война, химическое нападение на Ленинград, захват пригородов врагом.)

5. ГЕНЕРАЛ С ТОГО СВЕТА.

Производство ВУФКУ (Одесса). 2 части, 763 м. Авторы сценария: Н. Борисов, В. Владимиров. Режиссер П. Чардынин. Оператор Б. Завелев. Художник И. Суворов.

В ролях: М. Ляров (Скулодробов, генерал), А. Мальский (поп), А. Симонов (дьякон), М. Чардынина-Барская (мальчик-чистильщик), Г. Спранце (Бино, директор), Д. Эрдман (прохожий).

(Тема: Похождения царского генерала, пробудившегося от летаргии в 1927 году.)

6. КОММУНИТ (РУССКИЙ ГАЗ).

Производство ЮВкино-комсомол, Ростов н/Д, 6 частей, 1700 м.

Автор сценария А. Попов. Режиссер Я. Морин. Оператор Ф. Назаров. Художник П. Бетаки.

В ролях: Лянце (Анна Крукс), Бановский (Брянцев), В. Шеховский (Дубравин), Ариольдов (Раевский), С. Брюмер (работник ГПУ).

(Сюжет построен на изобретении парализующего газа.) Фильм не сохранился.

7. ЛУЧ СМЕРТИ.

Производство 1-й ф-ки Госкино. 8 частей, 2898 м. Автор сценария В. Пудовкин. Режиссер Л. Кулешов. Оператор А. Левицкий. Художники В. Пудовкин, В. Рахальс. Ассист. режиссера А. Хохлова, В. Пудовкин, С. Комаров, Л. Оболенский.

В ролях: П. Подобед (Подобед, инженер-изобретатель), В. Пудовкин (Патер Рево, фашист), С. Комаров (Томас Ланн, рабочий, руководитель восстания), В. Фогель (Фог, фашист), А. Хохлова (женщина-стрелок. Вторая роль — сестра Эдит), Н. Стравинская (дочь кочегара), А. Горчилин (Рапп, электротехник), А. Чекулаева (жена Раппа), Л. Страбинская (Шура, ассистентка Подобеда), П. Галладжев (Руллер, дирек-

тор завода. Вторая роль — директор цирка), В. Пильщиков (племянник Руллера, управляющий заводом), Д. Оболенский (майор Хард, глава фашистов), Ф. Иванов, А. Громов, М. Доллер, С. Слетов, А. Константинов, Л. Кулешов.

Фильм сохранился без 4-й части.

8. МИСС МЕНД (Приключения трех репортеров).
Производство «Межрабпом-Русь». 1-я серия — Письмо мертвеца, 7 частей, 1700 м. В 1957 году озвучено 7 частей, 2034 м. 2-я серия — Преступление двойника, 7 частей, 1700 м. В 1957 году озвучено 7 частей, 1959 м. 3-я серия — Смерть по радио, 7 частей, 1700 м. В 1957 году озвучено 6 частей, 1668 м. Авторы сценария: В. Сахновский, Ф. Оцеп, Б. Барнет. Режиссер Ф. Оцеп. Сорежиссер Б. Барнет. Оператор Е. Алексеев. Художник В. Егоров. Пом. режиссера Л. Туманов.

В ролях: Н. Глан (мисс Вивиан Менд, машинистка), И. Ильинский (Том Гопкинс, клерк), В. Фогель (фотограф-моменталист), Б. Барнет (репортер), С. Комаров (Чиче), И. Коваль-Самборский (Артур Стори), М. Розен-Санин (Гордон Сторн, отец Артура), Н. Розенель (Элизабет Сторн), С. Гец (племянник мисс Вивиан), Таня Мухина (Колька-беспризорник), П. Полторацкий (редактор газеты), П. Репнин (бандит), В. Уральский (полисмен), М. Жаров (половой).

(Сюжет построен с использованием двух романов М. Шагинян: 1. «Месс Менд, или янки в Петрограде», 2. «Лори Лэн — металлист»).

Фантаст читает письма...

В 1-м и во 2-м выпусках сборника «Фантастика, 1966» (издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия») была помещена анкета для любителей научной фантастики. Мы публикуем обзор ответов на нее, подготовленный писателем Владимиром Савченко.

* * *

96 писем — среди них два групповых — всего 112 заполненных анкет. Стало быть, 112 человек откликнулись на анкету. Если учесть незначительный тираж сборника, — отзвук солидный.

Начнем с конца. Вопрос 8. **«Укажите Ваш возраст, пол, образование, профессию».** Что они за люди, читатели фантастики? А то ведь, действительно, пишешь — как в прорубь...

Итак, возрастная статистика:

От 13 до 20 лет	39 человек
» 20 » 30 »	33 человека
» 30 » 40 »	20 человек
» 40 » 50 »	6 »
» 50 » 60 »	6 »
» 60 » 70 »	3 человека
Свыше 70 »	1 человек
Не указали возраст . . .	4 человека

Минимальный возраст — 13 лет, максимальный — 72 года; дифференциальный максимум приходится на диапазон 15—25 лет (52 человека). Поскольку общее число корреспондентов близко к 100, проценты можно не вычислять.

Образование:

Неполное среднее	21 человек
Среднее	37 »
Незаконч. высшее	12 »
Высшее	38 »
Не указали	4 человека

Професснн и социальные состояиия... ну, здесь кого только нет! Рабочие: токари, слесарн, моитажиики, электрики, наладчики; причем большинство из них где-то учатся; школяры, студенты вузов и техникумов, преподаватели вузов и техникумов, учителя, военнослужащие, инженеры, врачи, бнблиотекарн, фнзикн, бнологи, экономист, журиалист, чабан, матлингвист — и даже однн пожариик. Ноев ковчег! Впрочем, с двумя характерными особенностями: преобладают городские занятия (это, пожалуй, можно объяснить тем, что до села фантастика ныне почти не доходит), и почему-то среди любителей фантастики лидируют мужчины (мужчин — 87, женщин — 22, ие указали пол — 3). Думаю, что такое соотношение должно глубоко огорчить всех фантастов-мужчин...

Итак, можно представить лнцо аудиторни. По возрастному составу она несколько более молодежная, чем у «классических» жанров, ио нменно несколько более, а не на 100 процентов молодежная. Точиее всего сказать, аудиторию составляют люди актнвиого (в смысле познания и деятельности) возраста. Образовательный уровень довольно высок — пожалуй, выше, чем у нных жанров. И наконец, явное (четыре к одной) преобладанне лиц «мужеска пола» — это, кстатн, соответствует и моим личиым наблюдениям.

Большая часть ответов напнсана читателями, достаточио осведомленными в нашей и зарубежной фантастике — им, собственно, анкета н адресовалась. Сами ответы невозможно уложить в прокрустово ложе статистических таблиц: большая часть их не сводится к «да» нли «нет» — собствеино, вопросы анкеты и не строились в расчете на «да—нет». Люди высказывают развернутые суждения (иной раз даже слишком развернутые), советуют, затрагивают иовые темы — словом, чувствуют себя не потребителями фантастикн, а лицами, **сопричастными** к ее становлению и развнтию.

* * *

Итак, вопрос 1-й. **«Что более всего интересует Вас в фантастическом произведении: сюжет, образы или научные идеи и проблемы? Философские идеи и проблемы? Социальные идеи и проблемы?»**

Интересует все — да плюс к тому еще и лирика, и юмор, и сатирнческне применения фантастикн (нмению сатирическне, а не пароднйные). Однако такая дифференциация вопроса оказалась далеко не нзлншней, она позволила выделить то, чем фаитастика, собствеино, н отличается от нных жанров и что интересует **более всего:** иден н проблемы. «...нден, выдвинутые не только для сюжета», — уточняет ннженер-стронтель В. Бурлак из украинского города Сумы. «Человек

и все проблемы, связанные с ним», — дополняет студентка педиститута из Орехово-Зуева. «...в фантастических произведениях я считаю главным философско-социальное направление», — врач-рентгенолог 36 лет.

А вот более глубокий и общий ответ, чем его предполагали куцые, рассчитанные на средний уровень анкетные вопросники: «Увидеть мир глазами другого человека, который увидел мир с другой точки зрения, увидел и удивился и это удивление сумел передать людям» (А. Нарбуева, чабан, 20 лет, из Читинской области).

Вопрос 2-й. **«Считаете ли Вы художественные достоинства главным в фантастике? Если нет, то что, по Вашему мнению, является в ней главным (идеи, занимательность сюжета и т. д.)?»**

И снова в статистике ответов можно выделить примат идеи — большой гуманистической идеи, как уточняют некоторые читатели. «Пусть произведение написано чистым художественным языком, будут оригинально подобраны сюжеты и даны интересные образы, но если не будет идеи, можно считать, что фантастика не удалась» (та же девушка-чабан из Читинской области).

Однако нет оснований подгонять разнообразие ответов на этот вопрос под одну тенденцию. Вот набор наиболее четко выраженных мнений:

Главное — идеи, «которые предсказывают заранее появление в обществе тех или иных социальных явлений, событий, технических изобретений и философских воззрений» (электрик, 29 лет, из Джанкоя).

«Главным в фантастике я считаю проблемы мира», — пишет ученица Ирина Якунцева из Новостроевска.

«Главное достоинство в фантастике, по-моему, в идее. Любая самая блестящая упаковка не в силах заменить содержание» (геолог О., 31 год).

«Никакой занимательный сюжет или идея не могут компенсировать недостаток художественных достоинств в фантастическом произведении» (В. Волков, 28 лет, из Александровска Владимирской области).

«По правде говоря, для меня художественные достоинства не самое главное в фантастическом произведении...» (Сергей Почекунин, 16 лет).

«...обычно читатель интересуется фантастикой с занимательным сюжетом, и чтобы все кончалось хорошо» (П. Енько, 22 лет).

Заключить стоит ответом, данным в иной плоскости: «...главное в фантастике — ее правдивость, основанная на изучении жизни, ее законов, — пишет Ю. Фартушинский, студент, 21 год. — ...Это не

означает отход с позиций фантастики, но будет меньше работ с абсолютно безжизненными, надуманными ситуациями (как в сборниках «3 далеких планет», «Хто ти?» и других работах Бердника, «Гриаде» Колпакова и др.)».

Этот товарищ, по-моему, ухватил самую суть.

Вопрос 3-й. **«Помогают ли Вам фантастические произведения разобраться в современной действительности, в проблемах мира и нашего общества, в тенденциях научного прогресса? Если да, то какие именно и в чем?»**

Явно преобладают положительные развернутые ответы. Ответы противоположного толка: фантастика как средство отдыха или «не помогают, скорее наоборот: окончательно сбивают с толку» (студентки из Орехово-Зуева) — единичны.

«...Помогают в морально-этическом плане. Вера в научный прогресс укрепляется. Человек никогда не будет животным — в этом убеждают Ефремов, Стругацкие, Лем, Брэдбери, Шекли. Ни при каких условиях разумная жизнь, раз возникнув, не исчезнет» (журналист К. Богданович из Красноярска).

«...Фантастика делает человека наблюдательным, интересующимся, ищущим. Лично мне она помогает в работе» (техник-электрик Иржик Мамедов, 30 лет).

«...Научная фантастика заставляет задуматься о проблемах мирового масштаба, оторваться от повседневной работы и взглянуть на себя и на все окружающее как бы со стороны — например, из будущего или, наоборот, из прошлого — и оценить как-то по-новому свою деятельность» (учительница математики, 27 лет).

«...Фантастику я любил и люблю за то, что она заставляет думать. Прочитав талантливое фантастическое произведение, я часто обращаюсь к соответствующей научной литературе, чтобы лучше разобраться в идеях и проблемах, поднятых в прочитанном произведении» (инженер-энергетик, 62 лет).

«...Вот перечень наук, с которыми я соприкоснулся косвенным образом благодаря фантастике: звездоплавание, астрономия, космическая медицина, космобиология, биология вообще, археология, геология, кибернетика и хороший контакт с социальными проблемами, философией. Я вынес какие-то знания, понятия о каждой науке» (военнослужащий-радист, 20 лет).

«...Совершенно определенно могу сказать, что понять и почувствовать такое явление в истории, как фашизм, мне помогла повесть Стругацких «Трудно быть богом» (геолог-разведчик из Минусинска).

«...Как прочтешь хорошую фантастическую вещь, начинаешь и на

современную жнзнь смотреть иначе, как человек другого времени. И плохое в нашей жнзнн сильнее бьет тебя по нервам и хорошее снльнее радует. И хочется бороться, чтобы скорее пршшла такая жнзнь, о которой только что прочел!» (рабочий Трехгоркн, 21 год).

Вопрос 4-й. **«Помогает ли Вам фантастика понимать, осмысливать новое в нашей жизнн? Стимулирует ли фантастика Ваше личное творчество в области наукн, изобретательства, литературы, искусства?»**

На первую часть вопроса в ответах следует почтн еднндушное «да. помогает». Что же касается личного творчества, то далеко не все чнтателн с этой штукой на «ты», многие уклоняются от ответа. Но... впрочем, лучше снова прибегнуть к цитированию.

«...Именно фантастика в значительной степени развила мою любознательность, толкнула меня на более широкое узнавание проблем временн и пространства, теорни относительности, квантовой теории, новейших гипотез н достнженнй в микромире, астрономнн и т. д.

...Весьма возможно, что н в другнх условиях меня этн вопросы н не заннмалн бы... Прнвить любовь к Н. Ф. — это первый шаг в любви к науке, стремленнн к познанню мира». (Я. С. Добрнн-Туловский нз Череповца, инженер-механик, 57 лет).

«...Фантастика помогает мне верить в силу человеческого разума, ну, а как стимула я ее влняння не ощущал» (техннк-конструктор Н., 22 лет).

«...Фантастнка в моем возрасте является как интерес к чему-то новому, чего не дают в школе» (школьница, 16 лет).

«...Едннственно чем помогает, так тем, что помогает смотреть на все недостаткн как на временное явленне: жнзнь свое возьмет» (электромонтер О. Э. Шрейпуль, 30 лет).

«...Шнрокое знакомство со всемн видами фантастнческой литературы учит трезво смотреть на все явления жизни, находнть ннтересное во всем окружающем. Фантастика воспитывает оптнмизм н веру в безграничные возможности разума, нзлечивает от косностн н шаблона в мышленин» (офицер Щербавскнй, 36 лет).

«...Фантастика помогает снять путы обыденного, сковывающне наш мозг. И уже одним этим стнмулирует творчество» (выпускннк ЛГУ, 30 лет).

«...Особенно здорово помогает в области наукн и техннкн. Я чнтаю очень много технической литературы, интересуюсь всемн новейшнмн достнженнямн» (студент Н. Догунков, 18 лет).

«...Личного творчества у меня пока нет, но есть мечта, н фантастнка постоянно требует: стремнсь, стремнсь всем разумом к ее осуществленню!» (П. Енько).

«...Знаете, после хорошей фантастики всегда охота совершить что-нибудь хорошее, изобрести что-нибудь полезное для своей страны, для всего мира наконец» (Виталий Мирошниченков из Армавира, 17 лет).

Нет, стоит писать фантастику! Это не забегаловка-развлекаловка, не воскресное чтиво... Ради одних таких ответов — стоит. Ведь что может быть важнее, чем заставить современного человека самостоятельно мыслить — и в соответствии с этим умно поступать? Не забивать ему голову прописями, а, наоборот, толкнуть к своим мыслям — разок, другой, третий, — а там он почувствует вкус в этом занятии, уверует в свои возможности — и дело пойдет!

И фантастика, выходит, важный инструмент интеллектуального формирования человека. Впрочем, приглушим фанфары. Не все еще хорошо и далеко не на полную мощность работает в этом направлении фантастика. «Фантастика... редко освещает нашу действительность, и поэтому с ее помощью осмысливать новое в нашей жизни трудно» (преподавательница вуза, 40 лет).

Избегают братья-фантасты злых земных проблем, что и говорить! Так что упрек вполне справедливый...

Вопрос 5-й. **«Какие проблемы занимают Вас? Какие из них советская фантастика отражает, по Вашему мнению, недостаточно?**

Ей-богу, надо было бы спрашивать, какие проблемы не занимают — тогда обрабатывать результаты опроса было бы гораздо проще. Потому что все проблемы занимают: почти в каждом письме их целый перечень. И отражением многих из них в нашей фантастике читатель далеко не удовлетворен.

Пути развития человечества.

Проблемы будущего (да, именно проблемы, которые ожидают нас в будущем, а не просто показ сусально-прекрасных вариантов этого будущего).

«...Проблема ответственности перед людьми за свои поступки... В полную силу ее никто не отражал, даже в научной фантастике» (журналист Богданович).

Проблемы возможности термоядерной войны и мирного сосуществования. Проблема полного познания Человека и жизни.

«В массе произведений советских фантастов Человек существует постольку, поскольку он обязан присутствовать. Он бездушен. Стандартен. Обидно...» (военнослужащий Фидянин, 21 год).

«...Психология и взаимоотношения людей в будущем обществе. Эти проблемы коммунистического общества наша фантастика показывает робко и часто примитивно» (инженер-конструктор, 44 лет).

«...Проблемы воспитаиия. (Самой жгучей проблемой, на мой взгляд, по моей профессии является вопрос о половом воспитании школьников, учащихся техникумов и вообще молодежи 14—18 лет», — пишет преподаватель техникума из Луганска.

Что и говорить, на сей счет наша фантастика — да и не только фантастика — может предложить лишь поношенный фиговый листок...)

Проблема развития искусств.

Само собой, перечисляется масса научных проблем: пространство — время, элементарные частицы и строение материи, тяготение, бессмертие, телепатия, создание искусственного разума, возможность эволюции животных до разумных существ, эволюция растений, люди и роботы, искусственные биопроцессы, математическое и кибернетическое отражение реальности... Словом, все проблемы всех наук.

«...Мне хочется что-нибудь вроде деформации пространства — времени в складках деззлюзионных слоев при наложении параллельных пространств», — излагает читатель В. Рыбак, 13 лет (пол: мальчишка). Помяните меня, из этого парня будет толк!

Но более всего читатель (видимо, понимая, что сами по себе научные проблемы решают не так уж и много) напирает на дела человеческие, общественные, социальные. Недостаточно, по мнению лаборанта В. Беловодского из Донецка, отражает наша фантастика проблемы уничтожения фашизма и насилия человека над человеком и проблему «возвращения человеку духовных забот».

Вот мнение инженера-электромеханика, возраст 51 год: «Материально-технический фундамент коммунизма мы создаем. Знаем, как это сделать, и создадим его. Но, когда строят фундамент, должен быть проект всего здания. ...Фантасты должны... изобразить вероятные этапы формирования нашего общества в ближайшее после окончания закладки фундамента время.

Так думают и многие другие почитатели фантастики.

Вопрос 6-й. **Какие произведения современных советских писателей-фантастов Вам нравятся?»**

На первых местах, разумеется, сочинения И. Ефремова и А. и Б. Стругацких. У Ивана Антоновича наиболее выделяют «Туманность Андромеды», «Сердце Змеи» и «Лезвие бритвы», у братьев — «Трудно быть богом», «Хищные вещи века», «Далекая Радуга», «Улитка на склоне», «Понедельник начинается в субботу».

Хорошо отзываются читатели о работах А. Днепрова, Е. Парнова и М. Емцева, И. Варшавского. В положительном смысле высказываются о сочинениях С. Гансовского, О. Ларионовой («Леопард с вер-

шины Килимаиджаро»), С. Снегова («Люди как боги»; кстати, у Г. Уэллса тоже было «Люди как боги»), Г. Гуревича («Мы — из солнечной системы»), Г. Альтова.

И, наконец, самый легкий вопрос 7. **Какие произведения данного сборника Вам более всего понравились?»**

В первом выпуске «Фантастики, 1966» читателям более других понравились рассказы «Седьмой этаж» Аркадия Львова, «Обсидиановый нож» А. Мирера, «И увидел остальное» Е. Войскунского и И. Лукодьянова, новеллы В. Григорьева, Д. Биленкина, пьеса «Новое оружие».

Отзывы о повести Николая Амосова «Записки из будущего» противоречивы: многие читатели просто не относят ее к жанру фантастики.

Из сочинений второго выпуска читатели наиболее выделяют «Глубокий минус» В. Михайлова, «Сумерки на планете Бюр» Войскунского же и Лукодьянова, «Возвратите любовь» Е. Парнова и М. Емцева.

Надо заметить, что для части читателей этот вопрос оказался не таким уж и легким. «К сожалению, еще не читал, — отвечает, к примеру, на него инженер Коваленко. — Тираж сборника, как и фантастики вообще, очень мал и достать его крайне трудно». Из сотни с лишком корреспондентов только один высказывает свое мнение о содержании и первого и второго выпусков сборника; остальные читали либо первый, либо второй выпуск, либо вообще не читали, а просто из вторых рук получили анкету.

Не удивительно, что в очень многих письмах читатели сверх анкетной программы поднимают вопрос о тиражах фантастики.

Можно говорить о незрелости и неразборчивости вкусов довольно значительной части читателей, благодаря чему из-за какой-либо вздорной «изюминки» или «малинки» становятся популярными произведения беспомощные, бездарные, спекулятивные. Такие случаи (а они нередки и в применении к фантастике) настораживают и критиков, и авторов, и издателей, а иной раз приводят и к тому, что читательское мнение (основное по принципиальному значению) не принимается всерьез в расчет.

Можно говорить и о том, что веяния хозяйственной реформы до книгоиздательского дела еще не дошли: за издание плохих книг никто материальной ответственности не несет (и за написание таких книг тоже), за издание талантливых книг никто не поощряется. В какой-то степени здесь еще господствует вал: издано столько-то тысяч повестей, романов, сборников... «поднято ярости масс — три», как писали И. Ильф и Е. Петров.

О многом можно говорить. Но есть и конкретное предложение:

почаще высказывайте свое мнеине о конкретиых произведениях, чнтателн. Не жднте анкет, не жалейте четырех копеек на конверт с маркой и двух-трех часов иа продуманное письмо — это в конечном счете окупится. Нельзя обещать, что каждое чнтательское мнение будет учтено, ио если оио не будет высказано, оно уж точно не будет учтено. Пишите в газеты, в нздательства. Поймнте: вас миого, и вы — снла.

И надо сказать, разумная снла. Опыт этой анкеты показывает, что большииство суждеиий чнтателей зрелы, компетентны, ответствеины и — что выгодио отличает нх от некоторых критнческнх статей — иедемагогнчиы. На мненне читателей фантастики можно и должио орнентнроваться.

Хочется закоичить обзор цнтатой нз пнсьма преподавательницы математикн 27 лет: «Я впервые пншу в редакцню и впервые отвечаю иа аикету о кингах. Делаю это только потому, что очеиь люблю фаитастику н переживаю за нее».

Вот ведь как...

Клуб любителей фантастики МГУ

От Москвы до Витима...

В январе — марте 1967 года Клуб любителей фантастики МГУ проводил анкетный опрос читателей. В нем приняли участие 304 студента (группа «С») — МГУ, ЛГУ и Владимирского педагогического института (естественные факультеты); 215 представителей московской и ленинградской научной ннтеллигенции (группа «И»), а также 185 школьников (группа «Ш») — 100 человек из двух школ Москвы (№ 342 и № 444), 30 нз Ленинграда, 30 человек из села Селижарово Калининской области и 25 — из поселка Витим Якутской АССР.

Средний возраст группы «Ш» — 15 лет; «С» — 20 лет; «И» — 32 года.

Анкеты заполнили также 36 писателей-фантастов нз Москвы, Ленннграда, Киева, Баку, Калнннграда и Свердловска («Литераторы» — группа «Л») и 33 московских и ленинградскнх крнтнка, журналиста н редактора, занимающихся фантастикой, — «Журналисты» — группа «Ж».

Чтобы определить, насколько можно полагаться на память читателей, в список книг была включена (под № 41) несуществующая книга «Долгие сумерки Марса» несуществующего автора Н. Яковлева. Кстати, коэффициент читательского восприятия (что такое КЧВ — см. дальше) этой «книги» оказался гораздо выше, чем у некоторых реально существующих произведений.

Интересно отметить очень хорошее совпаденне оценок по группам «С», «И», «Л». В первой пятерке любимых авторов по всем трем группам названы одни и те же писатели: Лем, Стругацкие, Брэдбери, Азимов, Ефремов (разница лишь в порядке).

По всем группам рекордно высокий коэффициент чнтательского восприятня у романа Стругацких «Трудно быть богом». Книги Лема, Стругацких, Брэдбери, Шекли устойчиво лидируют по всем группам. Надо отметнть, что по группе «Ш» нижняя грань КЧВ выше, чем по прочим группам, ибо, как выяснилось, школьники менее строги в своих оценках.

Примерно такой же анкетный опрос был проведен в Баку секцией фантастики Союза пнсателей республики. Данные обоих опросов практически совпадают.

Анкета показала, что сейчас существует обширный контингент читателей, активно интересующихся научной фантастикой и следящих за ее новинками. К нему нужно отнести не менее трети от каждой группы опрошенных. Подавляющее большинство читателей одобряет идею создания специального журнала научной фантастики. Читатели указывают, что во главе журнала должны стоять люди с безупречным литературным вкусом, образованные в научном и философском отношениях.

Большинство читателей в группах «С» и «И» считают, что нашей фантастике недостает смелости в постановке общественных проблем, предвидения социальных последствий развития науки. Общее требование читателей, высказанное во многих анкетах: наша фантастика должна стать социально значимой, от нее нужно требовать столь же высоких художественных достоинств, как и от всей литературы.

Эти комментарии к анкетному опросу, конечно, весьма неполны. Многое еще предстоит выяснить и обобщить, но основной вывод ясен: читатели признают и приветствуют умную, современную, остросоциальную фантастику и решительно отвергают ремесленнические подделки под нее, которые, к сожалению, еще встречаются в нашей литературе.

* * *

Перейдем к отдельным, частным вопросам наших анкет.

ВОПРОС ПЕРВЫЙ: «Как Вы относитесь к современной фантастической литературе?»

Предпочитают ее другим жанрам:

группа «С» — 17% (напомним, что в опросе принимали участие 304 студента); 14% — группа «И» (из 215 научных работников), группа «Ш» — 17% (из 185 школьников); группа «Л» — 16% (из 36 литераторов); группа «Ж» — 9% (из 33 журналистов).

Читают наравне с другими жанрами:

«Ш» — 72%, «С» — 69%, «И» — 70%, «Л» — 75%, «Ж» — 82%.

Предпочитают другие жанры:

«Ш» — 11%, «С» — 14%, «И» — 16%, «Л» — 11%, «Ж» — 9%.

ВОПРОС ВТОРОЙ: «Следите ли Вы за новинками современной фантастики?»

Да: «Ш» — 31%, «С» — 37%, «И» — 37%, «Л» — 64%, «Ж» — 61%.

Нет: «Ш» — 14%, «С» — 10%, «И» — 14%, «Л» — 3%, «Ж» — 0%.

От случая к случаю: «Ш» — 55%, «С» — 53%, «И» — 49%, «Л» — 33%, «Ж» — 39%.

ВОПРОС ТРЕТИЙ: «Читаете ли Вы статьи, посвященные научной фантастике?

Регулярно: «Ш» — 8%, «С» — 13%, «И» — 13%.

Иногда: «Ш» — 57%, «С» — 66%, «И» — 69%.

Не читают: «Ш» — 35%, «С» — 19%, «И» — 20%.

ВОПРОС ЧЕТВЕРТЫЙ: «Что Вы прежде всего ищете в фантастике?

1. **Острый сюжет:** «Ш» — 38%, «С» — 30%, «И» — 33%, «Л» — 16%, «Ж» — 30%.

2. **Логику раскрытия тайны:** «Ш» — 50%, «С» — 25%, «И» — 26%, «Л» — 6%, «Ж» — 18%.

3. **Парадоксальность, неожиданный взгляд на привычные вещи:** «Ш» — 28%, «С» — 70%, «И» — 62%, «Л» — 67%, «Ж» — 64%.

4. **Новые технические идеи:** «Ш» — 28%, «С» — 19%, «И» — 19%, «Л» — 12%, «Ж» — 6%.

5. **Рассказ о будущем звездоплавания, кибернетики, биологии и прочих наук:** «Ш» — 34%, «С» — 14%, «И» — 14%, «Л» — 3%, «Ж» — 6%.

6. **Размышления о социальных последствиях развития науки:** «Ш» — 16%, «С» — 56%, «И» — 60%, «Л» — 70%, «Ж» — 64%.

7. **Рассказ о поведении человека в необычайных, фантастических обстоятельствах:** «Ш» — 46%, «С» — 41%, «И» — 32%, «Л» — 25%, «Ж» — 58%.

8. **Описание повседневной жизни людей в будущем:** «Ш» —30%, «С» — 14%, «И» — 15%, «Л» — 25%, «Ж» — 15%.

9. **Изображение будущего, его структуры, социальных проблем будущего:** «Ш» — 30%, «С» — 38%, «И» — 41%, «Л» — 53%, «Ж» — 54%.

ВОПРОС ПЯТЫЙ: «Чего, по Вашему мнению, недостает современной фантастике?»

1. **Принципиально новых фантастических идей:** «Ш» — 35%, «С» — 48%, «И» — 38%, «Л» — 39%, «Ж» — 30%.

2. **Предвидения будущих научных проблем:** «Ш» — 15%, «С» — 23%, «И» — 27%, «Л» — 16%, «Ж» — 15%.

3. **Предвидения социальных последствий развития науки:** «Ш» — 9%, «С» — 30%, «И» — 40%, «Л» — 36%, «Ж» —42%.

4. **Художественной убедительности в изображении мира науки:** «Ш» — 19%, «С» — 44%, «И» — 41%, «Л» — 19%, «Ж» — 27%.

5. **Просто приключений:** «Ш» — 26%, «С» — 11%, «И» — 10%, «Л» — 19%, «Ж» — 27%.

6. **Ярких характеров:** «Ш» — 23%, «С» — 43%, «И» — 34%, «Л» — 56%, «Ж» — 58%.

7. **Смелости в постановке общественных проблем:** «Ш» — 14%, «С» — 42%, «И» — 58%, «Л» — 72%, «Ж» — 70%.

8. **Социальной сатиры:** «Ш» — 23%, «С» — 31%, «И» — 37%, «Л» — 25%, «Ж» — 36%.

9. **Умения показать будущего человека, его новые качества:** «Ш» — 20%, «С» — 29%, «И» — 24%, «Л» — 42%, «Ж» — 36%.

ВОПРОС ШЕСТОЙ: «Одобряете ли Вы идею создания ежемесячного журнала научной фантастики?»

Да: «Ш» — 85%, «С» — 84%, «И» — 80%, «Л» — 81%, «Ж» — 85%.

Нет: «Ш» — 0%, «С» — 4%, «И» — 5%, «Л» — 6%, «Ж» — 6%.

Безразлично: «Ш» — 15%, «С» — 12%, «И» — 15%, «Л» — 13%, «Ж» — 9%.

ВОПРОС СЕДЬМОЙ: «Кто Ваши любимые писатели-фантасты?» (Для каждой группы называются авторы, набравшие наибольшее число голосов, дается процент читателей, высказавшихся в их пользу.)

Группа «Ш»:		Группа «И»		Группа «С»	
Лем	32	Лем	66	Лем	65
Беляев	29	Стругацкие	50	Стругацкие	62
Ефремов	27	Брэдбери	45	Брэдбери	52
Стругацкие	25	Ефремов	31	Азимов	25
Мартынов	18	Азимов	30	Ефремов	22
Уэллс	13	Шекли	12	Шекли	20
Казанцев	12	Кларк	9	Варшавский	9
Азимов	11	Варшавский	6	Кларк	9
Шекли	10	Уэллс	5	Саймак	6
Кларк	7	Жюль Верн	5	Беляев	5

Группа «Л»		Группа «Ж»	
Брэдбери	47	Брэдбери	72
Стругацкие	45	Стругацкие	55
Лем	44	Лем	48
Уэллс	33	Азимов	36
Азимов	28	Ефремов	33
Ефремов	28	Шекли	27
Шекли	28	Уэллс	15

* * *

Итак, Коэффициент Читательского Восприятия (КЧВ)...

Составители анкеты использовали такую формулу для вычисления коэффициента читательского восприятия:

$$\text{КЧВ} = 100\frac{a + в - c}{2a};$$

а — число всех читавших книгу,
в — число тех, кому она особенно понравилась,
с — число тех, кому она особенно не понравилась.

Дробь умножена на 100, в знаменателе число всех читавших удвоено, чтобы получить результат в целых положительных числах, меньших ста. (Если КЧВ больше 50 — это значит, что положительных отзывов больше, чем отрицательных.)

Перед Вами сводная таблица КЧВ, вычисленных по всем анкетам бакинского и московского опросов (в отдельности), а также средние цифры по обоим опросам.

Сводная таблица КЧВ

АВТОР И КНИГА	Баку (700 анк.)	Москва (700 анк.)	Средние (1400 анк.)
1. А. и Б. Стругацкие, Трудно быть богом	78	85	81
2. А. и Б. Стругацкие, Понедельник начинается в субботу	74	85	80
3. Р. Брэдбери, Марсианские хроники	74	81	78
4. С. Лем, Солярис	74	80	78
5. С. Лем, Непобедимый	—	78	78
6. А. и Б. Стругацкие, Далекая Радуга	—	76	76
7. Р. Шекли, Рассказы	75	75	75
8. А. Азимов, Я, робот	75	74	74
9. С. Лем, Возвращение со звезд	71	77	74
10. А. и Б. Стругацкие, Хищные вещи века	69	77	73

АВТОР И КНИГА	Баку (700 анк.)	Москва (700 анк.)	Среднне (1400 анк.)
11. И. Ефремов, Туманиость Андромеды	74	64	69
12. И. Ефремов, Лезвие бритвы	70	58	64
13. Ф. Хойл, Чериое облако	66	58	62
14. И. Варшавский, Рассказы	60	62	61
15. А. Кларк, Луииая пыль	62	56	59
16. Абэ Кобо, 4-й ледниковый период	56	55	56
17. О. Лариоиова, Леопард с вершины Кнлнманджаро	55	55	55
18. А. Кларк, Бездиа	—	55	55
19. Ч. Оливер, Ветер времени	—	53	53
20. Ю. Шпаков, Один процент риска	56	46	50
21. А. Диепров, Рассказы	51	49	50
22. Пол и Корнблат, Операция «Веиера»	—	50	50
23. С. Гансовский, Шесть геннев	51	48	49
24. Ф. Карсак, Робинзоиы космоса	51	44	48
25. П. Аматуии, Парадокс Глебова	50	43	48
26. А. Шалимов, Когда молчат экраиы	50	40	46
27. А. Громова, В круге света	44	46	45
28. Н. Яковлев, Долгие сумерки Марса	44	46	45
29. Г. Мартыиов, Гианэя	43	46	44
30. А. Казанцев, Пылающнй остров	46	38	42
31. М. Емцев, Е. Париов, Душа мира	4С	43	42
32. Л. Обухова, Лнлнт	40	40	40
33. М. Емцев, Е. Парнов, Зеленая креветка	36	41	38
34. Г. Гуревич, Мы — из солнечной системы	40	34	37
35. Г. Гор, Докучливый собеседиик	34	39	36
36. К. Заидиер, Сигнал нз космоса	38	34	36
37. А. Казаицев, Льды возвращаются	38	31	35
38. Ф. Кащшаи, Телечеловек	38	26	33
39. Н. Томаи, Неизвестная земля	27	35	30
40. В. Немцов, Альтаир	26	24	25
41. В. Немцов, Последний полустанок	24	23	24

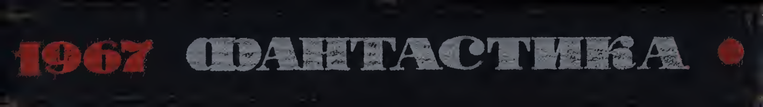
Содержание

ФАНТАСТИКА, 1967. Вып. 1-й. М., «Молодая гвардия», 1968. 416 стр. (Фантастика, Приключения, Путешествия) Р2

Редактор Г. Еремин
Художник А. Гангалюка
Художественный редактор А. Степанова
Технический редактор И. Егорова

Сдано в набор 26/IX 1967 г. Подписано к печати. 6/III 1968 г. А04147. Формат $60 \times 84^1/_{16}$. Бумага типографская № 2. Печ. л. 26 (усл. 24,18). Уч.-изд. л. 23,7. Тираж 100 000 экз. Цена 85 коп., Т. П. 1967г., № 235. Зак. 1749.
Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

85 коп.
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1967 ФАНТАСТИКА